НЁМАН

11/2011
НОЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий ПЕЛЮШОНОК. Струны для битл-баса. *Фрагменты из книги* 3
Светлана ЧИЖОВА. Свет и отрада. *Стихи* 43
Наталья ГОЛУБЕВА. А на земле сегодня снова снег идет... *Рассказ* 45
Татьяна СИВЕЦ. Колючее счастье. *Стихи.*
Перевод с белорусского Г. Бартоша и автора 54
Казимир КАМЕЙША. Между устами и чашей. *Лирические миниатюры.*
Перевод с белорусского О. Ждана 58
Андрей СКОРИНКИН. Душа болит не для наживы... *Стихи* 104
Николай МАЛИШЕВСКИЙ. На восток! *Отрывок из книги* 108

«Всемирная литература» в «Нёмане»
Герман ГЕССЕ. Притчи. Перевод с немецкого В. Куприянова 161
Михал БУКОВСКИЙ. От вдохновения до правды. *Стихи.*
Перевод с польского Е. Полянской 174

Личность
Владимир Грозов: «Нужны духовные традиции...»
Беседовала Т. Куварина 178

Время. Жизнь. Литература
Вероника КАРЛЮКЕВИЧ. «Мечта моя — побывать в Китае...»: по страницам Собрания сочинений Максима Танка 189
Валентина ЛОКУН. Лестница, ведущая в духовную пропасть 194

С точки зрения рецензента
Иван ШТЕЙНЕР. Вольные рассуждения по поводу выхода сборника А. Рязанова «З Вяліміра Хлебнікава» 203
Василь ТКАЧЕВ. Возвращение 212

Книжное обозрение

Василь СЛУЦКИЙ. Новые книги 216

Из почты журнала

Наталья РОДНАЯ. Исцеление любовью 219

Авторы номера 224

Редакционно-издательское учреждение
«Литература и Искусство»

Первый заместитель директора — главный редактор
Алесь Николаевич БАДАК

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я

Раиса Боровикова, Вадим Гигин, Наталья Голубева,
Олег Ждан (редактор отдела прозы), Алесь Карлюкевич,
Тамара Краснова-Гусаченко, Павел Латушко, Валентин Лукша,
Владимир Макаров, Роман Матульский, Александр Коваленя,
Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, Елена Попова, Олег Пролесковский,
Алесь Савицкий, Юрий Сапожков (редактор отдела поэзии),
Анатолий Сульянов, Алексей Черота (заместитель главного редактора),
Николай Чергинец

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Е. Н. Макаренко*
Стильредактор *Н. А. Пархимович*
Набор *Е. Г. Малей*

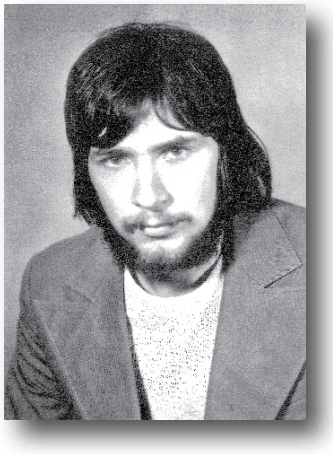
Подписано к печати. 08.11.2011 г. Формат 70 ×108 1/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,18. Тираж 3230. Заказ 3060.
Цена номера в розницу 12 500 руб.
Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220005, Минск, пр. Независимости, 39.
Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора — 284-85-25; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

© «Нёман», 2011, № 11, 1—224

Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Литература и Искусство»



ЮРИЙ ПЕЛЮШОНОК

*Струны для битл-баса**

Фрагменты из книги

Нил Аспиналл, президент «Битлз»-фирмы «Apple», как-то сказал, что «Битлз» о себе читать не любят, и тем не менее он выслал им по экземпляру «Strings For a Beatle Bass». Хочется верить, что все же они прочли ее.

Один день «битломании»

Не было дня, который можно считать началом «битломании», но был такой день, когда стало ясно, что она началась.

Проснувшись как-то утром, я обнаружил рядом с кроватью записку, которую оставила мама, уходя на работу: «Подстригись, хуже Битла уже стал».

Сверху доносились упругие звуки «Taxman» первой песни из альбома «Битлз» «Revolver». Это соседке Маринке, живущей этажом выше, родители купили магнитофон. Все еще лежа в постели, я ударил пяткой по трубе батареи. Условный сигнал сработал, музыка стала громче.

Приятно с утра, вот так запросто, слушать «Битлз». Жить стало веселее.

Вчера я пришел домой поздно. Весь вечер мы с приятелем печатали фотографии. Сидели в ванной комнате: проявляли, закрепляли, и снова в фокусе увеличителя Джон, Пол, Джордж и Ринго появлялись негативами на фотобумаге. Они были в мундирах прошлого века, с эполетами. И хотя наша пленка была переснята с других фотографий, получалось неплохо. Во всяком случае, можно было различить, кто есть кто. Всего мы напечатали тридцать штук, по штуке каждому в нашем классе. Денег мы на этом не делали, просто раздавали фотографии всем, кто просил, но зато если кто-нибудь другой приносил фотографии, то делился с нами.

Дослушав альбом до песни «I'm Only Sleeping» я встал с кровати, пора было собираться в школу.

У подъезда встретил соседа, возле его ног вертелся щенок фокстерьера. Сосед приобрел его через клуб собаководов и очень гордился фокстерьеровой родословной, у которого вся родня с головы до хвоста была исключительно жесткошерстной. Щенок был похож на клок колючей проволоки. Он еще неуверенно держался на ногах, но пытался лаять.

— Как назвали песика? — спросил я.

— Ринго, — ответил сосед.

В школе еще до начала уроков фотографии разошлись по рукам. На первой перемене меня возле доски остановил Китаев, парень туповатый, но жадный, что компенсировало первое. Уплетая булку, из которой на пол капало

* Журнальный вариант.

варенье, он спросил, нет ли у меня лишних «Битлов». «На этом можно сделать хороший навар, — почесал он булкой затылок и с видом знатока добавил: — «Битлы» сейчас в Индии, дают концерт, все деньги от которого, сто миллионов, пойдут в фонд Бунгало Дэшь».

Должен заметить, что в то время мы очень, как бы это сказать, ревниво относились к «Битлз», и если кто говорил о них чушь, это вызывало раздражение, а если чушь нес тот, кто нам неприятен, раздражение усиливалось.

— Не Бунгало, а «Бангла Дэш», — сказал я. — И вообще, что ты, валенок, понимаешь в «Битлз»!? Ты же Джона Леннона не узнаешь, если он без очков!

Китаев хихикнул. Откусил булку и пробубнил, что узнает, что рядом с Ленноном всегда Йока. Меня это хихиканье разозлило, и я неожиданно для себя ляпнул полнейшую глупость: «Чтоб ты знал, Харрисон и Ринго Старр остановились в моей квартире по дороге из Индии».

— Врешь! — поперхнулся Китаев.

— А откуда же, по-твоему, у меня фотки? — прищурил я глаз.

— И что они делают? — раскрыл он рот.

— На гитарах играют, — ответил я и вышел из класса.

На следующем уроке нам представили двух студентов, которые должны были проходить в нашем классе учительскую практику. Один практикант остался возле доски, другой сел рядом со мной на свободное место. Начался урок, я раскрыл учебник и стал рассматривать лежащую там между страницами фотографию. «Можно взглянуть?» Я вздрогнул от неожиданности. Практикант смотрел через мое плечо в учебник. Протянув ему фотографию, я шепотом пояснил, что это «Битлз». «Знаю», — ответил практикант. Откуда этот институтский очкарик знает, кто такие «Битлз»? Слышал, наверное, как и все, это слово, но сам не отличит Ринго от Пола. «Это Ринго Старр», — ткнул я пальцем в один из силуэтов на фото.

— А как будет полное имя Ринго Старра? — вдруг спросил практикант.

От такого вопроса я растерялся.

— Ричард Старки, — ответил он и задал новый вопрос:

— Как назывался первый альбом «Битлз»?

— Не знаю, — прошептал я, уже с интересом глядя на практиканта.

— «The First», — сказал он.

Спустя минуту я уже лихорадочно записывал названия альбомов, которые он шепотом, чтобы не мешать уроку, диктовал мне.

«Нет, что-то происходит, определенно что-то происходит в нашей стране, — думал я, — если уже учитель диктует ученику очередность «Битлз»-альбомов».

В тот день мы организованно прогуляли последний урок, ушли почти всем классом на фильм «Спорт, спорт, спорт». Затаив дыхание, смотрели на экран в ожидании момента, когда появятся «Битлз». А «Битлз» должны были, судя по слухам, появиться после реплики главного героя: «Был я как-то в одной капиталистической стране...» После этого при показе документальных кадров отрывком в одну секунду должны были промелькнуть «Битлз». Так, во всяком случае, говорили те, кто уже видел эту картину.

Мы посмотрели весь фильм, стараясь не моргать. Реплика главного героя была, документальные кадры были, но «Битлз» почему-то не было. Все решили, что их вырезали. «Опоздали. Нужно было раньше идти», — слышались недовольные голоса учеников, выходивших из кинотеатра. В унылом настроении все разбредались по домам.

Мой путь лежал через парикмахерскую, и поэтому настроение было вдвойне тяжелым. Завязывая простынь вокруг моей шеи, парикмахерша, клацнула возле уха ножницами и спросила:

— Тебе стрижку под «Битлз»?

— У меня и так под «Битлз», — буркнул я.

Дивясь моему невежеству, парикмахерша пояснила, что «Битлз» — это когда «ушки открыты, а челка на лбу».

Придя домой и стараясь не смотреть на себя в зеркало, я сел за уроки.

Было уже довольно поздно, когда в прихожей раздался звонок.

— Это к тебе, — услышал я мамин голос.

Я вышел в коридор. На пороге стоял Китаев, за ним двое незнакомых парней.

— Ну, где они? — спросил Китаев.

— Кто? — не понял я.

— Джордж и Ринго, — уточнил из-за спины Китаева один из парней.

— А-а, уехали, — махнул я рукой.

— Гитары хоть оставили? — спросил Китаев.

— Забрали, — сказал я и закрыл дверь.

Вернувшись в комнату, я снова сел за письменный стол, но смотреть в учебник уже не мог. «Нет, что-то происходит, — уже который раз за этот день подумал я. — Ну ладно Китаев поверил, ему простительно, он дятел редкий, но вместе с ним пришли вроде бы неглупые парни. Что они, готовы верить в любую сказку? И тут я вспомнил про кино и понял, что сам поверил, будто в фильме, ради которого мы сегодня прогуляли урок, нам покажут «Битлз».

И все-таки что-то странное происходит вокруг, если щенка называют Ринго, а в парикмахерской слово «Битлз» является неофициальным синонимом модельной стижки, если порядок выпуска их альбомов можно узнать уже от учителя в школе, а в каждой сотне слов, сказанных моими сверстниками, как минимум раз звучит слово «Битлз».

На Западе такую ситуацию официально называли «битломания». У нас об этом было принято молчать.

* * *

Много лет спустя на «Битлз»-конвенции в Оттаве ко мне подойдет молоденькая журналистка и, задав вопрос о «Битлз» в СССР, сама же ответит: «Вы их любили, потому что запретный плод сладок». Можно и так сказать. Я, в свою очередь, спрошу ее: «А вы знаете, как сделать звукосниматель из телефонной трубки? Или как использовать струны от пианино для бас-гитары? Или снять громкоговоритель перед праздниками со столба и вставить в басовую колонку?» Это будет для нее шоком. На следующий день в столичной газете появится моя фотография с надписью: «Будучи подростком, он похищал струны из пианино и ставил их на бас-гитары».

Эта притягательная сила электрогитары

В середине учебного года в нашем классе появился новый ученик. Он приехал с родителями из какой-то братской страны, где служил его отец. Учительница привела новичка в класс и представила. Обратившись к нему, добавила, что здесь не заграница и что ему придется подстричься. Высокий длинноволосый парень, смущаясь, стоял возле доски.

На перемене мы подошли к нему. Спросив для начала: «Что нового за бугром?», мы через минуту говорили уже о «Битлз». Это естественно, ведь

он приехал из-за границы. Тут же выяснилось, что Кузя, так мы для удобства сократили его фамилию, даже видел фильм «Help». За время перемены, рассказав нам пару эпизодов из фильма, он моментально заслужил расположение ребят нашего класса. На следующей перемене, по дороге в школьный буфет, куда я вызвался его проводить, выяснилось, что у него дома есть электрогитара. Настоящая электрогитара! Это уже из области фантастики!

После уроков мы, человек пять, отправились к Кузе в гости. Родителей дома не было. В Кузиной комнате впритирку стояли: шкаф, письменный стол, тахта и стационарный магнитофон «Днипро» на ножках. Над магнитофоном в рамке висело фото Ринго Старра с голубем в руке. Кузя включил магнитофон и, покопавшись у задней стенки, подсоединил туда шнур. Затем достал из-за шкафа серый футляр. Мы заняли места в ожидании представления. Было тесно, кто-то сидел на тахте, а кто прямо на полу. Кузя щелкнул замками футляра. Крышка открылась, и перед нами, в бархатном ложе предстала в блеске полированного дерева и никелированного металла — электрогитара. Это был «Орфей» — болгарского производства, полуакустик, с тремя звукоснимателями и огромным хромированным вибратором. Мы таких гитар даже по телевизору не видели. Кузя вставил шнур в гитару и тронул струну. Чистый и мощный звук вырвался из динамика. Все заулыбались. «Чего сыграть?» — спросил он, подтягивая колок. Все молчали, потрясенные уже одним видом гитары, не говоря уже о звуке. Тогда он, пощипывая третью струну и вторя ей двумя нижними, постепенно поднимаясь левой рукой вверх по грифу, заиграл вступление песни «Mishelle». У меня захватило дух от такого мастерства. Даже школьная «бит-группа», состоявшая из старшеклассников, так бы не смогла. В сравнении с ними Кузя был маэстро.

Находясь под впечатлением, которое произвела на меня Кузина электрогитара, я не спал всю ночь. Возрастная болезнь почти всех советских подростков, «гитарная лихорадка», настигла, наконец, и меня. Раньше я не обращал внимания на ребят, которые носились с проектами собственных электрогитар, что-то выпиливали, шлифовали, красили, искали подходящие буковые бруски для грифа и слоеную фанеру для корпуса, магниты для звукоснимателей и хромированный металл для струнодержателей. Теперь, ворочаясь в постели, я сам думал, из чего сделать гитару. После того как Кузя сыграл нам пару песен, мы еще долго просидели у него и, уже прощаясь, решили создать свой ансамбль. Кто-то вызвался быть ударником, у кого-то была уже акустическая гитара. Но чтобы группа нормально звучала, нам нужна была как минимум еще одна электрогитара. Я тут же вызвался ее сделать. То, что я никогда прежде гитар не мастерил, меня не смущало. Кузя пообещал помочь.

Уже на следующий день я нашел отличный материал для корпуса. Это была крышка старого кухонного стола, которая несколько лет без дела, как мне казалось, валялась в подвале дома. Над формой корпуса я долго не думал и взял за образец Кузину гитару, обрисовав ее карандашом на доске. Затем потратил целый день на выпиливание корпуса лобзиком и еще пару дней шлифовал то, что получилось, наждаком. Корпус вышел отличный, хотя несколько тяжеловатый. Теперь нужно было найти хороший и прочный буковый брусок для грифа. Недалеко от школы, вдоль железнодорожного полотна, ведущего на мебельную фабрику, валялись доски. В поисках подходящего бруска мы с Кузей ходили туда каждый день как на работу. День за днем, как только заканчивались занятия, мы шли прочесывать железнодорожную колею, но нужный брусок нам все не попадался. Почему необходим был именно буковый брусок, мы не знали, но из него, по советам «старых мастеров», лучше всего делать гриф. Технология его изготовления была следующей: брусок нужно отшли-

фовать, придав ему полукруглую форму, затем продолбить сверху по всей его длине канавку и положить в нее стальной стержень. Передняя поверхность грифа, там, где располагаются лады, делалась отдельно, из специальной чертежной линейки — рейсшины. Ее укладывали сверху, закрывая канавку со стальным стержнем. Лады вставлялись в рейсшину по специальной разметке. Математически точную разметку знали тогда в каждой школе. Любой больной гитарами старшеклассник мог сообщить вам разметку для ладов на грифе ритм- или бас-гитары. Сами же лады делались из латунной проволоки. Такая проволока имелась на соседнем военном заводе. Но это не было проблемой, рабочие за бутылку водки выносили ее километрами. Заднюю «кобылку» и струнодержатель с вибратором каждый уже проектировал по своему собственному вкусу. Смастерить вибратор из металла можно было в школьной слесарной мастерской во время уроков труда. Но так как изготовление частей для электрогитар в школах не приветствовалось, приходилось маскировать свое творение и представлять его учителю под каким-нибудь легальным названием.

Широко распространенным названием для струнодержателя с пружинным вибратором было: «Подставка для паяльника».

Я сделал свою «подставку для паяльника» по образцу той, что была на Кузиной гитаре. Трудовик при подведении итогов урока, долго рассматривая мою «подставку», все никак не мог понять, куда же, собственно говоря, вставлять паяльник. Но выслушав мои сбивчивые объяснения и принимая во внимание объем проделанной работы, он, после некоторого колебания, поставил мне «отлично». Это была моя первая отличная оценка по труду.

Имея таблицу разметки ладов, я вскоре закончил переднюю часть грифа. Оставалось только найти буковый брусок, и гриф можно было считать законченным. Снова и снова мы с Кузей прочесывали железнодорожную колею возле мебельной фабрики. Из проходящих вагонов на поворотах часто выпадали доски, буковых среди них было мало. К тому же нельзя сбрасывать со счета конкурентов, которые также делали электрогитары и рыскали в тех же местах, что и мы.

Однажды, после особенно долгих поисков я простудился и вынужден был несколько дней сидеть дома. Кузя продолжал поиски один. И вот он принес мне под окно брусок красно-бурого дерева, одного взгляда на который было достаточно, чтобы понять, что это — гриф. Необходимо было срочно бежать в школьную столярную мастерскую, чтобы шлифовать брусок под видом «ручки от лопаты». О том, чтобы выйти на улицу, не могло быть и речи. Уходя на работу, мать закрыла дверь и унесла ключ с собой. В двух словах я объяснил ему, что нужно делать. Он сбегал в ближайший хозяйственный магазин и купил заготовку для ключа, которую передал соседке Маринке, которая жила этажом выше, а та уже на веревочке спустила ее мне на балкон. Я включил газовую плиту, поджег старую резиновую подошву и некоторое время подержал заготовку над копотью. Затем вставил ее в замочную скважину и пошевелил. Оставалось только сточить надфилем те места, где копоть сошла. Через пять минут ключ был готов. И мы помчались в школьную столярную мастерскую.

Гриф получился, как фирменный, мне даже предлагали в обмен за него настоящий, от семиструнной гитары. А после того, как я поставил на головке грифа колки от мандолины, ему вообще не стало цены. Колки для гитары в магазинах не продавались, поэтому приходилось использовать любые другие. Они были непрочные и для того, чтобы они могли выдержать натяжение гитарной струны, нужно было расположить их так, чтобы струна не оттягивала, а прижимала штырь колка к зубчатому колесику механизма.

Но самое главное, в магазинах не продавались звукосниматели. Иногда там появлялись белые продолговатые коробочки, но звук они снимали плохо, да и выглядели страшно. Звукач, если ты хочешь, чтобы он нормально работал, должен быть или фирменный, или самопальный. Но чтобы самому его сделать, нужно иметь специальное оборудование. Звукосниматели были для всех, кто делал электрогитары, проблемой номер один. Сотни самодельных электрогитар молчали в ожидании звукоснимателей. И вдруг, как бы прочтя мысли миллионов советских подростков, всесоюзный журнал «Юный техник» опубликовал статью под названием: «Как сделать электрогитару». В разделе «звукосниматель» черным по белому было написано: «Принцип устройства звукоснимателя тот же, что и у телефонной трубки...» Коротко и ясно. Во всем городе в одну ночь из всех трубок телефонов-автоматов исчезли мембраны и магнитные катушки, а кое-где поуносили трубки, но это те, кто невнимательно прочел журнал.

Когда мы с Кузей решились «пойти на дело», было уже поздно. Мы переходили от одной телефонной будки к другой, но не смогли найти целой трубки. Надежда сделать звукосниматель таяла с каждой пустой трубкой, попадавшейся на нашем пути. Судя по схеме, приведенной в журнале «Юный техник», для изготовления одного звукоснимателя нужно было выпотрошить как минимум три трубки. «В каждой трубке — две катушки. Для каждой струны нужна отдельная катушка. А так как струн на гитаре шесть, то и катушек требуется шесть», — щедро делился расчетами «Юный техник».

Мы подошли к проблеме с другого конца и вместо того, чтобы бродить в поисках трубок, решили сделать засаду на нашей улице и ждать, когда на ней появятся ремонтники из телефонной станции. Чтобы ускорить процесс, мы, подражая возмущенным голосам взрослых, звонили на станцию: «Когда, наконец, отремонтируют телефоны на нашей улице? Надоело ждать!» Но буквально через несколько минут после ремонта во всем районе опять нельзя было найти ни одной целой трубки. Их прямо из-под нашего носа уносили конкуренты.

«Мерзавцы! — возмущались мы. — А если человеку нужно срочно вызвать «скорую»?»

Как бы отвечая на наш вопрос, над телефоном гвоздем было нацарапано: «Говори туда, откуда слышишь».

Проблему звукоснимателя неожиданно решил Кузин папа. Он принес со службы старую, списанную, армейского образца телефонную трубку. Тяжелая, камуфляжного цвета трубка, казалось, была сделана из цельного куска железа и рассчитана на внезапное ядерное нападение. Но самое интересное, что под мембраной у нее были не две, а четыре катушки. Этого было достаточно для того, чтобы сделать звукосниматель для бас-гитары. Это и определило мою дальнейшую специализацию. Пришлось стать бас-гитаристом. Я утешал себя, что на басу проще выучиться, струн меньше, но главное, бас — это основа любой бит-группы.

Сделать гитару полбеды, нужен был еще усилитель и динамики. Если включить в советский десятиваттный усилитель «Электрон» сразу три электрогитары, то эффект «distortion» был единственным звуком, который такой усилитель издавал. Это было совсем не похоже на чистый звук гитар «Битлз». Чтобы добиться похожего плюс мощного звука, все, кто играл на гитарах, стали делать собственные усилители. Это были ламповые монстры различных форм, иногда даже с вмонтированными в корпус вентиляторами для охлаждения. Названия на них были написаны в соответствии с воображением их создателей, часто по-английски, иногда можно было прочесть

даже «Vox» на передней панели. Мощность самодельных усилителей намного превышала мощность колонок. Слабые динамики в колонках часто выходили из строя. Необходимы были специальные динамики. Самыми подходящими считались 2А-11 , 2А-9 и 4А-32. Еще динамики имелись в кинаповской аппаратуре. Тот, кто смотрел кино в пионерском лагере или в сельском клубе, помнит звук кинаповских колонок. Мощные динамики также по праздникам развешивались вдоль главных улиц, когда со всех столбов разносились оглушительные марши и поздравления правительства. Эти «праздничные» динамики были для нас подарком судьбы. Участковый милиционер нашего района называл «Битлз» самой успешной идеологической диверсией Запада. А как еще, к примеру, мог участковый объяснить своему начальству исчезновение всех динамиков, специально развешанных на столбах вдоль улицы за день до праздника? Но нам, с другой стороны, что прикажете делать? В то время в магазинах можно было купить лишь маломощные четырехваттники. Не знаю, были ли динамики дефицитом, или это была специальная политика, при которой никто не мог позволить себе звучать громче, чем официальная пропаганда? Во всяком случае, динамики мощностью более четырех ватт народу были не положены. Но может ли бас-гитара быть слышна, пусть даже из дюжины четырехваттных динамиков? Может ли соло-гитара издать хоть один приличный звук при помощи четырехваттных динамиков? И в конце концов, можно ли разобрать слова, если голос звучит из четырехваттных динамиков? Ответив на эти вопросы, вы поймете, перед какими проблемами стояли все, кто играл на электрогитарах в то время.

Сонеты Шекспира

Учительница английского языка считала меня безнадежным. Но, «поставив на мне крест», она никак не могла привыкнуть к моим знаниям, вернее, незнаниям. Всякий раз после моего ответа она, чтобы успокоить нервы, ставила мне «двойку» в журнал. Но в журнале можно было поставить только одну «двойку» за урок, в соответствующей клеточке. А как быть, если я два-три раза лепил невпопад? Она быстро нашла выход и стала делить журнальную клеточку на четыре части. Теперь каждый раз, говоря мне: «Садись, два!» — учительница могла подойти к столу и поставить «двойку». Это действовало на нее как валерьяновые капли, это была эмоциональная разрядка, необходимая ей, чтобы продолжать урок. Я все понимал, не протестовал и не выпендривался. Где-то в глубине души был даже благодарен ей за то, что она никогда не вызывает мою мать в школу, а все решает на месте, не вынося, как говорится, сор из избы.

Другие ученики знали английский не лучше меня, но по количеству «двоек» на журнальную клеточку я все же был лидером. Не могу себе объяснить, почему мы не учили английский в школе? Видимо, сказывалась тогдашняя атмосфера преподавания. Нас учили знать язык наших потенциальных врагов — «капиталистических хищников», нахально присвоивших себе язык великого Шекспира.

Преподавание велось раз в неделю по два часа методом «глубокого погружения». «Погрузившись» всем классом, мы два часа не «всплывали» и чувствовали себя как в подводной лодке на вражеской территории.

Я отделял язык «Битлз» от того, которому нас учили в классе, и полностью игнорировал школьную программу. Из школьного учебника я не мог запомнить ни строчки, но зато был в состоянии за час выучить слова песни

«Битлз». Первой песней, которую я запомнил наизусть, была «Girl». Оригинальный текст «Girl» напечатали как-то в одном из польских молодежных журналов. Журнал этот дал мне Кузя. Кстати, Кузя успевал по английскому не лучше меня. И хотя учительница не делила его клеточку в журнале на четыре части, ему тоже грозила «двойка» в четверти. Вообще, «двойка» в четверти по английскому грозила многим и редкостью не считалась. Но даже среди двоечников были свои чемпионы. Я стоял на первом месте, Кузя — на втором.

Справедливости ради следует сказать, что в нашем классе собрались не только безнадеги, попадались среди нас и отличники. Например, зубрилка Просвирлина, которая еще в сентябре заучивала наизусть весь учебник. На нас с Кузей она даже при своем малом росте ухитрялась смотреть свысока. Обращаясь к нам, она обычно говорила в нос, растягивая слова: «Не понимаю, как это вы можете любить «Битлз», не зная их языка?» Особенно раздражала нас ее манера произносить фамилию Маккартни с ударением на первом слоге. По-русски Маккартни пишется через «а» после «м», поэтому, записав английскими буквами русский перевод этой фамилии, она ставила ударение на первую гласную. На наши возражения она с иронией в голосе отвечала, что если бы мы учили английский как следует, то знали бы, что все английские фамилии произносятся с ударением на первом слоге. Я тогда не знал, что это шотландская фамилия, и не мог ей достойным образом ответить, а только ограничивался репликой: Маккартни — исключение из правил.

Подходило к концу первое учебное полугодие. Как-то нам задали выучить любое на выбор английское стихотворение из тех, что были напечатаны в конце учебника. Всю неделю мы с Кузей репетировали на гитарах танцевальную программу для новогоднего вечера. Помимо песен «Girl» и «Birthday», мы раздобыли ноты со словами: «Can`t buy me love». Все это богатство было напечатанно в польских журналах. Понятно, что за учебник английского мы не садились.

Через неделю на уроке первым к доске вызвали меня. Минуты не прошло, как я уже возвращался к своей парте, а учительница дрожащей от гнева рукой делила журнальную клеточку против моей фамилии на четыре части. Следующим к доске вызвали Кузю. Он встал, уверенно преодолел расстояние от нашей парты до учительского стола и, обратившись к учительнице, сказал, что выучил другое стихотворение, более сложное, чем предлагалось в учебнике. Такого от Кузи никто не ожидал. Учительница посмотрела на него, как корова на дирижабль. Затем, очнувшись, попросила его отвечать. Кузя повернулся лицом к классу и начал: «I`ll buy you a diamond ring, my friend, if it makes you feel all right...»

Я открыл рот. Кузя наглым образом пересказывал слова песни «Can`t buy me love». Без запинки он читал наизусть куплет за куплетом, только во время припева его слегка сбивало и тянуло петь слова, а не говорить. Получалось нечто похожее на древнюю сагу, которую он исполнял в старинной манере нараспев.

«Can`t buy me lo-o-ve», — завывал Кузя, будучи не в силах подавить ритм. Наконец он поднял руку вверх и закончил свою «сагу» трехкратным: «No! No! No!»

Учительница даже привстала из стола.

— Молодец! Вот, можешь же!

Она взяла ручку и совсем уже собиралась поставить Кузе в кои-то веки что-то приличное, как вдруг остановилась. «А кто автор этого произведения?» — посмотрела она на него.

— Это стихотворение написал Уильям Шекспир, — не моргнув ответил Кузя.

У меня челюсть отвисла до парты. Сейчас его разоблачат. Бедный Кузя... Но учительница только снисходительно улыбнулась. «Великий Шекспир писал не стихотворения, а сонеты, — поправила она Кузю. — Только что вы услышали один из них», — обратилась она к классу. Кузя наклонил голову в знак согласия и незаметно мне подмигнул. «Сонетов у Шекспира было много, — продолжала учительница, — и каждый сонет имеет свой номер. Таким образом, это сонет Шекспира номер?» — учительница вопросительно посмотрела на Кузю.

— Номер сто тридцать два, — не задумываясь, ответил он.

Я сидел с раскрытым ртом, до меня с трудом доходил смысл того, что происходило возле учительского стола. Оказывается, мы с Кузей отличники. Я об этом даже и не догадывался. Кто бы мог подумать. И как бы в подтверждение моих мыслей, учительница наклонилась к журналу и твердой рукой поставила напротив Кузиной фамилии — «пять» с плюсом.

Да простит меня великий Шекспир, но я больше не мог сидеть на месте. Вскочив из-за парты, я заорал на весь класс:

«Is there anybody going to listen to my story?» — выпалил я на одном дыхании первый куплет песни «Girl».

Проблема с английским языком была решена. Вскоре мы с Кузей слыли уже в школе поэтическими натурами, любителями Шекспира. Кузя доставал все новые и новые польские молодежные журналы с текстами песен «Битлз», так что недостатка в «сонетах» у нас не было. Особенно хорошо звучали слова песни «And I Love Her». За этот «сонет» я ухитрился получить сразу две «пятерки» с интервалом в месяц. Учительница наша была в предпенсионном возрасте и не могла уже упомнить всех «сонетов». Иногда она спрашивала, где и как мы отыскиваем эти никому не известные произведения. Мы давали уклончивые ответы, ссылаясь на то, что наследие Шекспира велико и таит много нераскрытого. В некоторых «сонетах», чтобы они соответствовали той эпохе, мы слегка меняли слова. Так, нам пришлось малек потрудиться над песней «Drive my car». В результате получился «Сонет» о тяжкой жизни молодого извозчика: «Baby, the driver of the cart».

Припев, соответственно, был изменен на: «Giddy up! Giddy up! Yeah!»

Со временем мы очень поднаторели в адаптации песен «Битлз» к эпохе Шекспира. Обманывали ли мы свою учительницу? Думаю, что нет. По крайней мере, все это делалось на языке Великого Барда.

Струны для битл-баса

Мы с Кузей проводили все свободное время, играя на гитарах. Репетировали у меня дома, благо он стоял рядом со школой и можно было всегда смыться с урока, поиграть и вернуться к следующему занятию. Кузя играл на шестиструнной гитаре, я вторил ему на четырех струнах своего самодельного битл-баса. После того как выяснилось, что катушек в телефонной трубке хватает только на звукосниматель для четырех струн, я переделал корпус своей гитары под битл-бас. Новая форма в виде скрипки была копией инструмента, на котором играл Пол Маккартни. Скрипка считалась наиболее приемлемой формой для бас-гитары. Корпус ее делался путем послойного выпиливания, и склеивания боковой части, которая затем соединялась с передней и задней стенками. Получался полуакустик. Чертежи этой гитары имелись почти у каждого школьника. Их переписывали друг у друга на уроках. Но если битл-бас можно было сделать сравнительно легко, то достать к нему струны практически невозможно. В музыкальных магазинах струны для бас-гитар не

продавались. А на черном рынке можно запросто обмануться. Там под видом струн для бас-гитары могли подсунуть струны для виолончели. Они тоже толстые. Мой сосед, который был гораздо старше меня и играл не первый год в бит-группе, и тот купил по ошибке струны для бас-балалайки. И хоть были они в палец толщиной, но звука на гитаре не давали.

Во время репетиций мы использовали для баса четыре верхних струны от обычной семиструнной гитары, но для выступления перед публикой такие струны не годились. Приближался новогодний школьный бал, срочно нужны были струны потолще. После долгих поисков мы, наконец, нашли их в... школьном пианино, которое одиноко стояло в актовом зале. Струн там было так много, и, посовещавшись с Кузей, мы решили, что пропажу четырех басовых струн никто и не заметит. Тем более, что берем мы их не насовсем, а на время, и вернем после новогоднего бала. На большой перемене, вооружившись плоскогубцами, взятыми в школьной мастерской, мы зашли в актовый зал и сняли с пианино четыре струны, подходящие на глаз. Должен сразу сказать, что мысли о том, что мы делаем что-то варварское, не было. Было желание поскорее освободить струны из унылого плена резонаторного ящика, этой тюрьмы для струн, чтобы дать им новое, достойное звучание.

Операция «Басовые струны» прошла блестяще. Но как это часто бывает, пропажа их обнаружилась внезапно и в самый неподходящий момент.

За неделю до новогоднего бала в школе решили провести митинг против ядерной войны. Явка на митинг для всех учеников, как на всякое политическое мероприятие, была строго обязательна.

После уроков мы с Кузей попытались незаметно улизнуть из школы, но везде, даже возле запасного выхода, стояли на дежурстве активисты. Многие ученики, подобно нам, толпились у заблокированных дверей. Задние напирали на передних, шум стоял такой, что звенело в ушах. Стараясь перекричать остальных, мы с Кузей требовали, чтобы нас немедленно выпустили. Мы не абы кто, а музыканты! Нам надо на репетицию!

— Вы что, против ядерного разоружения? — возмущалась особо голосистая отличница, стоявшая с активистами в пикете у дверей.

— Не против! — орал я. — Только что ж мы тогда на Красной площади на параде показывать будем, если разоружимся?

В ответ она нарочито громко, так, чтобы все слышали, кричала, что я политически неграмотный и что наши ракеты — это гарантия мира на Земле! Наконец, исчерпав все аргументы, она завизжала фальцетом:

— Твой Джон Леннон более сознательный, чем ты, он не пропускает антивоенных митингов!

— Сперва он пишет песни, а потом ходит на митинги! — передразнил я ее фальцет. Затем мой голос упал на две октавы, и я гаркнул милицейским басом: — А ну, гады, пропусти на репетицию!

Мы снова бросились на штурм дверей. После продолжительной борьбы активисты все-таки оттеснили нас. Пришлось смириться и плестись вместе со всеми остальными в актовый зал.

Митинг, как обычно, начался пением Интернационала. Все присутствующие встали с мест и запели. Но запели не совсем так, как обычно. При первом же аккорде молоточки фортепьяно застряли между струнами. Учительнице пения пришлось перестраиваться на ходу и играть без басов. При таком аккомпанементе вместо грозных борцов за мир мы превратились в кастрированный хор папских певчих. Начало митинга было испорчено.

Куда подевались басовые струны, выяснилось через неделю, на новогоднем вечере. Это случилось в тот момент, когда мы играли мелодию песни

«Birthday». Собственно говоря, у этой песни мелодии нет. Кузя пилил повторяющийся гитарный пассаж, я басил, как мог, в унисон. Петь мы не отваживались по многим причинам: во-первых, это «Битлз», тут или лучше не петь, или петь так, чтобы не было стыдно, что невозможно в микрофон «Дельфин», во-вторых, такой английский в школе не поощрялся. Вместе с «рок-н-ролльным» аккомпанементом английская песня звучала уже как идеологическая диверсия Запада. Поэтому мы играли, но не пели. К музыке идеологические претензии предъявить сложнее, и учителя нас не трогали. За ударной установкой, собранной из трех пионерских барабанов, сидел лучший барабанщик школы Юрка Яковлев. Наша версия песни «Birthday» сопровождалась строевой барабанной дробью. Старшеклассники, образовав кружки, танцевали шейк. Дежурные следили за ними. И вдруг гриф моей самодельной гитары, не выдержав натяжения струн, переломился пополам. Я едва успел убрать пальцы. Толстые медные струны конским хвостом повисли на обломках. Пока струны были на гитаре, никто не обращал на них внимания, но теперь всем сразу же стало ясно, откуда они.

Находившаяся в зале учительница пения с криком «Вандал!» бросилась на сцену и стала отнимать у меня остатки гитары. Меня тут же обвинили во всех смертных грехах. Струны поставили обратно на пианино. Учительница пения даже требовала моего исключения из школы. Странно, но против моего исключения активно выступила учительница английского, спасибо «Шекспиру». Директор Илья Ильич был тоже на моей стороне. Короче, все обошлось хорошо, жаль только, что родители перевели Кузю в другую школу, подальше от моего дурного влияния.

Подражая «Битлз»

С уходом Кузи я стал собирать новую бит-группу. Создавать ансамбли в то время было настоящей эпидемией. Достаточно было любому школьнику послушать «Битлз», чтобы заболеть Джоном или Полом, Джорджем или Ринго. И уже в зависимости от тяжести «заболевания» ребята брали в руки гитары или садились за барабаны. Участники таких ансамблей гордо называли себя «бит-группами». Подобных бит-групп имелось тогда по дюжине в каждой школе. Все занимались сочинением своих собственных композиций. Я сочинил свою первую песню в тот же день, как выучил рок-н-ролльный квадрат. Слова были про «луноход». Луноходом называли тогда патрульную милицейскую машину, подбиравшую пьяный народ на улицах. Начиналась песня словами: «По парку едет луноход с двойным нарядом космонавтов...» Я исполнял ее среди друзей. Она нравилась взрослым. Совершенствуя далее свое мастерство, я придумал целый цикл песен под названием: «Крокодиловое ранчо Джона». Это были песенки, в основе мелодий которых лежал пентатоник. Тогда я не знал, что это пентатоник, все получилось чисто интуитивно. Такой музыкальный стиль совсем не походил на ля-минорную советскую эстраду.

Вообще-то, время для молодого человека с гитарой, в выборе, кому подражать, было интересное. С одной стороны — редкие передачи по телевизору с участием звезд советской эстрады, то есть весьма солидных людей, с другой — обрывки сквозь глушилки несолидной, но привлекательной музыки с Запада. Хотя были моменты, когда по телевизору можно было услышать то, что по радио глушили. Чье-то упущение? Не знаю, но... давайте перенесемся на мгновение в то время. Представьте себе двор между типовыми многоэтаж-

ными домами-«хрущевками». Во дворе кучкой стоят подростки, в песочнице возится детвора, за столом, покрытым пластиком для лучшего звука, стучат костяшками домино взрослые. Обычная картина жизни советского двора в воскресный день. И вдруг, как по команде, в одно мгновение, двор пустеет. Все спешат по домам или к соседям, счастливым обладателям редких в то время телевизоров. Идет начало политической передачи: «В объективе Америка». За кадром звучит песня «Can`t Buy Me Love», по экрану на фоне небоскребов проносятся шикарные автомобили. Через две минуты двор снова заполняется детворой и подростками, которые так же мгновенно исчезнут перед концом программы, чтобы опять послушать ту же песню, но идущую уже на фоне титров. Взрослые смотрят передачу от начала до конца. Их не интересует музыка, им хочется знать, как живут миллионеры Америки. И хоть передача задумана, чтобы на контрасте богатства и бедности показать все «язвы капитализма», взрослые, взирая на эти «язвы», лишь болезненно вздыхают. Они смотрят эту воскресную передачу по-своему, сбавляя громкость телевизоров лишь в начале и в конце программы, к явному недовольству детей.

Детям песня нравилась. И хоть исполнителей по телевизору не показывали, любой школьник знал, что ее поют Битлы. К песне быстро придумали русский текст, и ребята постарше исполняли ее на гитарах. Достать шестиструнную гитару фабричного изготовления в то время было почти невозможно, в магазинах почему-то продавались в основном семиструнные. Приходилось снимать «лишнюю» басовую струну и протачивать новые канавки для оставшихся шести струн, чтобы расположить их по всей ширине грифа.

«Битлз» копировали все, кто умел играть на гитаре. Репертуар гитаристов-самоучек постоянно увеличивался. Все новые и новые песни подбирались путем прослушивания такт за тактом самодельных пластинок на рентген-снимках. Если у кого был катушечный магнитофон, это значительно упрощало дело. Ребята собирались по домам в дневное время и в отсутствие взрослых подбирали музыку, записывали на слух тексты. Результаты их трудов можно было оценить по вечерам, когда во дворах, окруженных многоэтажками, с наступлением темноты начинались импровизированные концерты. Самой популярной песней была «Can’t Buy Me Love». Ни один «ночной концерт» не обходился без нее. Взрослое же население района слушать Битлов по ночам не имело ни малейшего желания. Это происходило по многим причинам, среди которых главной была та, что завтра рано утром нужно вставать на работу. Слово «Битл» получило иносказательный смысл и обозначало молодого человека с гитарой, нарушителя общественного спокойствия. С балконов и из окон соседних домов в адрес исполнителей слышались крики: «Проклятые Битлы... ни днем, ни ночью от вас покоя нет!» Снизу в ответ неслось: «Битлы живут в Англии... Чтобы Битлов слушать, вашей зарплаты не хватит...» После легкой словесной перепалки певцы снимались с места и вместе с поклонниками переходили в другой двор, где все повторялось сначала. В конце концов кто-нибудь из жильцов вызывал милицию. Последние аккорды песни звучали уже под аккомпанемент милицейских свистков. При таком отношении к музыке показать свое мастерство начинающему ансамблю было негде, не говоря уже о месте для репетиций. Репетиции под открытым небом зависели от погоды и милиции. Погода благоприятствовала этому лишь в летнее время года. Милиция вообще этому не благоприятствовала, считая такую музыку разновидностью мелкого хулиганства. При прогрессивных родителях, которые могли выдержать «Битлз» в определенных дозах, можно было репетировать в квартире. Но даже при продвинутых родителях вокруг жили совсем не прогрессивные соседи. «Битлз» то и дело являлись предметом конфликтов в

многоквартирных домах. Если учесть, что самодеятельные группы формировались в основном из учеников одного класса, самым безопасным местом для репетиций могла стать только школа.

Западная музыка в школе не поощрялась. Но по предписанию министерства образования каждой школе рекомендовалось иметь художественную самодеятельность: различные хоровые коллективы, танцевальные кружки и вооруженные балалайками ансамбли русских народных инструментов. Чтобы получить место для репетиций под крышей школы, все, кто создал свои гитарные группы, в срочном порядке зарегистрировались у директора как «ансамбли русских народных инструментов». Наш директор был несколько озадачен таким наплывом музыкантов, но, поддерживая активность учащихся, всем давал место для репетиций. Единственным, что его смущало, было то, что русские народные инструменты состояли в основном из самодельных электрогитар. Репетиции школьных ансамблей были расписаны по часам. Начинались они сразу же после окончания уроков. Каждой группе отводилось определенное время. Школа предоставляла для репетиций актовый зал и стандартный набор инструментов для художественной самодеятельности: десятиваттный усилитель «Электрон», ионику «Юность», тамбурин и неограниченное количество пионерских барабанов. Примерно такой же набор инструментов имелся тогда в каждой школе. В смежной комнате, заткнув уши ватой, сидел с газетой в руках дежурный учитель. В его функции входило следить за порядком, а также за тем, чтобы не было рок-н-ролла. Под рок-н-роллом подразумевалась любая громкая музыка с ненашим ритмом. Но уставший за день учитель обычно не обращал внимания на доносящиеся из соседней комнаты нерусские крики, сопровождающиеся ревом самодельных электрогитар, этих теперь уже воистину русских народных инструментов.

Мать купила мне шестиструнную гитару чехословацкого производства. Имея в руках такой инструмент, я стал соло-гитаристом. Бас, как начинающему, достался однокласснику Димке. Это был тихий малый, интересующийся радиотехникой, то есть мог сделать усилитель. Такой самородок был находкой для любого ансамбля. Когда я предложил ему примкнуть к группе, он ответил, что никогда не играл на гитаре и ему необходимо подумать. Чтобы ускорить процесс, я принес к нему домой магнитофонную катушку с альбомом «Revolver» и оставил послушать на три дня. Назавтра утром он позвонил мне и сказал, что согласен. С его умением он за месяц соорудил свой собственный «битл-бас», но не с двумя, а с пятью звукоснимателями и множеством всяких переключателей. Звукосниматели, естественно, он делал сам. Он не использовал телефонных трубок, а брал магнит и обматывал его тонкой проволокой. Для того, чтобы не сбиться в счете, он изобрел специальное приспособление, которое к тому же помогало класть проволочные витки плотнее друг к другу. Сделанные им звукосниматели могли улавливать даже незначительные колебания струны и при этом были нечувствительны к ударам по корпусу гитары. К тому же они были тоньше и изящнее, чем те, что делали из телефонных трубок.

Проблему ударника мы решили быстро. За барабаны сел как обычно Юрка Яковлев. Он был своим парнем и находился всегда под рукой.

Популярность нашей бит-группы пошла вверх даже среди учителей, после того, как мы включили в ее состав девочку, знавшую ноты. Мы были первыми, кто нарушил традицию чисто мужских бит-групп. Включить в наш состав вместо гитариста пианистку было выгодно. Пианино звучит само. Пианино не нужен усилитель, который и без того перегружен моей и Димкиной гитарами. С этого момента пианино, стоявшее в актовом зале, находилось

под нашей охраной. Мы следили за тем, чтобы «конкуренты» часом не скрутили с него струны.

Пианистку звали Инна. С ее высоким голосом можно было петь «Битлз» почти один в один. К тому же у нее были длинные волосы и, в отличие от нас, ни один военрук на свете не заставит ее подстричься.

Теперь, чтобы выглядеть как солидная бит-группа, нам оставалось только купить одинаковую униформу. Самой недорогой для нас одеждой из гардероба «Битлз» были свитера под горло, именуемые битловками, и вельветовые пиджаки. Вельвет — дефицит, в магазинах его не достать. Но если подключить смекалку и перейти из отдела тканей в отдел, где продавался обойный материал для мебели, то проблема сразу же решалась. Вельвет в отделе драпировочных тканей был грубее, чем обычный, и из него трудно было пошить штаны, но он вполне годился на пиджак. Далее дело техники, то есть бабушкиного «Зингера». Любая девчонка в то время имела выкройку битлз-пиджака.

Денег у нас было мало, поэтому о серьезных атрибутах «Битлз», таких, например, как ленноновские очки, мы даже не мечтали. Очки эти стоили пятьдесят рублей на толкучке. Цена астрономическая. Нам повезло, вскоре мы купили в комиссионке четыре старых битловки. То, что они были белые, дела не портило. Я при помощи анилинового красителя и уксуса за час перекрасил их в черный цвет. Фокуса в этом не было, в то время многие занимались домашним крашением. При помощи «анилинового синего», например, можно было придать вполне приличный вид серым польским джинсам *шарик*, которые иногда, в конце квартала, можно было взять штурмом в ГУМе.

Наше первое выступление с пианисткой вызвало у конкурентов тайную зависть и показное негодование. Это было предательством самой идеи «Битлз». Но крути не крути, а голос Инны похож на высокий голос Пола.

Чтобы не отставать от Инны, знавшей нотную грамоту, я пошел учиться в музыкальную школу. Мне сразу же повезло с учителем. При первом знакомстве он спросил меня: «Ты хочешь играть по нотам или чтоб все девки были твои?»

Я ответил правду. Больше к нотам мы не возвращались. Для обозначения аккордов мы рисовали нечто похожее на птичьи клетки.

Мой учитель был выпускником консерватории, великолепно играл на фортепьяно и гитаре. Я очень гордился им. Особенно нравилась мне одна его фраза, которую он часто любил повторять: «“Битлз” — мои учителя».

Первая песня, которую он выучил меня играть, была «Junk» Пола Маккартни. Я принес ее в школу. На уроках в старших классах неделю после этого незаметно для учителей переписывались аккорды. Вскоре «Junk» уже играли все школьные группы.

Слухи-сплетни

В школьной среде интерес к жизни «Битлз» был огромный. Недостаток официальной информации заменяло воображение. Много невероятных историй ходило о них. Например, упорно держался слух о том, что королева Англии подарила Леннону серебряный автомобиль. Некоторые говорили, что золотой, но им мало верили. Золотой был бы слишком тяжел, и Джон не мог бы на нем уйти от толпы поклонников. Кто-то говорил, что автомобиль был подарен за песню «She is So Heavy». Кто-то не соглашался и утверждал, что королева наградила его за песню «Oh! Darling». Эта песня почему-то приписывалась Джону. Многое сделанное Полом приписывалось Джону. Видимо, роль

сыграл имидж Джона. Подспудно мы понимали, что тот, кто в очках, должен быть главнее того, кто без, и опять же, если сравнивать двух Битлов, то главнее тот, у кого длиннее волосы, то есть снова первенство было за Джоном.

Рядом с нашей школой находилась школа номер 33. Иностранным языком, преподававшимся там, был не английский, как у нас, а испанский. Старшеклассники окрестных школ по вечерам собирались во дворе тридцать третьей школы, чтобы послушать «Битлз». Кто-нибудь из ребят приносил из дома переносной катушечный магнитофон. К магнитофону присоединяли дополнительный динамик, который клали «для лучшей акустики» в железную бочку. Устанавливали все это посреди баскетбольной площадки, и концерт начинался. Первым, как всегда, звучал альбом «Abbey Road». Песню «Oh! Darling» обычно повторяли раз десять. Это была любимая песня всего района. На скамейках вокруг баскетбольной площадки тем временем шли разговоры.

— Вы счастливые, — говорили нам «испанцы», — вас в школе учат английскому.

— Конечно, — соглашались мы, — только не «Ох! Дарлинг». Зато мы можем сказать: «Ху из он дьюти тудей?»

«Испанские» девочки не верили, что такому учат в школе.

— Еще немного, и Джон сорвет голос, — выражал кто-то беспокойство.

— Не боись, Джон голоса никогда не сорвет, — успокаивал кто-то из «знатоков», — он яйца сырые пьет десятками.

Знатоков «Битлз» было тогда полно в каждой школе и в каждом дворе. Когда прошел слух о том, что кто-то из «Битлз» погиб, но неизвестно, кто именно, «знатоки», ссылаясь на достоверную информацию, говорили, что нужно намазать пластинку «Битлз» воском и проиграть ее в обратном направлении. На пластинке в этом случае должен выступить лик погибшего. К сожалению, ни у кого не было пластинки «Битлз», чтобы это проверить. К тому же слух был вскоре опровергнут. Оказывается, никто из них не погиб, просто Джон попал в автокатастрофу, но, к счастью, все обошлось благополучно. «Знатоки», однако, утверждали, что это был Пол. «Нет, не Пол, Пола укусила его собака Марта», — возражали читатели польских музыкальных журналов.

Помню, какой-то «дятел» пустил слух, что у «Битлз» были гитары с бычьими рогами. На тех некачественных фотографиях, что имелись у нас, гитара Джона, похоже, заканчивалась натуральными коровьими рогами. Все решили, однако, что это рога бычьи. Коровьи были бы для Джона слишком мелки. «Знатоки» утверждали, что такое усовершенствование необходимо для лучшей акустики и резонанса, так как «роги внутри полые».

Что касается фотографий «Битлз», то чемпионкой по их количеству была десятиклассница из тридцать третьей школы Танька. Она хранила свое «богатство» в металлической коробке от печенья. Коробка эта была доверху заполнена некачественными любительскими снимками, сделанными с обложек альбомов, а также с других, уже в который раз переснятых фото. Имелась в ее коллекции также пара вырезок из польских журналов с изображением бьющихся в истерике девиц на концерте «Битлз». Танька прятала коробку дома у своей подружки Маринки. Отец Таньки был алкашом со стажем и тиранил всю семью. Найди он коробку с такими фотографиями, выкинул бы ее из дому, да и Таньку следом. Танька была самая бедная из нас. Хоть и мы богатством не блистали и никто из нас не мог себе позволить купить настоящие синие джинсы, но Танька все-таки была беднее остальных, вечно ходила в штопаных чулках и в своей неизменной зеленой кофте. Те копейки,

что перепадали ей из дома на школьные завтраки, она тратила на новые фотографии и вырезки. Обычно вечерами, выходя на школьный двор, Маринка приносила с собой Танькину коробку, и тогда Танька могла часами сидеть, перебирая свое сокровище.

«Знатоки», рассматривая фотографии «Битлз» с полосками подтеков от проявителя, пришли к выводу, что «Битлз» выступали в железных клетках. Затем уже логически додумались, что и ездить «Битлз» должны были в бронированных автомобилях, а летать только на военных самолетах. Любому гражданскому самолету не выдержать натиска истеричных девок, которые обломали бы ему крылья и унесли пропеллер. Ну, а если «Битлз» летали на военных самолетах, то и приземляться они должны были только на военных аэродромах.

Лесной аэродром

Это была Танькина идея — посмотреть на взлетную полосу, на которую садился самолет с «Битлз» по дороге в Японию. Собрав всю необходимую информацию, она пришла к выводу, что это должен быть один из аэродромов недалеко от города. Поднакопив денег на пригородный автобус, Танька, Маринка и я отправились по маршруту в сторону, где находился военный аэродром.

Мы вышли на конечной остановке. Вокруг стоял лес. Танька сказала, что это как раз то место и что об этом ей шепчет интуиция. Знатоки «Битлз» также утверждали, что аэродром должен был находиться где-то в лесу. Почему в лесу? На это легко ответить. В лесу можно посадить самолет с «Битлз» на дозаправку незаметно для публики.

Мы пошли, ориентируясь на дальний шум моторов, но через сотню метров натолкнулись на заграждение из колючей проволоки. Маринка сказала, что это не преграда, и, покопавшись в сумочке, достала щипчики для ногтей. Я, как мужчина, взялся проделать проход для дам. Но в тот самый момент, когда я приложил щипчики к проволоке, рядом с нами вдруг как из-под земли вырос часовой.

— Мы свои! — закричала Танька и почему-то подняла руки вверх.

Я уронил щипчики в траву и сделал вид, будто интересуюсь устройством колючей проволоки. Маринка, сбиваясь и заикаясь, начала скороговоркой объяснять цель нашего визита.

Часовой уже с интересом посмотрел на нас. Это был молодой солдат первого года службы. Он объяснил, что «Битлз» приземлялись в «Пулково» под Ленинградом и что стыдно об этом не знать. Он отнесся с сочувствием к нам и отпустил с миром. Сделав вид, что завязываю шнурки, я подобрал из травы щипчики, и мы двинули в обратный путь.

Всю обратную дорогу ехали молча. Танька, держа на коленях свою коробку, перебирала богатство. Долго рассматривала вырезку из журнала с истеричными поклонницами и вдруг сказала:

— Нет, ты только посмотри на этих наглых девок!

— А что бы ты делала на их месте? — спросил я. — Небось, сама вырвала бы у Пола клок волос, если б смогла дотянуться.

— Дурак, — обиделась Танька и отвернулась к окну.

Через минуту она тихо сказала, ни к кому не обращаясь: «Да что тут сравнивать. Они громко требуют: дайте нам их, мы их любим... — И, шмыгнув носом, добавила: — А мы только тихо просим: не бейте нас за то, что мы их любим».

Хиппи Адам

В одной из соседних с моим домом пятиэтажек жил хиппи по кличке Адам. Вообще-то, фамилия его была Адамович, отсюда и кличка. Жил Адам на первом этаже в двухкомнатной квартире вместе со своей столетней, как нам тогда казалось, бабушкой. Старушка была морщиниста, как печеное яблоко, горбата, кривобока, но очень бойкая. В детстве я такой представлял себе Бабу Ягу. Но вернемся к Адаму. Две вещи отличали его от всех остальных. У него была суковатая палка и самые длинные волосы среди парней нашего района. С палкой он ходил потому, что в детстве неудачно упал с дерева и поломал обе ноги. Переломы срослись, но одна нога стала короче. По этой причине Адама не брали в армию и вообще особых претензий к нему, чем бы он ни занимался, не предъявляли. Он мог беспрепятственно отпускать себе волосы любой длины, мог ходить в латаных-перелатаных джинсах. Все пацаны из соседних хрущевок завидовали Адаму за его хипповый вид. Мне тоже было завидно, с такой причехой можно было просто стоять с гитарой в любой бит-группе, не зная ни одного аккорда, успех обеспечен.

Адам ни на одном музыкальном инструменте не играл, но музыку любил и понимал. У него был катушечный «Романтик» и как минимум сто магнитофонных пленок. В нашем районе он считался неоспоримым знатоком всех западных музыкантов, их альбомов и концертов. От него впервые я узнал, что концерт Джорджа Харрисона «Бангла Дэш» был не в Бангладеш, как мы тогда думали, а в Нью-Йорке. Адам был старше меня на несколько лет и другом моим быть не мог, но и не выгонял меня, когда я иногда заходил к нему послушать музыку. Мне было все равно, какая катушка крутится на магнитофоне, я тихо входил в комнату, садился в углу и был рад, что на меня не обращают внимания. По вечерам дверь его квартиры не закрывалась. На звук магнитофона сползались все районные хиппи. Хиппи эти, в отличие от своих собратьев с Запада, днем работали в различных художественных мастерских или грузчиками в магазинах и лишь по вечерам хипповали. Они, как правило, нигде не учились, так как в институтах не разрешали носить длинные волосы. Наши хиппи предпочитали работать, жертвуя образованием ради имиджа. Появились первые хиппи где-то в начале семидесятых. Может, они появились и раньше, не знаю, не видел. Может, появились где-то, но незаметно, ведь для того, чтобы отрастить волосы достаточной длины, нужно было время. А без волос какие они хиппи. Первого хиппи с волосами, в джинсовом костюме я встретил летом семьдесят первого. Он шел по нашей улице под руку с худенькой девицей, увешанной бусами. Наши местные хулиганы вначале оторопели, затем послали одного из своих вдогонку за хиппи с напутствием: «Рубь возьми, чтобы волосатым не ходил». Но вообще-то, к хиппи с самого начала в среде подростков установилось отношение самое дружелюбное. Старшее же поколение их считало чем-то вроде юродивых. Для милиции нестриженые хиппи стали нежелательным пейзажем на наших безупречно чистых улицах, обрамленных кукишами стриженых тополей. В военкоматах же хипповавших просто ненавидели. Хиппи отказывались служить, ссылаясь на свои антивоенные убеждения. Эти убеждения в глазах военкомов были выдуманы с одной лишь целью — чтобы не идти в армию. Того, кто назывался пацифистом, судили за уклонение от воинской службы. Хиппи в свою очередь избрали новую тактику и вместо пацифистов косили под душевнобольных. Но не совсем безнадежных, а так, с некоторыми отклонениями. Самым распространенным среди которых была ноктурия. Взятый на обследование хиппи по ночам мочился в постель, а день коротал с песней о том, что в Южной Калифорнии не капает, а льет дождь. Через месяц хиппи выходил

из больницы с белым билетом, официальным документом, освобождавшим его от воинской службы.

Если на Западе хиппи употребляли наркотики, то наши хиппи… не знаю, судить не берусь. Клей нюхали, это помню. Глубоко вдыхали пятновыводитель «Сополс», но в основном предпочитали дешевое крепленое вино.

У Адама было довольно весело. Приходили интересные люди. Я, сидя в углу, слушал магнитофон, не пил вина по возрасту и по той же причине в общих разговорах не участвовал. Стеснялся своей некомпетентности в обсуждаемых серьезных музыкальных вопросах и вообще был благодарен, что меня не выгоняют. А на магнитофоне тем временем крутился альбом «Ram» и шли разговоры про Пола Маккартни. Пола считали в музыкальном отношении самым продвинутым из всех «Битлз». В духовном же отношении первенство было за Джоном. Но споров на тему, кто из них главнее, никогда не возникало. Все раз и навсегда объяснил Адам: «В автомобиле два ведущих колеса, — изрек он, — но ездит на четырех».

«Вечерняя музыкальная школа», — так я называл свои походы к Адаму. Ходил я туда, бывало, регулярнее, чем в простую школу, да и сидел там дольше, чем на уроках. Иногда хиппи выходили зачем-то из комнаты. Я оставался один. И тогда, если предыдущий альбом заканчивался, я мог сам выбрать на свой вкус, какую катушку поставить следующей. Обычно в эти моменты в комнату торопливой мышью забегала бабка Адама. Она приносила с собой огромную кружку, брала со стола бутылку и каждый раз жестом предлагала мне выпить. Я каждый раз отказывался. «Ну, тогда я сама,— говорила она, — будь здоровенький», и наполняла кружку, которая вмещала в себя всю бутылку и тут же исчезала. Хиппи возвращались в комнату, смотрели на меня, на пустую бутылку, взгляды их говорили: «Ну, ты даешь, пионер». Вслух, однако, претензий не высказывали. Открывалась новая бутылка, пустая ставилась под стол.

У Адама не было родителей. Я никогда не спрашивал, где они. Меня вполне устраивало, что жил он с бабкой, не ограничивающей его свободы. К тому же у Адама была собственная комната, а комната без родительского надзора — это, я вам скажу, большое дело. Это было единственное место в нашем районе, где можно было отдохнуть от общественного глаза. Но свободу иногда омрачало появление участкового милиционера. Раз или два в месяц он по вечерам устраивал облавы. «В данном притоне, — как он выражался, — происходят незаконные антисоветские пьянки». — «А законные, советские, это на седьмое ноября и первое мая? — пререкался Адам. — Откуда вы знаете, что пьянки антисоветские? Может, мы здесь пьем против войны во Вьетнаме?» Участковый не верил Адаму насчет Вьетнама и был тверд в своем желании ликвидировать «очаг хиппи» во вверенном ему районе. Хорошо еще, что Адам жил на первом этаже и хиппи могли свободно уйти, чтобы тут же вернуться, через окно. Но один раз участковый пришел с целой оравой дружинников и поставил их под окно «собирать урожай». Всех пойманных хиппи отвели в милицейский участок. Меня не тронули. Бабка сказала, что я соседский мальчик, зашел за солью. «Что-то он часто за солью ходит. Еще раз здесь увижу, в школу сообщу!» — пригрозил участковый. Но проходила неделя, и все собирались снова. Я опять сидел в углу комнаты перед магнитофоном, провожая глазами крутящиеся катушки, впитывая волшебные звуки. Однажды один хиппи принес катушку с записью песни из музыкальной программы «Голоса Америки». Называлась песня «American Woman». Песня всем понравилась, но кроме криков «Америкен Вумен», никто не понял слов. Ясность внес хиппи, который принес катушку. Он сказал, что в песне поется про парня, который не хочет вьетнамских женщин, а хочет свою, американ-

скую. Песня, судя по его переводу, была антивоенной. «Он прав, — сказал Адам, — я тоже хочу американскую женщину. А про войну судить не берусь. Воюют они с коммунизмом, в конце концов...» Тут я подумал: «Совсем наши хиппи не похожи на американских. Те ругают свое правительство открыто, наши — шепотом, американские не работают, наши вкалывают, американские употребляют какие только хотят наркотики, наши пьют чернило, и то не всегда. Но непонятнее всего было то, что и те, и другие называют себя пацифистами, а отношение к вьетнамской войне имеют разное».

Счастливая звезда Адама закатилась после концерта «Доули Фэмили». Этот английский семейный коллектив разъезжал с гастролями по городам Союза. Успех был гарантирован уже потому, что они из Англии. В нашем городе под концерт отвели зал Дворца спорта. И хоть он вмещал три с половиной тысячи зрителей, билета мне не досталось. Те, кто из нашего класса побывали на концерте, с возбуждением рассказывали о том, что там творилось. «Доули» начали выступление с песни «Back In The USSR». Народ в зале повскакивал с мест и стал рваться к сцене. Адам среди прочих был на концерте и, несмотря на хромоту, находился в первых рядах, напиравших на милицейский кордон. Он пел вместе с «Доули», размахивая в такт своей знаменитой палкой. Милиция пыталась палку отнять, но Адам ее не отдавал. Тогда один из милиционеров попытался вразумить Адама дубинкой. Адам тут же превратил свою палку в копье и в толчее и давке разбил милиционеру нос.

Адама судили по классической статье «мелкое хулиганство», и в течение пятнадцати суток он после ночи на нарах днем мел городские улицы. Его остригли наголо, и этого он снести не мог. После возвращения домой он с полгода не выходил на улицу. Для меня было трагедией, что конфисковали все его кассеты. Среди них была найдена одна, с обрывками позывных «Голоса Америки», и кассеты, как содержащие антисоветские материалы, возврату не подлежали. Мы боялись, что Адаму за это могут прибавить к пятнадцати суткам еще пятнадцать лет, но все взяла на себя бабка, она сказала участковому, что это ее кассеты. Она даже ходила в милицию просить, чтобы ей вернули ее музыку.

«Волосатый» бунт

Война с длинными волосами не прекращалась в школе весь учебный год. Но своего пика она достигала в сентябре, когда обросшие за время летних каникул ученики появлялись на уроках. Ношение школьной формы было обязательным, с этим все соглашались, но с установленными стрижками никто мириться не хотел. Постоянные конфликты возникали между старшеклассниками и военруком. Занятие по военной подготовке военрук обычно начинал с осмотра внешнего вида учеников. Построив класс в два ряда, он проходил вдоль строя, осматривая затылки, отмечая тех, по ком, по его словам, «плачут ножницы». На какие только хитрости не приходилось идти, чтобы сохранить причехи. Волосы с затылка зачесывали вверх и подкалывали шпильками-невидимками. Некоторые смазывали волосы подсолнечным маслом и, поднимая их вверх, прятали между ушами. Но хитрый военрук ловко извлекал невидимки, и волосы прядями спадали вниз. Это считалось чуть ли не шпионажем в пользу Запада. По оценке военрука, это приравнивалось к измене Родине. Обнаружив скрытого «волосатика», он всякий раз говорил свою неизменную фразу, постепенно повышая голос: «Ты кто? Мужик или кто? Будущий солдат или баба?» «Баба» в его убогом лексиконе считалось последним ругательством.

Эти солдафонские выходки очень нас раздражали. Но что мы могли поделать? Приходилось идти в ближайшую парикмахерскую выполнять приказ.

Но однажды, в сентябре, уже будучи в выпускном классе, мы вдруг, не сговариваясь, отказались стричь с таким трудом отпущенные за лето волосы. Даже военрук не мог с нами ничего поделать. Это была типичная итальянская забастовка. Все, кого бы он ни отправлял стричься, без разговоров шли в парикмахерскую, откуда через некоторое время возвращались, пахнущие одеколоном, но не уменьшив длину волос ни на сантиметр. На вопросы военрука все как один отвечали, что в парикмахерской теперь делают вот такие модные стрижки.

«Стрижки должны быть не модные, а уставные!» — орал военрук и опять отправлял нас в парикмахерскую. Но все повторялось снова. Назревал бунт. Директор, отозвав военрука, послал на переговоры с нами молодую учительницу русского языка. Войдя в класс, где мы уже собирались строить баррикады, она громко сказала, что получено сообщение о том, что «Битлз» публично постриглись. В ответ раздался дружный хохот. Как они могли публично постричься, если уже три года как вместе не играют?

— Они специально собрались, чтобы постричься, — невозмутимо продолжала учительница. Это рассмешило нас еще больше. Учительница, выдержав паузу, в доказательство своих слов достала из сумочки фотографию и подняла ее над головой. Волна всеобщего «Ах!» пронеслась по классу. Это была великолепного качества фотография, где Джон, Пол, Джордж и Ринго сидели на стульях, а рядом с ними четыре девицы с ножницами и расческами в руках.

Мы обступили учительский стол.

— Где вы взяли такую фотографию?

— Это секрет, — отвечала польщенная учительница, в душе уже празднуя педагогическую победу.

На задней парте в это время, безучастный ко всему, сидел второгодник Белинский. Это был долговязый детина, который не признавал никаких авторитетов и которого побаивались даже учителя. Его волосы были самыми длинными в классе и вызывали зависть у тех, кто не успел за лето достаточно обрасти. К тому же в нашей школе он считался знатоком «Битлз». Ходили слухи, будто у него даже есть фотография с обложки альбома «Abbey Road». Запись этого альбома была тогда у каждого, кто имел магнитофон, но обложки пластинки никто никогда не видел. Белинский же никому фотографии не показывал.

— Ну что? Идем в парикмахерскую? — подвела итог учительница.

Продолжать бунт не имело смысла.

— Не верьте ей! — вдруг раздался голос с последней парты.

Все обернулись. Белинский медленно встал и вразвалку подошел к учительскому столу. Указав пальцам на фото, он сказал, что фотография эта очень старая, сделана, когда они были еще молодыми и позволяли над собой издеваться. Затем Белинский расстегнул верхнюю пуговицу пиджака и нарочито медленно стал доставать что-то из внутреннего кармана. Класс застыл в ожидании. В руках у него мелькнул плотный листок бумаги.

— Вот последнее фото «Битлз»! — он хлестко положил фотографию на учительский стол.

Эффект был потрясающий. Так герои гангстерских фильмов кладут козырной туз в конце игры.

На фотографии — четыре донельзя волосатых фигуры гуськом пересекали улицу.

Описывать реакцию класса я не стану, скажу только, что волосатый бунт, вспыхнув с новой силой, продолжался еще неделю и только совместными усилиями учителей и родителей был, наконец, с тяжкими потерями для обеих сторон, подавлен.

Битлз-поколение

После выпускных экзаменов мы в последний раз собрались в школе. Директор, не доверяя бит-группам, пригласил играть на выпускном вечере оркестр с соседнего завода. Это были пожилые музыканты с трубами, репертуар которых состоял из произведений, исполняемых на митингах и похоронах. Торжественный марш возвестил начало церемонии вручения аттестатов. Все заполнили актовый зал. После официальной части и вручения документов об окончании средней школы оркестру было дано указание играть танцы. Но площадка для танцев пустовала. Два выпускных класса, собравшись в это время в кабинете истории и врубив на полную катушку переносной маг, слушали музыку, какую им хотелось слушать. Было очень весело, и все танцевали шейк.

Директор, обеспокоенный отсутствием выпускников, отправился на поиски. Услышав доносившиеся из кабинета истории звуки рок-н-ролла, он стал трясти дверь. Стул, на который была заперта дверь, упал, и в самый разгар песни «Twist and Shout» все увидели директора, стоящего в дверном проеме. Его последующая речь стоит того, чтобы привести ее без сокращений. Постояв немного и подождав, пока в магнитофоне уберут громкость, он сказал:

— Десять лет мы вас учили в этих стенах! Десять лет мы тратили свое здоровье на то, чтобы вы стали достойными строителями социалистического общества, а не волосатыми битлами! Но единственное, что вы вынесли из школы, — это твист и шейк!

Он был прав, если не считать неточности в названии песни. Он был прав по-своему, прав как педагог. «Мы бы уже давно построили коммунизм, если бы Битлы не помешали», — обычно говорил он. И можно было его понять. Представьте, знаменитый ансамбль песни и пляски Советской Армии побывал на гастролях в Нью-Йорке, а на следующий день после концерта все американские подростки стали бы носить на груди красные звезды и петь советские песни. Официальная Америка, думаю, была бы озадачена такой реакцией своей молодежи. Ситуация с «Битлз» у нас была несколько иной, если учесть, что они никогда в СССР не выступали. Но что мы могли поделать, если «Битлз» существовали независимо от нашего сознания, как существует магнитное поле. «Битлз» были вирусом, который вызывал у нас возрастное заболевание, с той лишь разницей, что одни переболели за несколько месяцев, а других прихватило на долгие годы. Единственным исключением являлись те, кто по складу ума своего гордились всем, чем приказано было гордиться, и отвергали то, что приказано было отвергать. Впоследствии модным стало говорить, что я, мол, свято верил в коммунизм, но «Битлз» открыли мне иной мир. Извиняюсь, те, кто верил, те верили, пока им не дали приказа не верить, и «Битлз» в этом им не были помехой.

Середина семидесятых

Середина семидесятых была временем относительно спокойным. В телефонных автоматах висели нетронутыми трубки, а в магазинах появилось в продаже несколько разновидностей звукоснимателей для гитар. Это было

время, когда Джон Леннон был отмечен нашей прессой как борец за мир, а всесоюзный молодежный журнал «Ровесник», пользуясь удачным случаем, выпустил первую публикацию о «Битлз».

Чтобы идти «в ногу со временем», фирма «Мелодия» также выпустила гибкую пластинку с тремя песнями Джона Леннона. И уже вместо безликой надписи «вокально-инструментальный ансамбль» или «английский певец» на конверте пластинки было по-русски написано большими буквами: «Джон Леннон». Но это совсем не означало пропаганды его песен, наоборот, они все еще считались упадническими. Как-то в одной из политических телепередач отрывком в пять секунд был показан Джон Леннон с группой «Элефантс». Комментарий был примерно следующим: «Бывший Битл Джон вынужден зарабатывать на жизнь, исполняя свои старые песни в дешевых ресторанах». На пошлый комментарий никто не обратил внимания, а вот кинокадры вызвали бурю страстей. На следующий день повсюду только и говорили: «Видали? По телеку показали живого Джона Леннона! Невероятно!»

Семидесятые принесли с собой еще одну приятную перемену. В музыкальных магазинах стабильно уже продавались электрогитары. Цены на них варьировались от 135 до 405 рублей. Самыми дорогими были чехословацкие «Торнадо», за ними следовали гэдээровские «Мьюзимы», и замыкали список самые доступные по цене болгарские «Орфеи». Болгары сделали бас-гитару в форме скрипки, скопировав западногерманский «Hofner». Многие бас-гитаристы, чтобы добиться еще большего сходства с Полом Маккартни, специально меняли руку и становились левшами. В то время я играл на бас-гитаре, но руку не менял, так как и без того с трудом справлялся со сложными партиями, находясь в одной группе с лучшим лидер-гитаристом нашего города. Его звали Толик. Он был музыкантом от Бога. От природы обладая абсолютным музыкальным слухом, на гитаре он выучился играть самостоятельно. И как выучился! Послушать его собирались подростки со всего района. Вместе с тремя другими приятелями Толик обычно давал свои импровизированные концерты в парке Горького. С наступлением темноты официальные мероприятия, проводившиеся в парке, заканчивались, и начинались неофициальные. На его аллеях, оккупировав какую-либо из скамеек, собирались все, кто не спешил домой, играли на гитарах, подключенных для громкости через предусилители к транзисторным приемникам. С появлением патрульных милицейских машин все исчезали, чтобы тут же собраться в другом месте. Парк для этого был поделен на условные квадраты.

Рок-н-ролльная дипломатия

Мы с Толиком знали друг друга по совместным тренировкам в фехтовальном зале, но на гитарах вместе никогда не играли. Моего тогдашнего уровня для этого было явно недостаточно. Но потом стали репетировать вместе и даже решили собирать собственную группу. Но собрать группу — это только полдела, чтобы существовать, каждому ансамблю в то время необходимо было официальное учреждение, иными словами, «крыша». Ансамбль мог находиться только при каком-нибудь заводе или при техникуме, институте, при Доме культуры или, на худой конец, при воинской части. «Крыша» обеспечивала музыкантам необходимый минимум для творчества. Им предоставлялось место для репетиций и, если повезет, какая-то аппаратура и инструменты. «Крыша», к тому же, осуществляла функции местной цензуры. С одной стороны, это было даже неплохо. Считалось, что официально существую-

щий ансамбль уже как бы проверен и репертуар его утвержден. Функцию цензуры выполнял тот или иной бюрократ учреждения, к которому ансамбль был приписан. Часто этим занимались люди, ничего не понимающие в музыке. Выдать им рок-н-ролл за песню протеста против войны во Вьетнаме не составляло труда. И если вы обладали определенной долей дипломатии, то могли, находясь под солидной «крышей», играть все что вам захочется. Ежели ваш ансамбль не имел «крыши», тогда начнем с того, что вы не могли купить сколько-нибудь серьезную аппаратуру. Немецкие «Regent» и комплект венгерских усилителей с колонками фирмы «Beag» распределялись в основном по заявкам комсомольских организаций. Вполне допускаю, что усилители можно сделать и самостоятельно, но для этого, по крайней мере, нужны деньги. Заработать их музыкой было непросто. Если вы со своими ребятами играли, например, на чьей-либо свадьбе, то вас могли привлечь к ответственности «за получение нетрудовых доходов». К тому же, чтобы выступать перед публикой, вам следовало хотя бы подготовить программу. А где это сделать, если у вас не было места для репетиций? Если вы собирались на квартире, то любой сосед вас мог обвинить в нарушении общественного спокойствия.

Мы с Толиком выбрали в качестве «крыши» Институт физической культуры. Все лето мы готовились к вступительным экзаменам и играли на гитарах. Или, вернее, мы играли на гитарах, а в перерывах готовились. Видимо, не последнюю роль сыграло наше членство в молодежной сборной по фехтованию. Так или иначе, к осени мы были уже студентами.

Вернувшись после обязательных сельхозработ, в ту же осень мы с Толиком занялись поисками музыкальных инструментов и аппаратуры. Деньги для этой цели выделил декан, человек прогрессивный, считающий, что вокально-инструментальный ансамбль необходим для культурной жизни института, ибо культура должна быть не только физической. Официально считаясь вокально-инструментальным ансамблем, мы, по существу, в душе оставались вольными художниками. Названия себе не придумывали, так как по названию можно было безошибочно определить характер ансамбля. Если это бит-группа, то называться она должна типа «Вершина пропасти». Если это вокально-инструментальный ансамбль, то название его должно носить более умеренный характер: «Красные гвоздики», «Поющие сердца». Мы же, существуя под крышей института, назвать себя, например, «Гремучая смесь» не могли, а предложенное деканом название «Голубые кораллы» нас смущало. Мы предпочли оставаться без названия, что сразу же поставило нас вне существующей классификации.

Покупая понемногу аппаратуру и инструменты для нашего ансамбля, мы познакомились с двумя продавщицами из музыкального магазина. Если бы не они, то мы так и продолжали бы играть на самодельных гитарах. В то время все хорошие товары в магазинах продавались «из-под прилавка». У кого не было нужных связей, тот довольствовался лежалым товаром, в то время как «дефицитные» вещи припрятывались для друзей и знакомых. Познакомиться с хорошенькими продавщицами было делом несложным, Толик по этой части был великий мастер. Меньше чем через неделю после знакомства он уже играл на самой дорогой гитаре, какую можно было купить в советском магазине. Я заимел восточно-германский бас, сработанный под западногерманский. Дело стояло лишь за хорошей аппаратурой. Что же касается наших самодельных усилителей, то я не помню, чтобы они когда-нибудь прилично работали, хотя вес их я запомнил хорошо. Если нам случалось давать концерт или играть танцы на верхних этажах здания, то, естественно, мы сами тащили туда по ступенькам всю аппаратуру, напоминая жуков скарабеев.

От напряжения у меня весь вечер тряслись руки, и я с трудом попадал по струнам. При этом самодельная аппаратура постоянно отказывала. На сцене повсюду лежали, свисали с колонок, соединялись друг с другом десятки проводов, по которым время от времени проскакивала искра. Током било даже от микрофонов. И вот, наконец, один из советских радиозаводов наладил выпуск вполне прилично звучащей аппаратуры. Девочки из музыкального магазина пообещали достать. Несколько месяцев мы караулили новинку. И дождались-таки. Весь комплект стоил более тысячи рублей, но нас, с общественными деньгами в кармане, цена не пугала. Мы были рады, что заимеем на вооружение приличный семидесятиваттник с двумя колонками. После того как мы уплатили деньги в кассу, продавщицы спросили нас, имеем ли мы грузовик. Мы ответили, что, будучи спортсменами, заменим любой грузовик, тем более что до стоянки такси было не так далеко. После первого взгляда на аппаратуру я понял, что в такси она не влезет. Не буду описывать весь комплект, скажу только, что усилитель был размером с гаубичный ящик, а колонки по высоте напоминали двухкамерные холодильники и весили каждая, как дубовый гроб с членом Политбюро. Когда мы с Толиком тащили колонки со склада, я сказал, что у нас каждому ватту звука соответствует десять килограммов веса.

Чтобы заниматься музыкой и не злить цензуру поумнее, необходимо было чувствовать, какая из западных групп находится в немилости у государства. Чем руководствовались чиновники, составлявшие служебные списки запрещенных групп, было неподвластно здравому смыслу… Скорее всего, их не устраивало название. Например, группа, носящая название гангстерского города — «Chicago», была запрещена, а забавные «Три собаки ночью» — разрешены. Группа «Nazareth» была запрещена, видимо, из антирелигиозных соображений. На «Rolling Stones», казалось бы, должны были смотреть сквозь пальцы, ибо булыжник, по словам Маркса, — является оружием пролетариата. А пойдите спойте в приличном месте «Satisfaction», тут же почувствуете официальную реакцию. Иногда группу запрещали из-за одной только неугодной песни. Уже в восьмидесятых годах была запрещена группа «Genghis Khan» из-за песни «Moscow». Чиновники даже не утруждали себя переводом этой песни, а просто решили, что такая несерьезная группа ничего хорошего про советскую столицу спеть не может. Иногда группу запрещали без каких-либо видимых причин. Так, ни с того ни с сего среди запрещенных групп оказались «Jetero Tull».

В такой путанице трудно было исполнять песни даже разрешенных групп. Особенно если солист позволял себе громкие крики. Местная цензура могла запретить такие песни уже потому, что они неблагозвучны. Приходилось идти на хитрости и говорить, что данная песня в переводе с английского имеет очень зрелый в политическом отношении текст. Что эта песня является протестом: или против войны во Вьетнаме, или против тяжелой жизни нещадно эксплуатируемых на Западе рабочих, или призывает НАТО к ядерному разоружению. Так, худо-бедно копируя вокал Яна Гиллана, мы выражали якобы протест против травли Анджелы Дэвис, американской активистки с просоветскими взглядами. Цензура не могла ничего возразить против официально поддерживаемой советским правительством Дэвис. А наш репертуар пополнялся новой песней «Deep Purple».

Репетировали мы в подвале института. Это место нам выделил профком. Идеологический контроль над нашим репертуаром должен был осуществлять комитет комсомола. Но нас взял под свою защиту декан, легендарный в свое время Николай Васильевич. «Я лично буду контролировать свой ансамбль, — заявил он и добавил: — Кто платит деньги, тот и заказывает музыку». Бывший

хоккеист, он имел на все свое мнение. «Настоящий хоккеист должен играть в НХЛ», — обычно говорил он. «А настоящий музыкант должен играть рок-н-ролл», — в тон ему вежливо продолжал я. «Мне все равно, что должен играть музыкант, — рявкал декан, — главное, чтобы публика не стояла на месте!»

Получив практически полную свободу действий, мы играли все что хотели. Репертуар наш в основном состоял из рок-н-роллов, от которых «публика не стояла на месте». Мы выходили на сцену втроем: лидер-гитара, бас-гитара и ударные. Согласитесь, что в таком составе рок-н-ролл звучал в своем первозданном виде, не разбавленный посторонними звуками. Но группа из трех человек была нарушением бюрократической инструкции, в которой говорилось, из скольких музыкантов предпочтительно должен состоять вокально-инструментальный ансамбль. Чтобы соблюсти бюрократические формальности, мы занесли в список членов ансамбля еще трех человек. В ближайшем от нашего института ресторане мы нашли сорокалетнего тромбониста, который к тому же немного играл на трубе. За десять рублей он согласился фигурировать в нашем списке сразу в качестве двух музыкантов: тромбониста и трубача. С нами он дня не выступал, зато формальности были соблюдены. А если кого-либо интересовало, где трубачи, то мы отвечали, что они оба или больны, или играют на похоронах, но вот-вот должны подойти. Один только раз тромбонист появился на репетиции, и то потому, что поссорился с женой, а на улице шел дождь, и ему некуда было идти. Он долго слушал, как мы репетировали свои рок-н-роллы, а когда спросили его мнение как профессионала, он сказал: «Ребята, если вы не поменяете репертуар, вас передушат, как приблудных тараканов в совминовской столовой».

За электроорганом занял место наш приятель по фехтовальной сборной Володька Купрейчик, в простонародии Купа. Мы купили самый дешевый электроорган под названием «Юность». Купа с радостью сел за инструмент, потому что был уверен, что музыканту легче с девочками познакомиться. Из всего нашего репертуара он играл от силы две-три песни, но числился у нас в качестве пианиста.

За ударной установкой как всегда был мой верный Санчо Панса — Юрка Яковлев по кличке Яков. С ним мы начинали еще в школьном ансамбле, и со временем он стал хорошим ударником. Сейчас учился в соседнем институте и находился, как всегда, под рукой. Для него, благодаря нашим знакомым продавщицам, мы купили дефицитную ударную установку чехословацкого производства, на которой красовалось имя старинного скрипичного мастера Амати. Ударная установка под таким названием, сделанная хитрыми чехами, шла у цензуры как классический инструмент чуть ли не симфонического оркестра.

Теперь два слова про еще одну инструкцию, которой мы должны были соответствовать. Чтобы убить в зародыше сам звук рок-н-ролла, где-то в середине семидесятых, в бюрократическом пояснении, какими должны быть ансамбли, исполняющие популярную музыку, говорилось, что помимо электрогитар туда должны обязательно входить духовые инструменты. Военнооркестровая валторна для них, надо думать, была предпочтительнее помповой трубы, стоявшей на вооружении американского джаза. Тромбон считался благонадежнее развязного саксофона. А кларнет гораздо моральнее «проститутки» флейты, скомпрометировавшей себя сотрудничеством с «Jetero Tull». И вообще, всякая неблагонадежная «дуда» должна была повсюду быть заменена на что-то одно, солидное, типа тубы. Огромная, сверкающая туба одним своим видом могла превратить любую группу в бравый оркестр пожарной команды, а звук ее должен был убить наповал любой рок-н-ролл. И если

вы при таком наборе музыкальных инструментов хотели сыграть что-нибудь приличное, то единственное, что вам оставалось, это изображать, опять же не играть, а изображать «Клуб одиноких сердец Сержанта Пеппера». Но с копированием «Битлз» дело обстояло не так просто. Здесь уже вступали в силу другие — неписаные, но соблюдаемые всеми без исключения законы.

«Битлз-табу»

Песни «Битлз» играли все, кто умел держать в руках гитару. Эти песни являлись неотъемлемой частью общения между молодыми людьми и звучали в любой компании. Мелодии их знали все. При отсутствии оригинальных текстов под знакомые мелодии горланили любые английские слова, главное, чтобы они по звукам напоминали те, что пелись в песне. А кто не знал ни одного английского слова, тут же выдумывал похожий набор звуков, имитируя ливерпульский гайморитный прононс. Однако, будучи широко распространенными в обычной жизни, я бы даже сказал, будучи частью повседневного советского бытия, песни «Битлз» почти не звучали со сцены. И не потому, что была проблема с текстами. При желании их можно было найти. При желании можно было найти даже нотные сборники. Тут мы сталкиваемся со вторым парадоксом в отношении «Битлз». Первый имел место в начале шестидесятых, когда слово «Битлз» обогнало их песни и, прочно войдя в русский язык, стало отождествляться у многих советских людей с любым рок-н-роллом, любой ритмической мелодией. Конечно, были и те, кто по роду своей деятельности бывали за границей и могли держать в руках реальный альбом «Битлз» еще в 1963-м. Но таких было крайне мало. Что же касается остальных, то аналогия в этом случае может быть проведена с тем, что испытывают некоторые сейсмочувствительные натуры. Такие люди, живя, предположим, в Европе, могут почувствовать, что в этот момент где-то в Мексике произошло землетрясение. В данном случае «Битлз» можно сравнить с землетрясением, толчки которого мы почувствовали в СССР. И когда на Западе, достигнув своей верхней точки и уже не снижаясь, захлестывая континент за континентом, шла волна под названием «Битломания», единственной преградой для нее была железобетонная граница СССР, через которую не могло просочиться ни единой капли непрофильтрованной информации. И тем не менее, мы ощутили удар этой волны. Именно ощутили, так как вероятность того, что мы услышали что-то из официальных источников, равна нулю. В данном случае, как говорят ученые, мы имеем дело с чистым экспериментом. А ощутили мы в ту пору вот что: где-то за границей появилось что-то шумное, веселое, волосатое и ужасно симпатичное. И это «что-то» под названием «Битлз» исполняет свои песни под электрогитары и обладает такой силой, что заставляет полюбить себя всех, кто хоть раз «это» услышал. Конкретно песни «Битлз» мало кто знал, но слово «Битлы» знали все. Слово обогнало их песни.

Уже позже, в конце шестидесятых, парадоксальную ситуацию, когда каждый пел их песни в узком кругу, но никогда не позволил бы себе копировать «Битлз» на сцене, можно назвать вторым парадоксом или «Битлз-табу». В СССР «Битлз» были окружены таким ореолом легенд и славы и находились на такой вершине музыкального Олимпа, к которому никто не осмеливался подступиться. Все понимали, к этому прикасаться следует очень деликатно. «Битлз» были глубоко личным понятием для каждого. Даже государственные вокально-инструментальные ансамбли не отваживались нарушить этот кодекс. За весь период шестидесятых—семидесятых годов советскими музы-

кантами были скопированы и выпущены на пластинках, насколько я помню, четыре песни «Битлз». Две из них на английском языке: «Ob-La-Di, Ob-La-Da», «I Saw Her Standing There» и две песни с русскими текстами: «Lady Madonna» и «Drive My Car». И если «Lady Madonna» имела похожий перевод, то текст «Drive My Car» был про старенький автомобиль, который поспорил, что пробежит четыреста миль.

Следует, однако, отметить, что «Битлз-табу» совсем не распространялось на одежду, гитары, аппаратуру и внешний вид музыкантов. Тут, наоборот, сходство даже поощрялось. Человек, похожий на Пола Маккартни, имел больше шансов добиться успеха на сцене, так же как и ансамбль, вооруженный самодельными гитарами, напоминающими «Rickenbacker» и «Hofner». Особенным успехом пользовались группы, исполняющие свои песни в стиле а-ля «Битлз». Этот стиль уже позже, в восьмидесятые годы, взял за основу ленинградский ансамбль, именующий себя бит-квартет «Секрет».

Удивительно, но «Битлз-табу», почему-то не касалось рок-н-роллов. Рок-н-ролл существовал как бы сам по себе, независимо от его оригинального исполнителя. Можно было беспрепятственно копировать любой рок-н-ролл, поэтому использование рок-н-роллов из репертуара «Битлз» нарушением табу не было.

Подводя итог сказанному, я для наглядности приведу пример «Битлз-табу» на конкретном альбоме «Help». Если вы, допустим, прокричали в микрофон «Dizzy Miss Lizzie», то это нарушением табу не считалось. Но если вы решили спеть песню «Help», то тут одно из двух: или вы должны были исполнить ее так же, как «Битлз», или лучше даже не начинать петь. Здесь вам не простили бы ни одной фальшивой ноты. Ну, а если ваша наглость зашла так далеко, что вы, в переполненном зале, запели «Yesterday»... никто вас за штаны со сцены не стащил бы, но и никто на следующий день не подал бы вам руки.

Рок-н-ролльное братство

Параллельно с нами в городе существовали десятки различных групп. Мы одалживали друг у друга аппаратуру. Если кому-либо удавалось раздобыть оригинальные тексты песен и ноты, то они сразу же становились общим достоянием. Делились всем, чем могли: шнурами, микрофонами, квакушками... Помню, как студент из радиотехнического института принес к нам на репетицию изобретенный им прибор, контролирующий настройку гитары. Гитару расстраивали, затем давали Толику и через минуту проверяли по прибору его работу. Стрелка прибора показывала точность настройки — 100% на каждую ноту. Иногда другие ансамбли просили нас отыграть за них вечер — *отлабать халт*, как это тогда называлось. Мы лабали, часто за спасибо. Между нами не существовало денежных отношений, рассчитывались аппаратурой. Например, если мы играли танцевальный вечер вместо постоянных музыкантов, то они давали нам ревербератор. Ревербераторы в то время были большим дефицитом. Их мастерили из старых катушечных магнитофонов, устанавливая дополнительные головки. Звук от микрофона, записываясь на пленку, проходил через серию головок и каждый раз воспроизводился. Получалось что-то вроде эхо. Другим дефицитом были педали-квакушки. Педали заводского изготовления были тяжелющие, как угольные утюги. Крышка такой педали часто опускалась от собственной тяжести, и педаль начинала «квакать» сама, независимо от музыканта. Приходилось дорабаты-

вать педали самостоятельно. Нормально работающий электроорган был тоже редкостью. Наша ионика «Юность» была сконструирована так, что ее можно было настраивать, подтягивая для этого специальные гайки. Идея сама по себе неплохая, но от перемены температуры чувствительная «Юность» расстраивалась. Например, настроим мы ее перед вечером, затем народ набьется в зал, начнутся танцы, температура поднимется, и снова нужно подтягивать гайки. А в перерыве все пойдут на перекур, в зале откроют окна, и капризная «Юность» опять расстроится. Что значит настроить орган, поймет только тот, кто настраивал пианино. Толик, вооружившись гаечным ключом и отверткой, в считанные минуты ухитрялся настраивать всю нужную клавиатуру. Благо такой было не много. Мы редко пользовались органом. Купа хорошо играл на нем лишь мелодию Манго Джери «In the Summer Time», которой обычно открывали вечер. Мы держали Купу в ансамбле по многим причинам: он был своим парнем, помогал нам таскать аппаратуру, а в перерывах, если понадобится, он мог сгонять за бутылочкой «чарли». При этом он знал все враждующие группировки в городе. В то время город был разбит бандами подростков на сферы влияния, и если мы играли танцы на неизвестной территории, Купа загодя предупреждал нас о настроениях подрастающего поколения в данном, так сказать, регионе.

Играли мы в основном на танцевальных вечерах, концерты давали редко, так как наш рок-н-ролльный репертуар для этого мало соответствовал. Помню, как однажды приехали на знаменитую спортивную базу за городом, чтобы выступить перед олимпийской сборной. Концерт начинался поздно, и мы должны были заночевать в гостинице. Администратор, пожилая женщина, уже хотела выделить «таким приличным», на ее взгляд, музыкантам номер почти люкс. После нашего рок-н-ролльного представления мнение ее о нас резко упало, она со скрипом дала нам каморку, типа той, где уборщицы хранят ведра. Спортсменам наше выступление понравилось. Да и мы разошлись, и ночью, уже в чьем-то номере, продолжали концерт на акустических гитарах.

Иногда выступали вместе с солисткой. Я звал ее Жека. Она была дочерью какого-то очень большого начальника. Как на Западе дети миллионеров уходят в хиппи, так и она решила присоединиться к нашему ансамблю. Ей хотелось петь, и не просто петь, а петь то, что ей хотелось. В нашем лице она нашла товарищей, разделяющих ее музыкальные взгляды. Выступала Жека с нами около года. Я всегда смотрел на нее с восхищением. Она была во сто крат умнее каждого из нас. Но даже тогда я не мог предположить, что пройдет много лет и Жека на советском телевидении пробьет тридцатиминутную передачу о «Битлз».

Несмотря на некоторую популярность нашего ансамбля в городе, мы так и не смогли занять призового места ни на одном официальном конкурсе. Однажды нас едва не обвинили в идеологической диверсии. Все началось с того, что председатель нашего профкома попросил нас отыграть танцы в каком-то клубе. Меня тогда удивило, что танцы днем. Уже на месте выяснилось — это был конкурс политической песни. Явились мы туда перед самым началом, а там разные коллективы за сценой готовятся, пробуют вокал, настраиваются, и главное, наш выход на сцену уже объявлен. Что делать? В то время мы играли на танцах песню, которую называли между собой для удобства: «Глори — Глори — Аллилуйя». Как к нам попала эта песня, никто не помнил, а точного названия ее никто никогда и не знал. Добавив синкопу между ударами барабана, мы превратили ее из марша в польку. Исполнялась она нами перед определенной аудиторией, когда нас просили сыграть полечку.

Песенка эта без труда проходила под полечку, и народ охотно скакал под нее. Теперь Толик вдруг вспомнил, что кто-то вроде говорил ему, будто текст этой песни политический. Английский текст, написанный для удобства русскими буквами, хранился в чехле его гитары. Мы тут же решили, что уберем лишний удар барабана и превратим ее снова в марш. Поднялись на сцену. «Песня американских рабочих», — объявил я. Толик прикрепил бумажку с текстом к стойке микрофона, и мы запели под армейскую дробь. После первого же припева нас попросили убраться. Я не знаю, почему эта наша выходка осталась безнаказанной. Видимо, жюри конкурса решило, что раз мы из института физической культуры, нас наказывать не надо, типа мы не ведаем, что творим. Говори не говори, а «физкультурная крыша» сыграла свою защитную роль.

Классика «Битлз»

Пользуясь симпатией и поддержкой нашего декана и имея предоставленную им свободу творчества, мы, как я уже сказал, подбирали репертуар по своему вкусу. Копированием популярных мелодий занимался Толик. Достаточно было ему на один вечер оставить магнитофонную катушку с записью песни, как на следующий день он уже играл партии всех инструментов. Несколько труднее дело обстояло с текстами. Английские тексты подбирали на слух, раз за разом прослушивая магнитофонную ленту. Особенно пришлось потрудиться над рок-н-роллом «Dizzy Miss Lizzie». В кратком нотном сборнике «Битлз», который одолжил нам мой сосед по кличке Моргай Глаз, игравший на танцах в Морге, то есть клубе на Московской, этой песни не было. Мы тогда еще не знали, что эту песню написал некто Williams. В то время любую исполняемую «Битлз» песню мы автоматически приписывали Леннону и Маккартни. Нам и в голову не приходило, что они могут петь не свои песни. Ни у кого из наших знакомых «Dizzy Miss Lizzie» также не оказалось. Пришлось переписывать слова с магнитофонной катушки на слух. Но для моего уха первая строчка песни звучала как «You make me busy missis Lizzie». Слова выходили какие-то странные. Нужно было все-таки посмотреть в полном сборнике «Битлз». Но где его взять? Поискать такой сборник нам посоветовали у молодых профессиональных музыкантов в общежитии консерватории.

Студент композиторского отделения Дима был первым, кого мы встретили у входа в общежитие. Как это часто в жизни бывает, когда кого-либо начинаешь искать, то этот кто-либо вдруг, по каким-то непонятным законам, сам попадается тебе навстречу. «На ловца и зверь бежит», — гласит поговорка. Дима был именно тем зверем, причем мы, как потом выяснилось, были теми людьми, которых он давно искал. Точнее сказать, он искал не нас, а Толика. Через пять минут после знакомства мы уже сидели в его комнате. Я листал полный нотный сборник «Битлз». Впервые в жизни держал в руках такое сокровище. Но нужной песни там не было. Дима с Толиком о чем-то беседовали. Я не обращал на них внимания и старался переписать на лист одолженной бумаги как можно больше текстов песен. До меня долетали обрывки их разговора.

— Я не могу играть «Битлз», — отнекивался Толик.

— Конечно, — соглашался Дима, — но это если дело касается исполнения их песен, а я предлагаю классическую обработку их музыки. Чистую мелодию, понимаешь?

— Я не представляю, как это будет выглядеть, — сомневался Толик.

— Аранжировку предоставь мне, — успокаивал его Дима, — она будет написана для гитары и фортепьяно. От тебя только требуется сыграть свою партию.

— Почему ты выбрал меня? — спросил Толик.

— У тебя хорошая техника игры, к тому же в подвале вашего ликбеза мы сможем оборудовать студию.

Немного поколебавшись, Толик согласился, но оставил за собой право не участвовать в записи, если ему не понравится аранжировка.

Уже на следующий день в подвале, где мы репетировали, стояло пианино Димы. Этот громоздкий инструмент мы ухитрились доставить туда без лишнего шума, в полночь. В это время в институте никого нет, а ночной сторож, старик Холявский, обычно спит в гардеробе. Вместе с пианино Дима привез свой двухдорожечный стереомагнитофон, переделанный таким образом, что на нем можно было записывать каждую дорожку в отдельности. После первой совместной репетиции Толик с Димой нашли общий язык, и началась работа над записью, которая продолжалась несколько недель. За это время мы записали почти все, что было задумано Димой, и вскоре уже трудились над последней песней «Hey Jude». Работа велась только в ночное время, чтобы не привлекать внимания администрации института. В студии мы обычно находились втроем. Дима и Толик играли, я делал записи на магнитофон, а если требовалось, брал в руки маракасы или отстукивал легкий ритм на бонгах. В песне «Norwegian Wood» я даже сыграл партию на двенадцатиструнной гитаре. Иногда вместе с Димой в нашу подвальную студию приходила его коллега по консерватории, маленькая, хрупкая, в огромных очках с толстыми стеклами пианистка. Она была победительницей каких-то престижных конкурсов и заменяла Диму в особенно сложных партиях. Играла она виртуозно. Слушая ее, я ловил себя на мысли, что еще немного и полюблю классику. Толик в ответ, чтобы развлечь нас, включал электрогитару и делал несколько рок-н-ролльных пассажей. Пианистка смеялась и хлопала в ладоши.

— Почему ты не поступишь к нам в консерваторию? — спрашивала она.

— Чтобы на меня там надели намордник? — отвечал вопросом Толик.

Техническая сторона записи, как я уже сказал, была на мне. Обычно после того, как заканчивали обе дорожки, я соединял их простым способом, переписывая все на другой магнитофон. Конечная запись была в режиме моно, но это ее не портило. Великие мелодии не нуждаются в дополнительных трюках. Ведь «Битлз» свои первые альбомы писали в монорежиме. Кто-нибудь может сказать, что их музыке не хватает стереоэффектов?

Находясь по ночам в студии и имея уйму свободного времени, я о многом стал задумываться. «Гениальные произведения искусства, — размышлял я, — существуют независимо от их физического носителя. Это, как если бы Пикассо в порыве вдохновения нарисовал картину на куске случайно попавшегося под руку картона. Что от этого, цена ее была бы меньше, чем если бы она была нарисована на белоснежном канвасе? Старая магнитофонная катушка с оригинальной записью «Битлз», случайно сделанная в Гамбурге, ценнее сотни стереодисков современных популярных рок-групп. Если твоей рукой водит Бог, — пришел я к выводу, — то даже глиняная статуэтка, сделанная тобой, будет иметь душу». Еще немного и я стал бы философом. Но нашей студии вскоре пришел конец.

Как-то ночью сторожу Холявскому не спалось. Он бродил по темному зданию института. Услышал звуки, доносившиеся из нашего подвала. Дверь нашей студии была не заперта. Он подкрался к ней и заглянул внутрь. То, что он увидел, показалось ему подозрительным. Во-первых, студенты с гитарами

в ночное время, во-вторых, с незнакомой девицей, которая, судя по комплекции, была явно не из нашего института. Он тут же пригрозил, что утром обо всем доложит начальству. Нам едва удалось договориться с ним, чтобы он не поднимал скандала. Пришлось пообещать ему бутылку водки. Следующей ночью он уже пил за наше здоровье и, что самое неприятное — в нашей студии. Это ему понравилось, и он стал приходить каждую ночь за бутылкой водки или вина. Нам ничего не оставалось делать, как покупать ему разное пойло. Все понимали — студии скоро конец. Необходимо было срочно сворачивать дело. Нам оставалось записать всего одну песню «Hey Jude». Но Холявский всякий раз появлялся в неподходящий момент. Он стучал в дверь и говорил нараспев: «Молодые лю-у-ди, а не попить ли нам винца-а-а?» Его мерзкий голос накладывался на запись. Но самое ужасное, что, получив бутылку, он не уходил. А зачем? В институте темно и неуютно, а тут люди и свет. Он садился распивать ее тут же в студии, закусывая крепчайшим, шибающим в нос чесноком. Устроившись за ударной установкой, он разворачивал газету с закуской на сольном барабане и всю ночь вел неспешные разговоры, от которых хотелось завыть. Терпение наше лопнуло, и в очередную ночь мы вынесли пианино, погрузили его на тут же остановленный грузовик и увезли обратно к Диме. При этом Холявский пытался препятствовать выносу «казенного имущества». Пришлось купить ему у ночного таксиста бутылку.

Кассета «Классика Битлз» так и не была закончена. В нее не вошла намеченная нами песня «Hey Jude». Денег на этой кассете мы не сделали, наоборот, остались еще и в минусе, если считать количество проставленной сторожу водки. По правде говоря, мы и не ставили цель заработать деньги, нами двигало чистое искусство. Рабочие копии наших записей еще долго хранились у меня дома, в то время как конечный вариант в кассетах разошелся по рукам. Много лет спустя в далекой от моего дома Эстонии я, сидя в баре, услышал среди прочей музыки одну из мелодий «Классики Битлз». Без сомнений, это была наша запись, я узнал бы ее из миллиона. Я попросил бармена сделать мне копию. Он ответил, что не может, так как «копирайт» принадлежит какой-то таллиннской студии. «Но ведь я же исполняю на этой записи партию тамбурина», — хлопнул я от досады пивной кружкой. Бармен с подозрением посмотрел на меня. Я подошел к проблеме с другого конца, и он, за червонец, сделал мне на двухкассетнике копию. Положив драгоценную кассету в карман, я почему-то вспомнил старика Холявского. Полутемная атмосфера зала и количество выпитого навели меня на мысль о том, что классические произведения не приносят их исполнителю сиюминутной выгоды, но зато существуют вечно.

* * *

Пройдет много лет, 26 ноября 2003 года я буду в «Битлз»-компании Apple разговаривать с Нилом Аспиналлом. Он пригласит меня приехать для обсуждения экранизации этой книги. Мы проговорим около трех часов. Уже прощаясь, Нил, человек, которого называют пятым Битлом, скажет, что у меня была насыщенная событиями молодость. Я дипломатично пошучу, что у него молодость была тоже будь-будь. Мы посмеемся... Странно, но меня удивит, что вся фирма Apple, расположенная в Лондоне на Овингтон, 27, это всего лишь несколько небольших комнаток. Совсем не то, что я себе всегда представлял. Но висящие на одной из стен золотые и платиновые диски «Битлз» разных стран и континентов раздвигали границы этой фирмы до размеров планеты.

Вечер в «Пентагоне»

«Пентагоном» в городе называли Дом офицеров. Построен он был из гранита. Стоял в центре города основательно, как египетская пирамида. Там были кинозал, буфет, бильярдная, бассейн, танцевальная площадка, в общем, все, что необходимо военному для культурного отдыха. «Пентагон» охотно предоставлял свои помещения в аренду различным организациям для проведения торжественных собраний и концертов. Что бы ни проводилось в его стенах, все было надежно и наверняка. «Пентагон» славился своим образцовым порядком: в его буфете никогда не было пьяных, так считалось, во всяком случае, в бильярдной не играли на деньги, а в бассейне за тридцать лет никто не только не утонул, но даже и не пытался. Надежность «Пентагона» сыграла свою роль, когда в нашем институте принимали решение провести вечер знакомств между нашими студентами и студентками Института иностранных языков. Наш ликбез славился тем, что на девяносто процентов состоял из представителей мужского пола с накачанными мышцами и чистыми мозгами. Второй, наоборот, был преимущественно женским заведением, известным в городе как «институт невест». Учащиеся там девицы поголовно скучали в библиотеках за чтением английских романов из обязательной программы. С мужчинами дело в Инязе обстояло, мягко говоря, плохо. Представители мужского меньшинства Иняза были в большинстве своем женатыми или женоненавистниками, что еще более усиливало создавшийся там дисбаланс.

Вечером, в назначенное время, студенты обоих институтов стали заполнять танцевальный зал «Пентагона». К восьми часам все собрались, и первым свою программу начал ансамбль Иняза. На сцену вышли десяток девиц и замученный паренек с гитарой на веревочке. С безукоризненным английским произношением они запели что-то вроде баллады, затем перекинулись на кантри. Никто в зале не танцевал. Наши ребята знакомились с девочками, вели их в буфет, угощали пирожными с лимонадом. Заместитель начальника «Пентагона» по культурной части, толстый лысеющий майор, сидел тут же в буфете и потягивал коньяк, налитый для конспирации в кофейную чашечку. Жмурясь от удовольствия, он отмечал, что молодежь сегодня подобралась культурная, поэтому вечер должен пройти как обычно хорошо. После второй чашечки, окончательно разомлев и расслабившись, он отпустил двух дежурных солдат, в функции которых входило следить за порядком. Тем временем инязовский ансамбль закончил свою программу, и мы втроем поднялись на сцену. Толик стал настраивать гитары, мы с Яковом собрали все микрофоны и расположили вокруг ударной установки, затем подключили гитару Толика параллельно сразу в два усилителя. На сцене стояло столько аппаратуры, что хватило бы на взвод гитаристов. Армия была богатой организацией. Аппаратура, полагаю, делалась на военных заводах. Например, уникальный двухсотваттный басовый усилитель с огромной колонкой, через радиоткань которой просвечивали полуметровые круги динамиков. Когда я подключился к усилителю и тронул струну, то от звука, дохнувшего из колонки, на мне зашевелилась рубашка. А когда Яков, сев за ударную установку, топнул педалью большого барабана, в зале как будто грохнула противотанковая мина. Когда наши приготовления были закончены, Толик, сделав легкую пробежку по струнам, повернул ручку громкости гитары и, подойдя к микрофону, объявил: «А сейчас послушаем музыку». Он наступил на фуз-педаль, и колючие звуки соло-гитары вместе с синхронным буханьем моего баса вырвались из динамиков и спрессовали воздух. «Good Jolly Miss Molly!» — заорал он в микрофон, подражая скрипучему голосу Джона Фогерти. По залу как лихорадка пробежала, танцующие заполнили сначала

его середину, затем круг стал расширяться, и вскоре народ уже лез на сцену. Охранять сцену взялись наши боксеры. Окружив ее полукольцом, они весь вечер никому не давали на нее взобраться. Работали типа «Адских Ангелов». После первой песни мы тут же перешли на рок-н-ролл собственного сочинения «Му-Му Рок». Зажигательный ритм этой веселой песенки всегда принимался на ура, но сегодня, исполняемая через мощные колонки, она имела особенный успех. Рок-н-ролл раскрепощал, разжигал, веселил и настраивал на «то ли еще будет». Отсутствие свободного пространства не считалось помехой, наоборот, как говорили наши студенты, «придавало знакомству плотность». Чтобы немного снизить частоту телодвижений танцующих, но добавить им страсти, третьим выстрелом нашей программы стала песня «As Tears Go By» «Роллинг Стоунз». Уже как следует познакомившись, студенты ИФК и Иняза сблизились в медленном танце. Забегая вперед, скажу, что это была единственная медленная мелодия за весь вечер. Дальше шли «Deep Purple» со всей их тяжестью и виртуозностью гитарных пассажей, еще более тяжелые, но незатейливые «Black Sabbath» и, конечно же, «Creedence Clearwater Revival», легкие рок-н-роллы которых никому не позволяли стоять на месте. Наконец Толик отошел от микрофона. Настала моя очередь исполнить «Dizzy Miss Lizzie». Это была единственная песня, которую я пел. Исполняли мы ее в стиле «Битлз». Я не знаю почему, но эта единственная песня, на которую я со своим голосом был способен, получалась неплохо. Правда, чтобы добиться сходства с оригиналом, приходилось стараться. Обычно после качественного исполнения я на три дня терял голос. Но по-другому ее исполнять было нельзя. Однажды мы играли вечер в какой-то средней школе, и я, позволив себе расслабиться, спел «Dizzy Miss Lizzie» без особого напряга. К нам тут же подошла девочка, по виду чуть ли не пятиклассница, и со слезами на глазах сказала: «Как вам не стыдно! Это же «Битлз»!» С тех пор я никогда не расслаблялся.

В танцевальном зале «Пентагона» стоял сплошной рев разогретой толпы. Атмосфера зала была насыщена эмоциями, как парами бензина. Любая искра могла привести к взрыву. Подойдя к микрофону, я в последний раз оглянулся на Толика, как бы спрашивая: «Может, не надо?» Толик на меня не смотрел, он ждал счет. Яков четырежды коротко стукнул палочками. Взвизгнула соло-гитара, и мой бас стал прессовать воздух вместе с ударными. Проиграв одиннадцать тактов, я завопил: «You make me busy missis Lizzie...» Зал ответил ревом. Без сомнения, я находился в пике формы. Не думаю, чтобы кто-нибудь из Иняза обратил внимание на текст. То, что творилось в зале, можно было охарактеризовать как пожар в сумасшедшем доме. Я не заметил, когда публика начала бить окна, но помню, что к моменту окончания песни по залу уже гуляли сквозняки. Пробившись через кордон боксеров, на сцену выскочил наш пианист Купа. В этот раз он с нами не играл и весь вечер был занят тем, что встречал у входа и провожал в зал безбилетных знакомых.

«Мужики, туши свет! — закричал он. — Еще немного и «Пентагон» разнесут по кирпичам». Затем, глотнув минеральной воды из стоявшей на колонке бутылки, Купа перевел дыхание и сообщил, что директор зала, майор, пытался вырубить электрический тумблер, чтобы отключить наши усилители, но ребята из сборной по борьбе его скрутили и связали шнурками его же ботинок. Теперь он лежит за буфетной стойкой. А молодые офицеры вышли из бильярдной и присоединились к танцующим... Один лейтенант сказал про вашу «Бизи Лизи», что это почти «Битлз»!

— Что, прямо так и сказал? — не поверил я.

— Да! — замахал руками Купа. — Только теперь всем нужно сматываться, потому что сюда едет военная комендатура!

На следующий день городская вечерняя газета, вскользь описав безобразия в Доме офицеров, заканчивала заметку словами: «Нам не нужна такая музыка». В институте по этому поводу устроили разнос. Но нас опять не тронули. За нас вступился декан. Он повернул дело таким образом, что вина целиком легла на комсомольскую организацию института.

— Чья была инициатива проводить этот вечер? — сразу же перешел он в наступление.

Секретарь комитета комсомола встал и сказал, что вечер был проведен по взаимной инициативе комсомольских организаций двух институтов, нашего и Иняза. «Но никто не планировал бить окна», — добавил он.

— А чего вы еще ожидали? — рявкнул декан. — Вы же собрали в одном зале томящийся гарем и школу гладиаторов. Думать надо в другой раз!

Фестиваль в Ереване

Не прошло и недели после случая с «Пентагоном», как в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонил какой-то представитель оргкомитета какого-то музыкального фестиваля. Он спросил, может ли наша группа приехать в Ереван.

— Это, должно быть, ошибка, — ответил я. — Вы уверены, что мы вам нужны?

Человек с южным акцентом подтвердил все сказанное и добавил, что билеты на самолет и проживание в Ереване будут предоставлены нам бесплатно.

— Но как вы нас нашли? — спросил я.

— По газетной публикации, — ответил голос в трубке.

Я переспросил, имеет ли он в виду публикацию «Нам не нужна такая музыка».

— Да, — ответил голос, — нам как раз нужна такая музыка.

Через месяц мы были уже в Ереване. Кроме нас туда съехались полуподпольные музыканты со всего Союза. Официально все это носило название «Фестиваль песни». Нужно отдать должное армянам, они смогли обойти слово «политика» в официальном названии фестиваля. Это уже не был фестиваль политической песни. Хотя назвать его официально фестивалем рок-групп они тоже не могли. Притом группы эти, опять же, не играли в определенном стиле, который мог бы быть отражен в общем для всех названии. Каждый подбирал себе музыку по вкусу. Кто-то играл под «Pink Floyd», кто-то копировал «Led Zeppelin», но духовными учителями, я не ошибусь, для всех оставались «Битлз».

Программа трехдневного фестиваля в Ереване была довольно интересной. День начинался с конкурса песни. Он проходил в специально арендованном для этой цели зале училища, расположенного недалеко от гостиницы, в которой разместили всех участников. И хотя конкурс считался полуподпольным, на нем присутствовали представители армянского телевидения. В последний день они пригласили победителей в телецентр, где сделали небольшую передачу с интервью и показом участников. После утреннего конкурса мы встречались с местными музыкантами, художниками. В одной из художественных мастерских я впервые в своей жизни увидел чеканку, изображающую «Битлз». На латунном круге диаметром примерно тридцать сантиметров в монетном стиле один за другим были выбиты четыре профиля. Обычно так в СССР изображали основоположников коммунизма: Маркса, Энгельса, Ленина, Ста-

лина. Теперь художник, несомненно обладавший чувством юмора, запечатлел подобным образом Джона, Пола, Джорджа и Ринго.

Если уж зашла речь о самодеятельном художественном творчестве, то самым распространенным среди молодежи было выжигание по дереву. В комнате у моего приятеля Кузи на стене висела дощечка с выжженным на ней изображением Ринго с голубем на руке. В других домах я встречал лик Джона Леннона со словами «THE WAR IS OVER», написанными полукругом над его головой в виде нимба. Изготовлением этих своеобразных поп-культовых икон занимались тогда многие школьники. Нельзя также не рассказать о матрешках. По-моему, их выпускал какой-то подпольный цех в центре России. Раскладывались матрешки так: самая большая — Джон, внутри — Пол, из Пола доставался Джордж, и последним, самым маленьким, был Ринго. Лица были нарисованы в гротескной карикатурной форме, но выглядели очень милыми, и главное, узнаваемыми. Джон был изображен в очках, а Ринго с барабанными палочками. Лицо Пола напоминало лицо херувима. Джордж скулами слегка смахивал на человека с Востока.

Но вернемся в Ереван. Три дня пролетели как один. Обычно по вечерам музыканты собирались в гостинице и, набившись битком в чей-либо номер, до утра продолжали песни, споры, разговоры. Это было настоящее бит-братство. Грузины пели своим старинным многоголосием «Paperback Writer». Эта песня, исполняемая ими в тесной застольной компании, звучала здорово. Хлопцы из Украины привезли с собой несколько собственных альбомов на магнитофонных катушках. В Киеве появилась подпольная студия звукозаписи с четырехдорожечным магнитофоном. Всем желающим выпустить свои альбомы был дан адрес студии. А пока тут же, в гостиничном номере, на кассетном магнитофоне делались записи на память.

Занавес

Вернувшись из Еревана, мы узнали печальную новость: сняли с работы нашего декана. «Крыша рухнула», — тут же прокомментировал это событие Толик. Наш завкафедрой решил на нас отыграться за давние обиды и запретил нам играть, но не рок-н-ролл, слова этого он не выговаривал, он запретил нам «дуть в западные дудки». Он лично заклеил дверь нашей студии полоской бумаги со своей подписью. В первый же вечер мы ее сорвали, забрали всю аппаратуру и перевезли ко мне домой. На некоторое время местом наших репетиций стала моя комната. Надо отдать должное соседям, они держались стойко и никогда не жаловались. Только однажды сосед, убеленный сединами снабженец ресторанов и кафе, встретив меня на лестничной площадке, спросил: «И что это у тебя в квартире играет? Орган?» Я ответил, что орган тоже, и в свою очередь спросил: «А разве вам слышно?» — «Уй, как хорошо слышно», — качал головой сосед.

Через месяц нас вызвал к себе заведующий кафедрой и приказал, чтобы мы немедленно привезли всю аппаратуру назад в институт для инвентаризации. При этом он пригрозил, что если мы не выполним приказа, то будет расценивать хранение аппаратуры у меня дома как хищение. Что оставалось делать? Мы вернули все обратно. Документы для инвентаризации были подготовлены таким образом, что наша аппаратура подлежала списанию как устаревшая. Для проведения этой процедуры мы собрались в маленькой комнатке. Все было пересчитано и сверено по бумагам. Затем случилось что-то странное. В комнатку вошел председатель профкома и принес маленький

пожарный топорик. Все происходящее в тот момент казалось нам чем-то нереальным... Он начал рубить гитары...

Еще через пару дней нас решили товарищески осудить на собрании в самой большой аудитории института. Но мест всем не хватило, поэтому основная масса учащихся осталась за дверью. Мы лишились поддержки большинства. Хотя были на нашей стороне и прогрессивные преподаватели. Один Игорь Зиновьевич Смушкевич чего стоил, музыкант по жизни и вообще человек талантливый во всем, за что бы ни брался. Но, видимо, пришло наше время, и защитить нас на сей раз никто уже не мог. С обвинительной речью выступил сам завкафедрой. Он припомнил все наши грехи. Такое впечатление, что более трех лет кто-то вел счет всем нашим проколам, старательно их собирая и классифицируя. Было упомянуто про «безобразную антисоветскую выходку» на конкурсе политической песни, где мы пели религиозную, по его словам, песню «Глори-Глори-Аллилуйя». Не остался без внимания и погром в Доме офицеров, и «шабаш в Ереване». В заключение он предложил исключить нас из института, так как людям с такими моральными устоями... в общем, место только в Советской Армии. До окончательного решения наших судеб нас попросили удалиться из аудитории.

Мы сидели с Толиком на подоконнике в институтском туалете и курили сигарету на двоих. И тут я вдруг вспомнил, что мне утром звонила продавщица из музыкального, сказала, что к ним поступили серебряные струны. Толик спрыгнул с подоконника:

— Так чего же мы тут сидим?

— Может, дождемся решения? — спросил я.

— А что они нам сделают? — махнул он рукой. — Максимум — отправят в армию.

Через минуту мы уже спешили в музыкальный магазин, обсуждая по дороге последний альбом Пола Маккартни.

Восьмидесятые

Декабрь восьмидесятого. О смерти Джона Леннона уже на следующее утро после выстрелов у подъезда «Дакота Билдинг» узнала вся страна. Наши газеты, естественно, не могли упустить такой возможности и тут же сообщили об убийстве в Нью-Йорке активного борца за мир. О том, что те же самые газеты еще недавно называли того же самого борца за мир лидером четырех волосатых обезьян, кривляющихся с электрогитарами, все как бы забыли. Как это часто в жизни бывает, когда человек перестает быть опасен, из него посмертно делают героя. Сотни идеологически выдержанных, политически корректных приживалок от пера не могли упустить такой возможности высказаться, ну и конечно, заработать. Ход их мыслей при написании статей и заметок двигался приблизительно в том же направлении, что и при написании школьного сочинения с использованием заданных слов. Итак, дано: Джон Леннон, пролетарский Ливерпуль, рок-н-ролл, гражданская позиция «Битлз», законы джунглей, убийство в Нью-Йорке. Теперь представим себя на месте среднестатистического репортера и начнем составлять из заданных слов предложения. Первое, что радует любого репортера, это то, что Джон Леннон из пролетарского Ливерпуля. Немножко огорчает слово «рок-н-ролл». Но если подойти к проблеме с нужной стороны, то вряд ли кто-либо будет отрицать, что рок-н-ролл исполняется человеком или группой людей с теми или иными проблемами, о которых спокойно петь нельзя, и оттого о них

кричат. А о чем могли кричать в пролетарском Ливерпуле? Естественно, о противоречиях между трудом и капиталом. Следовательно, рок-н-ролл — это пролетарская музыка, исполняемая пролетарскими ребятами, именующими себя «Жуками». Так интерпретировали «Битлз» большинство репортеров. В этой связи интересно также словосочетание: «Год от года росла гражданская позиция Жуков». Далее, игнорируя переводы песен «Битлз», любой репортер лишь по названиям мог рассказать читателю о том, о чем, с его точки зрения, в них поется. Так, в песне под названием «Любовь нельзя купить» поется о том, как данное чувство выставлено на продажу в так называемом свободном обществе. А в песне «Таксмен» повествуется о весьма нелегкой доле таксиста. Естественно, песни с такими глубокими текстами не нравились буржуазии. И вот буржуазия искусственно придумала битломанию, когда визгами и криками на концертах глушились слова песен прогрессивных ребят. До такой ахинеи я бы не додумался, если бы не прочел лично. Затем типовую статью могла бы украсить кульминация вроде: «Но чтобы окончательно поставить точку на «Жуках» и не дать им собраться в будущем, в Нью-Йорке, где правят законы джунглей, от руки наемного убийцы пал Джон Леннон». Остается только поспекулировать на тему: кому это было выгодно, добавить там-сям «воды» — и халтура готова.

Подобные статьи появлялись в официальной прессе еще с полгода после убийства Леннона. Но было и отличное от официального мнение. Например, в Эстонии, в студенческом самиздате, в статье, посвященной Джону Леннону, акцент ставился на личности Джона, насколько сильна была аура его, как люди ему верили и шли за ним. Что еще подростком, сам не умея толком играть на гитаре, он сколотил группу из своих сверстников, и они зажглись идеей и поверили ему. Кто-то взял в руки гитару, кто-то поддерживал ритм при помощи стиральной доски. Никто из участников этой первой группы после ее распада серьезным музыкантом не стал, значит, — шли только за Джоном. Потом были «Битлз», его группа, которой поверил уже весь мир. Никто не знает, почему на звук его гитары откликались миллионы. Почему он обладал такой силой? В конце статьи говорилось, что Джон Леннон — это не просто музыкант, не просто поэт, не просто композитор, что ему нет однозначного определения и что в будущем, возможно, кто-нибудь придумает слово, способное вместить в себе это имя.

Автора статьи звали Арво. Даже в относительно либеральной Эстонии он ухитрялся нарываться на серьезные неприятности.

Арво

«Книгу о “Битлз”» можно написать, не упомянув “Роллинг Стоунз”, а книгу про “Роллинг Стоунз” нельзя написать, не упомянув “Битлз”», — обычно говорил он. Это был человек, который часами мог философствовать на любые темы. По способностям создавать самые невероятные теории в поддержку своей точки зрения ему не было равных. Звали его Арво. Работал он на одной из многочисленных кафедр Тартусского университета. Кормил лабораторных мышей какой-то гадостью. Я точно не помню, как мы с ним познакомились, но у меня складывается впечатление, что он был первым человеком, которого я встретил, когда приехал учиться в маленький эстонский городок Тарту. Арво был частью городского пейзажа, его средневековых кривых улочек, пивных и крохотных кафе. Его огромную, похожую на белого медведя фигуру можно было встретить везде.

«Битлз» в Эстонии любили. Молодежь там была более продвинута в отношении их жизни, концертов, альбомов, фильмов. Сказывалась близость к Западу и относительная политическая свобода. В Тарту, в знаменитой университетской библиотеке, можно было найти английскую литературу о «Битлз».

Арво ухитрился посмотреть все фильмы с участием «Битлз», что для меня казалось чем-то неправдоподобным. Фильмы эти время от времени транслировало телевидение соседней Финляндии. Рассуждал об увиденном он всегда с долей философии. Особенно ему нравилось поговорить о Желтой подводной лодке. Начинал он обычно так: «Желтая подводная лодка — это абсурд, который слышится уже в самом этом словосочетании. В мультфильме она нарисована в виде большой желтой кляксы в непропорционально-карикатурной, раздутой форме. Абсурдом является также и то, что подводная лодка летает. Но ни один человек на свете и ни одна, пусть даже самая сильная тоталитарная система не может бороться с абсурдом. Поэтому в конце концов, Желтая подводная лодка побеждает, и четыре музыканта освобождают страну «Пепперляндию». Эти музыканты, кстати, абсурд не меньший. А ведь в отличие от рисованной субмарины, они являются копией реальных фигур. Они — прообраз известных всему миру музыкантов-композиторов, которые, абсурд, не умеют записать своих произведений нотами и музыке никогда не учились. Под абсурдом природа скрывает от нас свои тайны. Если мы не можем чего-либо объяснить, то говорим — «абсурд». А с тем, что нельзя объяснить, невозможно бороться. Карикатурная кляксоподобная Желтая подводная лодка сильна своим абсурдом, она не может быть объяснена и потому неуязвима».

Далее Арво говорил, что «Битлз» — это сообщение, посланное человечеству после самой кровавой из всех войн. Они явились, чтобы принести людям забытое слово «любовь». Для этой миссии были специально выбраны ребята с гитарами, потому что если бы это слово принес, например, старец с посохом, то в наше время никто его голоса просто бы не услышал. А в рок-н-ролльных ребятах этих была энергия и сила, их слушали, они нравились публике. Первая же простейшая песня, в три аккорда, вышедшая на пластинке, принесла им известность. Начиналась песня, между прочим, с дважды произнесенного слова «любовь». А год спустя вместе с ними о любви уже запел весь мир. Их многократно усиленные проповеди нашли отклик в людских сердцах.

Главные неприятности для Арво начались после публикации его статьи, посвященной смерти Джона Леннона. Попробую описать реакцию на это событие в Тарту.

Про смерть Джона я узнал 10 декабря. Об этом передали по радио в утренних новостях. Я пошел на занятия в университет, но дошел только до ближайшего киоска, где продавались газеты. Я не умел читать по-эстонски, но это не важно, «Джон Леннон» и в китайской газете не сложно разобрать. Рядом было напечатано имя убийцы. Я зашел в ближайший, открытый с утра бар, заказал водки и сел в темном углу. Мне не хотелось, чтобы посетители видели, что я плачу. Странно, чувства чего-то навсегда утраченного не было, ведь фактически с его смертью музыка оставалась, а слезы текли сами собой. Я даже начинал на себя злиться, что не могу их сдержать. Так бывает, когда режешь лук.

Скоро из бара я перебрался в пивную, так как деньги мои заканчивались. В пивной было тихо, как в «Анатомикуме». Не было ни обычного шума, ни музыки. В углу зала за столом я увидел Арво и еще двух его приятелей. Я подошел к их столику и сел рядом. Арво кивнул.

— Слышал новость? — спросил я.

Арво кивнул в ответ.

Мы некоторое время сидели молча, затем я достал из кармана смятую газету.

— Вот тут напечатано, — сказал я, — можешь почитать.

Арво молчал.

Я раскрыл газету.

— Его убил... — начал я читать имя убийцы.

— Не надо!— громко сказал Арво. Он встал из-за стола, чуть не опрокинув его. Глаза его блестели. Выругавшись по-эстонски, он перегнулся через стол, вырвал у меня из рук газету и швырнул на пол. Таким я его еще не видел. Его обычное добродушие вмиг улетучилось. Теперь передо мной стоял грозный потомок викингов.

«Куррат! — снова выругался он. — Его убил человек только лишь для того, чтобы я, Арво из Эстонии, узнал его имя. Так вот, я не хочу знать это имя. Он! Он! Он! — показывал Арво пальцем на посетителей в полумраке зала. — Мы не хотим знать имя этой свиньи».

На следующий день появилась его статья. Дальнейшие события не заставили себя долго ждать. Его взяли прямо на кафедре, где он кормил мышей. Милицейская машина доставила его в военкомат. Там ему объявили, что происходит спецнабор и что по закону о всеобщей воинской повинности он подлежит мобилизации как лицо призывного возраста. Что такое спецнабор в разгар войны в Афганистане, объяснять, я думаю, не стоит.

Два дня в ожидании транспорта Арво просидел в военкомате. На третий день молодой лейтенант-эстонец отпустил его на пару часов домой без охраны, якобы за документами. Арво зашел домой, попрощался с родителями и... уехал в Таллин. Что было дальше, мне рассказал один из его друзей.

Возле Таллина в рыболовецком колхозе работал двоюродный брат Арво. Он дал ему байдарку и перевез его на небольшой островок, откуда было «рукой подать» до Финляндии. В ту же ночь Арво на байдарке вышел в море. Больше о нем никто ничего не слышал.

Как он, такой неуклюжий, мог справиться с байдаркой в крутых декабрьских волнах Балтики? Как он миновал патрульные пограничные катера? Этих вопросов я сам себе старался не задавать. В те годы многие нелегально на легких суденышках переплывали в Финляндию. Некоторые оставались, некоторые перебирались дальше — в Америку и Канаду. Я хотел верить, что с Арво так и случилось.

«Бутлег Битлз»

Если рассматривать, чем же были примечательны восьмидесятые годы в СССР, если говорить о «Битлз», то нельзя не упомянуть про концерты группы из Англии «Бутлег Битлз». Серия их концертов прошла в 1982 году в советских городах. Лучшей рекламой этой группы были слова Пола Маккартни, что, глядя на них, он впервые увидел «Битлз» со стороны. Не знаю, говорил Маккартни это или нет, но билеты на «Бутлег Битлз» мгновенно стали дефицитом. Для концертов были отведены самые крупные залы, но и этого было недостаточно. Приходилось планировать концерты дважды в день, чтобы хоть частично справиться с потоком желающих посмотреть на копию «Битлз».

Мне удалось побывать на концерте в Риге. Для этого я проделал путь в четыреста километров и заплатил за билет на концерт тройную его стоимость.

Уже за час до концерта в зале было довольно людно. К сцене тяжело было пробиться из-за окружавшей ее толпы. Это понятно, ведь на сцене стояла аппаратура «Битлз»: усилители «Vox», ударная установка «Ludvig» с надписью «Битлз». А того, что рядом мелкими буквами было написано «Бутлег», можно было не замечать. Некоторые из зрителей делали фото на память на фоне сцены, чтобы потом при случае сказать знакомым что-нибудь вроде: «Это я перед концертом в Ливерпуле».

Подошло время начала концерта. В зале погас свет. По сцене промелькнули какие-то тени. Когда свет снова зажегся, все увидели «молодых «Битлз»» в строгих костюмах. Публика встретила их так, как будто на сцене был оригинал, а не копия. Я точно не помню, какую из песен они исполнили первой, но реакцию зала я запомнил хорошо. Стоило прозвучать первым аккордам, как публика, тут же узнав тему, выражала свой восторг громким ревом, который мгновенно стихал, и далее песню слушали уже в полной тишине. Я бы даже сказал, индивидуально. То, что звучало со сцены, было чем-то глубоко личным для каждого слушателя. С каждой песней был связан определенный кусочек чьей-то жизни, личные воспоминания. В концерте прозвучали три периода творчества «Битлз»: битломания, сержант Пеппер и студийно-авангардный. Каждому периоду соответствовали свои костюмы. Для этого «Бутлег Битлз» ненадолго покидали сцену, чтобы переодеться. Но когда, представляя последний период их творчества, «Джон Леннон» появился в белом костюме, как будто сошел с обложки «Abbey Road», публика встала с мест и встретила его нескончаемыми аплодисментами. Не могу сказать точно, сколько длились овации, но помню, что я, уже устав, сел на место, в то время как остальные все продолжали и продолжали аплодировать.

За весь концерт никто ни разу не попытался прорваться на сцену, только в конце «Бутлегов» буквально засыпали цветами. Это была благодарность за показанный нам маленький кусочек того, что у каждого связано с юностью.

* * *

Много лет спустя, встречаясь на Западе с различными людьми из окружения «Битлз», я довольно часто буду слышать нелестные высказывания о них. Это, как помню, жена известного комика говорила в телепередаче, что развелась с ним, потому что в жизни он был плохим семьянином. Мы в СССР не видели «Битлз», тем более не жили с ними на одних улицах и не учились в одних школах, и может быть, наши суждения о них однобоки. Не раз я слышал, что Джон Леннон, призывая вообразить отсутствие собственности, никак не мог вообразить отсутствие собственности у себя лично. Помню, как один мой знакомый журналист из Оттавы говорил: «К чему призывают песни «Битлз»? Ведь их любовь — это не любовь жены к мужу, а мужа к жене, это глобальная панмиксия со сверхприбылями для фармакологических компаний, сперва на противозачаточных, потом на антидепрессантах». Вполне возможно, что эти посвященные люди знают обе стороны медали и по-своему правы. В семидесятых же, в СССР, мне хватало одной стороны. И, возвращаясь к примеру с женой комика, я хочу сказать, что сосед у меня был отличным семьянином, но не комиком, а сними его в кино, зрители вывихнули бы челюсти, зевая. Зритель ходит смотреть фильм с любимым комиком, а какой он семьянин, имеет значение только для его жены. Мы слушали музыку «Битлз», не думая о том, какие они налогоплательщики и сознательные ли они граждане, мы слушали их музыку потому, что она помогала нам жить.

СВЕТЛАНА ЧИЖОВА

Свет и отрада

* * *

Венчает Верхний Замок Храм — свечою,
На Нижнем — «зажигает» — стадион,
Слепит и нависает над мечтою
Искусственным свечением неон.

Созвать бы всех на Полоцкое вече,
Устроив внесезонности аншлаг,
Связать бы обывательские речи
И миром всем забросить за овраг,

И сжечь, без сожаления и горя;
С молитвой, в такт стихающим шагам,
Двины и Полоты теченью вторя,
Священным поклониться берегам,

Песнь Песней спеть и вспомнить день отважный,
Расслышать голос рек и птичий гам,
В них растворить неверья дух варяжный,
Вычитывая город по слогам.

* * *

В неких царствах, других государствах,
На планетах иных — в городах,
В королевствах и призрачных паствах
Я искала — в пустынях, во льдах.

Снаряжала за дали и веси,
Ожидала с дороги вестей,
Подгоняя ветра, в поднебесьи
Рисовала прообраз гостей —

А мечта, второпях улетая,
Заплутала в соседнем саду,
И, тайком, замирая и тая,
Вслед — к соседской калитке — иду.

* * *

Ноги будто из мятой ваты,
Руки — плети и взгляд пустой,
И стихи мои глуповаты,
Строчкой начатые не той,
Что одна бы за всех сказала
О ниспосланности в судьбе
И ни слога бы не меняла,
Отпуская грехи тебе
За молчание, за непамять,
За остуженность дней-ночей,
Мне не выстоять, надо падать
И лететь к тебе, мой ничей.

* * *

Осень поздняя — свет и отрада,
Отражение прожитых дней,
Растрепав календарь листопада,
Подгоняет ретивых коней

До конечной в судьбе остановки,
Но пока еще — все впереди,
До последнего вздоха — обновки:
Солнце, небо, ветра и дожди,

И отметки-столбы километра —
По природе земной, по родству,
Вновь услышу шептание ветра,
Вслух считающего листву.

* * *

Мой критик, жаждешь новых тем,
Укором мысли слог пытаешь?
Меня не втиснешь в ряд систем,
Глубин моих не разгадаешь

И не проникнешь за порог
Тех тайн, что я сама позволю.
Пока под лупой не продрог
Мой стих — пусти его на волю.

Неуловимый компонент
Подвластен прочному почину —
Зрей, эксклюзивный оппонент,
Не утруждайся клясть причину.

НАТАЛЬЯ ГОЛУБЕВА

А на земле сегодня снова снег идет...

Рассказ

На часах было девять, но уходить с работы вовсе не хотелось. Лина медленно подошла к окну кабинета и стала вглядываться в лица спешащих домой прохожих, задержавшихся по каким-то причинам на городских улицах. Она любила это во всю стену окно, которое будто открывало перед ней совсем другой мир. Там, за ним, была жизнь с бесконечной суетой и извечными заботами торопящихся куда-то людей.

Послышавшийся в коридоре грохот ведер напомнил, что в здании началась уборка и бедная Марья Васильевна вновь будет терпеливо ждать, когда же, наконец, можно будет начать прибирать.

Проблем, требующих решения, накопилось много, но делать ничего не хотелось. Не покидало желание стоять у окна и наблюдать за разворачивающимся там действом. Совсем скоро опустеют улицы, и на них ровными рядами выйдет уборочная техника. Потом специалисты начнут осматривать и опробовать в общей цепочке иллюминацию, где уже который день у них что-то не ладилось.

До наступления Нового года оставалось две недели. Сегодня его скорое приближение ощущалось особенно. Впервые за непривычно теплые декабрьские дни выпал снег. Он был мокрым, тяжелым, неприветливым. «А на земле сегодня снова снег идет, и вновь подходит к концу еще один год моей жизни, а в ней все остается по-прежнему: работа, работа, бесконечная работа как спасение от вечно преследующего одиночества, пугающий своей пустотой дом и никаких намеков на перемены. А может, это мое настроение не позволяет насладиться красотой первого снега, пусть даже и переходящего в слякоть», — с грустью думала Лина.

«Боже, и кому я понадобилась в такую рань? В кои-то веки удалось заснуть. И обязательно надо разбудить, — бурчала Лина, делая над собой неимоверное усилие, чтобы подняться. — А может, вообще не отвечать? В конце концов — это наглость беспокоить человека в столь ранний час».

Но телефон звонил с особой настойчивостью, и судя по всему, на том конце провода вешать трубку не собирались. Лина брела в прихожую, находясь еще во власти сна. Но не успела она поднять ненавистную трубку, как оттуда стали вылетать фраза за фразой, будто строчили из пулемета:

— Линка! Дорогая! Все! Наконец! Свершилось! Петр решился! Мы вместе едем в Прагу!

Потом послышалось что-то среднее между криками й-а-а! и а-а-а! Так могла восторгаться и выражать свои чувства только Эля. Вклиниться между словами и эмоциями было просто невозможно. Лина терпеливо ждала, замерев у аппарата с закрытыми глазами, продолжая не то спать, не то пробуждаться.

— Лина! Ты только представь себе! Рождество! Прага! Мягкими хлопьями опускающийся на землю снег и мы! Только вдвоем! Это так романтично! Лина! Я так счастлива!

Лина в ответ промычала что-то нечленораздельное и вновь замерла в ожидании. Надо было все-таки дождаться ответа на волнующий вопрос: зачем ее подняли в такую рань, когда впереди выходной, и что такое могло произойти в отношениях Эли с Петром, что так срочно понадобилось об этом сообщать? Прерывать Элю было бесполезно. Пока она все не расскажет, вставить свои пять копеек никому не позволит. Лина это знала хорошо.

— Но даже не это главное! Я должна его не только сопровождать, присутствовать на переговорах и подписании контракта, но и все стальное... Лина? Ты понимаешь, о чем я?

В трубке ответили мычанием, лишенным всяких эмоций.

— Лина? Ты спишь, что ли? — наконец спросила подруга.

— А то нет? — уже почти кричала проснувшаяся окончательно Лина, вконец взбешенная такой бестактностью. — Ну и поезжай со своим Петром хоть в Прагу, хоть в Вену! Я-то тут при чем? Я за тебя рада! Будь здорова! — сердито произнесла Лина, собираясь положить трубку.

— Лина! Ты что? Ничего не понимаешь?

— Нет! Ровным счетом ничего!

— Но я же должна быть в это время в Таллинне! А потом на самом побережье Балтики, в каком-то очень классном местечке, где гнездится элита с европейского севера! Там, в новом отеле, который еще к тому же и презентуют, пройдет семинар. Говорят, что это — потрясающее сооружение, просто супер: бизнес-центр, новомодные процедуры по системе «СПА» со всеми наворотами. Талассо-центр в Тунисе отдыхает. И вообще, сервис, которым собираются удивить всех. Судя по заявленным участникам, бомонд будет неслабый! И на нем запланировано мое выступление. Ты что, забыла? Лина! Соглашайся! Съезди вместо меня. Выступишь, отдохнешь. Наделаешь себе всяких масок, массажей, в баньке попаришься! Говорят, их там семь или восемь: римская, русская, турецкая, хамам. Тебе же все равно! Заодно и развеешься!

— Делать мне больше нечего, как тащиться непонятно куда. Да еще под Новый год в непонятную Тмутаракань, пусть даже и на заграничное Балтийское побережье. И вообще, у меня — конец года.

— Лина, не упрямься! Я же знаю, что ты обязательно выручишь! Все! Пока! Я звоню организаторам, меняю свою фамилию на твою. Тему ты и так знаешь. Лучше тебя никто не выступит!

В трубке раздались гудки, а Лина все продолжала сидеть в прихожей с прижатой к уху трубкой, еще не понимая, снится ей все это или происходит наяву.

— Ладно, я подумаю, — пробурчала Лина, укладываясь в кровать. Сон был окончательно нарушен, голова раскалывалась, мечта выспаться рухнула окончательно. Ну и денек! Хорошенькое начало!

«А здесь даже мило», — отмечала про себя Лина, удобно устроившись на мягком диванчике у окна, за которым открывался чудесный вид на зимнюю Балтику. Она представала во всей своей красе — холодные волны набегали на опустевшие берега, еще не успевшие покрыться снегом. О чем-то перешептывались грустные сосны. «Может, и права Эля, мне действительно надо было сменить обстановку. После суеты и такого сложного года все-таки приятно оказаться совсем в другом мире, попасть в иной ритм жизни. Вот только не давала покоя Элькина фраза о том, что ей «все равно, где находиться, куда ехать. Ты ведь никем и ничем не связана». Это было действительно так, но не

покидало чувство обиды, и на душе остался неприятный осадок. На ум приходило сравнение с пустоцветом.

Но Лина тут же начинала себя успокаивать: «В жизни у каждого своя дорога. На чью-то долю выпадает личное счастье. Кого-то ждет успех в карьере. Ну, не сложилось. Лучше уж быть одной, чем ложь, притворство, а то еще и выяснение отношений. Вот чего-чего, а этого я боюсь панически. Зато на работе все успешно, у меня есть даже определенный авторитет, а главное — хорошая репутация среди тех компаний, которые занимаются возведением по всему миру гостиничных комплексов. Мой доклад, судя по реакции участников, понравился. А здесь действительно мило», — уже совсем примирившись с обстоятельствами и даже почувствовав себя комфортно, размышляла Лина, потягивая через соломинку вкусный коктейль.

— Я вижу, ваше настроение сегодня гораздо лучше, — произнес кто-то рядом.

Лина от неожиданности вздрогнула. Буквально напротив нее сидел, улыбаясь добродушной хитроватой улыбкой, мужчина средних лет. Про таких говорят: «Добряк, толстяк». Попыхивая трубкой, от которой исходил приятный запах табака, он откровенно рассматривал Лину. Она молча взглянула на незнакомца, не успев даже понять, что происходит.

— Отто! — представился тот, пересаживаясь на диванчик к Лине.

«Наглость какая, — мгновенно пронеслось в сознании. — Ничего не скажешь, ведет себя так, будто у себя дома, а я его близкая родственница».

Но Отто был рядом, так близко, что слышалось его прерывистое дыхание, а сама Лина оказалась во власти окутывающего табачного дыма.

«А это и вообще наглость. Не хватает мне еще полной грудью вдыхать эту отраву. Я что, должна лопнуть от счастья, что он вдруг оказался рядом, и терпеть такую бесцеремонность?» — негодовала Лина, машинально отодвигаясь от него и буквально вдавливая себя в угол дивана.

Оркестр заиграл незнакомую, но спокойную и очень красивую мелодию. Солировал пианист. Судя по его раскрепощенной манере исполнения, ему доставляло удовольствие играть и эту мелодию, и сидеть за необыкновенно красивым красным роялем, ощущая на себе восхищенные взгляды публики. Гости медленно рассредоточивались по уютным зальчикам, занимая места за столиками. Дамы, строго следуя протоколу и указанному в приглашении дресс-коду, на какое-то время старались задержаться у входа, непринужденно разговаривая с собеседником и одаривая его улыбкой, принимая при этом выгодные позы, чтобы продемонстрировать обществу наряд из последней коллекции одного из модных домов, подчеркнуть отменный вкус и изысканные манеры.

Лина сначала по инерции, а затем уже с интересом стала рассматривать эту яркую публику. Занятие ее так увлекло, что на мгновенье она даже забыла о своем не совсем желанном соседе.

«И зачем Элька заставила меня надеть это платье — длинное, с высоким разрезом и низким декольте. Да еще красного цвета, который всегда меня откровенно раздражал. Хорошо еще, что я успела занять место на этом диване и вовремя заказать коктейль, а то пришлось бы на глазах у всех дефилировать в непривычной одежде».

— Вам очень к лицу красный цвет, да еще в сочетании с серебром: украшения, сумочка. Пепельная блондинка, холодный, неприступный тип женщины. Все очень эффектно и со вкусом, — произнес Отто, напоминая, что находится рядом и, оказывается, наблюдает за ней. Лина не успела даже подумать, как ей отреагировать на его слова: поблагодарить или же рассердиться, так они были неожиданны. Вдруг рядом прозвучало:

— Отто! Вот ты где! Тебя все обыскались, а ты тут, как ни в чем не бывало дымишь своей трубкой!

— Августа! Ты чертовски хороша, и злиться тебе вовсе не к лицу. Гости еще только собираются, и у меня есть возможность на какое-то время предаться своей страсти — выкурить трубку хорошего табака. Кстати, кубинский. Ты же знаешь, это моя слабость, — спокойно произнес Отто.

Августа присела на подлокотник дивана рядом с ним, не дожидаясь его приглашения. Выкурив сигарету, она подхватила Отто под руку и увлекла к центру зала. Пора было начинать церемонию.

Лина опешила. Ее даже не заметили или просто проигнорировали. Внутри будто все перевернулось. Она почувствовал, как краска ударила ей в лицо. Самолюбие было ущемлено до предела. «Я что же, до такой степени безлика и неинтересна, что меня можно принимать за нечто неодушевленное?» Лина негодовала. «Я что, хуже других, неприметная дурнушка? А может, я во сто крат лучше и интереснее? Во всяком случае, привлекать мужчин наглостью и бесцеремонностью не собираюсь!» Раздражение усиливалось. «А может, я просто эффектнее, и меня не заметили нарочно? А посему постарались побыстрее увести Отто подальше от незнакомой женщины?» — рассуждала Лина, уже немного успокоившись.

«А Отто! Сначала рассыпается в комплиментах, а потом поднимается и бежит по первому зову за какой-то Августой, не удосужившись даже попрощаться. Европейская культура называется. Один только треп да сплошное позерство, — вновь негодовала Лина. — А собственно говоря, почему Отто должен был прощаться со мной? Мы вовсе не знакомы, и никто из нас не имеет никаких обязательств друг перед другом», — оппонировала себе Лина.

Она едва дождалась окончания фуршета. Все было очень пристойно и с определенной долей шарма. К ней даже кто-то подходил и о чем-то расспрашивал. Она что-то отвечала. Когда же, наконец, закончилась, как ей показалось, эта пытка под названием корпоратив, Лина поторопилась к выходу. Она постоянно ловила себя на мысли, что ей очень хочется оглянуться, посмотреть в ту сторону, где находится Отто. Он весь вечер провел в компании Августы, которая так и не отпустила его от себя.

«Что это? Ревность? Разыгравшееся воображение? Уязвленное самолюбие?» — думала Лина. Но одно дело рассудок, а другое дело — желания, с которыми невозможно справиться. Уже покидая зал, Лина позволила себе оглянуться. На нее в упор смотрел Отто, продолжая попыхивать трубкой и кивать головой в знак согласия с тем, что говорила Августа, а возможно, только изображать заинтересованность и свое участие.

Наконец карточка вставлена в замок и можно выплеснуть свои эмоции сполна, пусть даже и себе. Первое, что Лина сделала, начала вытряхивать все содержимое из еще совсем недавно ненавистного чемодана. Ей всегда было комфортно в брючном костюме, особенно в командировках. Пару блузок — и свежо, и необременительно. Да и таскать за собой чемодан не было никакой нужды. А тут Элька натолкала в него столько барахла, что у нее постоянно появлялось желание бросить его на очередном этапе пути.

Теперь же она раскладывала на огромной кровати всякие вещички, с интересом разглядывая их. «Эля постаралась на славу. Желание поехать с Петром в Прагу, по всему видно, было огромным. Эля явно хотела загладить передо мной свою вину. Тут, кажется, есть все и на все случаи жизни. Какой же чемодан она сама потащила с собой в Прагу?» На следующее утро Лина кокетливо дефилировала в тренажерном зале в очень миленьком костюмчике серо-розового цвета, набросив на плечи белую куртку от спортивного костюма. Потом были эффектные позы во время неспешного брасса в бассейне, где и тело показать хотелось, и новый ита-

льянский купальник. Чашечка ароматного кофе, который Лина медленно попивала, обернувшись в белоснежный махровый халат, венчала утренний моцион.

Лина ловила на себе не лишенные любопытства взгляды, брошенные как бы невзначай. Внимание присутствующих было приятно, и хотелось подольше оставаться в состоянии раскрепощенности, осознавать свою даже некую респектабельность. Роскошный отель, знающая себе цену женщина, изысканная публика. Ей это все определенно нравилось. Но прислушиваясь к себе, Лина понимала, что ей чего-то не хватает, а может, кого-то? Глазами она искала Отто. Хотелось, чтобы он увидел ее именно сейчас и именно в таком виде, оценил и понял, что она вовсе не холодная, неприступная женщина, а приятная во всех отношениях дама, готовая к более неформальным отношениям, и к тому же привлекательная.

Дверь отворилась, и в зал стремительной походкой вошла эффектная шатенка, на ходу картинно подбирая волосы, чтобы спрятать их под резиновую шапочку. Для этого она замерла в позе, подчеркивающей ее стройную фигуру и красивую грудь. Шатенка была так привлекательна, что даже тот, кто увлеченно плавал, невольно повернулся в ее сторону. Еще мгновенье, и уже очередной представитель мужской половины человечества спешил пропустить ее на дорожке, при этом не забывая оказывать знаки внимания.

«Конечно, это Августа. Она так уверена в себе, напориста, что устоять просто невозможно», — отметила про себя Лина, покидая зал и испытывая чувство досады. На нее больше никто не обращал внимания. «Зачем мне это все? — ругала она себя по дороге в номер. — Какая-то сложная игра ради того, чтобы на тебя обратили внимание, заметили, приняли в свой круг, постоянная головная боль по поводу того, чтобы быть эффектной, поддерживать интерес к себе любым способом, какая-то борьба за выживание в сложном для понимания мире». Жила же она спокойно, и хуже от этого не было. А тут еще не ввязалась в эту гонку, а уж столько эмоций и одни заботы, что надеть, как выглядеть. Нет. Лучше брючного костюма ничего на свете нет. Пускай не так приметно, зато удобно. «Тот, кому я понравлюсь, не будет оценивать меня по количеству барахла в моем гардеробе», — убеждала себя Лина, одновременно ругая за то, что поддалась царившему здесь настроению людей, предпочитающих фривольность и легкий флирт деловым отношениям.

На ум уже пришли первые фразы, которые она обязательно произнесет на завтрашней дискуссии. Но Лина тут же поймала себя на мысли, что это никому не интересно, потому что все большие дяди и тети играют в какую-то сложную взрослую игру. И все будут внешне проявлять участие, заинтересованность, а думать о предстоящем вечере, встречах и нарядах. Но про себя Лина отметила, что вовсе не испытывает сожаления по этому поводу, ей теперь тоже больше всего хотелось думать о том же: что лучше надеть, чтобы на фуршете выглядеть привлекательно. В душе она подтрунивала над собой: «Как все-таки устроена женщина. На нее не успели еще обратить внимание, а уже хочется все изменить в своей жизни — стиль, манеры, гардероб, и нравиться, нравиться, раствориться в мужском внимании».

Весь день Лина нервничала, несмотря на то, что в любой жизненной ситуации всегда сохраняла самообладание. Она нервничала, когда была дискуссия, постоянно ощущая на себе пристальный взгляд Отто, во время кофепаузы, когда Отто смотрел на нее и вовсе откровенно, но не пытался даже подойти, когда, окруженная коллегами, отвечала на их вопросы, а он не искал предлог, чтобы оказаться поближе к ней.

Августа как всегда появилась в тот момент, когда весь бомонд был в сборе. Яркая, в эффектном, сиреневых тонов наряде, которые красиво контрастировали с ее смуглой кожей, она сразу оказалась в центе внимания. Но ее

интересовал только Отто. Любезно со всеми раскланявшись, она буквально повисла у него на шее. А тот и не думал противиться такому ее вниманию.

«У нас остается всего лишь один вечер. Завтра утром мы все разъезжаемся, а в наших отношениях ничего не ясно. И отношения ли это вообще? А может, Отто просто доставляет удовольствие таким образом испытывать мою нервную систему? А я, как последняя идиотка, поддалась на игру какого-то странного мужчины, пусть даже и хозяина всего этого великолепия. И что я в нем нашла? Не красавец, не Аполлон. Просто толстяк, и наверное, добряк. Но Отто всегда в окружении женщин, и только красивых. Значит, есть в нем что-то такое, что так влечет к нему. Женщины-то все сплошь умные и самодостаточные. Из этого следует вывод: утверждение о том, что нужно быть обязательно стройным, моложавым, динамичным и излучать уверенность в себе, вовсе не верно. Оказывается, можно быть просто самим собой, вот так просто попыхивая трубкой, заниматься интересным для себя делом и добиваться результата вопреки новомодным тренингам, методикам и рекомендациям, как взять штурмом карьерный Олимп. Значит, это всего лишь чей-то хорошо организованный бизнес. А главное — в том, чтобы очень хотелось добиться поставленной цели, и внешность тут вовсе ни при чем. Лина непроизвольно посмотрела в сторону Отто и вновь встретила его откровенный изучающий взгляд. Пожалуй, впервые за многие годы она стушевалась. Не покидало ощущение, что Отто прочитал ее мысли и прекрасно знает, о чем она сейчас думает.

Лина катила за собой ненавистный чемодан, бросить который теперь хотелось особенно. На душе скребли кошки, а чувство досады не покидало с того момента, как она только открыла глаза. Кругом суетились участники семинара. В холле царила атмосфера, присущая всем отелям мира, когда готовым к отъезду людям предстояло вот-вот расстаться. Кто-то напоследок обменивался пришедшими на ум мыслями. Кто-то пытался досказать недосказанное, кто-то хотел кого-то в чем-то переубедить. Лина стояла в одиночестве у барной стойки, отставив в сторону чашечку свежезаваренного кофе, в ожидании, когда же подадут долгожданный автобус. Хотелось побыстрее отсюда уехать, окунуться с головой в работу, заглушить все свои эмоции. Была надежда, что это поможет избавиться от них как от чего-то ненавистного. А пока у нее не получалось совладать с собой, мысли об Отто не давали покоя. Глубоко засела обида. Разыгравшееся самолюбие вызывало нервозность. «Какая-то игра взглядов, игра в молчанки. Как это все глупо. Мы же не дети. Интересно, какую роль отвел мне Отто среди своего женского окружения?»

Раздражение нарастало. Наконец подали автобус, и все дружно стали загружаться. Лина уютно устроилась на своем любимом месте у окна.

В последний раз окидывая взглядом балтийский пейзаж, Лина вдруг заметила, что наступила зима. На побережье лег первый снег, не успев полностью укрыть дюны. И теперь желтый песок вместе со снегом образовали красивый узор на бескрайнем дюнном пространстве. По-прежнему тихо перешептывались сосны. Взгляд скользил по их верхушкам, переходя на отель, который гармонично вписался своей архитектурой в местный пейзаж, на выход, у которого собрался персонал проводить гостей, и остановился на Отто. Попыхивая трубкой, он стоял в самом центре свиты и в упор смотрел на нее. Лина от неожиданности отпрянула от окна, но потом, вернув самообладание, приняла безразличный вид и даже начала кокетничать с соседом. Но все равно неудержимо влекло туда, где за окнами оставались балтийские пейзажи и Отто.

Автобус тронулся, и Лина уже с нескрываемым интересом, откровенно разглядывала Отто. Он все отдалялся и отдалялся, а когда автобус резко раз-

вернулся, чтобы выехать на центральную трассу, и вовсе исчез, оставшись где-то там, за поворотом, в какой-то другой жизни, где были изысканное общество, светскость и он, Отто.

Лина с облегчением вздохнула. Она вдруг ощутила, что куда-то враз ушло напряжение, в котором она пребывала все последние дни. На душе стало спокойно, ее больше ничто не тревожило. Безумно захотелось закрыть глаза и уснуть, а пробудившись, решить, что все это ей приснилось.

До наступления Нового года оставались считанные часы. Лина, как обычно, в последний день уходящего года задержалась на работе до девяти, оставляя время только на дорогу домой и на то, чтобы удобно устроиться на любимом диване у телевизора. Как обычно, она поставит рядом телефон, чтобы не надо было постоянно бегать в прихожую, и, выслушав обязательные поздравления коллег, просто зависящих от нее людей, останется, наконец, наедине с тишиной и своими мыслями.

Никогда еще перед Новым годом ей не было так комфортно. «Наверное, в одиночестве есть своя прелесть, а я так долго не осознавала своего счастья, — не без удовольствия отмечала про себя Лина. — Как все-таки сложно становится жить, когда начинаешь зависеть от настроения другого человека, от неизвестности, что он думает о тебе, его желаний. Появляется столько эмоций, которые отвлекают от основных дел. Все, что еще совсем недавно было главным, вдруг отходит на второй план».

Вспомнился недавний разговор с коллегой, после которого его хотелось назвать эгоистом и думать о нем как о весьма странном типе. Теперь такие чувства она испытывала сама и была несказанно рада, что больше никто и ничто не нарушает ее покой, привычный образ жизни. «Любовь очень мешает делу, — как приговор прозвучало тогда из его уст. — Она очень отвлекает. Начинаешь думать совершенно о другом в ущерб творчеству. На главном сосредоточиться не получается. На работе все рушится, и в личной жизни непонятно, как все сложится. Цветы, свидания».

Тогда между ними состоялась бурная дискуссия на тему: «Что же считать главным в жизни, если не любовь?» Спорили до изнеможения, но каждый остался при своем мнении. Теперь Лина так понимала своего коллегу — блестящего дизайнера, который в ведущих агентствах был нарасхват, создавшего немало прекрасных интерьерных работ. Конечно, его вдохновила не одна красотка, но главным все же оставалось дело. «Как я его понимаю! Какое счастье, что никто не смеет будоражить мои чувства и тревожить душу».

Раздался телефонный звонок. Лина от неожиданности вздрогнула. Все, кто должен был ее поздравить, уже сделали это. «Кто бы это мог быть? Неужели Отто?» — мгновенно пронеслось в сознании. Лина почувствовала, как краска ударила ей в лицо, и вмиг все эмоции, которые, казалось, она уже похоронила, нахлынули с новой силой. «Что я ему скажу? Рассержусь, сделаю вид, что вообще ничего не произошло? Или лучше начать разговор с чистого листа, так, ни о чем. Буду говорить мягким, спокойным голосом, нет, лучше тоном уверенной в себе женщины».

Телефон звонил неприлично долго, будто на том конце точно знали, что она дома, лежит на диване и терзается сомнениями. Сердце замерло, было ощущение, что оно оборвалось и стремительно падает вниз, в пустоту. Лина осторожно подняла трубку.

— Ты где пропала? Я даже ненароком подумала, что ты влюбилась, изменила своей привычке и теперь проводишь время с неизвестным мне мужчи-

ной, — вылетали фраза за фразой, будто строчили из пулемета. Ты что, уже спишь? Лина, почему ты молчишь? — не унималась Эля.

Лина же ничего не могла произнести в ответ. «Это не Отто», — вертелось в сознании. И почему-то на душе стало так пусто. «А почему он вообще должен мне звонить? Кто я ему? Вдруг возомнила, что он должен думать обо мне. Глупость какая-то. Между нами, по сути, ничего и не было».

— Лина, ты что, проснуться не можешь? Это я, Эля. Ответь мне, пожалуйста, будь любезна!

«Эля... Но это же Эля! Она, наверное, звонит из Праги? Нет, вроде бы звонок не похож на междугородный. Эля? В Питере?

— Эля, это ты? Но сегодня же Новый год!

— Спасибо, что напомнила, я это и без тебя знаю, — огрызнулась Эля.

— Извини, — спохватилась Лина. — Ты — из Праги?

В трубке замолчали, образовалась неловкая пауза. Лина ругала себя за неуместный вопрос. По звонку ведь ясно, что не из Праги.

— В Питере я, воротилась вот, погода мне там не понравилась. Если ты дома, то я сейчас приеду, поболтаем, — пробурчала Эля.

— Одна я, с кем мне еще быть, как не с любимым диванчиком наедине. Приезжай, конечно, — произнесла Лина.

«Считай, что Новый год испорчен. Пока Элька не расскажет о всех своих злоключениях, не угомонится. А это значит, что до утра глаз сомкнуть мне не дадут. Короче, прощай тишина, покой и одиночество», — вздохнула Лина, нехотя поднимаясь с дивана и направляясь в кухню. Надо что-то сообразить по поводу праздничного стола. Не сидеть же за пустым, да и приодеться надо, в домашнем вроде неудобно. Кажется, мелочь, приедет ближайшая подруга, почти родственница, а сразу столько хлопот. Расслабляться, отдыхать, видимо, в этой жизни не дано.

Элька примчалась почти сразу. Расспрашивать о чем-то вовсе не пришлось. Она тарахтела без остановки, снимая полушубок в прихожей, надевая тапочки, и даже тогда, когда обследовала кухню и наконец погрузила свое тело в кресло. «Ну и новогодняя ночка», — с грустью подумала Лина, не имея никаких шансов вставить даже полслова.

— Представляешь, — не унималась Элька, — мало того, что за ним супружница притащилась через пару дней, так он еще всех девок в радиусе километра от отеля умудрился перелапать.

«Совсем как в случае с Отто, — пронеслось в сознании Лины. Только ему не было никакой нужды кого-то лапать. На шею вешались и без того».

— В общем, все закончилось после подписания контракта. Хотя до этого было два чудесных дня. — Эля закатила глаза, пытаясь передать все то счастье, которое удалось испытать. Потом замолчала, что стало полной неожиданностью для Лины, и по всей видимости, погрузилась в воспоминания, которые явно доставляли ей наслаждение. В комнате воцарилась тишина. Лина даже растерялась, не зная, как ей теперь себя вести: тихонько сидеть и ждать, пока Эля вновь начнет изливать душу, или самой начинать о чем-то говорить. Не сидеть же так, как неприкаянной. Неожиданно зазвонил телефон. Подруги сначала вздрогнули как по команде вместе, а потом тупо уставились друг на друга. Первой опомнилась Элька.

— Петр! Это наверняка он! Поразвлекся и решил, что лучше меня его никто не понимает. Хочет покаяться, искупить свой грех.

«Странно, наверное, и вправду Петр. Больше звонить некому», — с полной уверенностью, что так оно и есть, Лина уже подтягивала к себе телефон.

Элька замерла в ожидании. Ее глаза вдруг заискрились таким счастьем, что Лине побыстрее захотелось поднять трубку.

— Слушаю, — произнесла она.

— Могу ли я по-оговорить с очаровательной пепельной бло-ондинкой? — с легким балтийским акцентом тянули на том конце провода. — Вы сегодня наверняка в красном. Этот цвет вам идет необыкновенно.

По телу пробежала дрожь. Лина так растерялась, что не могла произнести ни слова в ответ. Она сначала приложила трубку к груди, потом прикрыла ладонью, будто не зная, что с ней делать дальше.

— Ну, что? Кто там? — зашептала Эля с такой надеждой в голосе, что Лине искренне стало ее жаль.

— Да, я слушаю, — едва слышно произнесла Лина, собрав всю свою силу воли, чтобы вернуть самообладание.

— Я по некоторому стечению обстоятельств оказался в Питере и решил немного времени посвятить изучению питейно-развлекательных заведений. Вы не могли бы мне в этом помочь? — спокойным голосом произносил Отто.

В трубке молчали.

— Не забудьте надеть свое роскошное красное платье. Я — на плавучем казино возле знаменитой «Авроры» и немедля высылаю за вами машину.

— Но это так неожиданно, и вообще... — мямлила Лина, не понимая, что говорит.

— Мне кажется, что вы достаточно умны, чтобы не понять: между нами все уже давно состоялось, с той нашей с вами первой встречи. Я высылаю машину.

— Не надо, — едва выдавила из себя Лина. Я здесь, рядом, на Невском.

На землю тихо опускался долгожданный снег. Было ощущение, что он боялся нарушить праздничную атмосферу ночного города, утопающего в блеске ярких огней, и поэтому незаметно, не привлекая людского внимания, выполнял привычную работу — укрывал землю белоснежным ковром. Отовсюду слышались музыка, песни, кто-то уже пустился в пляс.

Пробиваясь сквозь толпы изрядно разгоряченной публики, по проспекту почти бежала эффектная леди в наспех наброшенной на плечи шубе. Ее красивые пепельные волосы рассыпались по плечам. На мгновенье останавливаясь, она кого-то искала глазами. Не находя, вновь устремлялась вперед. Наконец, издалека Лина заметила Отто. Попыхивая трубкой, он мерил шагами расстояние от плавучего казино до крейсера. Потом останавливался, вглядывался в толпу разгоряченных весельем и спиртным людей и повторял свой маршрут снова.

«Отто! Это же Отто! Это — он! Да, это он! И мне вовсе все это не привиделось, и кажется, происходит наяву!» Ускоряя шаг, Лина уже почти бежала.

«Как мало все-таки надо человеку для счастья!» — подумал случайный прохожий, глядя на красивую платиновую блондинку, которая стояла напротив полноватого, немного неуклюжего мужчины средних лет, попыхивающего трубкой. Ее глаза были наполнены таким счастьем, что не заметить этого было нельзя, а он смотрел на нее очень добрым, немного с хитринкой, взглядом.

«И как все-таки важно, чтобы в этой жизни тебя обязательно кто-то ждал», — отметил про себя незнакомец и, улыбнувшись, присоединился к праздничной шумной толпе высыпавших на набережную людей.

«А на земле сегодня снова снег идет, — тихонько произнесла Лина. — И вновь подходит к концу еще один год моей жизни, но он так все изменил в ней, потому что подарил надежду...»

ТАТЬЯНА СИВЕЦ

Колючее счастье

* * *

Лучшие строки, милый — те, что написаны пальцами на песке!
В них было солнце, волны, прикосновенье руки к руке...
Мы поделимся этим счастьем, не оправдываясь ни перед кем
За неделю на Иссык-Куле — за семь росинок на волоске...

Описать обгорелые спины, облупленные носы...
И как ты через озеро, словно апостол, меня на руках носил,
Как за нами завистливо наблюдал таксист...
Как возил нас по кругу, адреса не спросив...

Мы оставили там по камню. Везли контрабандою — и внутри
Донесли до Санташа, до самого пика горы.
Это наш мир, любимый! Ведь это мы придумали алгоритм!
И только нам решать, кому его подарить!

* * *

Я должна была тебя вычеркнуть,
Вырезать в монтаже,
Чтоб ты ни словом, ни взглядом
Не помешал уже!
Чтоб глаза твои зимние
Не вонзились металлом,
Чтобы больше никак, никогда,
Ни много, ни мало!

Я должна была в сентябре
Довести тебя до дверей!
И без всяких стишков этих...
Чтобы ни ямб, ни хорей
Не поведал тебе,
хоть кричи, хоть смейся,
Что ты был для меня
наилучшим гиперборейцем...

Был... Словно уксуса в молоко добавил —
Тебе вкуснее?

Я выпью и не поморщусь
(я лишь лицом потемнею)...
Больше никто не сможет
Вырвать из сердца камень.
Только знай: это я, это я
Низким небом над нами...

Перевод с белорусского Георгия БАРТОША.

* * *

Я изучаю тебя, подбирая слова, запятые и ключевые фразы.
Я пробую отыскать между нами сходство (ну, хоть какое!..
А лучше — десять!)...
И знаешь ли... Оно есть! Хотя мы такие разные,
Но друг друга никак не оставим с тобой в покое...
Осталось лишь снять наши датчики боли, куда-то деть их...

А главное — разорвать все простыни на полоски,
Сплести веревку, чтобы отсюда — и до другого мая...
Там, где каштаны шепчут что-то про смерть и верность
И вербы по ветру косы свои полощут...
Там, где ты еще на руках меня держишь, а не ломаешь,
И так кружится голова, но это от высоты, наверное...

* * *

Электронная почта — не слишком полезная вещь!
Дело другое — сны... За вычетом
Некоторых... Вот приснилось, что мы с тобою (не веришь?),
Слегка постарев, вместе на море (смешно тебе, непривычно, да?)...
И пустяк!
Пусть, как чайки, на сонной глади качаются корабли...
Пусть брызги в лицо и глаза не открыть от бликов...
Пусть мой день начинает песочно-сухой отсчет,
Но он тоже ведь хочет остаться, стать облаком и дождем...
Правда, у каждого из костров к нам — отдельный счет,
И пальцы их тянутся к нам, и уже так близко...
Гораздо ближе, чем сны про тебя и дом...
А море все ждет нас... Слышишь его?.. Пойдем!..

* * *

В будущем я, конечно, буду внимательной, непроворной,
Не стану бросаться в море,
Не проверив ни градус, ни глубину!
Буду глядеть с укором, кивать покорно,
Словно кто-то создал клон мой, еще одну...
Будет мне так спокойно и так привычно:

Полуулыбка и твердое «не хочу».
Стану загадочной, словно с холста Да Винчи,
Если от этого вылечусь... Долечу
До девятого неба, до неизбывной
Нежности,
Такой, что не нужно даже...
Что лучше о ней — молчок!
Правда, и там, наверное, кто-то стоит на страже —
Засов задвинут —
И я падаю, успевая только подумать: «Черт!»

* * *

Она — держится на почтительном
Расстоянии от ограничительной линии
Возле самого края холодной своей платформы.
А эта вот, что внутри нее, читает опусы поучительные,
Длинные,
Разрастается опухолью-долиною, опасается опоздать
И остаться формой
Для чужого смысла, и каждый день бросается под поезда...

А у той, что, казалось бы, с нею дружит,
Все снаружи
Прекрасно, даже если внутри — совершенно наоборот...
Там та, другая, воет и плачет так, что если бы эта не наливала кружек
И своевременно не закрывала рукою рот,
То, вероятно, случилось бы что похуже,
Чем с Одиссеем... И ни воск не помог бы, ни водка, ни Куантро...
(Самое проверенное ее оружие!)

Словно кто-то вылепил их обеих
Из одного
Куска черной глины, где-то недалеко от Столина.
Нагревал, доводил до бели...
Но, когда уже было все, казалось бы, приготовлено,
Не пожелал им ни счастья, ни долгих лет,
И чего-то важного не упаковал в комплект:
То ли земли, то ли веревки, то ли вина...
Но она почему-то ни капли не удивлена...
Только думает про себя: «Вот так год, моя девочка, вот так год...»

* * *

Они все ломаются: ведь у них внутри — что-то предельно хрупкое...
А тебе это не грозит — у тебя там идол каменный
Да обелиск «Минск — Город-герой»... И пока они только станут на «Е-4»,
Ты уже где-то за облаками, там, где до Бога близко,
И Он, улыбаясь, следит за твоей игрой...

Ты не плавишься, даже когда + 40 (но прячешь руки).
Ты сама себе — и «товарищ прапорщик», и герольд!
Только (вот же стыд!) ты готова снова брать их всех на поруки —
Предателей, мнящих, что каждый из них — герой!

Между прочим, помни, что, вынув из сердца стержень,
Ты не сдвинешь их мира (удержится на краю!
Просто будет напоминать о себе пореже)...
Хотя все мы, в конце концов, погибаем в одном строю...

Как и прежде...

«Action! Episode 801/11»

Когда мы рядом, то можно снимать кино:
Французское, про любовь, не в цвете —
По всем канонам!
Оттого, наверное, и дано нам
Все на свете,
И нитка не рвется, и крутится веретено...

Пусть так и будет — без слов!
Ты — в теплом шарфике, я — как обычно — справа... Какое право
Имеют те, кто с рассветом упрячет себя в метро,
Осуждать нас ночами?! Нам дела нет ни до матрон,
Ни до тех, кто завтра внезапно нам крикнет «Браво!»,
Мы с тобой не задерживаемся на поклон...

Бог прописал нам самый короткий курс,
Отмерил по граммам капли и, даже зная,
Чем закончится вся эта суета (не комедия и не драма),
Все равно сидит, у монитора или экрана...
Он смотрит, даже тогда, когда хлопает дверь за нами...
Не уходит на перекур...

Когда мы в молчании
Зажигаем... Сразу же выключаем свет и...
Отчаянно дышим счастьем, таким колючим,
И делаемся случайнее, тоньше, лучше...
И даже когда мы, тихие, опускаем веки,
Бог уверен, что это еще не все... И не переключает...

Перевод с белорусского автора.

КАЗИМИР КАМЕЙША

Между устами и чашей

Лирические миниатюры

Друзья часто спрашивают: «Что за название? Что ты хотел этим сказать?» И отвечать приходится нехитрыми записями из давнишних и сегодняшних тетрадей, которые дарила и дарит мне жизнь. Там и веселое, и печальное, и горькое... А кратчайший путь от чаши к устам бывает более длинным, нежели сама жизнь.

Поднимая чашу, не минуешь и сердце. И, конечно, памяти. Моя книга о том, что видел своими глазами и слышал от других людей, во что верю и о чем догадываюсь, что есть и что будет всегда.

* * *

Одна-единственная в этом лесном массиве, едва не у деревенских огородов, небольшая зеленая кругловина в высоких кочках, густо поросших клюквенным мхом, багульником да конским щавелем. В этом густотравье даже не видно молодых кустов чернотала. Осокой, ивняком и камышом заросли и две ямы-сажалки, а вода затянулась густой зеленой ряской.

Кругловина — как глаз в мое детство, которое, кажется, и начиналось именно здесь, хотя это далеко не вся правда.

В те послевоенные годы колхоз копал здесь торф. Кому снился тогда какой-то там экскаватор? Копали той самой совковой лопатой. Вот уж кому хватило за жизнь — лопате. Ей — и колодец, ей — и грядки, и обычную яму под столб и... к сожалению, — ту же могилу. Но где, какой инструмент в крестьянской жизни был лодырем?

Копали торф, когда болотина подмерзнет, покроется снегом. Одни копали, а другие отвозили в санях-розвальнях черные кирпичи на поле. И сохранились в моем воспоминании веселый и невеселый гомон крестьян, белый снег да черная, в торфяной трухе, дорога.

Это небольшое торфяное месторождение вскоре забыли, а ямы через некоторое время наполнились водой, стали прудами. Чем не место для купания? И мы, малышня, купались, ныряли, дочерна взбаламучивали воду, брызгами охлаждая горячий летний воздух. Но вдруг купание там прекратилось навсегда. Додумался один из нас (не без подсказки взрослых, конечно) утопить в них две сумки живых котят, утяжелив их камнями. Одну сумку бросил в большой пруд, другую — в меньший. Страх и отвращение принудили нас забыть и веселую зимнюю забаву — катание на самодельных деревянных коньках на синем заснеженном льду и коловорот с санками.

Вот и сегодня с этими воспоминаниями обхожу кругловину и пытаюсь по кочкам добраться до ее середины. Но пруды мои неприступны, берега

их расплылись, заболотились. Не разглядеть их ни издалека, ни вблизи. Но какие запахи — до головокружения — на болотине. Да и лакомств сколько. Летом — синяя россыпь дурниц, осенью — огненно яркая брусника и до самой зимы — искристые жаринки клюквы. От одного только воображения кислит во рту.

Нашу кругловину можно показывать как музейную ценность, поскольку, объехав всю пущу, я с печалью заметил, что мало осталось в ней подобных. Слышишь, землячок? Давай сбережем хоть эту.

* * *

Первый снежок. Ислочьские сосны от комля до верхушек освещены им и солнцем. Синее и чистое, как спирт, небо. Такое и летом бывает редко. Легко, свежо, чисто и уютно. Так же и на душе. На душе почти всегда так, как в природе, если только она не отягощена болью, потерей или какой-то обидой.

* * *

Возраст его перевалил за полдень. В городе у него какая-то должность и скромная квартира. Он уже и сам давно дед, но когда приезжает в деревню, старые отец и мать каждый раз к нему с наставлениями: ты плохой семьянин, не бережешь жену, часто заглядываешь в рюмку, не бережешь денежку. Он сидит, задумчиво поглядывает в засиневшее окно, вертит чарку в руке, слушает и молчит. Ему неприятно, но что сделаешь: дети для родителей в любом возрасте дети.

И не знает он, не спросишь об этом у родителей, догадываются ли они, что он с печалью думает об их старости, жалеет их, как малых детей, и из-за этого даже ссорится со своей городской женкой.

А пока сидит и терпеливо слушает, что ему говорят, чему поучают, как когда-то в детстве.

* * *

Подзелененный можжевельником песчаный обрыв над Ислочью. По берегу к самой воде сбегает гибкий орешник. Слух привораживает бульканье течения. Не реки, а почти уже ручья, но все еще петляющего, сильного и прозрачного. Завалами лежат в воде подмытые когда-то паводками деревья. А вокруг тревожно шумит лес: высокий стройный сосняк кое-где с примесью пестрых берез и с густыми темно-зелеными елями.

Дремотным осенним днем стою на обрыве и задумчиво вглядываюсь в даль, на другой берег. Где-то там одинокий родительский дом. Гудит возле него новая шумная дорога. Там думают обо мне. Мглистыми вечерами вглядываются в окна. По утрам разгадывают тревожные ночные сновиденья и чего-то ждут — хорошего или плохого. Такая она, жизнь. Приходит время, и мы становимся двумя берегами. Одним берегом — родители, другим — дети. А между нами река времени, потери, суета и завалы на течении. А были когда-то одним счастливым берегом. Было у нас в запасе много лет, и мы не верили в расставание, потери, даже в слезы. Но берега расходятся не для того, чтобы снова сойтись. Берега направляют наше движение вперед.

* * *

Удивительно теплый и солнечный день выдался в октябре. А может, это выплачивало осени какие-то долги лето? Или в нашей природе все так перепуталось, переплелось, что не знаешь, когда и чем удивит тебя погода.

Потянуло в лес, который благо возле самого дома. На знакомой вересковой поляне и встретилось это зрелище: две гадюки, подобно веревке свитые, греются на солнце. И удивление от увиденного, и давний страх. И ноги как-то сами понесли вглубь леса — дальше, дальше от этой гадости. Но почему гадости? Быть может, это одно из самых больших чудес природы, да еще в октябре, после Воздвижения, когда змеи расползаются отдыхать по своим норам. Но пригрело летней силы солнце, и вековой закон природы нарушился. Правда, нарушился самой природой. Законы в наше время, к сожалению, нарушаются не только человеком. А здесь и греха того — любовь змей.

Подумалось, откуда же у меня, лесного, такой страх перед гадюкой. Пущанский человек в этом смысле слишком смелый. Мимо гадюки просто так не пройдет. Нужно обязательно прикончить ее, а то еще, чтобы нечистая сила сгинула окончательно, поджарить на огне. Даже в ругани, проклятьях остались слова: «Гад ты печеный». И тут причину моего страха объяснило одно воспоминание.

Было мне тогда года три или четыре. И несет меня мать по-цыгански за плечами с Островов в Навики. Ступает тяжеловато, увязая на узкой топкой тропинке, направляется к кладке через канаву. И вдруг вскрикивает и выпускает меня. И вот мы бежим назад, убегаем, увязая и проваливаясь в черное топкое межкочье болота. Нас подгоняет страх — гадюка на тропинке. Еще и сегодня в глазах стоит темное мерзкое креповое кольцо. А мать чуть не наступила на него. Представляется такое с ужасом. Страх детства прошел со мной через всю жизнь.

Гад, гадюка, гадина, гадость... В неприятный клубок сбегаются слова. Но здесь предзимний медно-желтый лес, теплое солнце, и жизнь, и любовь... Змеиная любовь...

* * *

Ярославль летней поры. Глаза все время теряют землю, просятся в небо. А там оно все из голубизны и золота, а там его раскачивают луковичные купола церквей. Целый хоровод куполов. Плывет и плывет в глазах голубовато-золотое небо. И плывет из-под ног земля. Это кружится голова. И не хочется опускать глаза вниз. Пусть бы только это одно и кружило нам головы.

* * *

Изречение «Чем богаты, тем и рады» время помаленьку изменило. На сегодня оно должно звучать так: «Кто богат, тому и рады».

* * *

Честности нужно учиться у маленьких детей, пока они не научились у нас нечестности.

* * *

Юбиляра целовали долго, весь вечер, но почему-то как покойника, боязливо.

* * *

Бюст известного и заслуженного, который сам себя уже давно считал классиком, стоял в мастерской скульптора на столе, за которым и поднимали чарку, — свежеглиняный, вдохновенный, но еще без правого уха. Кстати оказался и тост одного из нас:

— Выпьем же за левое ухо нашего славного и гениального!

* * *

Дорога, такая широкая перед твоей грудью и глазами, сужается и сужается вдали и наконец переходит в нить, а может быть, в клин. Такое виделось в детстве на картинах железной дороги или большака. И вот перед глазами то же изображение на картине, которую недавно подарили земляки. Может быть, и на самом деле и сужается, и сжимается, и сходит на клин та жизненная дорога. Но как не хочется верить в это, пока перед глазами еще широко.

* * *

Зависть... Мы привыкли разделять ее на «добрую» и «плохую». Думаю, и от той, и от этой в горячую минуту можно ждать всякого.

* * *

Он недолго думал, где бы выпить «на халяву», это значит на дармовщину. Вечером, когда хорошо стемнело, взял дома миску квашеной капусты, краюху хлеба и пошагал к местному магазину. Районные милиционеры, приехавшие, как только сработала сигнализация, сперва растерялись, а потом долго смеялись, увидев, как он старательно работает ложкой, потягивая из бутылки коньяк.

Очень уж не вязались между собой местная закуска и совсем не местный напиток. И дали-таки бедняге закончить ужин, а потом повезли, послушного и тихого, туда, куда и просился.

* * *

Ночью у дядьки Адася кто-то выпотрошил улей с медом, оставив только полупустую рамку.

— Я его моментом найду, — не растерялся обозленный Адась. — Пройдусь только по хатам, и он будет мой.

И сразу направился в хату примака Зэнака. Вошел, поздоровался с хозяйкой и сразу к кровати. Дернул изо всей силы одеяло и увидел закрытое руками лицо, распухшее, как тот улей.

— Ну, вставай-ка. Лечить буду, — и начал расстегивать ремень.

* * *

От старой бабушки в Карпатах услышал и такую мудрость: «Пока вы молодые — ходите, потому что где ваши мысли, там и ваши ноги».

* * *

Пчелиная тревожная суета указывала на рой. И он вскоре вышел. Густой, игривый летучий клубок тут же и осел на тонкой молоденькой липке, которая росла во дворе недалеко от ульев. А когда взялись снимать, рой вдруг ринулся назад в улей. Потом снова вылетел. Это повторялось несколько раз. Вылетала, оказывается, молодая семья без матки, — так объяснил старый пчеловод. Здесь, видно, тоже свой пчелиный закон: раньше матки на дерево не лезь!

* * *

Пожилой человек о молодой, нынче уже городской землячке в мини-юбке:
— Глянь ты, оголила провода до самой розетки!

* * *

Клен у нас издавна называют именем женским — кленина. Буква «н» легко вызванивает в слове, раскачивая переливное «л». Кленина и с солнцем более сговорчива. Пока береза расплачется сладкими слезами, кленина успеет насладить весну своим медовым соком. Быть может, потому она и самая сладкая.

И тополь наш женского рода («тапоЛя»). Да и большинство деревьев. Дуб, граб, ясень — очень редкие гости в пуще.

Кленину так и хочется назвать панной, а березу — паненкой. Внешняя женственность и внутренняя твердость. И лучшие песни пошли от них, деревьев-образов, от наших кленинок, березок, елочек, сосонок и калинок. Поэзия часто уходила от природы, но всегда возвращалась и виновато преклоняла колени перед нею.

* * *

Колодец всегда питался источниками и сам всегда был источником веселой и невеселой деревенской информации.

* * *

Снова услышал это давнее и милое слово, спросив у женщины:
— А где ж хозяин?
— Да пошел в лес.
— И давно пошел?
— Теперься...
Теперься — это значит не только что, но и не так давно.

* * *

Не знаю, доведется ли еще побывать на горячем и солнечном берегу Пицунды. Но в последний свой приезд, когда принародно увидел вблизи моря

московских литфондовских бабуль в костюмах Евы, подумалось: «А не перед концом ли это каким?» Почти так и вышло.

* * *

Послевоенное детство наше было босоногим и всегда с падениями и порезами. Наступишь, например, на ржавую колючую проволоку и поранишь ногу. Но ничего. Больное место тут же зальешь своей же собственной горячей струей. И снова — по песку босиком. А на большие болячки были еще и слова утешения: «Пока жениться — все загоится, пока помирать — не будешь знать». И утешали.

* * *

И сегодня с какой-то горечью в душе посмотрел на сад, который тогда, в детстве, был едва ли не единственным в деревне и куда я однажды соблазнился заскочить, чтобы набрать за пазуху еще зеленоватых антоновок. Даже почувствовал коленями колючую боль гречки, на которой стоял потом в углу, — так наказал меня за тот грех строгий отец. Ожил в ушах и вопль хозяйки с каким-то даже проклятием. И немного отлегло от души, когда увидел, что в отцовский сад идут сегодня все, кто захочет. И дома этому даже рады. Сад, конечно же, собственность, но совсем не крепость.

* * *

Есть некоторое смакование в том, какими словами погоняют коня.
— Но-о-о, чтоб тебя волки! — крикнет один.
Второй немного ласковей:
— Но-о, милая!..
А один наш сельчанин погонял коня так:
— Но-о-о! Чтоб тебе дитя в живот!..

* * *

Студент на экзамене по литературе.
Преподаватель:
— Какие вы знаете поэмы Аркадия Кулешова?
Студент:
— «Стяг бригады»...
Преподаватель:
— А еще?
Студент:
— Ой, выскочило...
Преподаватель:
— Ну, тогда берите зачетку и приходите, когда вскочит.

* * *

В квартире напротив шла очередная семейная разборка — с воплями, крепким словом и даже звоном посуды. Но когда дверной звонок пропел «Не слышны в саду даже шорохи», все сразу затихло. Это шла милиция.

* * *

Как бы ни был велик этот свет, он всегда сужается для тех двоих, которые ищут и в конце концов находят друг друга.

* * *

Про одну молодицу сказалось так: «Все на ней вязаное, а сама крученая».

* * *

Мама предупреждала меня в детстве: «С утра не пой, а то вечером плакать будешь». Но сама начинала и заканчивала день песней. Слез она не боялась — за жизнь к ним привыкла, как к песням.

* * *

Моя знакомая, уважаемый автор, назвала свою книгу поэзии «Есть».
Один шутник, слегка полистав ее, сказал:
— Нет!

* * *

Самым легким по весу человеком в поселке, как говорили, был участковый милиционер: весил он пятьдесят два кило... вместе с пистолетом.

* * *

Анализируя наши произведения, критики, в отличие от докторов, не требуют мочи, но крови часто еще как требуют.

* * *

Речка течет, как змея ползет. Чем больше выкрутасов и изломов, тем более она мускулистая и сильная. Прямо течет только мертвая вода. Это подтвердила мелиорация. Все спрямленные реки умерли.

* * *

Немного о памяти. Когда я однажды своей, уже взрослой, дочери прокрутил на магнитофоне ее голос, записанный, когда ей не было и двух лет, она не обрадовалась, а загрустила, и однажды в мое отсутствие стерла эту запись. Почему? Я долго думал об этом, но так и не нашел никакого ответа. Знаю, что детство неохотно расстается со своими игрушками, куклами. А более поздний возраст их стесняется. Хотя для музея совсем не плохо, скажем, держать под стеклом для пытливых глаз ползунки великого человека. Это еще как интересно, когда нет уже самого человека.

* * *

Тимофеев-Ресовский высказывался как-то, что невыразителен тот человек, которому нельзя придумать прозвище. Вспоминаю наши деревенские

прозвища. Одно слово, а в нем весь человек. Прозвища передаются и в наследство. Вспоминается одно из них — Волк. Так и сегодня называют одного сельчанина, уже молодого. Не потому, что волковатый, нелюдимый, а за богатырскую силу. Отец когда-то пас коров и задушил собственными руками волка, который ринулся в стадо. У сына та же, отцовская сила. Ну, чем не волк?

Она посмотрела на меня — как рублем одарила. Как на сегодняшние деньги, так это маловато, как на сегодняшний возраст, то даже слишком.

* * *

Поэт иногда осмеливается и на такое:

Зовут меня Кузнецов. Я один.
Остальные — обман и подделка.
(Ю. Кузнецов)

В поэтическом застолье можно позволить себе такие слова. Но только в застолье. В застолье один из наших сказал: «Только в одном меня Бог обидел: дал великий талант».

* * *

Мудрый Кондрат Крапива в конце жизни бросил эпиграмму в «ЛіМе»:

Я не горшы ад Рагойшы,
І не меншы ад Камейшы.
Ды прайсці не ўдаецца
Ні ў Саюз, ні ў выдавецтва.

* * *

На партийном съезде, где меня благословляли в коммунисты, Пимен Панченко неожиданно спросил:

— А что вы могли бы сказать про известную эпиграмму Крапивы?

— Да я был удивлен, что Кондрат Кондратьевич знает мою фамилию, — ответил я.

Честно говоря, я встретил эту эпиграмму в печати. Хотя дорога в Союз писателей была и для меня не такой уж легкой. Непростая она и в издательства, вплоть до сегодняшнего времени.

* * *

Такая шутка.

Чем отличаются творческие люди от уголовников?

Первые из шкуры лезут, чтобы привлечь к себе внимание, вторые же, наоборот, хотят остаться в тени.

* * *

Шутить можно и так:

— Я познакомился с ней, полной и круглолицей, только триста граммов тому назад и не думал, что через граммов двести у нас будут с ней такие близкие, аж до кровати, отношения.

* * *

— Зачем мне земля, я сама земля уже, — говорит иногда мать, и говорит это как-то весело-безразлично, как будто и не боится того, неизбежного, про которое все чаще и чаще думается да и снится.

* * *

Осень... Уже не восемь, а немного меньше забот у крестьянина, а здесь, в городе, легко постреливают по мутным тротуарам спелые каштаны, озорно подкатывая под ноги блестящие коричневые ядра, кому-то целя даже по шляпе, снуют выряженные паненки, напрашиваясь зелеными глазами в теплые и уютные салоны иномарок...

* * *

И снова, уже в который раз, расцветший сад. Розовато-белое, словно вуаль, колыхание соцветий, и пчелы за крылышками лепестков, в самом центре цвета. От умиления этим великолепием на душе не только сладкая нежность, но и страх за то, что все это для тебя — временное. Есть — и нет...

* * *

В деревне сам по себе вызрел конфликт: злая собака оторвала хвост блудливой корове. Хозяин аж вскипел от гнева и злости. Но пастух, чья собака учинила это хулиганство, человек по натуре не злой и покладистый, согласился поменять покалеченную корову на здоровую, собственную. Нужно понимать, что хвост у коровы не самый последний, может, даже самый главный «инструмент» — спасительная сила от оводов, слепней и всяких других кровососущих.

Обмен состоялся. Но коровы с этим не согласились. С пашни каждая возвращалась к своему привычному хлеву. Да и корова с покалеченным хвостом давала куда больше молока, чем вторая с хвостом безукоризненным. Закончилось все тем, что каждый остался при своей корове.

* * *

Пожелание литератору-домоседу: «Работай, как пчела, и почаще выходи за рамки своего улья».

* * *

Четвертый блок Чернобыльской АЭС прятали в саркофаг вместе с правдой о нем. Недавно узнал об этом в деталях из газеты «Труд». Но правда, как и радиация, находит трещины, чтобы просочиться. Ее-то в саркофаге не удержишь.

* * *

Дождь в непривычно шумной и жаркой чаше Пицунды начался со свиста и гула в деревьях. Долго мыл и полоскал субтропические кроны, а потом неожиданно стих, и так ярко блеснуло вдруг солнце, даже в глазах заискри-

ло, и сразу добавилось синевы моря, а дымный контур гор осветился доброй усмешкой радуги. Красота яркая, захватывающая! Смотришь и удивляешься всему этому, а в душу сама собой просится наша пуща с зеленым ласковым шумом деревьев, грозами, яблокопадом. Это, тамошнее — на минуту, а свое родное — на всю жизнь.

* * *

Будь добрым, но добротой своей не разбрасывайся. Так говорит народная мудрость. В жизни я часто упрекал себя, что легко шел на уговоры и не мог отказать там, где другой безусловно отказал бы.

Припомнилось такое. Самолетом отлетали мы с маленькой дочкой на юг. За час до отлета были в аэропорту. В кармане — с трудом добытые с помощью доплат и знакомых билеты. И вот перед самой посадкой подходит ко мне женщина, которая должна вести нас к трапу, и просит отойти в сторонку.

— Вы вдвоем с маленькой?

— Да, — отвечаю.

— А что, если я вас хорошенько попрошу, и по вашему билету в самолет пройдет один мужчина. Он вам мешать не будет.

Я колебался, не все осмыслив, но тут же и согласился, за что потом всю дорогу ругал себя.

Так вот, начали мы подниматься по трапу в самолет. Вижу, рядом со мной продвигается высокий, смуглый и усатый мужчина, как говорят, «лицо кавказской национальности». Заходим в самолет, и этот мужчина очень уверенно садится в кресло дочери. А мне не остается ничего другого, как сесть на свое место и взять на колени дочь.

В тесном самолетном кресле я чувствовал себя как рыба в неводе. Было жестко и утомительно, отекали и ныли ноги, болели руки.

Беспокойно вела себя и дочь, наконец, не выдержала:

— А что, у нас разве на двоих одно место?

— Терпи, доченька, — сердился я на себя, — папа твой одно место потерял.

А сосед через несколько минут сладко захрапел, и снилась ему, наверное, такая же сладкая ночь, с вином и поцелуями, которую он провел с той полной авиаженщиной, легко выцыганившей у меня самолетное место. Но где наше не пропадало?! Почти три часа полета дались мне с трудом. Из самолета я вышел мрачный и измотанный. А сосед — очень спокойный, выспавшийся, и хотя бы «спасибо» сказал. Ступив на землю, он легко вскинул на плечо свою дорожную сумку и сразу пропал из виду, будто растаял в шумной толпе.

Только в автобусе по дороге из Адлера я немного расслабился, но все еще не мог простить себя за свою глупую доброту. Ну, какого еще простофилю уговоришь на такое?!

— Ты хотя бы маме не говори, — сказал дочери.

Та молчала.

...Прошло где-то с полгода. И вот неожиданно мне понадобилось срочно лететь в Пинск. Я бросил все дела и помчался в аэропорт. Прибежал к кассе, а билетов нет. И вдруг вижу: прогуливается с кобурой рации на боку, подрумяненная и веселая, она. Вот кто меня выручит, мелькнула мысль. Просить-то я не люблю и не умею. Но набираюсь смелости и подхожу к ней. Грозно взглянула на меня большими серыми глазами:

— Вы что, в своем уме?

— А в чьем же еще, — бросил зло и я. Говорить с этой особой мне больше не захотелось. Знаю, чем бы это все закончилось, потому что она глазами

начала искать милиционера. И тут же, крутанув своими внушительными бедрами, равнодушно ушла в накопитель. А в душе моей снова ожила, даже обострилась давно утихшая обида.

Вот и сделай одолжение человеку.

* * *

Илона, увидев на столе еще один, незнакомый телевизор, спрашивает у родителей:

— А это чей?

— А это дедов, из деревни, — объясняет мать. — Ну, откуда мы тебе молоко коровье привозим.

— А-а, — кивает головой девочка. — Это коровий телевизор.

* * *

Увидев облачко пара, которое густо сочилось из канализационного люка, Илона тут же выкрикнула:

— Дед, смотри: мыши варят кашу!

* * *

Мы сидели в парилке уютной полесской бани на Туровщине, симпатичные, разрумяненные щедрым паром, и шутили. Перебирая в памяти едва ли не весь запас соленого, я вспомнил и это, когда-то услышанное от нашего славного поэта:

Из Сморгони мещанин
Что-то дверью защемил.
Тузил-тузил пальцами
— А хрен с ними, с я...и.

Это не очень уж рассмешило парилку, потому что вдосталь насмеялись до этого. Но тут открылась дверь, пропуская человека с веником и тазом, и грохнул такой смех, что заколыхалась в тазах вода.

— Чего смеемся? — не понял я.

Хохотуны, держась за животы, показывали на мужчину:

— Так он же из Сморгони.

* * *

Слову «ага» не нужно эхо. Оно звучит на обе стороны ровно: и туда — ага, и оттуда — ага.

* * *

Все ключи от тайн прошлого спрятаны в карманах будущего.

* * *

Спор о том, может ли крестьянин сегодня взять землю, такой же бессмысленный, как и спор о том, может ли покойник взять в руку свечку.

* * *

Мухи творчества всегда менее назойливы, чем комары от критики.

* * *

Седая мудрость никогда не будет спорить со светлой детской наивностью.

* * *

Компания всегда спасала человека от одиночества. Но после нее человек снова без оглядки убегал в свое одиночество.

* * *

На свете куда меньше было бы недовольных собой, если бы человек не придумал зеркало.

* * *

Утром, еще не было и девяти, он остановил меня возле почтамта. Внешне человек интеллигентный и хорошо одетый, преодолевая понятную неловкость, попросил:

— Не дали бы вы мне несколько рублей на пиво? Только вот из вытрезвителя выпустили...

По всему было видно, что человек говорил правду, и я, преодолевая уже свою неловкость, дал ему на пиво. И думал, хотел даже спросить, как там, в вытрезвителе. Но сдержался. Разве и так не понятно, как там хорошо? А он, благодаря и даже раскланиваясь, побежал поправляться, трезветь после вытрезвителя.

* * *

Колодец — не ручей, из него без ведра не напьешься. Поэтому берегите в колодце не только воду, а и ведро.

* * *

Сегодня неожиданно вспомнилось велюгинское «мастер спорта по метанию бедра». Мастер не пропускал, чтобы хулиганисто не пошутить.

* * *

— Как ты постарел! — первое, что говорят давние знакомые при встрече. Потому что запомнили они тебя молодым, свежим. И тебе самому не терпится сказать им то же самое. Старят нас не только годы, но и наша разобщенность.

* * *

Еще не отжурчал березовик, но мухи и мурашки напористо подались к сладковатым комлям, уже выкинулись стрелы первотравья, натопырились

мышиные ушки щавеля, махристо зазеленел хрен, а по лесным ложбинам побежали веселые пролески. Этого всего можно было бы и не заметить, если бы не искали его душа и глаза, заведомо зная, что оно временное, что через какой-то час этот свежий и извечный луч вдруг погасят какие-то жизненные, даже мелкие неприятности, несогласованность бытия, недоброжелательность и... чья-то нелюбовь к красоте земной.

* * *

Я давно не слышал соловьиных концертов. А здесь, на рассвете, в Левках, вскипевших белой черемухой, наслушался их вволю. Соловей тянул, как будто крутил колесо вокруг себя, свое колено:

— Ти-и-ви-ить!.. Тук! Тук!

Было и самое редкое колено в этой песне — «кукушкин перелет».

Очень звонкий, сильный и впечатляющий. И ступал я по берегу осторожно: не наступить бы на эту песню, поскольку читал где-то, что соловьи вьют гнезда на земле, из травы и листьев, как и множество птиц.

* * *

Не каждый ли из нас зачинался ночью, чтобы потом прийти днем. День — это движение, свет, жизнь. Но самая большая созидательная тайна скрывается в ночи, во тьме. Свет возникает из сумерек.

* * *

Поэт напомнил мне самолет, который оторвался от своего звука. Я уже и не вижу самого самолета, только слышу его звук.

Сверхзвуковой поэт!

* * *

Заросший спереди и сзади рыжеватый нездешний Христос забавляется с остроносенькой блондинкой (по разговору понятно, что поляки). Они плещутся в теплых волнах. Борода мокрая, и по ней вместе с каплями стекает солнце. Он подбрасывает ее в волны и тут же ловит сильными руками, рассыпая звонкий смех по берегу и очень уж порывисто приближаясь к счастливому греху.

* * *

Подошел с осторожностью к этому старому, заброшенному, серому и обшарпанному, как свитка нищего, строению бывшего панского имения, где сегодня вольно чувствуют себя дурашливые воробьи да ветер. А когда-то здесь очень хорошо чувствовали себя и клуб, и почта, и сельсовет, и начальная школа. Заросла и ореховая аллея, которая от самых комнат бежала к пышной соловьиной роще, густо поросшей кустарником шиповника, куриной сиренью и крапивой. И все так же, как и когда-то, достойно, высоко и величественно стоит старая лиственница, неизвестно когда посаженная паном. Узнала или нет? Узнала. Даже сыпанула холодным осенним дождем за воротник, как бы и побранила:

— Ах ты, неслух. Побродяжничал и пришел. Знала, что придешь. Ну что, день добрый. А прощаться, может, и не будем. Мне хорошо там, в воспоминаньях.

* * *

После многочисленных газет с названием «Правда» время все чаще требует и другие названия, скорее всего — «Кривда».

* * *

В семидесятые—восьмидесятые «застойные» едва ли не традицией стали в республике так называемые Дни литературы. Проводили их периодически то в одной, то в другой области. Проводили, нужно сказать, на уровне. Сначала литературный «десант» бросали на районы, причем богатейшие, а потом все завершалось большим вечером в областном центре. На заключительную часть многие приезжали совсем уставшие, измученные, выжатые, как лимоны.

Везло на такие поездки и мне. Были это очень веселые, даже слишком, вечера и дни, где по многу раз говорились одни и те же слова, читались одни и те же стихи. Были знакомства, песни и поцелуи. И было все празднично. Нас чуть ли не носили на руках, хотя вряд ли кого читали. Хозяевам хотелось, чтобы гости запомнили их, гостям желалось того же самого. По районам возили в сопровождении ГАИ, с мигалками. Словом, примелькались мы там здорово. Пошумим сутки в одном районе, а назавтра на его границе под каравай и музыку да выстрелы шампанского нас передают в другие руки. Ну почему бы писаке и не расслабиться.

— Что вам больше всего запомнилось в этой поездке? — спрашивали наивные журналисты.

Самый справедливый ответ был бы: застолья! Потому что на них усердствовали так, что уже и не помнилось ничего. Молодые председатели колхозов, незамужние румянолицые секретарши по идеологии, героини труда продолжали мелькать перед глазами даже во сне. Но нужно было опускаться на землю.

В Минске, сойдя с позднего поезда и втискиваясь в переполненный трамвай, так не хотелось мириться с тем, что ты такой же смертный, как и все, даже, может быть, больше других грешен. Что из того, что где-то попрыгал, потерся в застольях. А в глазах все мелькали, да и сегодня мелькают те сопровождающие мигалки.

* * *

Глаза у человека — не только чтобы видеть. А еще — чтобы плакать, смеяться, завидовать, наказывать, и любить, и много еще чего.

* * *

Мама долго, как ни уговаривал, не хотела сбывать корову, несмотря на то, что ухаживать за ней совсем не было сил. Сегодня смотрю, как осиротели без той коровы не только сама мама, а и двор, и кот, и собака, и все, что к двору примыкает. Даже трава, которая вытянулась по пояс яблоням, тоже осиротела.

* * *

Старший угощает цигаркой более молодого и говорит:

— Холодная весна стоит. Если бы теплее было, может, и боровики пошли бы.

— Какие теперь боровики? — удивляется молодой.

— «Какие-какие»... Колосовики. Рожь в колос погонит, и они выплывают. Ненадолго, на день какой.

— Так рожь вот еще какая — ворона не спрячется, — смеется молодой.

— Не знаю, что у вас за рожь. А у нас, в Островах, даже лось за ней как за стеной стоит.

* * *

Страшно подумать, но есть опасение, что земля наша в конце концов может стать свалкой. Все дачные дороги возле города и далеко за городом завалены мусором. Целые горы полиэтилена, стекла, консервных банок. Мусорят прячась, а то и открыто. Мусор мешками везут в мою пущу. Такая вот плата за здешние дары леса. Неужели это и есть та знаменитая свалка истории, куда мы бросаем и нашу совесть.

* * *

Я ехал в переполненном автобусе на Комаровку. Мне даже повезло с местом. А он стоял, наклонившись дугой надо мной, и пытался разговорить меня. Голос его имел какие-то очень выразительные оттенки доверия, и мне хотелось поддержать разговор. А причину того разговора я понял, когда, взвесив на рынке пару кило свежей картошки, полез в карман за кошельком. А его там уже не было.

«Раззява, дурень», — укорял я себя последними словами. Нет, не обеднел я от того карманного злодейства. Но это было самое большое омерзение, какого еще не знала моя душа.

* * *

Живу памятью. Все чаще и чаще, как из кармана мелочь, вытаскиваю что-то из прошлого. Как будто иду вперед и все время озираюсь назад: не забыл ли там чего.

* * *

Ни своих бед, ни своего счастья никогда не обойдешь. Судьба редко посылает нам обходные дороги.

* * *

Мы родились возле небольшой, с одним только омутком, речушки, и плавать из сельчан мало кто за свою жизнь научился. Дети, мы имитировали плавание, скребя руками по дну. Скребемся и сегодня в жизненном мелководье, часто остерегаясь настоящей глубины.

* * *

Случилось от каждодневных редакционных забот еще среди недели отлучиться в деревню. Ехал, чтобы хоть немного похозяйничать в родном дворе, помочь немощной матери. Тем более что ждала и не очень приятная работа: нужно выбросить из хлева навоз. Я уже взял в руки вилы, но мать возразила:

— Нет, работать сегодня не будешь.

— Почему? — не понял я.

— Сегодня градовая среда. Я не хочу, чтобы смеялись люди, а потом наши гряды молотил град.

Не буду же я возражать матери. Пошел в дом.

А 2 мая неожиданно ударил град. Бухали крупные, как боб, градины. Казалось, вот-вот посыплются из окон стекла. Град сбивал цвет, молотил первые всходы. В нашем саду и на грядах ничего не повредил.

— А что я говорила, — заулыбалась мать. — Градовую среду не я придумала.

* * *

Старую маму, которая каждый год приезжает зимовать к дочке в город, напрасно просят чистить полы пылесосом.

— Я лучше веничком, веничком. Так чище, — говорит старуха.

Днем, когда все расходятся в школу и на работу, старой становится грустно и томительно. По телевизору она любит смотреть только «Поле чудес». Часто говорит:

— Какой добрый этот Якубович — всем раздает. И просто так. И дорогое.

И чуть не плачет по своему деревенскому дому, который бросила на всю зиму. Пока она жила здесь, в городе, младший сын, выпивоха, пропил последнюю козу. А недавно, пьяный, позвонил сестре:

— Алена! Мать наша умерла.

— Совсем уже мозги пропил, — сердится старшая, — вот она, «Поле чудес» смотрит.

* * *

Когда одному из моих сельчан кто-то за меня похвалился, что я только что выступал по телевизору, тот очень спокойно промолвил:

— Телевизор есть телевизор, надо же через него что-то показывать.

* * *

Пора гласности у нас прошла, так и не наступив. И как-то надежно установилась пора молчания. Молчим, как воды в рот набрав. Порой берем в рот не воду, а что-то более основательное, но все равно молчим.

* * *

На юбилейном вечере щедро хвалили юбиляра, но не упускали, чтобы похвалить и себя. И тогда мне припомнилось некрикливое застолье на семидесятилетии Анатолия Велюгина в его квартире. Мастер слова еще вначале сказал, чтобы никому не было обидно:

— Хлопцы, вы сегодня помолчите, а говорить буду я.

И говорил, и вспоминал, и мы увлеченно слушали его почти до самого утра.

* * *

— Боже мой, Боже, люди совсем озверели. Когда-то и близко такого не было, — грустно говорит мама. — Это же здесь недавно в Столбцах такое случилось. Женщине одной плохо стало. Так она зажала рукой сердце и — в поликлинику. А там этот вечный хвост, очередь. «Люди, — кричит, — пропустите к доктору, не могу я!» — «Мы все не можем», — отвечают. «Так умру же я, не достоюсь». — «Достоишься», — говорят. Так и умерла в той очереди, упала там. Представил я все это. А неужели и стыда никто не почувствовал? Может, и не почувствовал. Но страх, наверное, был. Страх собственной смерти.

* * *

Память — не литература. Она не терпит эпопейности. Она вся, как сотовый воск, — из фрагментов и эпизодов.

* * *

Ребенком он спал в одной хате с отцом и матерью. И часто ночью, затаив дыхание, слушал, о чем скрипит родительская кровать. А как-то я увидел его приросшего ухом к замочной скважине чужих дверей. Увидев меня, он кинулся наутек и потерялся в длинном заломе коридора. Привычка, наверное, оттуда, подумалось мне, с детства.

* * *

У поэта радость: появился «зуд мудрости».

* * *

Когда я пас с дядькой коров, иногда записывал в блокнот какие-то строчки. Дядька грелся на солнце, вертел из районной газеты самокрутку. Возле ног его лежала, тяжело дыша, с высунутым, как пламя, языком огромная собака. Дядьке, видно, было скучно молчать — не выдержал, заговорил:

— Ну что там нацарапал? Почитал бы...

Я набрался смелости и для смеха почитал.

— Ого, без поллитра здесь и не разберешься, — мудро сказал дядька. — А деньги у тебя есть какие? Я бы сбегал в Гуменовщину за поллитром.

Деньги я нашел, и только дядькины резиновые сапоги блеснули за кустами. Даже самокрутку бросил.

* * *

Земляки, которые в давние времена работали у немца-хозяина, знали его строгость и аккуратность, но знали и его слабое место. Он разрешает праздновать все религиозные праздники. Но замечает: слишком уж что-то много праздников. Вот пришел и очередной.

— Ну, что у вас сегодня? — спрашивает хозяин.

— Все святые, — отвечают мужчины.

Через какой день пошептались и снова празднуют.

— А сегодня что у вас?

— Святой Мартин, — дружно отвечают мужчины.

— А где ж тогда он был, когда всех святых праздновали? — сердится хозяин.

* * *

Зимнее солнце, как сердце вдовца. Только женщина могла сказать такое. Сердце это уже не ласкает, не греет, но тешит. Есть еще у женщины надежда на такое сердце.

* * *

Зашел в так называемый «ночник», где вертятся преимущественно еще не совсем «крутые», но уже «новые белорусы». Жену отправил за магнитные ворота магазина что-нибудь купить, а сам с ее авоськами и пакетами топаю возле порога, где сбоку есть столики, чтобы попить кофе. Компания бритоголовых возле дверей замечает это: «Смотри ты, и глаза опустил, боится, зараза». Это про меня. Это я опустил глаза, не выдержав их наглых взглядов. А если бы не опустил? Наглость карают наглостью. Но это не мое правило. Мы разошлись мирно, даже не схватившись за грудки. А в моей впечатлительной голове это все отравляюще сидит и сегодня.

* * *

На своем дачном надельчике прошлым летом я создал свою «хрущевскую» аллею-тропинку в обрамлении кукурузы. Когда выросла, стала высокой, с цветистым верховьем и усатыми толкачами по бокам. Ходил по этой дорожке туда-сюда и всякий раз вспоминал странноватого в моем понимании Никиту Сергеевича и свои молодые годы, когда я, наивный районный газетчик, на страницах столбцовского «Луча» пел славу исторической «королеве полей», а попросту уже в начале жизни учился великой государственной лжи.

Ложь не кукуруза, ее выращивать куда проще. Ее выращивали еще до моей памяти. Растет она и сегодня.

* * *

Как ублажить высокое начальство, известно еще со времен «потемкинских деревень». Когда будет ехать некий «высокий», поставят и даже покрасят новые заборы, покроют новым шифером крыши, а в дом, куда «захочется» гостю зайти, и свежий коврик постелют, и мисочку с медом и ветчиной поставят: угощайся, гость дорогой, живем, как видишь, не то что пристойно, а зажиточно. Коврики тут же после гостя свернут и отвезут своему местному начальству.

Припомнилось мне, как в армии к приезду какого-то там генерала подметали и посыпали желтым песочком каждую тропинку в том задрипанном лесу. Эх, неужели те высокие, думалось тогда в лесу, такие дурные, что могут и грабли принять за петуха.

* * *

В троллейбус на остановке просто влетели несколько сорванцов на роликовых коньках. Роллеров силой выпихивал из салона водитель, поддержанный и гневом пассажиров:

— Еще не хватало из-за вас в тюрьму сесть. Сворачивайте свои головы на улице.

Роллеры остались довольными. Они нашли возможность обратить на себя внимание.

Каждый в этой жизни хочет быть замеченным.

* * *

В детстве часто приходилось слышать об обновлении икон. Отцу моему верить в это не хотелось. Где-то он услышал, что образ может обновиться, если натереть изображение святого луковицей. Как-то и сказал разгневанной матери:

— Вот сейчас я тебе покажу, как обновляются образы!

Тер-тер сырой луковицей святой образ, но тот не обновился, только чуть-чуть посветлел. Мать в этом случае была победительницей.

И вот читаю недавно, что в соборе Рождества Богородицы в Глубоком заплакала икона. Из глаза святой Афонской Богородицы будто бы вытекла слеза. Чудо, известно. Но как поверить в это, если сам не видел. Чудеса, если и случаются, то всегда чужими устами и глазами.

* * *

Бородой, как и лысиной, мудрым не будешь. Но ею можно компенсировать хотя бы ту же лысину.

* * *

После страшного летнего урагана едем с братом в Столбцы. По всей дороге, начиная от Гуменовщины, — поваленные, на комле сломанные деревья, поврежденные крыши, везде друз разбитого шифера, кое-где осколки его торчат из земли.

Но больше всего поразили Столбцы. Центральный сквер с вековыми деревьями уничтожен как под топор. Только один «бессмертный Ильич» стоит себе на постаменте целенький и невредимый. Вот так укоренился. Да еще и площадь расчистил себе для кругозора.

* * *

Начали помаленьку забываться слова, из которых клеились когда-то все разговоры и сравнения: «А до революции было...» И припомнилась одна из еще не забытых шуток.

У старого киргиза корреспондент спрашивает:

— Отец, как вы жили до революции?

— О, как я жил! Утром просыпаюсь, сажусь на коня и еду, и еду, и еду...

— А что вам дала революция?

— А революция, сынок, поставила меня на ноги. Теперь я утром просыпаюсь — и иду, и иду, и иду. А хотя бы знать куда.

* * *

Из фольклора моего детства:

Русский, немец и поляк
Танцевали краковяк.
А у поляка толста с...а,
Не выходит краковяка.

В этой троице танцоров нет белоруса. Но он видится мне за строчками — веселый, ироничный и находчивый. И посмеивается себе в ус с такой троицы. И немного жаль третьего, которому тяжеловато танцевать свой же танец.

* * *

Деревенский пчеловод, который не совсем пчеловод, посмотрев на наших перезимовавших пчел, согласился:

— Они же такие слабые были. А меду полно. Может, накрали где в каком улье.

— Наши пчелы не злодеи, — возмутилась внучка. — А мед купили у цветочков.

* * *

— Сколько в вашем доме этажей? — спрашивает воспитательница.

— Один, — отвечает внучка.

— У вас что, свой дом? — удивляется воспитательница.

— Нет, дом у нас большой и высокий. А этаж один, там живу я.

* * *

Большую часть жизни своей прожил в городе. А в душе моей давно борются две непримиримые силы — деревня и город. Но с каждым годом все больше и больше чувствую (на радость мне), что деревня побеждает.

* * *

С давних молодых лет припомнилось следующее. В полночь, возвращаясь с какого-то гулянья, вскочил в последний трамвай, мчавшийся в депо. А мне оставалась еще добрая половина пути до Тракторного. И я, единственный пассажир в вагоне, не надеясь на какое-то согласие, просто в шутку попросил у молодой вагоновожатой: «Дорогуня, а подбросила бы ты меня до тракторного кольца». Она усмехнулась и без всяких слов направила вагон туда, куда я просил. Ну как было не расцеловать ту красавицу?!

Я потом долго искал с нею встречи. Да девушку так и не нашел. И сегодня еще в глазах мелькает тот трамвай, который лихо раскручивается на кольце и с веселыми искрами мчит в депо.

* * *

Сегодня догнал еще молодую женщину, которая, останавливаясь, переводя дыхание, волокла едва ли не пудового веса унитаз. Что сделаешь, вещь

нужная. А привезти его стоит, может, больше самой вещи. И помочь не решаюсь, да и неловко ей будет от такой помощи. Рисунок для потехи, стыда и раздумий — женщина с унитазом...

* * *

Мой лесной сосед, про которого я уже где-то писал, имел ружье, но дичи никакой за всю жизнь так и не добыл. И вдруг повезло. Бродил он даже без интереса по лесу с той самой двустволкой на плече и видит: гуси летят. Да так низко, над самой головой, и просто на него. Совсем какие-то дурные. И бахнул он один да другой раз по этим птицам.

Тем же вечером заглянул на хутор человек с соседних Островов. Потоптался во дворе, а потом зашел и в дом.

— Не видели ли вы случайно гусей? Это же мои, черти, так разлетались. Так где-то в вашу сторону полетели.

Тот покраснел, суетливо затопал, но ответил отрицательно:

— Нет, не видел. Я же здесь все время дома. Не летели...

Понял, грешный, сразу, какую дичь он подстрелил. Через много лет, уже после смерти отца, рассказала мне об этом дочь соседа.

* * *

Окотилась на даче черная городская кошка, и четверых котят с белыми отцовскими пятнами на лбу тут же разобрали старшие и самые маленькие дачники. А она, мать, прибежит к одним дверям, позовет и приласкает еще слеповатого малыша и бежит к другим. Так целый день и пробегает в этой круговой заботе с вечной обязанностью и ласкою материнства.

* * *

Попробовал когда-то написать венок сонетов. Заставил себя — и написал. И поклялся, что больше делать этого не буду.

Венки сонетов, венки венков... Не думаю, что там вольно душе. И вообще, есть ли она там? И не муштра ли это того места, на котором сидишь.

* * *

Нет, мастерить стих не нужно, насиловать слова тем более. Стихотворение, как и дыхание, должно быть непринужденным. Стихотворением должна руководить душа.

* * *

Про деда поэта Ивана Рубина мать вспоминает такое:

— Был человек порядочный и набожный, был пчеловод золотой. От него у нас и улей, и пчелы были. И как пошли!.. Давал и наказывал отцу нашему: «Если будешь хорошим, будешь в Бога верить, с соседями ладить, тогда и пчелы будут вестись, и мед будет».

Это припомнилось вчера, когда выкачивали с матерью скупой мед этого года. И правда, подумалось, никогда и нигде не видел я хамоватых, недобрых, нелюдских пчеловодов.

* * *

Он позвонил еще на рассвете:
— Але!.. Викентьевич?
— Я...
— Так греби быстрее ко мне. Лечиться будем.
Кто еще мог так сказануть? Разве что А. Белевич.

* * *

Перечитал недавно: «Ты с Западной, я с Восточной нашей Беларуси», и припомнилось письмо в «Вясёлку» мальчика с Гродненщины. В нем загадка: «Кто такие подпольщики?» И отгадка: «Это — люди, которые жили под Польшей».

* * *

— Вот она, дубинка нашей экономики, — вздохнул он, помахивая палкой вареной колбасы в воздухе.

* * *

Вот такая шутка, услышанная от знакомой.
«Это на Полесье у нас было. Кум за кумой ухаживал. Утром приходит к ней, а дома муж. Что делать? Поприветствовал хозяина за руку да как сморщится. Ой, пить, говорит, хочу. Так сушит, так сушит. Муж за кружку, бежит к ведру, а хитрая кума заслоняет дорогу:
— Ты что, не знаешь, что кум из колодца не пьет, а только из речки.
Хозяин, человек услужливый, бежит к речке. Пока тот туда и назад, кум с кумой и полюбятся. Вот что значит услужливость».

* * *

И сегодня бюрократия хотя и сидит в старых окопах, но чувствует себя довольно-таки надежно.

* * *

Беда, прежде чем отправиться к человеку, часто послом к нему направляет предчувствие, а потом и сама приходит.

* * *

Многое начинает выскальзывать из памяти, забываться. Не пора ли писать мемуары?! Их же, по словам Г. Маркеса, писатели пишут тогда, когда уже ничего не помнят.

* * *

Еще поутру на выглянувшем солнце открыло свои забавы бабье лето. Молоденький, только что отскочивший от земли, хвойничек в паутине росы напоминал алтарь с множеством зажженных свечей.

* * *

После вчерашней оттепели на калиновом кусте под морозным солнцем кристально горят льдинки. Их красновато подсвечивают зазимовавшие ягоды. Куст издалека похож на яркую и шикарную жирандоль из дворца средневековья.

* * *

Поэтессы наши вдруг сделались такими набожными. Кто-то готов даже в монастырь податься. Что ж, Союз творцов, видно, надоел. Пора — по кельям.

* * *

В наших местах еще и сегодня со вкусом рассказывают об одном приключении какого-то столбцовского гаишника. Подкараулил он как-то в дорожном ресторане автомобилиста-поляка, который сел с женой за стол и опрокинул чарку. Жена, понятно, пила только кофе.

— Ну подожди, я ж тебя! — загорелся гаишник. И тут же побежал к машине и спустил воздух из всех четырех колес.

— Посмотрим, как они у меня затанцуют.

Стоит, усмехается хитровато. И вот выходят они. Но в роли водителя она, трезвая. Она открывает ключом дверцу, показывает мужу, чтобы садился рядом на пассажирское кресло. И тут же подходит к милиционеру и грозно командует:

— А тэрас нех пан пампуе!

Нужно было видеть, как он, грузный, с животом, сгибаясь и потея, накачивал колеса. А полька с поляком покуривают себе да посмеиваются.

* * *

Заблудившийся в лесу, сколько бы ни искал выхода, всякий раз кругами выходит к тому месту, откуда и начал блуждать. Чтобы так и в жизни.

* * *

В белорусской вечерней «Панораме» услышал: на Витебщине льют и льют дожди. Гниет на корню урожай. Но утешение: благодаря дождям в лесах в этом году нет пожаров. И снова пришла на память давняя шутка: «Гумно сгорело! Ну и что? А сколько мышей ляснуло!»

* * *

— Т-пру-се! Т-пру-се! — с хлебной корочкой в руке мама ведет во двор корову. Хворостины или кнута наша корова не терпит, может *сноровиться*. За чужой рукой тоже не пойдет, чужому и подоить себя не даст. А как-то взбрыкнула, когда мама поставила скамеечку и начала доить ее, полуголодную. Мама тяжеловато грохнулась с той скамеечки, но поняла лысуня свою горячность, подошла и ласково облизала маму.

И плакала мама, когда повели ее любимицу на поводу через болото, в совсем чужой двор, навсегда.

* * *

Подъезжая к даче, седобородый интеллигентный «еще не дед» сажает на колени своего еще дошкольного сына и разрешает порулить иномаркой. Конечно же, страхуя руль своими руками. Глаза ребенка гордо искрятся, но смотрит он совсем не на дорогу, а все больше по сторонам: а видит ли кто-нибудь, что он уже сам ведет автомобиль.

* * *

Пьяноватому жителю пущи не терпелось, и он тут же, при детях повалил в кровать свою дебелую жену да и... А она уже из-под него:

— Дети, бегите быстрее из дома — батька сдурел.

* * *

Знакомый рыболов, который рыбачит только на Комсомольском озере в Минске, рассказывает мне и про здешних моржей:

— Совсем уже одурели... Один на моих глазах и моего, наверное, возраста с тыквой вот такой (показывает на живот) разделся до трусов и — плюх — вслед за бабами в ту полынью. А потом выскакивает оттуда: «А-я-яй, а-я-яй», — зубами стучит. Долго потом не видел его. А летом в самую спеку, смотрю: идет мне навстречу в кожухе и ушанке. Доскакался...

* * *

Вот и дожил до того, что буквы меня слушаются только через очки.

* * *

Мама вернулась с мельницы белая, как метель. Холодное воспоминание горячего августовского дня.

* * *

Самые мудрые архитекторы и строители — это птицы. Особенно — ласточки.

* * *

Из пущанских анекдотов.

Лосиха, которая дает место возле себя в моховой постели лосю, долго болтавшемуся в пуще, грозно спрашивает:

— А рога ты хоть помыл?

* * *

Союз писателей попросил меня провести вечер Анатолия Велюгина. Я согласился. Надеялся, что вспомнить о мастере придут его друзья, многие ученики, придут, наконец, заинтересованные читатели. Прислушался ко мне и

пришел выступить хор из Дворца профсоюзов. На часах восемнадцать, пора и вечер начинать, микрофоны наготове, а зал пустой. Вошли несколько женщин и тихо уселись на задних рядах. Десять, двадцать минут проходит — никого нет. Слава Богу, в этот день в Доме литератора проходил Совет. Бросился я в коридоры и привел несколько человек. Что ж делать? Сели мы все вместе на первом ряду и начали выступать. Говорили Нил Гилевич, Геннадий Буравкин, кажется, Микола Аврамчик, Микола Метлицкий, выступили все, кто был в зале. А потом послушали хор. Стыдно было перед землячкой поэта, которая услышала о вечере и пришла на него. Стыдно было и перед хором, стыдно было и перед Памятью. Ах, память, память... И эх мы...

* * *

Самый известный из белорусских зверьков, конечно же, — заяц. Как-никак его именем назвали родную «валюту». Его именем окрестили и тех, кто любит проехать на государственных колесах задаром. Среди них столько хитрецов! Одни свой квиток-талон умудряются пробить так, чтобы проехать еще раз, другие пробитый талончик выглаживают утюгом. Сколько раз видел, как небольшой минский автобус с плотными тетками и милиционерами выезжает на охоту за такими зайцами. Здесь своя тактика. Ловят часто возле рынков, где всегда много людей.

Вспомнилась старая шутка моего знакомого артиста Николая Шишкина. Летят в самолете трое: он, она и маленькая дочь, которой по правилам Аэрофлота нужен детский билет. Но денег на билет семья пожалела. Кому вредила экономия? А девочке приказали: «Если будут спрашивать, сколько тебе лет, скажи, что четыре».

И вот идет по салону с подносом стюардесса, останавливается возле красивой девочки, берет ее за косичку, дает конфетку и спрашивает:

— А сколько тебе лет, красавица?

Девочка покраснела и отвечает:

— А мне в самолете еще четыре годика, а дома уже шесть.

Уроки лжи поначалу даются тяжело.

* * *

У пущан-хуторян каких только приключений не случается. Если правду говорить, то живем чуть ли не все мы между лесами. А мой давний знакомый так и совсем — в лесу. Имея свое хозяйство, он доверялся лесу. Днем никогда не держал своих свиней ни в хлеву, ни во дворе, они самопасом бродили в прилесье, заходили в чащу. Так вот у одной его свиноматки нашелся очень уж ловкий свинобатька. Все чаще и чаще начала она убегать глубоко в лес, с трудом собаками ее оттуда возвращали. И вот опоросилась целым выводком диких лычастиков. Что с ними делать? Не годовать же, да и не продашь. И долго еще ругался хозяин:

— Ну и зараза. Хряка своего ей, видите, мало. На дика потянуло!..

Разные у природы случаются выкрутасы.

* * *

По дороге из дома всякий раз подвожу кого-нибудь из молодых городских селян. Одни всю дорогу молчат, как воды в рот набрав. Другие, особенно дев-

чата, даже слишком говорливые. Выросли они, когда меня уже довольно-таки прочно забрал в свои объятия город, поэтому я их не знаю. Но по разговору начинаю догадываться, какого это роду капли. По ним припоминаю отцов, а больше всего дедов, которых нет уже на этом свете. Тогда, при дедах, было все куда интереснее. Молодые мои попутчицы все о сегодняшнем да о сегодняшнем, а я под их голоса — где-то там, далеко, в послевоенном озорном детстве.

* * *

Как для города, так этот человек даже слишком большую семью заимел. Высокий, тонкий, прозвище имел «скворец».

— А и настругал же детей этот скворец, — говорили соседи. — Аж девятеро.

На кухне у хозяйки едва ли не каждый день кипел целый котел какой-либо еды. Голода в доме не было.

— Настругал так настругал, — позже говорили те же соседи. — Но ни одна стружечка не пропала.

* * *

Думаю: на каких весах можно было бы взвесить тяжесть боли человеческой? Кажется, и у меня она сегодня такая, что испугался бы самый-самый бывалый весовщик. Нет, не нужны такие весы.

Тогда боли будет больше.

* * *

Удивляюсь, почему у нас все еще нет справочников по подхалимству, шантажу, карьеризму. Опыт же есть. И какой!

* * *

У хозяйки того районного дома, где я какое-то время квартировал, ровненько стояли на полочках баночки с вареньем и на каждой надпись, наверное, чтобы не спутать ту же вишню со сливой. На одной прочитал и такую надпись: «Клеква». А что — и вкусно, и колоритно.

* * *

Человек, как дерево. Из него можно сделать икону, а можно и дубину. Так или приблизительно так говорил великий И. Бунин. Их, сделанных, и дубин, и икон, за жизнь довелось видеть немало. Но всегда уважал и уважать буду людей без признаков сделанности, просто созданных по образу Божескому.

* * *

Дед-поэт немного расслабился на своей даче, порозовел, повеселел. А потому, проводя время, ходит, присматривается к деревьям, раздвигает бедноватый огуречник.

— Дед, почему ты ничего не делаешь? — останавливает его четырехлетний внук.

— Как не делаю? Я рифму ищу.
— А ты что, ее в огурцах потерял? — допытывается внук.

* * *

Чувство иной раз бывает такое, будто ты всю жизнь ехал на какой-то подножке. И скоро где-то придется соскочить. Когда-нибудь и соскочишь, а вагон Времени с остальными пассажирами помчит дальше.

* * *

После грозы в вечернем подлесье такой сильный настой самых разных запахов, даже кружится голова. Пробую выделить что-то самое душистое в этом букете. Останавливаюсь на щекотливо-тминном и огуречном запахе гряды, но его перебивает восковый насыщенный аромат пчелиного улья, а из низины тянет благодатным с травным привкусом молочным запахом пашни, а в лесу там совсем иное, смолисто-тягучее и многоцветное. Как здесь разобраться, если у каждого своя песня. Но оркестр единый под названием «Вечер». И только одна мелодия.

* * *

— Дед! А можно, я подброшу в огонь один дров? — это говорит внучка, которой еще не известно слово «поленце».

* * *

Временами удивляешься, как много у нас сегодня сирот, безотцовщины при живых родителях. Становится страшно. Есть детские дома, интернаты, появились целые «детские деревни». А между тем ни волки, ни зайцы, никто в животном мире не сдает своих детей в интернаты. Быть может, у них нужно учиться?

* * *

Вернувшись домой после выпивки, он снова «резался» с женкой.
— Что, снова шашлыков из собачины наелся?
— Тьфу на тебя! Откуда взяла такое?
— А чего воешь, как собака?

* * *

Когда звучит в хорошем исполнении народная песня, каждый раз на глаза наворачиваются слезы. Так сквозь слезы, вытирая и стыдясь их, слушаю дорогую для души мелодию.

* * *

Отец мой часто повторял: «Мы, белорусы, очень дорогие злотые, но вечно лежим в чужом кошельке».

* * *

Баба, как и черемуха: чем больше обламываешь, тем больше кудрявится и цветет.

* * *

Болезни у него только на один чих, да зато сколько стонов.

* * *

Меньшую завезли в деревню к бабушке. А когда родители через неделю приехали проведать, та в слезы:

— Заберите меня снова к вам — я не умею слушаться бабушку.

* * *

Родной дом... Отойдешь всего на несколько шагов, а уже хочется оглянуться. Как он там? А если эти шаги увеличить на расстояние и годы, то хочется не оглянуться, а скорее вернуться. А все же, когда отъезжаю, боюсь оглянуться. Какой-то давний страх удерживает.

* * *

Ласточка близ самого окна покачалась на мокрых проводах, стригнула ножничками острых крыльев и отлетела куда-то в свежую тень неспелого сада. Было ли это предсказанием близкого просвета хмурого неба, а может, и разведка: не позволите ли еще раз пригнездиться под вашу крышу, люди добрые?

* * *

Стройный высокий солдатик очень уж настойчиво голосовал, просился подъехать. Как не остановиться, если и сам был солдатом. Он быстренько вскочил в машину, устроился рядом со мной. И мы сразу разговорились.

— Ну, как служится?

— Да служим потихоньку.

— Первый год?

— Первый...

— А «деды» не обижают?

— Да было немного сначала, я сразу же «колыбельную» выучил, и теперь, как говорят, без проблем. Даже маслом иногда делятся.

— Что за «колыбельная»? — поинтересовался я.

— Есть такая. Ее нужно читать «деду» на сон и обязательно в конце доложить, сколько дней ему до дембеля осталось. Ошибешься — получишь на баранки.

Я посмеялся, послушав эту колыбельную! Вот ее текст:

Как-то летом на опушке
Соловей сказал кукушке:
— Чик-чирик, чирик-куку:
Скоро дембель старику.
Масло съели, день начался,

Старшина е... примчался.
Рыбу съели, день прошел,
Старшина домой ушел.
Спи, старик, спокойной ночи,
Дембель стал на день короче.
Пусть тебе приснится сон,
Как садишься ты в вагон.
Клен родной у тихой речки,
Баба голая на печке.
Разрешите доложить:
Вам осталось... прослужить!

— Ничего страшного здесь нет, — сказал солдат. — Я тоже буду «дедом». И мне будут петь.

* * *

Бабушку привезли на «скорой» в районную больницу с тяжелой болью в пояснице и еще с какими-то болячками. Начали водить из кабинета в кабинет, а потом и в кровать уложили. Не выдержала бабуля и начала врачам свое, крестьянское:

— Вы, детки, только побыстрей меня лечите. А то мне в четверг надо на базар ехать, поросят покупать.

* * *

Мой аист вернулся в мою новую весну. Сегодня утром он посылал привет солнцу своим красным клювом и приветствовал меня на дороге в Старой Рудице. Хозяйка той березы рассказывала мне, как в прошлом году к аистам прилетал какой-то одинокий чужак.

— Чужой. Я своих аистов хорошо знаю.

Аисты защитили свое жилье. А я вспомнил того, одинокого, который ходил зимой под мостом в Рубежевичах. Его кормили люди. В теплые края несчастного не взяли. Горе среди крылатых бескрылому.

* * *

В той деревне ворота называли броней.

— Открой броню! — попросили его.

«Что за шутки?» — подумал он.

У него жена Броня. Так как ее открывать? Она для него давно уже открыта.

* * *

Внучка:

— Дед, не мешай мне, я пишу стихи.

— Ну и написала что-нибудь уже?

— Да нет, я еще их не пишу, а только репетирую.

* * *

Минута, даже секунда правды порой сильнее часа лжи. В этом еще раз убедила сегодняшняя телепередача. Одно предложение правды пересилило целый час словоблудия ведущего.

* * *

Маленькая художница с парализованными руками. Она берет кисть в зубы и так рисует. У нее неплохо получается. Видеть это и радостно, и больно. Искусство в человеке побеждает его немощность. Это и подвигом можно называть.

А недавно российское телевидение несколько раз показывало сюжет о молодой художнице из Армении, которая рисует сразу обеими руками. И мне почему-то вспомнилась та, первая, и сердцу стало еще больнее.

* * *

Соты поэзии создаются из воска души. А сам поэтический мед, как и всякий мед, он из того нектара, который искать нужно в природе.

* * *

Иван Рубин пожертвовал мне Библию, изданную в 1908 году в Санкт-Петербурге. Пожертвовал во времена, когда за такую Книгу книг, как говорят, по головке не гладили, а могли дать хорошего партийного строгача. А как хотелось ее иметь. И не только иметь, но и читать. Библия, как говорил друг, долго пролежала на чердаке, пожелтела, кое-где подпортилась, даже оборвались странички. Но этим она была еще дороже для меня. Художник Евгений Ларченко по моей просьбе увесистый фолиант оформил даже некими позолоченными нитями.

Листая страницы, я заметил, что некто не просто читал эту святую и мудрую книгу, но и изучал старательно, подчеркивая химическим карандашом строчки, целые абзацы. Подчеркнуто, например, почему-то описание Ноева ковчега («и осмоли его смолою внутри и снаружи»). Подчеркивалось определенно исходя из каких-то своих заходов, задумок. Рядом же был Неман, возле берегов его часто просмаливали лодки здешние рыболовы. Чьи-то глаза, души, руки дотрагивались до страниц Книги, становились спокойнее и мудрее. И от этого так приятно взять в руки и даже почувствовать нечто потаенное мне, ее сегодняшнему читателю.

Утром рассказываю жене свой ночной сон. Чего только не нагородится! Будто бы где-то мы встречаемся с самим Путиным, он пожимает мне руку. А я шучу (во сне, понятно), что долго не буду мыть правой руки, чтобы не смыть этого пожатия. Жена смеется, но разговор подхватывает маленькая внучка:

— А мама моей подружки Маши рассказывала, что ей снилось, как спала с этим Путиным.

Куда мне с моим рукопожатием!

Оркестр

Когда-то в наших местах была своя музыкальная группа, которая так и называлась — оркестр. В оркестре том объединились и сыгрались скрипка, цимбалы, аккордеон и труба. А на бубне бухали кто хотел: и женщины сельские, и мы, подшиванцы. А главным в том оркестре был аккордеон. За ним тянулись все остальные музыканты. Мне же больше всего нравилась труба, на которой играл шутник Броник. Труба, неожиданно переходя на какие-то колена, побеждала всех. А многие говорили, что она совсем выбивается из музыкальной слажен-

ности. Но, видно, при нашей пущанской глуховатости (да еще захмеленности) это просто не замечалось. Однако нашелся человек, который заметил сразу. На вечер моих проводов в армию заглянули к нам мои друзья-однокурсники. Был среди них и Федор Черня, кстати, со своим аккордеоном (который мы, отъезжая, забудем в деревне). Он и высказал свое несогласие трубачу.

Броник только усмехнулся:

— У тебя свой инструмент, а у меня свой. Я играл, когда ты еще в пеленки, это самое...

Отец Федора был известным на всю Воложинщину кларнетистом, поэтому и сын его не был глух к музыке.

— Легкие бережешь? — высказал догадку Федор.

— Берегу, — буркнул Броник. — А кто мне другие легкие даст?

И труба снова громко подвывала на каких-то там изломах и коленах. А мы плясали, нам было все равно, под какую музыку плясать.

В нашей деревне часто посмеивались и над цимбалистом. Приключения за ним ходили, наступая на пятки. Однажды назначили его сторожить колхозное поле, на котором только что посеяли кукурузу. А тут в соседней деревне свадьба. Бросил он ружье и поехал с оркестром играть, хотя музыканты говорили, что могут обойтись и без него. А пока сторож-музыкант играл, вредители-грачи выклевали из земли всю королевскую кукурузу. Разгневанный председатель влепил цимбалисту значительный по тем деньгам штраф. Человек чуть не плакал, а деревенские сорванцы ходили и насмехались:

— Ну что, дядька, процимбалил кукурузу?

— Придумал хрен лысый какую-то кукурузу, — злился цимбалист.

— Вы тоже лысый, — еще громче смеялись хлопцы.

Лысый — кличка, цимбалист, в отличие от Хрущева, имел хороший, хотя и седоватый хохол.

Как бы там ни было, а музыкантов в здешних деревнях уважали. Имели они и неплохой приработок к бедному колхозному трудодню. Платил тот, кто заказывал музыку. На свадьбах хорошую копеечку собирали и при дележе каравая, когда каждому застольцу играли персонально марш. Да и несколько дней подряд музыканты сколько хотели, столько пили и ели. Но все закончилось неожиданно, как и должно в этой изменчивой жизни. Оркестр вскоре распался. Нет давно в живых музыкантов. Только трубача как-то осенью встретил я случайно в лесу. Он, с ножичком в руке и полиэтиленовым мешочком, пригнувшись, ловко резал зеленки. Поздоровались, присели на мох, разговорились. И тут же с недалекого деревенского двора донеслись звуки свадьбы. Мы даже замолчали на какое-то время. И мне, и ему, наверное, вспомнилось одно и то же.

«А помнишь?» — так хотелось сказать, но не сказалось. Мы тут же распрощались и пошли каждый своим путем.

Удивительно, я не могу сегодня вспомнить лиц тех молодых, на чьих свадьбах приходилось плясать или просто шататься по углам, а вот музыкантов помню до подробностей, до взмаха руки, до подмигивания глазом. Видимо, они все же были самыми главными на тех деревенских свадьбах.

Гуси в фуфайках

Гусиный двор бабы Мани под самую зиму неожиданно затих, куда и подевалось надоедливое гусиное гоготанье. А случилась у бабы Мани беда. Утром ее гуси, как и положено, переваливались на дворе, толклись возле хлевушка, подходили к крыльцу. А смотрит в полдень: мертвые все. «Какой же

это на них мор вдруг нашел?» — гадала баба Маня, даже плакала. Известно, столько добра пропало. Решила хотя бы перья выскубить — хоть на перину какую будет или подушку. И общипала всех, еще тепленьких. Перья собрала в мешок, а гусей пошвыряла в хлевок и закрыла. А под утро слышит: гогочут. Живые. Прислушалась еще раз: может, приснилось? Да нет, гогочут, да еще как пронзительно. Кинулась в хлевок: и правда, живые. И тогда дошло до бабы Мани. Это же она вчера вылила на дворище остатки своего вина из бутылей. На него и набросились гуси. Да и спились. Задумалась баба Маня. Что ей делать? Не резать же теперь их, протрезвевших. А без перьев замерзнут. Баба Маня была портнихой, и решение пришло само. Насобирала старой одежды и начала шить гусям фуфаечки. Ну и смешно же выглядела позже во дворе та крикливая стайка в фуфайках!.. Это и вправду было похоже на какой-то цирк. Посмотреть на гусей в фуфайках ходила вся деревня, приезжали и из соседних, потому что за всю жизнь ничего подобного никто еще не видел.

* * *

Женщина рассказывает, как она захотела убедиться в том, что у пьяного в глазах все двоится:

— Взяла я пару бутылок вина, села на кухне напротив холодильника. Наливаю и пью. Пью и смотрю на холодильник. Когда допила первую бутылку и начала вторую, вижу, что холодильника у меня уже два, а потом и три стало. Вот, чтобы так люди богатели.

— Ну а потом что было?

— Потом пришел муж и протрезвил меня.

* * *

Воинская часть, в которой я дослуживал свой третий перед демобилизацией год, находилась в Измайлове, где к городским высотным домам цепочкой подступали деревенские огороды. Париться по субботам водили нас в городскую баню. Как сейчас вижу ее высокие окна, чуть ли не до самого верха закрашенные желтым. Это чтобы с верхних окон не подсматривали женские глаза.

Но однажды кто-то из наших нашел щель, из которой просматривалось женское отделение. А разделяла нас тонкая дощатая стенка. И вот началось. Припадет один к щели — и даже покряхтывает от удовольствия, потому что там, за стеной такой «видик», такое кино. Оттащат одного, приклеится другой. У щели изгибалась настоящая очередь. А тот, кто уже надивился на бесплатное кино, выбегает как ошпаренный и хохочет во все горло. Ах, какие там были изображения!..

И вдруг из парилки вышел раскрасневшийся, грузноватый старшина.

— Что здесь происходит? — пробурчал он, ничего не понимая.

Очередь моментально разбежалась, и к щели припал сам старшина. И прирос, и застонал. Пока не протрезвил его дружный солдатский хохот.

* * *

На крыше дома заливисто и старательно поет скворец новой весны. А я подгребаю во дворе и сжигаю прошлогодние листья. Рассыпчато бежит дымок туда, куда показывает ему ветер. Солнце еще несмело подсушивает за ночь подмерзшую землю. Подгребаю листья и все время поглядываю на

дорогу, то в одну, то в другую сторону. Здесь и там безостановочно снуют с тяжелым воем машины. Крутятся колеса, мелькают огоньки фар. «Догоняй меня!» — снова зовет моя новая весна. А я почему-то оглядываюсь туда, назад, на то, что пережито. Что там покинуто, я хорошо знаю. Что там, впереди, еще увидим.

* * *

Мы с ним стали соседями в комнате общежития возле самого Останкинского центра в Москве. Вечерами он надолго пропадал, а когда возвращался, рассказывал со смакованием о своих амурных приключениях. Известно же, придавая охоты и мне, ментально-несмелому. А как-то вытащил из кармана небольшую, но густо исписанную записную книжку и стал подсчитывать, сколько любовниц имел за свои тридцать лет. Потом похвалился:

— У меня здесь и имена записаны. Некоторые даже повторяются.

Кати у него было две или три, Ольги — даже четыре. А Марусь аж шесть.

— Зачем это тебе? Ну, записывание такое? — поинтересовался я.

— Вот, буду на старости лет нянчить внуков, а заодно листать, читать и вспоминать, — и даже облизнулся.

Представилось мне, как он будет листать свою записную книжку, закрывать глаза, сладко вздрагивать от воспоминаний, жалеть и, может, даже плакать. Есть ли здесь смысл, не знаю, но чем бы старый ни тешился, лишь бы...

* * *

Продаются места на Луне да и на других планетах. С экрана и в эфире кричат об этом. Находятся и покупатели. Вот уничтожим до конца Землю и... наутек. Туда, на Луну. Но там ближе и к Божьему суду за все истребленное. Так что, может, не торопитесь, подумайте.

* * *

Июльские лунные ночи. Падают яблоки и звезды. И чувство такое, будто, кроме тебя, здесь больше никого нет. И даже не верится, что где-то там, за лесом, уже исподволь рождается утро.

* * *

Снег, мокрый и густой, лепил всю ночь. Утром очень привлекательно смотрелись деревья. Белые гравюры крон были неподвижные и мохнатые, будто их нарисовали на том же белом листе бумаги. И жаль было, что красота эта ненадолго, может, только до первого порыва ветра.

* * *

Растет дерево и каждый год пишет свою зеленую поэму. Жаль, что даже поэтам не всегда везет ее прочитать. А там каждый сучок — строфа, каждая веточка и листок на ней — буква или образ. А сама листва как рисунок, как украшение всему неповторимому содержанию. Содержание, оно неизменно, а вот отделка, цвет на протяжении года играет колером, аж до самого листопада.

* * *

Франциск Скорина родился в год затмения Солнца. Символичного в этом ничего нет. Разве что хорошо осознанный долг — дарить как можно больше, как никто другой, света и солнца науки своим людям да и человечеству на веки вечные.

* * *

Об этом жутком случае рассказали мне в Санкт-Петербурге. Одинокий дед жил в небольшой квартире с большой собакой. И, как нередко случается в сегодняшнем мире, неожиданно умер. Близких и знакомых у старика не было, а потому о смерти его никто не знал. С соседями он тоже не дружил. «Друг» человека долго выл, скулил, почти плакал. Сначала — тоскуя, а потом уже — от голода. И в конце концов начал сражаться с голодом, питаясь трупом. А когда до квартиры все-таки добрались, нашли в ней остатки трупа человека да труп собаки. Может, и просится здесь какой-то комментарий. Но пусть он будет не моим. Ужасное, оно и есть ужасное. Страшно только, что оно так часто встречается в нашей сегодняшней жизни.

* * *

Я никогда не чувствовал себя городским человеком. Разве что всегда был как-то располовинен: одна нога здесь, другая — там. Поэтому равнодушно выслушал слова земляка:

— Не знаю что, голод или холод, но что-то погонит еще вас когда-нибудь назад в деревню.

А мне и не нужно возвращаться, я в ней давно. Ее у меня столько, что ни одним городом не уравновесишь.

Ноги у него были кривые — с возом можно развернуться. А потому широковатые галифе с кожаными нашивками сзади и на коленях смотрелись очень смешно. Потешным было и то, что у него, невысокого роста худенького человека, женка выглядела, как говорили, на добрую панскую печь.

— Да как ты на такую печь залазишь? — смеялись часто деревенские остряки.

— Залажу. Ты же меня не подсаживаешь, — огрызался он.

А в делах хозяйственных он тянул за троих. И детей троих «вытянул». Трудолюбивый был. Может, потому и из жизни ушел рано. Хотя мужчины деревенские толковали иначе:

— Замучила его та баба. Не по себе выбрал женку.

* * *

В детстве часто ставили меня в угол за непослушание. Подсыпали под колени еще и гречку. Как жаль, что я тогда еще не знал слов земляка: «Мой родны кут, як ты мне мілы!..»

* * *

Сойдемся — и разговоры об одном и том же: бедность, безденежье, дороговизна. За глаза «пошумим» на начальство, поругаем новых буржуев, «героев капиталистического труда», потреплемся о бездарях и графоманах,

вспомним, как было хорошо, когда нас не было, расскажем пару новоиспеченных анекдотов, у кого-нибудь одолжим до зарплаты, пойдем и опрокинем чарку без закуски, и все на душе само собой наладится. Можно идти и сдаваться жене.

* * *

Снова — весна. Еще с суховатыми ночными заморозками, прозрачными сладкими льдинками ночного березовика, но уже с довольно сильным дневным солнцем, с ноздреватой пестротой проталин, с веселым синевато-блестящим рисунком луж и ручейков. И не так меня тешит жаворонок, ровно и звонко сверлящий молодые облака, как тот вон мальчик, который маленькими резиновыми сапожками уже который час меряет желтоватую лужицу во дворе, чуть ли не пританцовывая в ней. Не ругай его, мать. И ты была когда-то в таком же возрасте. Это его личное приветствие весне, которое случается только в детстве.

* * *

Впервые за семь лет учебы сына в школе он попал на родительское собрание. В их семье это было обязанностью жены. Пришел и немного опоздал. Забежал в класс, присел на свободное место за чьей-то спиной и слушает. А учительница обращается к одному из отцов:

— Вы скажите своему мальчику, чтобы он руку не стеснялся подымать, если чего захочется. А то вчера снова описался...

— Скажите, в каком классе я нахожусь? — не выдержал человек.

— В первом, конечно.

— Так мой же в восьмом... Тьфу ты, не в тот класс попал. — Быстренько вскочил и под дружный смех вылетел из класса.

И вспомнилось мне свое, школьное. Самая активная наша одноклассница Геля очень любила подымать руку. Где надо и где не надо. А как-то подняла и тут же выпалила:

— Ядвига Константиновна, а Болесь снова испортил воздух.

Эх, и краснели же уши у нашего Болеся.

* * *

Увидев в магазине старую немощную бабулю, которая возле кассы с трудом перебирала в руках какую-то никчемную мелочь, он расчувствовался, вспомнил свою старую деревенскую мать. Тут же вынул из кармана пять тысяч и протянул их бабуле. А та и руками замахала: «Не возьму».

— Так это же ваши деньги, вы их потеряли, — легко соврал он и сунул бабушке. А сам быстренько побежал из магазина.

* * *

Временами молодая невестка жаловалась отцу на его сына:

— Что ни говорите, бабник он, ни одной юбки не пропустит.

Отец, помня, что и сам был не лучше, а сын, видимо, все взял у него, успокаивал невестку по-своему мудро:

— Дочушка, да возле одной норки и кот сдохнет.

* * *

Маленькая внучка после отдыха в Турции:

— Турция мне понравилась, а вот ее туристы нет. Никак не поймешь, о чем они говорят.

* * *

В деревне нашей я и не помню человека, который хотя бы когда-нибудь, хотя бы чем-то да хвалился. А вот горевать или прибедняться, жаловаться на невезение — этого сколько угодно. Случается, накопает кто-то картошки — в погреб не вмещается, а соседу жалуется:

— Не уродила у меня в этом году. Вот в прошлом...

А в прошлом то же самое говорил. Ну а сосед твой разве без глаз? Видно же, какие возы с мешками тянула вечерами во двор лошадь. Да сосед и сам не лучше был, любил поплакаться. Каждый знал: похвалишься — людские глаза завистливые, сглазят, и тогда на удачу не надейся.

Есть, правда, и исключения. Есть хвастуны, но среди них преобладают люди ленивые.

* * *

Проталины — это веснушки земли. Непонятная она, грустная и тревожная, даже загадочная перед своим первым пробуждением, как и неприкаянная диковатая душа, которая когда-нибудь все же откроет свою скрытую привлекательность.

* * *

Снова заснежило, загуляла метель, январь сменил залежалые простыни в кровати зимы на свежие и белоснежные. И потянуло сразу на воспоминания. Может быть, потому, что подобную зиму последний раз видел только в детстве.

* * *

Отпил первого кленовика из двух кленов в родном дворе, холодного, с острыми серебристыми льдинками на дне чашки. Ах, какой он соблазнительно-сладкий, даже горчит в горле. А потом вернулся в город, приболел. Лежу с очень горячей барышней, которую зовут Температура. А все кажется, что пью тот кленовик, чувствую его прохладу и сладость.

Все радости в природе слишком короткие, но всегда со сладким воспоминанием.

* * *

Поэту всегда хочется известности Бога, а чаще всего его знают только в своем приходе, да и то единицы.

* * *

Пьем мы, как правило, без причин, но для оправдания находим их великое множество. Может, потому и праздников так много напридумывали. Полиста-

ешь календарь: на каждом листке один, а то и два праздника. Ну а на праздники, сами понимаете...

* * *

Корреспондент спрашивает у нового пионера:
— Почему ты вступил в пионеры?
Тот, не задумываясь, отвечает:
— Ну... пионеров больше уважают, им отметки лучшие ставят.
И этим все сказано.

* * *

Еще с детства в памяти засело слово «набимберился». Напился, значит. До самых чертиков. Откуда произошло, узнал позже. Бимбер — по-польски самогон. И припевка есть:

Мы млоди, мы млоди,
Нам бимбер не зашкоди.

Вредит, холера, еще как. Когда лишнее и немолод...

* * *

И такую поговорку услышал от матери: «В доме — целая Вильня». Это — про непорядок, неразбериху, но не про богатство.

* * *

Кто пришел, тот должен уйти. Счастлив тот, кто совсем не рождался. Как не хочется соглашаться ни с тем, ни с этим.

* * *

В Малиннике — так называли лужок — возле канавы росли две высокие ели, а между ними била струя серебристо-чистой криницы. Нигде, ни в одном деревенском колодце не было такой чистой как слеза воды, как в той кринице. Но и она уже давно только в воспоминании. О, как же много богатств потеряли мы по своей человеческой глупости.

* * *

Не только чаркой, можно и славой упиваться до беспамятства. Да так, что забывать при этом о друзьях, пристойности, даже о родителях и дедах своих. После чарки всегда трезвеешь. После славы — никогда.

Велосипед

Слово «бедность» бежит за мной с первого, чудом приобретенного ровера (так в наших местах называют велосипед) и до последней старушки-машины. Тогда, в пятидесятые годы прошлого столетия, двухколесный друг был очень

большой роскошью. На деревню два-три велосипеда, как было это у нас еще с польских времен, блестящие рулевые ручки, загнутые рогами тура, высокая рама.

Может, потому и взяли меня, зеленого пацана, два старших селянина за лесными орехами, что я имел свой велосипед. Мы ехали лесными неровными тропками, обгоняя один другого, пока не въехали в густой орешник. Орехов было маловато в том Граньском лесу. Да и те сидели высоковато. Мы гнули и ломали легкие ореховые ветки, а потом долго искали на земле *лузганцы*. Нарвали по карману, и такой легкой показалась потом дорога в Грань, к трем красавицам совсем не моего возраста, где романтично позванивали рюмки, гремел смех от легких шуток и где меня в конце концов сморил сон. И каким веселым было возвращение домой с желтым блеском передней фары «ровериста» Ватика.

Ровер этот у меня появился чуть ли не чудом. Денег на него у отца не хватало, хотя и жалко ему было моих ног. Что ни говори, а каждый день нужно было отмерять добрых двадцать километров — десять до школы и десять обратно. Наука мне временами давалась туго, но дорогу свою лесную я выучил отлично, каждый изгиб, каждый кустик и дерево помнил на ней. Никаких попутчиков у меня не было — все однолетки оставили учебу где-то в седьмом классе. Батька давно подумывал о ровере, но никак не мог собрать на него какую-то копейку, потому что потратился на новый дом в деревне, который строил с полным размахом. Тесновато было в одном доме на двоих с братом, где через сени с обеих сторон подрастали два сорванца, которые никак не хотели жить по-братски и все споры разрешали драками да побитыми носами. Одним из них был я.

Отца, а значит и меня, выручил лавочник из Гуменовщины Богданович, или Богдан, как его называли селяне. Через кого-то он наказал:

— Скажите там Винцуку, чтобы пришел ко мне.

Богданович отжалел батьке новый велосипед Минского завода, еще не объезженный, никем не тронутый, сказав:

— Пусть ездит твой малой. А когда разбогатеешь — деньги вернешь.

И, прощаясь, добавил:

— Абы с наукой ладил.

Как тут не ладить с ней после этого? О, как любил я и берег свой ровер. Поставлю, бывало, в школе возле окна и весь урок поглядываю: хотя бы кто чего не открутил, не дай боже, украл. Где только не носился я на ровере, все пущанские деревни исколесил, позже и девчат на нем катал. Посажу на раму — и только пыль клубится из-под колес. На нем и в поэзию однажды въехал. И всегда был благодарен гуменовскому Богдановичу. Есть же еще добрые люди и на этом свете.

А как-то приезжаю в деревню и слышу от матери:

— Это же малый Богдан заехал вчера на тракторе и перепахал нам картошку. И копейки за это не взял. А ты знаешь, кто он, этот Богдан?

— Да нет, — говорю, — мало ли в наших местах Богданов?

— Это внук того, кто тебе когда-то ровер пожертвовал.

И расчувствовался я, чуть не заплакал. Молодец Богданович! Весь в деда пошел. Спасибо тебе большое и прости, что не смог отплатить добром твоему деду.

* * *

Деревне придумали новое имя. Была Брюхачи, теперь — Дружная. А все деревенские, даже молодые, пользуются старым названием. И дразнят здешних жителей по-старому — козы брюхатские. Почему козы? Потому что

никто нигде в соседних деревнях не опускался до козы, а брюхатские их не стыдились.

* * *

Малый пущанец, глядя российское «Поле чудес», где наша землячка подарила ведущему статуэтку зубра, спрашивает отца:

— Папа! Зубр — что это такое?

— Ну, это такой огромный бык, — объясняет отец. — В пуще Беловежской нашей водится. Этот бык всем быкам бык.

— Что, больший, чем у нас в коровнике?

— Тот, что у нас в коровнике, в сравнении с этим — блоха.

— Тогда, может, такой большой, как коровник?

— Ага, — соглашается отец.

— Какую же ему корову тогда нужно? — удивляется малый.

* * *

Муж-выпивоха проследил, как женка закапывала банку с известным пущанским напитком, и вскоре провел раскоп. Опорожнил посудину, немножко оставив на дне, остальное дополнил водой из колодца. Пришло время, когда женка сама откопала эту банку и даже испугалась.

— Ты знаешь, — говорит мужу, — закопала от тебя добрый перегон, а теперь посмотрела, так там одна вода.

— Дурная, — посочувствовал муж, — кто же это в землю такое добро закапывает. Всю силу ее земля вытянула.

* * *

Как-то пущанцы добыли на охоте дикого кабана. Да такого могучего, пудов на пятнадцать. Там же в лесу и смолить начали.

— Хлопцы, — выкрикнул неожиданно один, — а кто ему проволоку в рыло затянул?

И тут они поняли, что добыли деревенского кабана.

* * *

Сегодня в наше окно по-весеннему улыбнулось солнце. Через стекло даже грело лицо. А по асфальту несмело побежал первый ручей. Проснулась капель. Просыпайся и ты, перезимовавшая душа!

* * *

Рука сеятеля ходит полукругом. Каждая горсть начинается одним и тем же движением «от сердца». А попробуй иначе. Не получится.

* * *

После свадьбы ему, подвыпившему, захотелось заплакать и даже дать кому-нибудь по уху, но успокоил тесть:

— После брака кулаками не машут!

* * *

Когда-то во время нереста в церквях умолкали колокола. Сегодня же во время нереста мы с тревогой бьем в колокола, чтобы хоть как-нибудь припугнуть браконьеров.

* * *

Боюсь, когда говорят: «Этого я ему не прощу». Сразу представляешь, каким страшным может быть непрощение. А сколько раз приходилось слышать сказанное с тяжелым вздохом: «Простил ему я». И на душе сразу легчало.

* * *

И сегодня помню, как обидел маленькую дочку. Она кусала немытое яблоко. Я рассердился и ударил ее по руке, яблоко выпало и покатилось по полу под кровать. Она заплакала, и мне сразу так стало жалко и больно. Более чем через тридцать лет вспоминаю об этом и... плачу.

* * *

Откуда взялось выражение «пройти сквозь огонь, воду и медные трубы»? Пущанская отгадка ищет его в той же самогонке. Именно через огонь, потом воду и обязательно медные трубы должен пройти он, градус ржаной силы.

* * *

Серебристая паучья сеточка, натянутая на влажном черничнике, легко колышется на утреннем ветерке, и в ней мелко высвечиваются золотые пылинки, опавшие с молодой ели, тоненькой, но уже высокой. Откуда, не с самого ли солнца это золото?

* * *

Соседи по даче. Приезжают в конце недели, под вечер. Наговорятся, накричатся, пошумят и съедут на всю неделю. Тогда снова наступает тишина. Интересно, где они больше заряжаются — в городе, чтобы здесь немного побушевать, или здесь, чтобы потом неделю бушевать в городе?

* * *

Сейчас не воспевать, а спасать нужно природу. Это намного раньше понял великий любитель природы Михаил Пришвин.

* * *

Как-то несмело, исподволь, тихо, но довольно настойчиво наступает новая осень. Днем еще немного потешит теплом, даже солнцем блеснет, а уже ночью и характер покажет, да так, что печка, натопленная с вечера, к утру остынет. Так иногда «наступает» и новый начальник. Сначала тихо, добро-

желательно, присматриваясь, а потом как притиснет, и печь твоего наивного доверия начинает остывать.

* * *

Хорошо ходить петухом, если ты около своих кур. А возле чужих и отчаянный «кукарека» часто выглядит «мокрой курицей».

* * *

— Юзюнька, это ты пришла? — спрашивает старенькая, медленно подымаясь с кровати и приглядываясь к двери сквозь серый туман катаракты.

— Я, теточка.

— Что, может, пенсию принесла?

— Так я же вам, теточка, позавчера принесла ее.

— А я думала, может, какая там добавка.

— Так добавку же вместе с пенсией дают.

— Пускай дают, пускай Бог дает.

— Бог вам должен давать, потому что не обижали вы его никогда.

— Так это, деточки, так. Может, ты с каким интересом зашла?

— А просто вас хотела проведать. Да яблочек, может, позволите сорвать.

— А божечки, рви сколько хочешь. Я уже сама и не укушу того яблока, нечем. А внуки не едут. Кто сегодня любит нас, старых? Вот же не вижу ничего, не вижу, как и ты выглядишь.

«Хорошо, что не видишь, — думает молодая, — а то бы увидела под левым глазом синяк». Совсем не интересно молодице со старухой, и она все время поглядывает в окно, на яблоню с белыми наливами.

* * *

Припоминаю слова того же М. Пришвина: «Охрана природы — это охрана Родины». Видя сегодня, как мы охраняем нашу природу, страшновато становится и за Родину.

* * *

Природа — не политика. В ней все по-давнему и доброму соразмерено. Здесь даже оппозиция дождю, снегу, морозу и гололеду никого не возмущает и не обижает. И только человек как нарушал, так и нарушает ее извечные и мудрые законы.

* * *

Когда часто меняют начальство, по ассоциации с тем, школьным, кажется и такое: «От перемены мест снимаемых дело не меняется».

* * *

По пьянке он нахамил, оскорбил, обругал невинного человека. А проспавшись, каялся, плакал, даже грыз подушку, бушевал от стыда. Это так

карала его собственная совесть. Значит, имелась она у него. Ну почему бы и не простить такому... хотя бы до следующего раза.

* * *

Зеркало в отличие от лампочки никогда не перегорает. В него могут смотреться сколько угодно красавиц, — и ни ему, ни тем красавицам никогда не будет скучно.

* * *

С далекого тещиного приречного хутора мой приятель часто возвращается со смешными историями. Временами «продает» их и мне. Недавно захожу в редакцию, здороваюсь, а он только с дороги.

— Ну, привез ли что-нибудь смешное? — спрашиваю.

— А как же. Слушай!..

Теща с самого утра колдует над своими кроснами. Дрожащими пальцами по многу раз перебирает нити. Что-то не получается.

«Никола, помоги зачать!» — кричит неожиданно.

Растерялся, не понимаю. Повторяется снова: «Зачать помоги...»

«Как зачать?» — «Да рушник зачать!»

Сразу отлегло, засмеялся. А когда объяснил теще, что означает «зачать», так на весь дом хохотала и она.

* * *

Сегодня высекал на гряде капусту. Наверно, самое время для этого, середина октября. Покрова прошли. Кочаны тяжеловатые, но сверху значительно-таки изрешеченные гусеницами. Вкусно и свежо хрустят на зубах хряпки. В моем пущанском детстве это было не самое последнее лакомство. И тут же вопрос себе: а бывает ли в детстве что-нибудь невкусным?

* * *

Когда был жив мой батька и приехал однажды в гости ко мне в столицу, захотелось показать ему наше минское, совсем не глубокое метро.

Действительно, не глубокое: стоишь на проспекте, а в пятки тебе постукивает электричка. Батьке что-то вздумалось на Комаровку, где он когда-то бывал частым гостем, так я и предложил ему метро.

— Нет! — упрямо возразил батька. — Поеду лучше на трамвае. Я на трамвае ездить люблю. А туда, под землю, не хочу. Рановато еще. Я и здесь, наверху, еще хорошо не находился.

* * *

Деревня засыпает очень рано, особенно в зимнее время, когда день короткий, а ночь длиннющая, как нить в клубке у пряхи. Деревня спит сном крепким, что и свидетельствует о ее здоровье. Но и просыпаться ей нужно рано, еще до петухов, до солнца. Город же засыпает медленно, а то и совсем забывает о сне. Он и шумит, и гудит, бьет в бубны, звенит чарками, шаркает подошвами и бешено крутит свои колеса... Город живет двухмерной жизнью: ночь жадно спешит прогулять все то, что заработал труженик день.

И все же главное в ночи — это сон. Он и берет свое. Кто из нас в молодые годы во имя самого дорогого в мире человеческого чувства, которое называется любовью, не жертвовал своими ночками и снами? Присядешь, бывало, с любимой на какой-то лавочке или на том же интернатском подоконнике и так проворкуешь, и не заметишь, как небо и стекло за твоими плечами позолотит утро.

Но как же потом хотелось спать. И хорошо, если у тебя есть своя кровать. А если нет? Везде у человека должна быть своя кровать: в армии, в больнице, в тюрьме... А у нас, студентов моих лет, была она не у каждого. И мы находили выход: сдвигали одну к другой несколько кроватей, ложились поперек, а то и «валетом», и так расширяли спальную площадь. Спали временами и на полу. Молодой сон не привередливый. Я легко засыпал на людных вокзалах, в старых тряских автобусах, под тяжелый перестук колес в вагонах с деревянными сидениями. Хорошо спалось на душистом молодом сене в родном сарае. Казалось, не лежишь, а плывешь на каких-то дивных волнах, голова кружилась от сильного травного запаха и хмеля.

Легко спалось у луговой шмелиной кочки, когда пасли коров и где однажды через одного из нас переползла серая, как пояс, змея. Переполоху было на всю жизнь.

А в армии на первом году службы я уснул даже стоя, когда «дневалил» в учебном классе. Стоял возле тумбочки, смотрел в какую-то одну точку на стене, слушал, как капля за каплей подалбливает над раковиной дырявый кран. Так и задремал. А когда раскрыл глаза, вижу: нет тумбочки. Выскочил во двор — нигде никого. Вот так подшутил надо мной дежурный по сержантской школе офицер. Пока я спал, он выкрал и отнес тумбочку в штаб. Под общий смех солдат и командиров шел я утром забирать эту тумбочку. Побранили меня там, посмеялись и наградили тремя нарядами вне очереди. Опять же, лишили сна аж на три ночи, потому что отрабатывал наряды на солдатской кухне: чистил картошку, драил печь и полы. Ах, каким сладким вспоминался тогда сон на медовом сене в пущанском сарайчике! Зато в смысле внимания для меня это стало наукой.

Эх, молодость!.. Сегодня бы не пожалел за твои бессонные годы самой роскошной кровати. Жаль только того времени, которое напрасно проспали. Потому что, пока мы спали, в мире творились великие чудеса. А быть свидетелем чуда — это смотреть глазами самого Бога.

* * *

Только в большом городе можно почувствовать и понять, какой ты сам маленький и незначительный в этом мире. Здесь всегда о чью-то большую боль трется чья-то большая радость.

* * *

В старости невезений и несчастий много не потому, что их много, а потому, что мы их значительно болезненнее, чем в молодости, переживаем.

* * *

Отцвела сирень, и так непривычно смотрятся рыжие соцветия в обрамлении зеленых, напоминающих форму ладони, листьев. Отцвел и жасмин, на месте ярко-белых лепестков остались светло-желтые четырехконечные звездочки, которые в зеленой листве смотрятся цветами. Не сегодня завтра

отцветут пионы. Скорчились, завяли их пышные бутоны. Лето очень быстро гасит одни огни и зажигает другие.

* * *

«Между устами и чашей» — это мое личное питье, сделанное без каких-либо рецептов, по случайной подсказке души и самой жизни. Может, и не каждому оно придется по вкусу. Ну, конечно же, не каждому. И сам иногда сморщишься от его горечи. Но кубок наш, пущанский, глиняный, земной.

* * *

Грустные мысли всегда хочется запить веселым вином. Но не каждому это удается.

* * *

Снова яблоневая ветка, которая колышется под ветром в окне как-то уж совсем музыкально, как рука маэстро Финберга. Интересно было бы понять смысл ее музыки.

* * *

Один по жизни пройдет как человек и память о себе добрую оставит. А другой прошумит, как ураган, и столько всего наломает. И тоже оставит после себя память, но уже иную.

* * *

Художник в сравнении с писателем всегда в выигрыше: ему не нужен перевод.

* * *

Дети очень легко ловят с экрана пошловатые фразы и тут же «стреляют» ими даже по старшим.

«Ты кто? Я — конь в пальто», — бегает и кричит трехлетний мальчишечка. «Ну, какой ты конь, — хочется сказать ему. — Ты просто еще маленький попугайчик. Но уже и теперь нужно думать, что будет, когда выпустят тебя из этой однокомнатной клетки».

* * *

Образец сегодняшнего постмодерна:

Если долго стучать
Головой
О бетонную стену,
Бетон станет теплым.

Стихотворение называется «Больница». Понятно, о какой больнице идет речь. Но где же здесь поэзия?

* * *

На той давнишней пущанской свадьбе предполагалось и мне по давней традиции посватать какую-то дивчину, но она опаздывала и, как потом оказалось, вовсе не приехала. Но лишнее место за столом тут же было занято какой-то минской школьницей, гостившей на хуторе Грань. Девушке очень подходила длинная до пояса коса, а голубые глаза я рассмотрел только потом, потому что нет у меня привычки заглядывать в чьи-то глаза, а может, и стесняюсь этого. Был я уже студентом, даже писал и печатал стихи, но в кармане не оказалось даже клочка бумажки, чтобы записать адрес девушки. И тогда я нащупал в кармане паспорт и, долго не думая, записал в него простенький минский адресок, который и запомнить не трудно было. Видно, подействовал хмель или так уж приглянулась красавица. Потом, когда протрезвел, спохватился: «Что ж я наделал? Документ все-таки, да не абы какой». Пытался стереть адрес, но чернила въелись в бумагу намертво. А потом, хорошо подумав, махнул рукой — мне же вот-вот идти в армию. Паспорт все равно заберет военкомат. А вернусь — выдадут новый.

И случилось так, что девушка эта стала моей женой.

«Вот так, — смеялась она потом. — Нам и вступать в брак не нужно — ты с первой встречи записал меня в свой паспорт!» На всю жизнь запомнилась мне та пущанская свадьба. Сегодня кажется, что она была моей.

* * *

Говорят, что немцы из всех деревьев преимущество отдают березе. Вспоминают, что в войну они и на скамейках березовых любили посидеть, и березовым забором огораживались, и кресты на могилах своих воинов ставили тоже березовые. Даже нетесаные.

А мы, белорусы, тоже любим нашу березу не меньше немцев. Но — живую. Нам нужно, чтобы она тешила своим белым, шумела и пела своим зеленым, а еще чтобы весной поила своим сладким. А как приятен душистый, веселый и целительный веничек в бане! Нет большего наслажденья!

Но есть и крайность — очень уж мы любим тепло березовых дров. Вот и переведем скоро всю нашу красавицу на дрова. Опомнимся, милые люди!

* * *

Твардовский о бездари-поэте: «Недотепа — всю жизнь тянет лодку по сухому».

Как много их сегодня на нашем берегу, бурлаков от поэзии, которые тянут свою лодку по сухому да еще пританцовывают от удовольствия.

* * *

На Дзяды так же тяжело зажечь свечку, как и сдержать слезу. Этот поминальный праздник приходит с ветром, туманом, дождем. Плачущая погода задает соответственный грустный настрой и самой душе.

С нескольких раз свеча моя все же загорелась. Затрепетало, заметалось на ветру легкое острое пламя. И будто начали оживать на памятнике глаза дочки. Куда колыхнется пламя, куда повернусь сам, туда и глаза Ее, как живые, смотрят.

И вдруг с придорожных, уже почти безлистых берез, окутанных туманом, выпорхнула синичка. Покружилась над памятником и присела на бумажный

цветок в уголке ограды. Посидела так с минуту и тут же полетела и пропала снова за березами.

«Не душа ли это самой дочки?» — как всегда думается в таком случае. И снова хорошо, сердечно, по-человечески поверилось во встречу живых и мертвых, в вечную связь человеческой памяти.

* * *

Снова гремит за дачными огородами вечерняя электричка. Как будто кто-то рассыпает железо. А печальные мысли мои тянутся к городской одинокой квартирке, а то и к родным родительским окнам или просто в далекие годы, когда все в твоей жизни было в единстве, добром согласии, будто сшито какими-то невидимыми нитями, которые сохранились еще и сегодня.

Какой все же это могучий инструмент — человеческая мысль. С ее помощью ты можешь, никого не боясь, творить самое неслыханное. Можешь попадать в недостижимое, возвращаться, исчезать. Что хочешь, то и можешь. Человек чаще всего и силен своими мыслями.

* * *

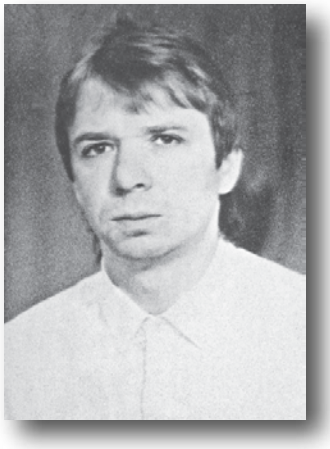
Почти каждый творец в годы зрелости чувствует себя так, будто он отправил письмо в вечность и вот сидит, ждет не дождется ответа. А еще и думает, дошло ли его писание до адресата, а если дошло, согласится ли, посчитает ли нужным переписываться? Чаще всего письма остаются без ответа.

* * *

Не нужно убегать от своей старости. Нужно приостановиться, подать ей руку и идти вместе туда, куда предопределено. Это — закон природы, самый справедливый из всех земных законов, поэтому нужно быть законопослушным. А подмигнуть молодости временами и не грех, если позволяют сердце и толстые стекла очков...

Перевод с белорусского Олега ЖДАНА.

b



АНДРЕЙ СКОРИНКИН

Душа болит не для наживы...

* * *

Боюсь брать плату за стихи,
Что мне даются небесами,
Хотя давно перед глазами
Плывут от голода круги.
Раздать бы старые долги!
А если голос зафальшивит?
Душа болит не для наживы...
Не надо платы за стихи.

В холода

1

Приеду в тихое селенье,
Пройдусь по шпалам до реки,
Где не всегда из вдохновенья
Сидят у лунок рыбаки.

Я возле них пройду неспешно.
— Ну, как дела, — спрошу, — друзья?
— У нас не рай теперь, конечно,
Но проклинать судьбу нельзя...

За день устану и промокну,
Найду знакомый частокол,
Открою ставни темных окон,
Где приготовят гостю стол.

Луна застынет у окошка,
Где буду с милой ночевать,
А на печи худая кошка
Котят надумает считать.

2

Над лесом вспыхнет зарево Авроры,
Румянец заиграет на стекле,
Мышата убегут обратно в норы,
Устроив беспорядок на столе.

Желанней прикоснусь к устам любимой,
Когда загорлопанят петухи,
Но страстных чувств порыв неудержимый
Ослабят паровозные гудки...

Заезжего проводят до вокзала,
Последний грош добавят на билет,
Любимая печально и устало
Опять посмотрит поезду вослед.

На фоне пробегающих селений
Я буду видеть ту, что всех милей,
И пребывать в глубоком размышленье
О жизни неустроенной своей...

Элегия

Когда денница в хмуром декабре
Покажется несмело из-за туч,
Где лес пока и темен, и дремуч,—
Я часто вспоминаю о тебе.
Души коснется нежности волна,
Послышится мелодия в груди,
Возьмусь ее в альбом перенести —
Мгновенно прерывается она...

Весенний ночлег

Не стели мне во дворце
Белоснежные постели,
Я останусь на крыльце
Слушать ангельские трели.

Я отправлюсь в белый сад,
Босиком по теплой луже,
Посмотреть на звездопад,
Подышать нектаром груши.

Извини, что по весне
Не могу я спать в палатах;
Лучше ты спустись ко мне
В облака густого сада!

Подарю тебе букет
Опьяняющей сирени,
И застанет нас рассвет
На душистом, свежем сене!..

* * *

С запада ветер подул
В наши края озверело…
Луг заливной потонул
В пухе цветов поседелых;
Весь одуваничий род
В вихре летит над землею,
Словно десантников взвод
Мчится к последнему бою…

Дикая роза

Дикая роза пахучая,
Как бы тебя приласкать?
Что ж ты такая колючая —
Пахнешь, а в руки не взять.

Я к тебе с чувствами нежными,
Ты же ко мне холодна!
Вновь ледяными черешнями
Смотришь на мир из окна.

Нет, не найдешь ты, красавица,
Лучшего друга, чем я;
Будут отдельные нравиться,
Но не заменят меня.

Время лишит тебя силушки,
Высосут соки шмели,
И понесут до могилушки
Ветры останки твои...

Я пред тобой распинаюся,
Ты ж к моим чувствам слепа.
Что же я так убиваюся,
Если на все есть судьба?

Верую, что-то изменится
В завтрашних планах судьбы!
Верую, красная девица
Снимет со стебля шипы!..

Бабочка

Бабочка качалась на цветке,
А когда вспорхнула — вдалеке
Рухнула громадная скала...
Вот какая бабочка была!..

Земляника

В раздетой роще тьма густеет,
Зимою веет отовсюду,
Но земляника (что за чудо?)
Глазами кроличьими рдеет!

Напрасно ждет она привета:
Засели люди в ресторанах,
И птичьи стаи в теплых странах…
О, как понятно сердцу это!..

Осенний романс

1

Над притихшей землей остывает струна паутины,
Скоро кончится век, скоро должен начаться другой…
По разливу небес проплывает косяк журавлиный,
Это значит, и нам собираться пора на покой.

2

Сколько дней и ночей нам даровано было судьбою!
В окрыленных сердцах бушевала весенняя кровь,
Но становятся редкими чудные встречи с тобою…
Ах, как годы летят, от страстей очищая любовь!..

3

Дорогая, не плачь, я тебя не оставлю навеки,
Нас нельзя разлучить, мы друг в друга корнями вросли!
И от наших корней к небесам устремились побеги,
От которых светлеют печальные виды Земли!

4

Скоро лопнет струна, скоро кончится бал листопада
И равнину, как саван, покроет ковер снеговой…
Пусть молитвы твои сохраняют наш дом от распада,
Пусть планету Господь отведет от черты роковой!..

* * *

Я вышел из дому,
По небу ночному
Мерцали кометы вдали.
А вдруг не кометы —
Больные планеты
Теряли пределы свои?..

И сколько прибудет
Поломанных судеб,
Небесных разрушенных масс?..
Но так неохота,
Чтоб где-нибудь кто-то
Украдкой вздохнул и о нас!

НИКОЛАЙ МАЛИШЕВСКИЙ

*На восток!**

2012 год будет ознаменован круглой датой — 200-летием Отечественной войны 1812 года, трагические события которой живут в нашей памяти благодаря многим художественным произведениям. Вот уже два столетия прошли, а та война притягивает до сих пор поэтов и прозаиков. Желание реконструировать те события достойно внимания. Тем более что в конце 1980-х — середине 1990-х годов появилось направление в литературе, получившее название фолк-хистори. Современные писатели рассказывают о событиях давно минувших дней в занимательной беллетризованной форме. Мы представляем отрывок из книги «Последний шаромыжник», написанной белорусским автором об Отечественной войне 1812 года, которую можно смело отнести к этому направлению.

Пролог

...С возвышенности на берегу Немана, где стояли император и генералы, открывалась великолепная панорама.

Утренние солнечные лучи освещали колонны Великой армии. В красочных парадных мундирах, в строгом порядке пехота и кавалерия перетекали на русский берег. По трем наведенным за ночь мостам.

Развевались покрытые славными надписями знамена. На них золотом горели на солнце имперские орлы. Сверкали стройные ряды штыков. Блестели шлемы бесчисленных кавалеристов. Важно и степенно катилась артиллерия.

Колыхались на ветру длинные ряды плюмажей и султанов французских, итальянских, прусских, баварских, австрийских, испанских, швейцарских, иллирийских, португальских, голландских, датских, фламандских, польских, венгерских, чешских, хорватских воинских частей.

На противоположном берегу уже разворачивалась в боевой порядок дивизия Морана, загораживая своими черными рядами зелень леса. На откосе близ мостов занимал позицию артиллерийский резерв первого корпуса с направленными на север орудиями...

Под бой армейских барабанов, звуки труб, крики команд и вопли «Да здравствует император!», повторявшиеся на всех языках Европы, Великая армия ступала на землю, откуда ей не суждено будет вернуться...

---

* Сюжет основан на исторических документах, мемуарах и воспоминаниях непосредственных участников и очевидцев происходивших событий.

* * *

Сегодня мне исполнилось сто двадцать четыре года[1]*. Зовут меня Николай Андреевич Савин. Я почетный гражданин Саратова. Но так было не всегда...*

...Родился я в городе Руане 17 апреля 1768 года. Родители назвали меня Жан-Батист Николя. Отец мой Андре де Савен еще при Людовике XV находился на военной службе, в королевской гвардии. Он погиб при защите дворца Тюрильи в августе 1792 года.

Париж стал опасным местом для сына офицера-монархиста. Единственным выходом из этого положения было мое поступление в армию. С нею я отправлялся в Египет и Палестину. Сражался в Испании. Был при кровавых штурмах Акры и Сарагосы. Сидел в тюрьмах испанской инквизиции. Наконец, будучи поручиком 3-го гусарского полка маршала Нея, воевал в Великой армии в России...

Странная это была армия. Она подчинялась императору Франции. Позже большинство историков назовет ее французской. Больше половины армии составляли не французы. Из них самыми многочисленными были немцы[2]*.*

В войсках нашего правого крыла, наступавшего в Западной Белоруссии (где оказался я в тот момент по приказанию маршала Нея), можно было с трудом насчитать сотню французов — в основном генералов да советников. В большинстве своем эта почти восьмидесятитысячная армия состояла из немцев, поляков и пленных испанцев. Хватало тут и галичан, именовавших себя «украинцами».

Две трети этого воинства не хотели и не собирались воевать с российской армией. Они просто делали то, что от них требовали[3]*.*

Лишь вера в непобедимость Наполеона и стремление награбить добра у живущих за Неманом русских двигали вперед эту армаду.

Начальство с трудом удерживало солдат, говоря: «Когда мы будем на русской земле, вы будете брать все что захотите...» Мы сомневались. Многие задавались вопросом: чем можно разжиться в этой почти азиатской стране? Некоторых пугала ее огромность и агрессивность.

Наше составленное заранее мнение о России и малодушие относительно великого предприятия отчасти рассеялись в первые же часы. Как только мы убедились, что на другом берегу реки все было иначе и в лучшем состоянии, чем нам приходилось видеть до тех пор в Польше[4]*.*

Мы сразу попали на хорошую военную дорогу. Первые же встретившиеся нам дома имели очень милый вид.

Мы увидели больше порядка в расстановке верстовых столбов, шлагбаумов и показателей пути, чем это было в Польше. Вдоль дороги чаще и регулярнее расположены были хорошие усадьбы, почтовые станции и постоялые дворы.

---

[1] Исторический факт. Умер Савин-Савен 29 ноября 1894 года в возрасте 126 лет 7 месяцев и 12 дней. Похоронен на Ильинском кладбище. В похоронах, носивших общегородской характер, участвовали командующий округом, градоначальник Саратова, губернатор. Офицеры местного гарнизона несли на руках гроб с его телом. На могиле Савина установили памятник с надписью: «Последнему поручику Великой армии».

[2] На 297 французских батальонов пехоты Великая армия имела 304 аналогичных формирования из разных стран Европы; а на 38 тысяч французской конницы — 42 тысячи кавалеристов из прочих держав.

[3] Например, от Пруссии потребовалось для похода на Россию 20 тысяч солдат, 20 миллионов килограммов пшеницы, 40 миллионов килограммов ржи, 40 тысяч быков, Австрия послала для начала 30 тысяч солдат, Швейцария — 16 тысяч, Голландия — 52 тысячи и т. д.

[4] Исторический факт. Цитируются мемуары участников.

Было очень жарко. Стояла чудесная июньская погода. У всех было прекрасное настроение. Наш энтузиазм был безграничен. Мы говорили только о победе. Нам было очень весело.

— Господа, я уверен, что 15 августа — день рождения императора — армия будет праздновать в Петербурге! — Эти слова майора солдаты гвардии приветствовали шумным восторгом.

Двигавшиеся вперед под бодрую походную музыку многочисленные колонны поднимали столбы пыли. Во всю ширину просторной, обсаженной деревьями дороги ехала артиллерия. По сторонам двигалась сплошными колоннами построенная дивизиями пехота, по 80 человек в ряду. По бокам пехоты шла эскадронами кавалерия.

Красивое зрелище представляли собой сверкавшие на солнце бесчисленные каски и воинские доспехи. Шум стоял невообразимый...

Небольшой затор возник в одной из колонн артиллеристов совершенно неожиданно.

— Чей экипаж? — гневный вопрос проезжавшего с небольшой свитой вдоль колонны Наполеона был адресован кучеру красивой желтой коляски. — Я же отдал приказ сжечь весь бесполезный балласт!

— Генерала Десэ, мой император, — последовал ответ появившегося словно из-под земли человека в мундире поручика.

Император остановился, спешился и велел поджечь коляску. Немедленно, с только что покинутого на обочине привала, принесли несколько горящих головней. Наполеон подождал, пока экипаж загорится. После чего удовлетворенный двинулся вперед.

Едва он с сопровождающими отъехал на какую-нибудь сотню шагов, огонь был поспешно затушен.

— И охота вам, Буржье, возиться с этой коляской? — вопрос черноволосого, со сросшимися бровями офицера, приостановившегося, чтобы отряхнуть кивер от дорожной пыли, был адресован поручику, который руководил тушением огня. Кучер и пара рядовых справлялись с этим делом весьма неплохо.

— Друг мой, вижу, вы уже вернулись из войска Жерома[1]. Очень рад. Поймали очередного шпиона?

— Увы, нет, cher ami. Я опоздал. Этот негодяй успел покинуть штаб правого крыла и тайком переплыть Неман. Вероятно, сейчас он на пути в штаб 1-й русской армии Барклая. Вместе с похищенными бумагами.

— А к нам каким ветром?

— Маршал Ней поручил мне подобрать людей, чтобы поймать негодяя. Он все еще где-то поблизости. Будем действовать под видом фуражиров. Вроде вас и ваших подчиненных. И при поддержке местной агентуры секретной службы Сокольницкого. Бросьте свою коляску и поедемте со мной. Обещаю интересное времяпрепровождение в ближайшие дни. И презабавное зрелище прямо сейчас. Наш малыш Жан-Жак сцепился с каким-то швабским кирасиром. Будете вторым секундантом. А этот хлам пусть горит синим пламенем. Как и приказал император. Бросайте...

— Я не затем тащил ее из самого Парижа, чтобы сжечь тут. В нескольких шагах от сокровищ русских бояр. Это очень вместительный транспорт. И никакой император мне здесь не указ! — отрезал Буржье.

---

[1] Имеется в виду брат Наполеона — Жером Бонапарт, командовавший правым крылом Великой армии.

Поединок должен был состояться на заднем дворе стоявшей на обочине избы. Более укромного места не нашлось. Времени на поиски тоже не было.

Все еще летавшие перья и несколько коровьих лепешек красноречиво свидетельствовали, что еще недавно здесь кипела жизнь.

Буржье и Савен поприветствовали второго дуэлянта наклоном головы и словом «мсье». Им оказался мордатый и пузатый немец лет пятидесяти. Он постоянно потел. И поэтому все время отирал лоб и лысину большим несвежим платком.

— Это и есть кирасир?[1] — тихо спросил Буржье. — А где же его каска и кираса?[2]

— Не знаю. Наверное, в чистке, — отшутился Савен.

— Лучше бы он сдал туда голову!

Тем временем один из секундантов кирасира без кирасы и каски пытался то ли стряхнуть, то ли соскрести о порог разгромленного курятника птичий помет со своего сапога. Немного не рассчитав, пнул стоявшую тут же каску, наполненную находчивым хозяином яйцами. Злобно выругался по-немецки, глядя то на изгаженные сапоги, то на рассыпавшиеся яйца.

Второй секундант, также шваб, стоял немного поодаль. Брезгливо морща нос, он тщательно осматривал затянутую в перчатку руку. Периодически поднося ее к носу, морщился и кидал злобные взгляды на одну из раздавленных коровьих лепешек. Один его сапог также был вымазан чем-то темным.

Молодой худосочный француз, которому предстояло скрестить клинки со швабом, особой храбростью не выделялся. Незлобивый по натуре своей человек, он был явно расстроен. И напуган.

Предложение секунданта противника принять извинения и этим закончить все дело он бы принял не раздумывая. Если б этого никто не слышал из земляков. Юноша с тоской посмотрел на скрипящую дверь курятника, затем на своих секундантов. Тяжело вздохнул и ответил, что немец оскорбил его, назвав «галльским петушком», и теперь все решит только дуэль.

Договорились не ранить в голову и драться до первой крови.

Прозвучала команда сходиться. Противники, видимо, боясь оружия больше, чем друг друга, склонились почти до самой земли. Вытянули вперед руки со шпагами. Как можно дальше откинув назад головы, стали сближаться, беспорядочно размахивая оружием. Клинки успели звякнуть только раза два или три.

И тут откуда ни возьмись меж дуэлянтами появился всклокоченный рыжий петух.

Он заметался из стороны в сторону. Заверещал от ужаса и наскочил на острие шпаги оскорбленного француза. Клинок моментально вывалился из его руки и, со звоном упав на булыжник, высек искру. Кровь взвившегося с диким воплем петуха брызнула в лицо шваба. Тот от ее вида упал без чувств.

Искусавший все губы Савен сумел сохранить серьезный вид. Он заявил, что «условия дуэли соблюдены — кровь пролилась». Немцы пробормотали что-то в ответ.

Подхватив под локти своего бревном лежащего товарища, ухитрившегося упасть аккурат на выкатившиеся из каски яйца, они быстро уволокли его под громкий смех французов.

---

[1] В старой русской и некоторых западноевропейских армиях: военнослужащий частей тяжелой кавалерии, носивший кирасу и каску.

[2] Латы, металлический панцирь на спину и грудь, а также (до нач. XX в.) предмет парадного гвардейского снаряжения такой формы.

Июнь 1812 года. Западная Белоруссия

После дождя настала жара (до 28 градусов). Мы сравнивали ее с жарой Южной Италии. Густая пыль, поднимаемая ветром, клубилась на дороге.

Пустынные места, через которые проходили колонны Великой армии, являли чудную картину: огромное войско издали казалось каким-то шевелящимся, изгибающимся, необъятной величины чудовищем, сверкающим золотой чешуей. Потом оно начало разделяться и двигаться по разным направлениям. Особенно выделялись щеголи-французы, вычищенные, вылощенные, они шли как на пир, весело, шумно: кирасиры в блестящих латах, в кованых шлемах, пехота в стройных колоннах, блистая ружьями и штыками, гренадеры в высоких медвежьих шапках, драгуны в касках, с развевающимися на них черными лошадиными хвостами; трехцветные знамена, полощущиеся в воздухе, значки на уланских пиках — все это представляло живое, великолепное зрелище.

В начале колонн шли флейтисты и барабанщики. Высокий грустный африканец размахивал колокольчиками. Кажется, этого великана-негра, который служил берейтором, звали Отелло. Мюрат привез его из Египта.

Мы были уверены, что жители польских и литовских областей везде будут принимать нас как своих избавителей. «Мы встретим или догоним неприятелей, — говорили с радостной уверенностью солдаты, — разобьем их — и конец войне».

Наполеон, без шляпы, со шпагой на боку, смотрит на свою армию с холма. Он не похож на человека из легенды: маленький, с выпирающим брюшком, волосы прилизанные, на тускло-бледном лице редкая улыбка. Одет в простой пепельно-серый сюртук. За спиной толпится свита. За ней военный оркестр, исполняющий «Марш консульской гвардии при Маренго». Император немногословен:

— Прикажите обезглавить двух схваченных лазутчиков. Их головы пронести по улицам ближайшего города. С объявлением, что они были местными шпионами.

Бонапарт стал более сдержан, даже суховат после Маренго. Тогда же появилась привычка держать правую руку за отворотом жилета, чтобы избегать пожатья других рук, — ему уже казалось неприличным это приветствие, означающее равенство и братство.

Впрочем, император и теперь оставался крайне любезен с простыми смертными. Он запросто хлопал солдат по плечу: «Как живется, старый ворчун?», генералов брал за ухо или отпускал им легкие приятельские пощечины, полагая, что эта ласка заменяет награждение орденом.

— Русская армия двумя колоннами отступает в глубь страны, забирая своих раненых и не оставляя ни гвоздя за собой! Колонна Барклая отступает на Витебск быстрее, чем колонна Багратиона на Минск... Никаких пленных, никаких трофеев — вот что больше всего портит мне настроение, мой дорогой Бертье, — в очередной раз пожаловался Наполеон начальнику штаба. — Где люди? Где пушки? Почему они не сдаются?

— Зато наш генерал Сен-Женье уже сдался со всеми пушками и солдатами. Теперь, сир, казаки из русского арьергарда настойчиво требуют, чтобы мы отдали багаж пленных.

— И что вы думаете по этому поводу? — настроение Наполеона, судя по тону, явно стало портиться.

— Отдай мы им багаж, так они его пропьют, — постарался превратить все в шутку Бертье, но не договорил, увидев, что упитанный генерал от кава-

лерии Ян Домбровский остановился непридворно близко от императора. Тот взглянул вопросительно. Видимо, поняв, что поляк поступил так лишь потому, что имел вескую причину, Бонапарт слегка кивнул Бертье и нетерпеливым жестом показал, что слушает.

— Ваше Величество! Кавалерия Мюрата застряла в непролазной грязище.

— Что?! Загнать кавалерию в трясину? Да за такое мало изрубить саблями, надо утопить в бочке, наполненной плевками моей гвардии!.. — с бранью учинил выговор польскому генералу Наполеон.

— Но, Ваше Величество, — опешил тот, — это же ваш любимый шурин, король Неаполя...

— Петух, которого я разукрасил орлиными перьями, — Наполеон, не сразу понявший или не расслышавший, кто именно загнал кавалерию в топь, как-то сразу поутих.

— Проклятая страна, — проворчал император. — Теперь я понимаю Генриха Валуа, который улизнул из Варшавы в Париж, чтобы только не быть королем в этой местности. Можете идти, генерал.

Взглянув на марширующие колонны Великой армии, Наполеон сказал:

— Эта война будет без сражений: русские трусливы, как зайцы. Это мой последний поход; кто не был со мною, будет сожалеть об этом, потому что этот поход славнее всех прочих: после Карла XII я первый вторгся в Россию. Русские имеют не более трехсот тысяч войска. 1-я армия Барклая растянута, она не в состоянии удержать нас; да мне еще помогут турки. Литва готова вооружиться по одному моему слову. Польша уже сделала это.

Обернувшись к свите, Наполеон с усмешкой поинтересовался:

— Граф Понятовский, вы племянник последнего польского короля, считаете, что имеете больше всех других прав на местный престол. Ответьте: почему лакеи в Польше, открывающие гостям ворота, носят на плечах эполеты, как у маршалов Франции?

— Мои лакеи носили такие же эполеты задолго до того времени, когда их надели французские маршалы... — смело ответил тот. — В свою очередь, сир, мне желательно знать другое: почему ваш маршал Ней в таких чудесных эполетах грабит подряд всех поляков в провинции?

— Грабит? Тут есть что грабить? Пара-тройка похожих на скелеты коров? Да он просто угнетен картинами бедности жителей. Даже ваши ксендзы жалуются, что не стало селедки. Солдаты вынуждены сами добывать себе пропитание. А ведь голодный человек думает одно, а после обеда говорит другое: в этом и заключена великая правда власти над людьми. Кто из верховных существ не осознал этой дурацкой истины, тот погибнет, — глубокомысленно заключил император...

По пути между Вильной и Витебском каждый наш отряд должен уже был сам заботиться о своем продовольствии.

Едва мы достигали бивака, как армия рассыпалась в поисках провианта.

Благодаря отнятым у польских крестьян быкам и коровам, которых мы вели с собой, в мясе у нас недостатка не было. Несмотря на это, во всех толчеях, около каждого моста, где скот смешивался, войска друг у друга его воровали.

Это было своего рода развлечение. И весьма презабавное зрелище. Тех «пастухов», кто воспринимал игру слишком серьезно, просто убивали. Особенно если они значительно уступали весельчакам в количестве.

Невесело было только коровам. Их мычание было редким и печальным.

Французы старались украсть скот у испанцев и своих же земляков. Поляки, чьи полковники клялись, что их «жолнеры не возьмут без грошей навет паршивего генся», воровали скот у австрийцев и вечно настороженных саксонцев... Темпераментные итальянцы присваивали всех коров. Чтобы быть немного позже обворованными венграми...

Буржье гнал корову с большими печальными глазами прямо к видневшейся на холме церкви. Он постоянно оглядывался, одновременно объясняя еле поспевавшему за ними Савену:

— Толстый Жан — человек из тайной службы барона Биньона. Снабженец.

Проходя вдоль рощи, они увидели несколько висевших тел — неплохой завтрак для ворон и волков.

— Ну-ка, давай-ка побыстрее, коровка! А то твои кабальеро и камрады сообразят, кто тебя у них позаимствовал.

Внутри церкви была устроена бойня скота. Усатый толстяк в дьяконском стихаре окровавленными руками весело разделывал по очереди куски нарубленного свежего мяса.

— Вот он! Человек, который знает все тайны этой армии, — весело балагурил, обнимая толстяка, Буржье, — и не только этой...

— Что поделаешь — работа такая, — улыбаясь, развел руками тот.

Войдя в оскверненный храм, в котором с жужжанием роилось несметное количество зеленых навозных мух, Савен сразу же зажал нос рукой. Однако это не избавило от омерзительного запаха. Кроме бойни здесь был также устроен склад для караульной провизии, мясная лавка и даже кухня.

Снятые со стен и положенные на ящики с мукой и крупой иконы служили стульями и скамьями для солдат. В алтаре, у горнего места, виднелась койка, прилаженная на снятых боковых дверях. На ее постели, прикрытой лиловою шелковою ризой, сидела, чистя морковь, краснощекая и нарядная полковая стряпуха.

Престол и жертвенник были уставлены кухонною посудой. На паникадиле висели битые гуси и дичь. На гвоздях, вколоченных в опустошенный иконостас, были развешаны и прикрыты пеленой с престола куски свежей говядины.

Несколько солдат, сидя на перевернутых ведрах и кадках, куря трубки, играли в карты.

Подойдя к алтарю, Савен невольно попятился назад, чувствуя, как учащенно забилось сердце: безбожники из службы продовольственного снабжения прибили к нему волка. Улыбаясь, Толстый Жан пояснил:

— Эти звери не очень-то любезны. Им весьма нравится мое мясцо. Даже слишком.

— Нас назовут варварами, — сказал Савен, указав на волка, — неужели вас это не возмущает? Это святотатство даже по меркам тупых баварцев! Что скажет Европа?

— Европа! — с презрительной улыбкою повторил толстяк. — Неужели вы не знаете, в каком тесном кругу заключается теперь вся эта Европа?.. Это совсем небольшое местечко. Неподалеку от Парижа. Его называют Сен-Клу[1]...

— Послушайте, Савен, — встрял Буржье, — советую вам воздерживаться от критики... она здесь неуместна! Мы думаем о войне, а не о церковных делах. У нас, — усмехнулся он, — как вы и сами прекрасно знаете, на полмиллиона войска (это не считая поляков), которое сюда пришло, нет ни одного

[1] Там находилась императорская резиденция Наполеона.

духовника... Лучше вы мне, шер ами, — прибавил он, обращаясь к Толстому Жану, — ответьте как знающий человек: что там с русскими?..

— Русских армий, противостоящих нам, две. Одна отступает на Дриссу—Полоцк—Витебск. Командует ею генерал Барклай-де-Толли. Вторая армия, имеющая 47 тысяч человек, отходит южнее. От города Гродно на Слуцк—Бобруйск—Минск. Командует ей генерал Багратион. Есть, правда, еще третья армия, насчитывающая 44 тысячи человек, под командованием Тормасова, но она защищает подступы к Украине. Во всех трех русских армиях солдат втрое меньше, чем в одной нашей. Можно сказать, мы почти победили, — лукаво улыбнулся толстяк, — наши солдаты даже стали острить по этому поводу...

— Да что вы говорите?! — изобразил искреннее негодование Савен. — А мне почему-то кажется, что французы явно недовольны своей мнимой победой: «Какая нам польза, что русские отступают, — ропщут солдаты, — враги наши и переломленного штыка нам не оставляют; далеко заводит нас наш капрал!.. Еще в Египте обещал он нам раздать земли и сдержал свое слово: кто остался там мертвым, тот получил ее, а которые возвратились оттуда, отказались от его подарка». Вот так «острят» французы! Буржье уверил меня, что вы неплохо знакомы с мсье де Виттом. Так вот. Мсье де Витт рассказывал, что еще перед началом этой кампании, во время пребывания Наполеона в Дрездене, саксонский король заметил императору, что начинающаяся война будет стоить жизней многих людей. «Вероятно, — ответил Бонапарт, — но я могу ежемесячно расходовать 25 тысяч человек...»

— Вы не поверите, Савен, но Толстый Жан был в свое время худющим как щепка. Когда устраивался по заданию мсье Биньона гувернером к местному барину, — постарался уйти от щекотливой темы Буржье.

— Ну, это было не один год назад, — делано изобразил смущение толстяк, — надеюсь, ты пришел ко мне не предаваться воспоминаниям? Я, как видишь, человек занятой...

— Вижу, вижу. Потому и пришел к старому другу. И не с пустыми руками. Наша корова в обмен на информацию.

— Какую?

— О возможном местонахождении мсье де Витта.

— Или о направлении движения этого человека, — ввернул Савен.

Северо-запад Белоруссии. Ставка Наполеона

— Где Ней? — Бонапарт вопросительно взглянул на начальника штаба.

— Опрашивает каких-то бродяг, приведенных для справок от заведующего нашими лазутчиками генерала Сокольницкого, — сообщил Бертье. — Сейчас его позовут.

— Я всегда говорил, что точная разведка — это альфа и омега любого донесения. Тайная полиция — сродни дипломатии, но по долгу службы ей часто приходится рядиться в лохмотья. Верьте мне, анализируя исходы военных баталий, я невольно пришел к выводу, что не столько храбрость пехоты или отвага кавалерии и артиллерии решали судьбы многих сражений, сколько это проклятое и невидимое оружие, называемое шпионами...

Император откашлялся и менторским тоном продолжил:

— Генерал не должен пренебрегать никакими средствами для получения информации о передвижениях врага. С этой целью использовать разведку, шпионов, отряды легких войск под командованием способных офицеров, связь и допросы дезертиров и пленных. Авангард должен проявить рас-

порядительность по захвату почтовой корреспонденции, уметь перевести и анализировать ее. Обеспечить проводников, на которых можно положиться. Допросить кюре и почтмейстера. Быстро установить хорошие взаимоотношения с жителями. Направить к ним наших шпионов. Перехватывать все письма. Переводить и анализировать их содержание. Короче, быть готовым ответить на любой вопрос командующего. Объявите всем журналистам, что они не должны позволять себе печатать что-либо касающееся передвижений сухопутных или морских сил. Для военных реляций подбирать соответствующую лексику типа: «Непобедимые армии великого Наполеона гигантскими шагами двигаются вперед...»

Император на секунду задумался, кивком поприветствовал вошедшего Сокольницкого и тут же продолжил:

— Напишите шифром барону Биньону, что я предполагаю прикомандировать его к своей главной квартире и поставить во главе тайной полиции по части шпионажа в неприятельской армии, перевода перехваченных писем и документов, показаний пленных и так далее. Ввиду этого необходимо, чтобы он немедленно с вашей помощью, мсье Сокольницкий, организовал хорошую секретную полицию. Чтобы он сыскал двух поляков, хорошо говорящих по-русски, военных, способных и заслуживающих полного доверия. Одного — знающего Литву, другого — Волынь, Подолию и Украину; наконец третьего, говорящего по-немецки и хорошо знающего Лифляндию и Курляндию. Надо, чтобы они свободно владели польским, русским и немецким языками. Под их начальством будет человек двенадцать тщательно отобранных агентов, оплачиваемых соответственно важности добытых ими сведений. Желательно, чтобы они могли давать некоторые указания насчет мест, где пройдет армия. Я хочу, чтобы вы немедленно занялись этой организацией. Для начала три указанных агента должны завести себе помощников на дорогах из Петербурга в Ригу, из Риги в Мемель[1], на путях из Киева и на трех дорогах из Бухареста в Петербург, Москву и Гродно. Других послать в Ригу, Динабург, Пинские болота, Гродно и иметь ежедневно сведения о состоянии укреплений. Если результаты будут удовлетворительными, я не пожалею ежемесячного расхода в 12 000 франков. Сообщать сведения о длине, ширине и характере дорог. Четко изображать их изгибы, создаваемые замысловатыми конфигурациями местности... Прослеживать реки и тщательно измерять их, отмечая мосты, броды, глубину и высокий берег... Указывать число домов и количество жителей в городах и деревнях. Насколько возможно, проводить относительную высоту холмов и гор. Чтобы можно было определить господствующие вершины. Обязательно самым простым образом передавать, какой кажется местность наблюдателю. Для всех рисунков сохранить один постоянный масштаб.

Император сделал паузу и вновь кивком поприветствовал вошедшего. Им оказался маршал Ней.

— Расскажите-ка нам, маршал, что там раздобыла ваша разведывательная служба. Что за бумага у вас в руках?

— План военного советника царя Карла Людвига Августа Фуля. Александр слепо слушается этого прусского генерала, в течение двух лет преподававшего ему теорию военного искусства...

— Эта самонадеянная бездарь?! Этот проповедник абстрактных военных теорий, за шесть лет пребывания в России не сумевший даже научиться русскому языку? Хотя даже его денщик, неграмотный солдат, выучился за это время отлично говорить по-немецки, помогая при случае своему хозяину

---

[1] Мемель (теперь Клайпеда. — ***Н. М.***).

объясняться с русскими?! Прекрасно! Хотя, признаюсь, был несколько более высокого мнения об умственных возможностях Александра.

— Дело не в них, мой император. Как известно, короля играет свита. В армии Российской империи, которой командует шотландец Барклай-де-Толли, сейчас заправляют многочисленные немецкие свояки царя. Пруссаки, ганноверцы и, конечно же, прибалтийские немцы.

— Иностранные генералы составляют половину генеральского корпуса русской армии. Они и принимают реальные решения. В основном, с ведома и после одобрения дяди царя, принца Ольденбургского...

— Этот проходимец... Эта бездарь... После того как я забрал у него герцогство в Европе, сумел неплохо устроиться в России. И всю жадную свору своих родственничков пристроил. Сугубо по-монаршьи я даже сочувствую Александру. Увы, это доля всех властей предержащих... Я также окружен громадным кланом ненасытных сородичей. Которым всегда мало... Кто еще влияет на принятие решений?

— Из немцев: герцог Александр Вюртембергский, принц Евгений Вюртембергский, принц Мекленбургский, фон Остен-Сакен, Гейденрейх, Штейнгель, Опперман, Энгельгардт... Из поляков: Ожаровский, Потоцкий, Браницкий, Чаплиц, Влодек. Имеют вес и сторонники Бурбонов: граф Ланжерон, Рот, граф Сен-При, Далон, Ламберт. Для эмигрантов-французов война против Вашего Величества — продолжение борьбы с ненавистной революцией.

— Они не французы! Они роялисты! Однако вернемся к плану.

— Как всегда у русских для войны, которую все ожидали и для приготовления к которой царь приехал из Петербурга в Вильно, ничего не было готово. Общего плана действий не было. Поэтому царь поддался уговорам Фуля. Тот вздумал здесь, в литовских равнинах, применить тактику Веллингтона в португальских горах. Сделать из Дрисского укрепленного лагеря на Двине второе Торрес-Ведрас. Перед самой войной Барклай-де-Толли, находясь уже в Вильно, предложил Александру двинуть армию через Неман для последующих наступательных действий против нас. Но этот план не был принят. Поэтому русская армия вынуждена действовать по плану, предложенному Фулем. Вот сам документ, который мои люди раздобыли благодаря Вольцогену. Это один из царских адъютантов. В случае нашего наступления против армии Барклая она должна отходить к Двине, к Дрисскому лагерю, чтобы привлечь на себя наши силы. В это время другая русская армия под командованием Багратиона должна действовать нам во фланг и тыл, чтобы заставить отступить. Этот план совершенно не учитывает реальной обстановки войны, а главное — соотношения сил французской и русской армий.

Ней развернул бумагу и начал показывать:

— Согласно замыслу Фуля русская армия накануне войны была разделена на три части. Они рассредоточились вдоль западной границы. На фронте в 600 километров. Всего к началу войны здесь нам противостояло 220 — 240 тысяч русских солдат при 942 орудиях — примерно в три раза меньше, чем у нас[1]. Полки 1-й армии русских были разбросаны по кантонир-квартирам, на большом пространстве. Нам, имеющим численное превосходство, было легко,

---

[1] Для сравнения: Великая армия (la grande Armee), выделенная для вторжения в Россию из военных сил империи, насчитывавших свыше 1 млн. человек, имела для того времени огромную численность — 608 тысяч человек, в том числе 492 тысячи пехоты, 96 тысяч конницы и 20 тысяч человек осадного парка, инженерных войск и фурштадта. Артиллерия насчитывала 1372 орудия, в том числе 130 осадных орудий. Плюс такие преимущества, как огромный опыт — более 10 лет непрерывных, успешных кампаний, ореол непобедимости и лучший полководец западной Европы.

перейдя Неман и не давая русским времени собраться, отрезать несколько частей армии и разбить их поодиночке.

— Полки в армиях состоят только из первых и третьих батальонов. Вторые же числятся в резерве, в большом некомплекте, и находятся внутри России. Батальоны, состоявшие налицо, также неполны. По сей причине, при большом количестве корпусов и полков, боевые силы русских в действительности очень умеренные. В каждой из русских армий отдельный главнокомандующий, но общего начальника над всеми армиями нет. Царь также не принимает этого звания на себя.

— Это хорошо. Один плохой главнокомандующий лучше двух хороших.

— Барклай-де-Толли ненавистен Багратиону, командующему 2-й армией, который старается как можно дольше не присоединяться к Барклаю, чтобы не стать под его команду. Он также непопулярен среди рядовых, которые по одному его имени единогласно называют его немцем и изменником. Мои люди докладывают, что он уже получил от солдат кличку: болтай-да-и-только.

— Ваша разведывательная служба работает неплохо, Ней. Я всегда говорил, что успех зависит в значительной мере от того, насколько командующий знает, что происходит за соседними горами. Я думаю, план русских, добытый вашими людьми с помощью этого... Как его?..

— Вольцогена. Адъютанта русского царя Александра.

— Вот-вот. Вкупе с деятельностью ваших людей, переодетых крестьянами или в женскую одежду, снимающих планы, занимающихся поджогами и предрекающих наше прибытие, можно было бы назвать успехом. Если бы не этот проклятый Витт. Негодяй исчез, прихватив сверхсекретные документы. Кстати, имеющие самое непосредственное отношение к туркам. Что вам известно о нем на данный момент?

— Покинув наш штаб, после того совещания, он не вернулся на свою квартиру...

— Я и сам это прекрасно знаю! Ближе к делу!

— Негодяй тайком переплыл Неман. Теперь он направляется в штаб 2-й русской армии Багратиона. Бумаги и манускрипт находятся при нем.

— Хорошо, что Багратион не любит Барклая. Вы... Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы бумаги попали в руки Барклая. Как военный министр, он, по всей видимости, прекрасно знает о секретной миссии Витта. К тому же эта каналья может известить русского командующего о моем намерении окружить его армию в Дрисском лагере и желании как можно скорее навязать генеральное сражение... Даже эта информация Витта способна создать прочную основу тактики отступления и сохранения сил, пока применяемой (и надо признать, не без успеха) Барклаем. Тогда даже немецкие бараны, окружающие русского царя, и те признают правоту этого хитрого шотландца. Это уж не говоря о бумагах! От них может зависеть весь ход войны!

— Этим делом занимается один из моих... наших лучших людей — поручик Савен, — пробормотал Ней. — Думаю, он справится.

— Думаете? Вы, Ней, еще о чем-то думаете?! Всякий генерал, действующий не в пустыне, а в населенном крае и недостаточно осведомленный о противнике, — не знает своего дела! Вам, верно, понравилось играть в шпиона в Мангейме?! Во всяком случае, тогда вы были на своем месте.

— Ней тогда еще был генералом. Переодевшись крестьянином, проник в Мангейм. Убедился в возможности внезапной атаки на город и благодаря собранным им самим сведениям победил, — тихо просветил Бертье смущенного сценой Сокольницкого.

— Что вы там шепчетесь, Бертье? Значит так, господа. Ней, я надеюсь, ваши люди будут тесно взаимодействовать с местной агентурой специальной службы пана Сокольницкого. Думаю, она заслужила звание высшей военной разведки. В отличие от ваших секретных бюро, Бертье, — ядовито уколол император.

— Но, Ваше Величество, — вяло отреагировал начальник штаба, — ведомство мсье Сокольницкого выполняет контрразведывательные функции...

Гневный взгляд Наполеона заставил его осечься на полуслове.

— Мсье Михал, что вы можете сказать о деятельности русских? Ваших, так сказать, «визави»?

— Резидент русской военной разведки, которую они называют «Особенной канцелярией», полковник Чернышев точно сообщил Барклаю срок и место нашего наступления. А также сильно заниженные сведения о численности нашей армии.

— Это я уже знаю. Продолжайте.

— Нами получен также составленный Барклаем приказ о дислокации русских войск на ближайшие месяцы. Из него следует, что русские не будут пытаться перейти Неман, но будут активно противодействовать переправе через него Великой армии и дадут сражение в пограничной полосе. Наше ведомство предупреждало, что это может быть сознательной провокацией русских.

— Какая провокация? — попытался возмутиться Бертье. — В начале июня Александр вместе с исполняющим обязанности начальника генерального штаба Беннигсеном произвел рекогносцировку местности в районе Вильно!

— На основе этой информации наш Генеральный штаб разработал план разгрома русских войск именно в пограничном сражении. Увы, но наше предупреждение оказалось близко к действительности. У меня все.

— Информация интересная. Но несколько запоздалая. Я и так знаю, что меня окружают в основном дураки, — Наполеон выразительно посмотрел на Бертье и Нея.

— Пан Сокольницкий, где обещанная вами справка о моем тайном представителе в Варшаве мсье де Витте?

— Бывшем представителе, — услужливо ввернул шеф специальной службы.

— Да, да. Бывшем. Что вам известно о нем? Если не ошибаюсь, вы поддерживали приятельские отношения?

— Никак нет, Ваше Величество! Витт при участии пани Собаньской тайком поддерживал связи с польскими патриотами, а также с русскими дворянскими заговорщиками[1], разделяющими провозглашенные великой Францией идеи свободы, равенства и братства. Эти люди бардзо интэресовали нашу службу. Никакой дружбы.

— Ладно, ладно. Не надо оправдываться. Докладывайте по существу. А вы, господа, запоминайте.

— Витт, безусловно, человек очень и очень умный. Вежлив, вкрадчив, обходителен, особенно с дамами. Как говорится, полон огня и предприимчивости.

— Давайте без лирики, господин контрразведчик! — Наполеон начал злиться.

— Как двуликий Янус, к людям оборачивается всегда выгодной стороной. Ко всем, и особенно к женщинам, коих без памяти любит, всегда ластится.

---

[1] Имеются в виду будущие декабристы.

Многие из них пленились его черномазым лицом, сухотою и малым ростом. Слывет донжуаном. Эти свойства, а также живой ум и общительность создали ему репутацию светского и просвещенного человека. Всякого рода интриги — стихия этого человека. По наружной части — под его руками все быстро зреет и поспевает. Зато в хозяйственную почти совсем не входит. Бумаги ненавидит...

Услышав это, Ней громко хмыкнул, а Бертье горестно вздохнул.

— ...подписывает не читавши. Даже сбежав, подчиненным оставил множество бланков. Сами русские характеризуют его так.

Сокольницкий развернул бумагу, которую держал в руке:

«Граф Витт владеет полным знанием света и людей. Человек большого природного ума, необыкновенно быстрого проницания, но без глубины, образования многостороннего, но поверхностного, большого такта и умения распознавать людей во внешнем их проявлении. Всегда уклончивый (начиная с Аустерлицкого сражения), вежливый и любезный со всеми, этот властолюбец старался все общество привлечь к себе, в чем, при содействии «дамы своего сердца», Теклы Собаньской, урожденной графини Ржевусской, вполне преуспел».

Наполеон криво усмехнулся и с издевкой продолжил:

— На французскую службу пристал в 1809 году. Изменой это не считалось, поскольку Россия тогда была еще союзницей Франции. По моему личному указанию назначен моим тайным представителем в Варшаве. Исчез за две недели до начала русской кампании, прихватив с собою сверхсекретные документы. Вы меня, что, за идиота держите? С «черномазым лицом», «слывет донжуаном»... Об этом весь Париж знает! Объясните четко и ясно: почему де Витт покинул мою ставку столь неожиданно?

— Возможно, он посчитал свою миссию уже выполненной. Поэтому поспешил лично сообщить царю о последних планах Вашего Величества, — попытался вклиниться в разговор Бертье.

— Я не у вас спрашиваю! Пан Михал, объясните так, чтобы было понятно даже этим господам. Которым я имел несчастье поручить столь ответственное дело, как руководство разведывательными службами моей армии.

— Как раз в это время контрразведкой в Париже был разоблачен и арестован многолетний агент России полковник Мишель. Кстати, завтра его должны гильотинировать. Русскому резиденту полковнику Чернышеву удалось бежать. Возможно, он успел предупредить Витта.

— И тот, прихватив зеленый манускрипт с печатью и бумаги этой дуры, моей сестры Полины Боргезе, сбежал. Прямо у вас из-под носа, — закончил Наполеон. — Итак, господа, я жду от вас и ваших людей реальных результатов. Ваш человек, Ней...

— Поручик Савен.

— Да, да. Я помню его по Египту и Испании. Мог бы стать полковником. Но после того, как похищенные документы будут у меня.

— Заверяю вас, сир, что все возможное для этого уже делается.

Принеманье. Именье Кейданово

Больше всех суетился управляющий Пшездецкий. Чернявый, вертлявый, с масляными глазками и темными, закрученными вверх усиками над тонкими губами.

— Милости просим до стола, дорогой гость! — обняв гостя, с изъявлениями живейшей радости, промурлыкал он. — Милости просим! Для меня завше (всегда) праздник, кеды французский офицер зайдет до мэго дому.

Пшездецкий доверительно сообщил, что разоружил местных крестьян. Чтоб не нападали на солдат армии «найяснейшего пана Наполеона». Сейчас всемерно старается распускать среди мужиков нужные слухи. Будто занятые Великой армией местности и губернии никогда более не будут принадлежать России, а крестьяне — своим господам.

— Дворяне к мужикам остужены рассеянием слухов о вольности со времен Пугачева. Все это поддерживается не только агентами французскими. Но и некоторыми из русских, знающими ясно, что одна связь сдерживает, укрепляет и распространяет Россию — связь Государя с дворянами, поддерживающими его власть над крестьянами, кои теперь бардзо отягощены набором рекрутов, милицией и так званым ополчением.

Прошло около часа.

Хозяин все не унимался и не замолкал. Хвалил культурных французов. Бранил вечно голодных и жадных русских. И даже несколько раз, в восторге пламенной благодарности, прижал Савена к своей груди. Но об обеде и речи не было.

— Опруч тэго (кроме того), пан офицер, бардзо проше передать на словах пану Сокольницкому наступне. Накануне войны русские войска пополнились мноством новых рекрутув. Они составляют до половы отдельных полков. Але костяк — старые, опытные ветераны. Этнически их армия очень монолитна. Каждые восемь из десяти солдат — русские, больш чым девяносто из ста — схизматыки (православные).

Савен прервал увлекшегося собственным рассказом шпиона и спешно ответил, что обязательно выполнит его просьбу. И постарается сделать это сразу же после обеда, поскольку «французские офицеры не решают таких вопросов, будучи уставшими и проголодавшимися».

— Мы с моим другом мсье де Виттом даже в Париже никогда не изменяли этому правилу.

— Так пан хце обедать? — вскричал хозяин, спрятав в карман золотую табакерку, из которой в очередной раз взял понюшку табаку. — Чему ж пан мильчал? Помилуйте! Вы тут у себе в дому! Для вас у меня вшыстко знайдеся. Эй, хлопе!

Появился слуга. Хозяин прошептал ему что-то на ухо и принялся снова осыпать офицера комплиментами.

— Так пан зна пана де Витта? И пан мильчал?! Кохам пана Витта, як роднего брата! То соправдны патриёт Ойчызны! Был у мне позавчора...

Услышав это, Савен внутренне напрягся. Но виду не подал, что последние слова поляка его очень заинтересовали.

— Прекрасно. Значит, я смогу встретить моего друга. Куда, вы говорите, он направился?

— Он цось мувил о Москве. Не бардзо слухалем. Мам тыле справ... Пан ве... Дзяло пшеде вшыстким... — почему-то перешел на польский Пшездецкий, после чего вновь начал сыпать комплиментами.

Прошло еще полчаса.

Словесное угощение начало становиться гостю в тягость. Он периодически выразительно посматривал на часы...

15 июля. Березина

Переправа нашей армии через эту реку, самое имя которой и ныне вызывает в сердцах французов только печальные воспоминания, — оживлена была комическим инцидентом. Незадолго до этого вследствие ливней Березина выступила из берегов. И на соседних лугах остались огромные лужи воды.

В них резвились бесчисленные, в основном дикие, гуси. Шедшая в авангарде кавалерия Груши предприняла против них атаку, энергично поддержанную польскими уланами. Выхватив сабли, с пиками наперевес, они решительно атаковали птиц с двух сторон. Часть вражеских гусей попыталась удрать. Их громкий гогот разнесся на всю округу. Некоторые зашипели на наших доблестных всадников. Но атака последних была стремительна. Не прошло и двух часов, как у каждого к сумке привешено было по одной или две штуке дичи.

Наполеон обозревает с холма идущие полки.

— Что там за суета, господа?

— Русские крепостные явились на форпосты, чтобы выдать своих господ и управляющих, которых привели с собой, — доложил адъютант.

— Немного поподробнее.

— Местные крестьяне вышли из повиновения старостам и приказчикам. Разгромили господский дом. Разграбили 2 400 ведер вина. Бутылки из погребов и библиотеку отдали священнику. Разграбили имущество, захватили денег до 5 000 рублей, хлеб, скот и лошадей, говоря, что они ныне французские. Убили крестьянина. Прибили бурмистра и ключника, связали и привезли к нам.

— Пан Сокольницкий, а вы что-то говорили о якобы появившихся партизанах... — замолчав на полуслове, Наполеон уставился на марширующие полки. Спустя некоторое время поинтересовался: — К слову, господа, что вы думаете об освобождении русских крестьян?

— Думаю, одна треть их, может быть, оценила бы это благодеяние, а две другие не поняли бы даже, что им хотят сказать.

— Но разговоры, по примеру первых, увлекли бы за собою других, — возразил Нею Сокольницкий. — Толк о мнимой вольности подымет народ на приобретение оной истреблением дворянства, что есть во всех бунтах и возмущениях черни.

— А не является ли эта информация производной от распространяемых людьми мсье Биньона через лакеев слухов? Что, когда французы таким же образом, как Пруссию, покорят Россию, все будут вольными? Вся несправедливость будет опровергнута?

— Господа, выражайтесь проще и яснее! Пан Сокольницкий, что скажут ваши поляки?

— Паны скажут: «Человек, восстановивший рабство и торг неграми, явился с предложением свободы русским крестьянам», — и отвернутся от Вашего Величества... А заигрывание с мужицким быдлом может дать обратный эффект. Примеры уже имеются. Наслушавшись речей о свободе, крестьяне четырех деревень Минской губернии [Борисовского повета], удалившись в леса, составили несколько отрядов и организовали нападения на хлебные амбары, овины и кладовые местных помещиков, стали грабить их дома и фольварки[1].

---

[1] Перепуганные помещики обратились за помощью к поставленному французами губернатору города Борисова, который в конце июля выслал в Есьмонскую волость экзекуционный отряд. Все обвиненные в возмущении крестьяне были арестованы и доставлены в Борисов, откуда военно-следственная комиссия передала дело в Минский главный суд. Подобное восстание крестьян произошло в начале августа в имении кн. Радзивилла в д. Смолевичи, где благодаря присутствию французских солдат арендатору удалось арестовать виновных. В окрестностях Витебска население тоже проявит революционные чувства. Помещики со всех сторон стали обращаться к витебскому губернатору, генералу Шарпантье, с просьбою прислать охрану для их защиты от крестьян, которые грабят помещичьи дома и дурно обходятся с самими помещиками. Многие семейства переедут в Витебск, заботясь о своей безопасности.

— Это и есть так называемые партизаны? Чем же они вооружены? Сковородками, захваченными в панских кладовых?

— Мужики вооружены пиками, — доложил Сокольницкий, — чаще на конях. Бабы готовы к бегству и ругают нас, как и мужики. Верховые разъезжают с места на место, сообщая неприятелю о том, что у нас делается. Есть у них и доска для подачи сигналов.

— Когда общаешься с народом, надо иметь железное терпение, — говоря это, Наполеон всем своим видом демонстрировал свите, что у него оно как раз на исходе.

Стоявший рядом Ней быстро подхватил:

— Да, да, сир. Просто белые негры... Хуже африканцев. К тому же у нас все большие проблемы с провиантом, мой император. Не хватает фуража и вообще всего. Почему? Войска все время сосредоточены вместе и держатся настороже. Распределение пайков производится беспорядочно. Из-за казаков и партизан нельзя отдаляться от занимаемых пунктов в поисках продовольствия. Отставших становится все больше и больше... — Маршал горестно вздохнул.

— В общем, чтобы поднять мужество, пробудить военную доблесть, вернуть отставших... Необходимо одержать какую-нибудь значительную победу! Я вас правильно понял? Надеюсь, этот момент настанет под Витебском. Когда мы с главными силами догоним Барклая...

Предместье Витебска

Четыре большие колонны гвардейской пехоты образовали каре. В середине раскинули три палатки. Одну для императора, две — для свиты. В караул возле них встали 20 гренадеров с офицером и барабанщиком.

Движение около палаток императора не прекращалось ни на минуту. Генералы и адъютанты то подъезжали, то во весь опор разъезжались — все знали, что неприятель близко. Все ждали решительного дела.

Бонапарт, опершись на плечо адъютанта, изучал Витебск с окрестными холмами. За городом виднелась большая равнина. На ней маневрировали русские кавалерийские и пехотные войска Барклая-де-Толли.

Показав на них зрительною трубой, Наполеон заявил генералам: «Завтра они будут наши!» Отстегнув, бросил саблю на карту, расстеленную на барабане, и показал на город:

— Я остаюсь здесь! Мы разгромим русских под Витебском. Я хочу, чтобы меня признали! Хочу дать отдых армии и организовать Польшу. Кампания 1812 года закончена. Кампания 1813 года завершит остальное. Вы же, Дарю, как главный интендант армии, позаботьтесь об обеспечении нашей жизни здесь, ибо мы не повторим безумства Карла XII.

Глянув на Мюрата, император добавил:

— Посадим наших орлов здесь. Учитывая огромные размеры и мощь России, в этом году мы овладеем западными губерниями — от Риги до Луцка. Перезимуем здесь, в Белоруссии. В следующем году овладеем Москвой; в 1814-м столицей — Санкт-Петербургом. Война с Россией будет трехлетней! А теперь готовьтесь к битве.

Перед каждым полком прочтено было воззвание: «Солдаты! Настал, наконец, желанный день! Завтра дадим сражение, которого мы давно дожидались. Надобно покончить поход одним громовым ударом! Вспомните, солдаты, ваши победы при Аустерлице и Фридланде — завтра неприятель узнает, что мы не выродились!»

Армия с восторгом выслушала приказ, уверенная в победе, — все надеялись, что этим боем кончится война, начавшая уже утомлять. Роздали водку.

Офицеры развлекались по-своему.

— Господа, я мог бы спокойно поймать живого казака, — показав на одинокого всадника вдали, зевая, сообщил кто-то.

— Предлагаю пари. На ящик бургундского. И по рукам! — с лукавой усмешкой предложил Буржье. Остальные офицеры в предвкушении интересного зрелища одобрительно загудели.

— Соединив их содержимое вместе с тем, что вы, Буржье, проиграли мне вчера в карты, я смогу принять ванну из шампанского!

Вскочив в седло, француз помчался к казаку. По-петушиному налетев, привстав в стременах, с ходу выбил тяжелым палашом клинок из руки русского.

— Сдавайся! — этого слова, произнесенного по-французски, казак явно не понял, так как поспешно отпрянул в сторону и схватил висевшую у пояса нагайку.

— Сдавайся! — описав полукруг палашом, чтобы до непонятливого русского быстрее дошло, повторил француз.

— Счас, ваш благородие, — процедил сквозь зубы казак и, изловчившись, хлестнул нагайкой по руке, державшей палаш.

Офицер, вскрикнув от неожиданности, выронил клинок на землю. Казак, привстав в стременах, принялся хлестать француза:

— Вот так, твое благородие... Вот так. А ну-ка, поворотись. Вот так...

Заметив, что французы помчались на помощь попавшему в беду товарищу, казак схватил того за ворот мундира, перекинул к себе на седло и, пришпорив коня, помчался к своим.

Глядя, как русский подъезжает к своим и сдает им пленного, Буржье с сожалением произнес:

— Увы, пропал поручик. Уехало мое бургундское. Ну, хоть этот должок я вернул...

Вечер того же дня

Мы — среди песков с длинными рядами ив и кустарника по сторонам; за ними скрывается деревенька, где император устроил свою главную квартиру.

Мы успели только разместиться в нашем лагере. И тут перед нами открылось грандиозное зрелище: русские, стоявшие лагерем на возвышении в форме амфитеатра, зажгли массу огней, которые в целом образовали большой полукруг.

В сущности, трудно себе представить вид нашего лагеря в эту ночь. У нас царила шумная радость, вызванная мыслью о битве, исход которой никому не казался сомнительным. Со всех сторон перекликались солдаты, слышались взрывы хохота, вызываемые веселыми рассказами самых отчаянных, слышались их комически-философские рассуждения относительно того, что может завтра случиться с каждым из них.

Горизонт освещали бесчисленные огни. Довольно беспорядочно разбросанные у нас, симметрично расположенные у русских вдоль укреплений, огни эти напоминали великолепную иллюминацию и настоящий праздник.

Огни русских отбрасывали яркие отблески на горизонт, производя поразительный контраст с нашими слабо мерцавшими кострами.

Они дома. А вот мы в совершенно незнакомой местности, ничего у нас не приготовлено.

Около полуночи начал накрапывать мелкий холодный дождь при сильном ветре: очень скоро наш лагерь стал сплошной топью.

В топливе недостаток. То немногое, что мы находим второпях и в потемках, — мокро и сыро. Наши огни не только не сияют, но и распространяют вокруг нас облака густого черного дыма. Они отбрасывают во мраке лишь бледный отсвет.

Одни стараются как-нибудь устроить себе шалаши из листвы, так как погода суровая. Другие сидят вокруг котлов. Присматривают за своим скромным ужином. Мало-помалу шум стихает, огни бледнеют, потом гаснут, и людей охватывает сон, многие думают — последний.

Перед палаткой, занятой Наполеоном, разведен большой костер, вокруг которого греются дежурные офицеры.

Появился маршал Ней. Отряхнув мокрый мундир и дружелюбно поздоровавшись с Мюратом и Бертье, доложил с порога:

— Ваше Величество! Кутузов с малыми силами пленил на левом берегу Дуная большие силы турок. Теперь он отъезжает в Бухарест, дабы принудить султана к миру. Русская агентура уже активно распространяет слухи. Простонародье говорит: все города теперь наши, где кровь христианскую проливали, подразумевая под этим Бендеры и Измаил, так как кровопролитная осада этих крепостей произвела огромное впечатление. Русские распускают слух, что турки будут действовать с ними заодно. Мне уже доложили, будто крестьяне рассказывают, что турки покорились и дали царю подписку, что им платить дань ежегодно по 20 000 голов французских. Местные купцы ликуют, надеясь освободиться от ига скупщиков. Дворянство уже гордится заключением столь выгодного мира, несмотря на встретившиеся препятствия и затруднения.

— Как понять этих грязных собак, этих турецких мерзавцев?! Кто мог предвидеть, что они допустят разбить себя?! Так... Чтобы не допустить мира России с Портой, мы должны уверить всех, что турки не согласились на требования русских, не возвратив своих земель, уступленных России по последним трактатам. Если истину станет невозможно скрывать далее, необходимо уверять, что министры и члены Дивана, подписавшиеся в Бухаресте под трактатом, удавлены и утоплены. А война, соответственно, вновь разгорелась. Главное, не молчать! Десяток говорунов производят больше шума, нежели десять тысяч, которые молчат; в этом заключается средство к достижению успеха тех, кто лает с трибун. Срочно собирайте совет. Будем решать: остановиться здесь, чтобы устраивать Польшу и продовольственные магазины, или же идти на Москву и Петербург.

Если изберем первый вариант, то двинуться дальше сможем не ранее как освободимся от, по меньшей мере, корпуса русской армии, возвращающейся с границ Турции. Может, попробуем вступить в переговоры с казаками, которым пообещаем создать собственное независимое государство?

— А с поляками как быть?

— Бертье, что там слышно от Костюшко? Когда он присоединится к нам? Что пишет по этому поводу Фуше?

— Тадеуш Костюшко по-прежнему проживает в Париже. В кругу своих друзей он прямо заявляет, что император Франции... Простите, сир, но мой язык не поворачивается произнести это. Позвольте, я лучше зачитаю, что пишет Фуше. «Это тиран!» — говорит Костюшко об императоре. — Наполеон думает только о себе, ему ненавистны не только народы, но и самый дух их независимости... Дураками будут те поляки, что сунутся в его вербовочные конторы!» Костюшко считает, что в случае восстания в Пруссии, Литве и

Белоруссии поляки могут ценой собственной крови помочь Вашему Величеству в борьбе с Россией, Австрией и Пруссией, но никак не заработать себе независимость. Поэтому официально этот заносчивый поляк ставит условием его возвращения невмешательство Франции в дела Польши.

— Скажите ему, что он дурак! — отрезал император. — И пусть ведущий переговоры от моего имени Фуше обязательно передаст это дословно[1].

Немного помолчав, Наполеон добавил:

— Хорошо, что скептицизм[2] этого «тройного революционера» заглушает хор поклонников «Наполеона Великого», «Посланца Небес», «Воскресителя Польши», «Великого Победителя»... Кстати, этот хор не должен ослабеть. Во всяком случае, до тех пор, пока мы не победим Россию. Отступление русским не поможет. Одно пространство не сможет спасти их. С пространствами я знаком: необъятные пространства были между пирамидами и Яффой. Мы заставим русского царя выполнить то, что планировали сделать еще вместе с его отцом одиннадцать лет назад. И поляки нам в этом помогут. С Костюшкой или без — не важно... Тем более что я никоим образом не могу восстановить старую независимую польскую монархию из-за постоянного сопротивления Австрии, сделавшей это условием нашего союза. Да и если б я восстановил Польшу, поляки продали бы меня русским; храбрость их не более как вспышка соломы.

Дождавшись, пока соберутся все военачальники, Наполеон начал:

— Итак, господа, в апреле этого года в финском Або был подписан тайный договор о союзе и взаимной помощи между Швецией и Россией. Недавно заключен Бухарестский мир, завершивший длительную русско-турецкую войну. Оба крайних стратегических фланга русского фронта оказались неуязвимыми.

Моя стратегия проста — не захват территории по кускам, а уничтожение армии противника целиком. Нам необходимо генеральное сражение. И мы дадим его завтра.

Разыграть далмацкую карту, чтобы поссорить русских и турок. Остановить Витта.

Наутро мы встали до рассвета. Под громкий бой барабанов оделись в парадную форму, как на праздник.

Лишь только занялась заря, как все глаза обратились туда, где накануне маневрировал неприятель. Но равнина была пуста — когда солнце взошло, все убедились, что русская армия исчезла...

Император выходит из палатки. Гвардия приветствует его обычными восклицаниями. Сел на складной стул, который ему принесли, вытянул ногу на барабан и с изумлением стал разглядывать в подзорную трубу предместья Витебска.

— Ней, черт возьми, что произошло?

— Мои люди докладывают, что главнокомандующий 1-й армией русских Барклай-де-Толли намеревался дать генеральное сражение, но получил изве-

---

[1] Он так и сделал.

[2] Скептично к походу Наполеона в Россию отнесся не только Костюшко. Последний командующий польскими войсками во время войны 1794 года Тадеуш Ваужецкий также остался в стороне от наполеоновской эпопеи. Он покинул Вильно накануне вторжения Великой армии вместе с русскими войсками.

стие от командующего 2-й армией князя Багратиона о невозможности соединения двух армий под Витебском. Багратион загнан в ловушку под Могилевом. Он в безвыходном положении. Поэтому Барклай приказал всем войскам отступать по Смоленской дороге. Похоже, он рассчитывает на чудо, которое поможет Багратиону соединится с ним под Смоленском.

— Следовательно, можно надеяться, — перебил Наполеон, — что мы сумеем навязать ему сражение чуть позже... А пока необходимо разбить Багратиона.

— Посмотрите, сир, — Ней указал на разложенную перед ним карту, — как благоприятствуют нам условия... Корпус Даву занял Минск. Дороги перерезаны. Войска короля Вестфальского теснят противника с тыла и фланга. Здесь леса, болота... Багратион вынужден будет капитулировать или погибнуть. В его армии четыре или пять дивизий, не больше. Даву располагает по крайней мере втрое превосходящими силами.

Узнав, что Даву занял Минск, император торжественно объявил приближенным:

— Багратион у меня в руках! Он никогда уже более не увидится с Барклаем!

— А что относительно зимовки здесь? Солдаты уже обустраивают биваки имуществом, набранным в разоренных поместьях вокруг города. Даже я в первый раз увидел землянки, обустроенные для долговременного военного житья: рамы, двери, и даже камельки, столы, стулья, диваны, зеркала...

— Господа, после такого вероломства трусливо исчезнувших русских я отвергаю мой план зимовки в Белоруссии! В мире есть две силы — меч и дух. В конечном счете всегда побеждает меч, — произнося это, Наполеон был торжественен. — Стоять долго на месте не в характере французов. Зачем бездействовать восемь месяцев, когда в двадцать суток мы можем достигнуть цели?! Мир перед нами. Мы в нескольких днях расстояния от него — можно ли рассуждать, будучи так близко от цели? Опередим зиму! Я сделал свой выбор. Если я возьму Киев — возьму Россию за ноги. Если возьму Петербург — возьму Россию за голову. Если возьму Москву — я поражу ее в самое сердце! Моя армия составлена так, что одно движение вперед поддерживает ее. Во главе ее можно идти вперед, но не останавливаться и не отступать. Это армия нападения, а не защиты!

— Но, Ваше Величество, двадцатидневный запас провианта закончился. Надежда на захват армейских продовольственных складов, находившихся в Белоруссии и Литве, не оправдалась — их сожгли отступающие русские. Великая армия села на голодный паек, — судя по акценту, попытался возразить кто-то из немецких генералов. Покинув ее ряды, мародерством занялись около 50 тысяч солдат. Это больше, чем имеется во всей армии Багратиона, упущенной хвалеными французскими частями...

— Да, да, — ядовито перебил говорившего кто-то из поляков, — и первыми поспешили грабить дворы, имения и каждого встречного 6 тысяч бравых баварцев...

— К тому же русские демонстрируют здесь, в России, истинный патриотизм и исключительную храбрость, — ни к селу ни к городу брякнул еще кто-то.

Наполеон явно терял терпение.

— Вы что, милейшие, — нервно набросился он на генералов, — пытаетесь заговорить о мире? Вы мне еще про мужество и самоотверженность русского народа расскажите... Решено! Из Витебска мы двинемся через Смоленск на древнюю столицу русских царей. Прочитайте по корпусам приказ: идем в Смоленск ускоренным маршем. Без дневок! На Москву!

Горящие вокруг селения и предместья города. Улицы, устланные ранеными и мертвыми. Поля, умащенные человеческой кровью и усеянные множеством трупов. Грабеж, насильствования и убийства безоружных жителей стали свидетелями вступления наших войск в Витебск[1].

Русские войска, разделенные на несколько частей, отступали к Смоленску. Они давали возможность Великой армии уменьшаться в размерах — за счет отставших больных, за счет убитых партизанами, за счет оставляемых в захваченных городах гарнизонов. Стратегия была проста — отступать, пока численность армий не сравняется.

Глядя на отступавших русских, Наполеон все чаще хмурился.

Чтоб не допустить захвата нужных переправ и перекрестков дорог, мелким русским соединениям приходилось давать оборонительные сражения. Цель их была проста — задержать нас и дать своим армиям соединиться.

Стремясь не допустить соединения главных русских сил и разгромить их поодиночке, Наполеон направил корпус маршала Даву к Могилеву, находившемуся между армиями Багратиона и Барклая.

2-я русская армия находилась от Могилева в каких-нибудь двадцати пяти верстах. Состояние армии было до крайности тяжелым[2].

Даву подоспел вовремя. Все, включая Багратиона, понимали, что его армия попала в безвыходное положение. А мы уже готовились подсчитывать трофеи.

Правый берег Днепра. Лагерь французов

Казаки подплывали к суше, держась за гривы и прячась за лошадиные шеи. Из воды чуть выступали лишь чубатые головы. Однако наблюдавшим с берега французам они не были видны.

— Взгляните-ка, ребята, — прямо к нам плывет табун лошадей. По всей видимости, отбился от своих. Кажется, удача сама идет в руки, — довольным тоном произнес, обращаясь к солдатам, Савен, — примите лошадок как полагается.

Французы в предвкушении наживы сбросили оружие и сапоги и, закатав рукава, спустились к реке. И тут же обомлели.

Почуявшие землю лошади выскочили из воды, неся на себе голых всадников с клинками и небольшими пиками (к которым, по обыкновению, в подобных случаях приторачивали одежду и снаряжение).

Замерших у воды французов перебили почти мгновенно. Затем, не давая опомниться, молча понеслись по лагерю.

Савену показалось, будто он вновь оказался в Египте. Там арабские конники, беспокоившие войска Наполеона, действовали сходным образом. Внезапно появляясь, атаковали и отходили, рассыпаясь в разные стороны.

Гренадерам, пережившим ужасы египетской кампании, также почудилось, что они оказались в Африке, где словно из миража возникают дикари Ибрагима Бея в кольчугах под бурнусами, размахивающие бамбуковыми пиками с черными шелковыми кисточками.

---

[1] Как позже напишет Энгельс, именно отсюда Наполеон «пошел на Москву и этим самым привел русских в Париж».

[2] «В условиях самого невыгоднейшего местоположения, — писал П. И. Багратион царю, — армия прошла 600 верст, имея на плечах неприятеля, с обозами, ранеными и пленными, что растягивает армию на 50 верст. Одно непомерное желание в людях драться поддерживает их силы. Лошади приходят в изнурение. Не стали бы и люди изнемогать».

Но все оказалось гораздо проще.

Казаки пронеслись по французскому лагерю, поработали клинками и пиками, развернули коней — и с гиком и свистом плюхнулись обратно в реку.

Французы пришли в себя лишь когда русские проплыли в обратном направлении почти половину водной преграды. Захлопали первые выстрелы.

Левый берег Днепра. Бивуак 2-й русской армии

Вылезшему из воды казачьему командиру набросили на плечи бурку и сразу же повели к Багратиону, беседовавшему с каким-то важного вида господином в роскошном мундире. Рядом что-то записывал один из адъютантов.

Казак, отдав честь, хватски отрапортовал:

— Ваше Высокоблагородие! Кручина спала с удалых голов как с гуся вода! Идти на Могилев никак нельзя. Можно потерять армию.

— Но что же предпринять?

— Лучше всего было бы переправиться через Днепр южнее Могилева, выйти по Мстиславской дороге к Смоленску.

— Начни мы обходное движение и переправу — Даву сейчас же всеми силами обрушится на утомленную и обремененную тяжестями армию. Значит, маршала надо обмануть. Главная задача — убедить Даву, что 2-я армия не имеет никаких иных намерений, как овладеть Могилевом. Для этого атаковать у деревни Салтановка, где французы возвели мощную позицию, чтобы перекрыть путь на Могилев. Только в этом случае Даву придержит основные силы в городе, успокоится, будет заниматься укреплением избранных им самим позиций. Это обстоятельство облегчит и положение Раевского. А я тем временем сумею переправить армию.

Собеседник Багратиона недовольно поморщился. Он сразу же сделал вид, что не заметил подошедшего казака, и теперь демонстративно игнорировал его. Глядя на обмундирование проходившего мимо полка гвардейских стрелков, весьма походившее на одежду крестьян, он всем своим видом демонстрировал, как оскорблен зрелищем, которое представляют эти солдаты. Особенно покоробила его их толстая и неуклюжая обувь и нестройность маршировавших на восток рядов.

— Эти мужики только и умейт, что сражаться! А лошади эти кавалерист?! Это есть скелеты!

— По службе, Ваше сиятельство, наша участь часто зависит от скотов! — нимало не смутившись, браво ввернул казак.

— Что ты сказал, хам?! Господин командующий, немедленно арестуйте этот наглец! Под трибунал!..

— Dans le bulletin sur la journe d'Austerliz il est dit: l'empereur de Russie tait entour de trente sots, tiez vous, mon prince, du nombre? (В бюллетене об Аустерлицком сражении сказано, что император России был окружен тридцатью дураками; не были ли и вы в их числе, князь?) — чтобы не поняли подчиненные, по-французски поинтересовался Багратион. — Этот человек только что вернулся с неприятельского берега, получив мое предписание освещать местность в сторону Могилева. Я не могу выполнить ваше пожелание. А лошади действительно худые.

— Я требовайт! Я настайвайт! Арестовать этот негодяй! Я буду жаловаться император!

— В таком случае я вышлю ему свою шпагу и не возьму ее обратно.

Озадаченный последней фразой, немец затих.

— Ну как, сокол? Подсушил крылья? Хотел неприятель нас накрыть — ан не вышло. Теперь мы на него падем. И ужо пощиплем орла французского!.. Можешь идти, — отпустил казака Багратион и, взглянув на адъютанта, отчеканил: — Офицерам довести приказ: «Г. г. начальникам войск вселить в солдат, что все войски неприятельские не иначе что как сволочь со всего света, мы же русские и единоверцы. Они храбро драться не могут, особливо же боятся нашего штыка. Наступай на него! Пуля мимо. Подойди к нему — он побежит. Пехота коли, кавалерия руби и топчи!» Приказ сей немедля объявить во всех частях и отрядах». Пусть воля моя, намерения и вера в победу ведомы будут всем — от генерала до ездового в обозе. И отступая я буду наступать!..

Переведя взгляд на господина в мундире, командующий добавил:

— А вы, Ваша светлость, лучше передайте Барклаю и императору, что интересующий вас мсье де Витт лжец и двуличка, хотя и полезен на службе. Он действительно был у меня. С какими-то сомнительными бумажками. Что-то говорил о турках, больших государственных тайнах... Да, он требовал, чтобы я обеспечил ему встречу с Государем. Где он? Сие мне не известно! Куда направился? Не могу знать! Полагаю, прямиком к нашему «болтающему-да-и-только» военному министру. Так что ищите его и его бумажки в штабе того, кому мы обязаны этим позорным отступлением.

Повернувшись к адъютанту, Багратион добавил:

— Так дословно и запишите, милейший! Сколько я его знаю, де Витт лжец и самый неосновательный человек... двуличка. Точка! В остальном буду краток. Я никакой здесь позиции не имею, кроме болот, лесов, песка и гребли. Ежели выберусь отсюда, то ни за что не останусь командовать армией и служить: стыдно носить мундир, ей-богу, и болен! А ежели наступать будете с 1-й армиею, тогда я здоров. ...России жалко! Войско их шапками бы закидало. Писал я, слезно просил: наступайте, я помогу. Нет! Куда вы бежите? За что вы срамите Россию и армию? Наступайте, ради бога! Ей-богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Если не прекратится отступление, то Москва будет взята, мир в ней подписан, и мы пойдем в Индию сражаться за французов! Если должно погибнуть, то лучше я лягу здесь! Я в Индии пропаду со ста тысячами моих соотечественников, без имени и за пользу, чуждую России...

Деревня Салтановка, расположенная на возвышенности, сплошь окружена густыми лесами и находится в шести верстах от города.

В лесу надежно укрыта французская пехота генералов Десе и Компана, еще с вечера занявшая деревню.

Несколько замаскированных батарей, поставленных впереди, держали под огнем Дашковскую дорогу, которая, выйдя из леса, спускалась в овраг, пересекала плотину через широкий ручей, затем поднималась к Салтановке.

Французы плотину разрушили, устроив в овраге всевозможные заграждения.

Неравенство сил было огромным — пять французских дивизий против двух русских. К тому же густой, дремучий лес сковывал движения и действия русской кавалерии. Конников поставили в резерв, позади пехоты.

Однако русский командующий склонен был атаковать самого грозного из маршалов Бонапарта и, похоже, ничуть не сомневался в успехе.

Чтобы осуществить задуманное, он поставил в арьергард против французов 12-ю и 26-ю дивизии под командованием генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского, укомплектованные в основном новобранцами-гродненцами.

Ближние подступы к Салтановке прикрывало густое и цепкое мелколесье с топкими болотистыми низинами. К самой же деревне вела узкая, хорошо простреливаемая неприятелем плотина.

[Французы и русские сошлись 11 июля.] Начатый русскими [Раевским] с ходу бой все более ожесточался. Русские неистово наступали, французы стойко и яростно оборонялись.

Установленные на холмах пушки образца 1765 года с грохотом выплевывали смерть из гладких стволов. Снаряды то свистели в воздухе, то, разбрызгивая кровавые ошметки, врезались в строй затянутых в зеленые мундиры тел, то вонзались в землю, которую вспахивали с оглушительным шумом, то, подпрыгивая, крутились под ногами, пока не замирали насовсем...

Прошел час, полтора. Неожиданно огонь французов заметно ослабел. Русские артиллеристы удачно накрыли две вражеские батареи.

Пользуясь случаем, Раевский двинул к нашим позициям два полка егерей. Полки, перебравшись через овраг, достигли передних салтановских укреплений.

Закипел штыковой бой.

Раевский послал на помощь всю остальную пехоту. Однако прорвать густые колонны французов, в три-четыре раза превосходящих силами, не удалось. Ежеминутно русские офицеры охрипшими голосами повторяли как заклинание:

— Сомкнуть ряды! Держать строй! Сомкнуть ряды! Сомкнуть ряды!

Но в какой-то момент не помогло и это. Нанеся нам чувствительный урон, русская пехота вынуждена была отступить...

Последующие яростные атаки также успеха не имели. Раевский приказал остановить войска у плотины, перестроить. И вновь атаковать.

В тяжелейший момент атаки вдоль плотины, ведущей к Салтановке, русские гренадеры дрогнули и попятились от яростного ответного напора, затем залегли. Одетые в солдатские мундиры вчерашние крестьяне прижались к земле. Приказы и окрики офицеров не действовали. Казалось, еще совсем немного, и они побегут.

В этот момент генерал Раевский вывел своих сыновей десяти и четырнадцати лет, служивших при штабе. Вывел вперед лежащих колонн. Под картечь французских пушек.

Поставив рядом с собою старшего Александра и младшего Николеньку, Раевский пошел с ними в атаку впереди наступающих порядков при знамени Смоленского полка.

Жертвуя самыми дорогими существами для пользы родины, генерал прокричал солдатам:

— Вперед, ребята, за Царя и Отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь![1]

Они шли в полный рост, под шрапнель и пули. И солдаты, вчерашние «мужики сиволапые», увидев это, зарыдали и бросились вслед «за барином» в штыковую.

Дальнобойность ружей солдат линейных полков 80—100 шагов. И лишь егерские полки вооружены ружьями дальнего боя — на триста шагов. Поэтому в бою противников разделяет меньше трехсот метров.

Как только это расстояние сокращается, бравые капралы и унтер-офицеры, лихо закручивая усы, кричат рекрутам: «Скуси патрон! Сыпь в дуло! Сплюнь пулю! Гони пыж! Сыпь на полку! Поджигай! Пли!»

---

[1] Позже Н. Н. Раевский будет отрицать этот факт.

Батальоны ведут уничтожительный огонь, глядя друг другу в глаза. При малой скорострельности ружей солдаты очень скоро сходятся в штыковых атаках.

Сыплются удары штыков, прикладов и клинков. Слышатся крики на французском языке... Ругань на немецком... Молитвенные воззвания по-итальянски... Призывы к Богородице по-испански, польски и португальски...

Мощная лавина хлынула через плотину, все сметая и истребляя на своем пути.

В бою много дыма. Залпы, залпы, залпы... Битвы почти не видно. Ее слышно.

Пальба, звуки канонады, звон клинков, дым огнестрельных орудий, радостные восклицания, часто повторяемые «ура», хрипы и вопли умирающих, крики командиров и слова отчаяния, раздающиеся на девяти европейских языках, — все смешивается в кровавой схватке...

Французы напора не выдержали. Широкая Дашковская дорога до самой Салтановки густо покрылась трупами в синих мундирах.

Победил корпус Раевского, сковавший в разы превосходившие его силы маршала Даву и обеспечивший переправу армии Багратиона через Днепр. Русские потеряли 2,5 тысячи солдат, французы — 3,5 тысячи. Это позволило Багратиону выскочить из нашей ловушки и перевести армию на левый берег Днепра под Новым Быховом[1].

После жаркой баталии у Салтановки Даву окончательно уверился в том, что здесь намерена прорываться на Могилев вся 2-я армия. Когда начало светать, русские возобновили атаки, сделав их более демонстрационными, чтобы свирепый французский маршал привлек сюда и свои резервы.

Основные же силы армии, воспользовавшись прикрытием 7-го пехотного корпуса, тем временем переправились через Днепр у Нового Быхова и устремились к Смоленску. Следом, поставив перед глазами французов густую казачью завесу, отошел и арьергард Раевского.

План Багратиона блистательно осуществится. Даву, имевший строжайшее предписание Наполеона удержать от прорыва войска Багратиона, как упрямый бык, уперся лбом в Салтановку. И простоял здесь в ожидании несколько дней.

Когда Даву поймет свою промашку, будет поздно: Багратион форсированными маршами по вновь установившейся изнурительной жаре почти беспрепятственно дойдет до Смоленска, где, наконец, после стольких понесенных трудов и лишений успешно соединятся обе русские армии.

В русском народе, бесспорно, было недовольство. И чем далее шли мы, тем оно сказывалось сильнее.

Настроение умов местных мужиков было очень и очень сомнительным. Войска наши сами заботились о том, чтобы вырвать у крестьян слабые зачатки веры в наши освободительные намерения.

Слухи, что французы истребляют все, что попадется под руку, способствовали тому, что все помещики выезжали из своих деревень, крестьяне уходили с семействами и скотом в леса.

— Между теми, кто ищет смерти, мало тех, кто находит ее в то самое время, когда оная была бы им на пользу.

Выждав, пока красноречие Бонапарта иссякнет, повар и денщик подали Наполеону обед на маленьком столике. Он принялся жевать курицу.

---

[1] Он сразу же написал в штаб Первой армии Барклаю: «Еле выбрался из ада. Дурни меня выпустили».

— Пошлите-ка кого-нибудь к генералу Сокольницкому. Пусть объяснит, что это за речные партизаны появились.

Проглотив очередной кусок, император сообщил:

— Жарко, как в Египте. К слову, там партизаны появились с первых дней французского присутствия. Они угоняли и прятали скот, убивали курьеров и фуражиров, нападали на нас из-за угла. Я вынужден был ответить казнями, взятием заложников, обысками и контрибуциями. Каждый день я приказывал отрубить 5—6 голов на улицах Каира. До того времени мы должны были щадить их, чтобы уничтожить страх, который нам предшествовал. В настоящее время, здесь, в России, напротив, нужно взять тон, который необходим, чтобы этот народ повиновался. А повиноваться для них — значит бояться. Что вы думаете об этом, Коленкур?

— Думаю, легче покорить легион демонов, чем русских.

— Правду говорят: ответом на нелепость может быть только какая-нибудь глупость.

— Увы, совершаемые другими глупости отнюдь не помогают нам стать умнее. Если, конечно, я правильно понял посланца от Даву, — дипломатично ответил бывший посол в России.

Крестьяне все чаще стали поголовно уходить в леса со своим добром. И жечь то, чего нельзя было спрятать. Вонь, гарь и огромные клубы дыма над превращенными в пустыни селениями отмечали путь нашей армии.

Жители, выгоняемые из домов пожарами, бросались куда попало. Иногда они искали спасения у наших солдат, которые их дочиста грабили... Все женщины хватались и подвергались последним оскорблениям. В больших городах даже разрывали могилы в поисках спрятанных сокровищ...

Скоро стали расходиться в народе слухи, что французы грабят и не щадят жителей — ни жен их, ни девиц, ни даже детей... От селян требуют фураж и харчи для французской армии, деньги и рекрутов — для создаваемого марионеточного литовского войска. Останавливаются среди полей, мнут и уничтожают жатву, а над жителями совершают неслыханные злодейства... Женщин, которые не успевают бежать, насилуют: по всему пути валяются не только зарезанные крестьяне, но и поруганные девушки, дети... Все добро крестьянское забирают, а воли объявлять и не думают... Обращают храмы в конюшни, святые иконы топчут, рубят на дрова. Церкви превращают в казармы, магазины, конюшни и бойни... Со святых икон сдирают серебряные оклады и потом выбрасывают их на улицу... Колют образа на дрова, а также употребляют их и святые престолы вместо столов и скамеек... Издеваются всячески над святыми сосудами и церковными облачениями: из первых пьют вино, а вторые надевают на себя...

Мы всюду нагоняли ужас. Многие русские, бежавшие в последнем порыве отчаяния, сжигали свои дома, усадьбы, хлеб и только что снятый с лугов сенокос.

Счастливый захват какого-либо магазина, прежде чем русским удавалось его уничтожить, являлся для нас событием едва ли не более важным, нежели успех, одержанный в сражении.

Вскоре мы стали встречать одни пылающие города. Теперь сами русские стали заставлять нас идти по пустыням без жилья, без пищи. Даже без воды: перед тем как жечь дома, жители засоряли колодцы нечистотами и падалью, жгли запасные магазины, гумна и стога сена — словом, не щадили ничего.

Все чаще и чаще приходилось пить скверную воду из загаженных колодцев. Понос, преследовавший нас с начала похода, стал усиливаться.

Первыми взбунтовались испанцы.

Обгоревший лес. Крапает дождь.

Солдаты, до этого продрогшие под холодным ливнем, пытаются разжечь костер. Мрачные ели, свинцовые тучи, сырость.

— Родриго, ответь: о чем больше думаешь — о давно съеденных сухарях или о солнце Севильи и небе Гренады? — поинтересовался кто-то у вылезавшего из кустов солдата.

— Я думаю, куда мы идем?! И зачем идем?! — зло бросил тот, вновь со стоном возвращаясь в кусты.

— Где обещанное русское изобилие?! Где русское сало?! — поддержал беседу третий солдат.

— Чертова пульта и лебеда! — зазвучало со всех сторон. — Нет тут земли для испанцев!

Недовольство выплеснулось своеобразно. 133 солдата испанского отряда Жозефа Бонапарта[1], сговорившись, решили вернуться домой. Взяли оружие, походные ранцы. Построились. Козырнули французским офицерам, оравшим: «Стойте, куда?!»

— В Испанию!

— Значит, вы дезертиры!

— Нет! Мы просто идем в Испанию! Домой!

— Стойте! Именем императора: стойте! — первый офицер взвел курок, сквозь зубы приказав второму: — Куанье, сообщите командующему! — Тот, вскочив на лошадь, галопом помчался назад.

Несколько солдат, повернувшись, дали прощальный залп. И двинулись на запад. В Испанию.

Их настигли через несколько часов. Кавалеристы заслонили дезертирам дорогу, перекрыв путь. Испанцев разоружили. Выстроили в ряд:

— Каждый второй шаг вперед!

Вышли 62 человека. Французы подняли ружья.

— Именем императора!.. Грянувшие залпы обагрили русскую землю испанской кровью.

Русские армии по-прежнему отступали, не вступая в решающее сражение. Вместо поэтапного расчленения России Наполеон был вынужден двигаться за ускользающими русскими вглубь страны, растягивая коммуникации и теряя превосходство в силах.

21 июля под городом Красным мы натолкнулись на 27-ю пехотную дивизию генерал-лейтенанта Неверовского. Целый день, построившись в каре и медленно двигаясь в сторону Смоленска, героически сражался этот небольшой отряд, прикрывая отход армии Барклая. Примерно семь тысяч необстрелянных новобранцев против многократно превосходящих сил.

Колонны атакующих, со страшным шумом, подобно нарастающему наводнению, накатывают на русское каре. Снова и снова...

Как только они появляются между ближайшими холмами, три стороны каре — передняя и боковые — сразу же делают полуоборот вправо и влево и открывают огонь. Атакующие гибнут в этой «расщелине» десятками. Их

---

[1] Брат Наполеона, которого он сделал испанским королем.

товарищи продолжают с воплями мчаться вперед, останавливаясь лишь чтобы произвести выстрел почти в упор.

Маршал Ней руководит боем, сидя верхом на маленькой лошадке, в окружении своего штаба. Под самым ожесточенным огнем он так же спокоен, как в Тюильри. Разве что каждый раз, как пули или ядро со свистом проносятся мимо его ушей, он восклицает: «Прочь, мерзавки!»

Подъехавший Сегюр прокричал маршалу: «Неверовский отступает как лев!» Тот промолчал. Подозвал офицера. Что-то приказал, показав на строй русских. Взяв белый флаг, тот подскакал к каре.

— Маршал Ней и Его Величество король Неаполитанский Мюрат предлагают вам самые почетные условия сдачи! Подумайте, господин генерал! У вас только необстрелянные новобранцы. Их атакуют сорок полков кавалерии и семь пехотных. Во главе с двумя королями. Сдавайтесь! Иначе мы сотрем вас в пыль, — прокричал он.

— Вы видите на мне русский мундир и осмеливаетесь предлагать сдачу?! — прокричал в ответ также по-французски командир ополченцев и, повернув лошадь, вернулся в строй, прекратив всякие переговоры.

— Что делать, Ваше высокопревосходительство? — спросил у него по-русски кто-то из строя. — Какие будут приказания?

— Ничего не делать. Стоять и умирать.

Барабаны внутри каре начинают отбивать дробь, предупреждая об очередном приближении неприятеля...

Со всех сторон тоннами взрывается дымный порох. Русское каре окутывает черный дым. Он душит, от него начинается рвота.

В дыму идут французы. Не линии, а колонны. Со штыками наперевес. Они идут на тонкую линию каре.

Барабаны колошматят как в аду. Вверху, над наступающими сверкают золотые орлы.

Французы идут медленно. Им нужно время, чтобы добраться до каре. Их не видно в дыму. Слышны лишь их барабаны.

Французы выходят из дыма. Русские дают залп. Первый ряд колонны падает. Следующий переступает через него. Под барабанный бой.

Русские стоят насмерть. И выпаливают залп за залпом. Враги все ближе и ближе... Кажется, что из оскаленных ртов уже долетает запах чеснока и лукового супа...

Атакующие словно бешеные. Пытаются смять, пробить или нарушить строй русских. Те, закопченные в пороховом дыму, упорно цепляются за каждую пядь земли. Даже получив смертельное ранение, продолжают хрипеть: «Примкнуть штыки! Коли супостата! Бей!..»

Французы замедляют шаг... Останавливаются... Бегут.

Наполеон в это время расположился на одном из холмов поодаль. Он, как в кресле, сидит на своем белом скакуне. Император хорошо виден на фоне бледного неба. Мамелюк в тюрбане крепко держит поводья императорского красавца-скакуна. Конь стоит не шевелясь. Глядя на бой через подзорную трубу, всадник видит, как едва живой русский барабанщик, подползши к раненому французу, бьет того барабанной палочкой.

Оторвавшись от окуляра, Наполеон обратился к стоявшему рядом маршалу Бертье:

— Я не вижу пленных. Почему?

— Русские не сдаются в плен, государь, — последовал почтительный ответ.

— Наши дела не продвигаются. Это цитадели, которые надо разрушать пушками!

— Наш огонь вырывает их рядами, а они стоят. Французы удивляются стойкости русских, которые даже ранеными подползают и хватают их за ноги, чтобы свалить на землю.

— Им хочется еще. Ну, дайте им еще.

Ядра, картечины, пули, ружья, копья, сабли, штыки — все стремилось к истреблению и сокрушению человека...

Едва в очередной раз разбившаяся о каре пехота маршала Нея стала откатываться назад, как справа и слева донесся новый шум и звуки труб. Это вновь приближается кавалерия Мюрата, стремящаяся использовать брешь в строе, пробитую артиллерийским огнем.

Стонет земля от топота лошадей. Лавина неприятеля все ближе... Впереди, наклонившись в стремительном движении, скачет, размахивая саблей, польский полковник.

Вой картечи и барабанную дробь (так похожую на жужжание мух во время грозы) заглушает вопль атакующей конницы:

— Виват Император!

Могучие всадники в сверкающих золотом и серебром латах и касках, на крепких конях, слились в живые стены из стали и меди... И вся эта звонко-железная толпа несется подобно девятому валу на каре. В считанные минуты весь его центр наводнен массой всадников, в которой потонули свернутые в каре батальоны русской пехоты.

Барабанный бой. Притихшие темно-зеленые ряды русского каре, подпустив пеструю нарядную конницу Мюрата на двадцать шагов, ударяют по ней первым залпом. Затем еще одним. И еще.

Слаженные залпы валят целые ряды. Уцелевшие от пуль гибнут под русскими штыками. Или поворачивают вспять. Не помогают и крики всегда находящегося в первых рядах Мюрата: «Храбрые, за мной!»

Все пространство вокруг покрывается павшими всадниками и лошадьми. Остальные, повернув назад, уходят в полном расстройстве.

Неверовский, поворачиваясь к своим новобранцам, хвалит:

— Молодцы, ребята! Видите, как легко исполняющей свою обязанность пехоте побеждать кавалерию! Благодарю и поздравляю!

— Ура! Рады стараться, Ваше высблгородь! — единодушно раздается в ответ.

— Помните, ребята, чему вас учили в Москве. Поступайте так, и никакая кавалерия вас не победит. Не торопитесь в пальбе. Стреляйте метко во фронт неприятеля. Третья шеренга — передавай ружья как следует. Никто не смей начинать без моей команды «Тревога!».

Целый день молодые русские солдаты отбивали атаки неприятеля. В тот день они отбили больше сорока пяти атак конницы Мюрата и все бесчисленные атаки пехоты Нея...

Пять шестых этого отряда погибло в бою. Оставшиеся в живых новобранцы прорвали вражеское кольцо. И присоединились к главным силам русской армии.

Задержка Великой армии под Красным позволила ускользнувшему из Витебска Барклаю привести в Смоленск всю его 1-ю западную армию. А 22 июля к Смоленску подошла и 2-я армия Багратиона. Замысел Наполеона разбить русские армии поодиночке рухнул.

Наполеон со свитой стоит у палатки на холме. С левой стороны поля доносятся веселые звуки полковой музыки.

— Ваше Величество, мои люди взяли пленного, — почтительно доложил маршал Ней.

Император изъявил желание взглянуть на русского. Им оказался казак, который, когда его подвели, отвесил поклон скорее Мюрату, чем Наполеону.

— Нельзя кланяться двум императорам одновременно — как ни крути, все равно окажешься к одному из них задом, — с улыбкой сказал по-русски Коленкур.

— Казакам нравится Неаполитанский король, который носит большой султан, — показав на Мюрата, заявил пленный, — потому что он храбр и всегда первым кидается в бой. Они дали себе слово не убивать его. Хотим захватить в плен.

— Однако... С таким умом, как у вас, на этой земле не задерживаются, — помрачнев, Коленкур кивнул переводчику и, отойдя от пленного, что-то сказал Мюрату.

— Ти кто? — спросил переводчик. — Ти должно отвечать начальство только когда спросят.

— Чудеса! — пробормотал казак, обращаясь непонятно к кому. — Ферфлюхтер, а говоришь с пафосом и русские слова как-то особенно старательно отчеканиваешь... — После чего громко и четко заявил: — Человек я. Хочь и маленький.

Наполеон, молча наблюдавший этот обмен репликами, жестом велел казаку подойти.

Это был брюнет пяти футов ростом, с живыми глазами, открытым и неглупым лицом, серьезный на вид. Ему можно было дать от 30 до 36 лет. Казалось, он был очень огорчен тем, что попал в плен. Глянув на солдатское лицо, император поинтересовался:

— Русский? Казак?

— Так точно! Казак-с, Ваше благородие.

— Какого полка, молодец?

— Иловайского пятого, Ваше сиятельство, урядник Ситников-четвертый, — тряхнув чубом, бодро ответил тот.

— Во как — четвертый!.. Это сколько ж вас, Ситниковых, тогда?

— В сотне восьмеро зараз. Отец, стало быть, дядьев трое да нас, братьев, четверо, — широко улыбнулся урядник. — Все как есть на службе Отечеству.

— За что награжден, герой? — Наполеон показал на висевшую на груди пленного медаль.

— За альпийский поход. В деле с Массеной взял французское знамя.

— Как же ты такой боевой и вдруг в плен попал? — хмыкнув, с издевкой поинтересовался Бонапарт.

— Бывает, Ваше сиятельстство. И сокол в силок влетает.

Наполеон усмехнулся: Tres intelligent bavard! (Очень умный болтун.)

— Надеюсь, сдался без принуждения? — перевел следующий вопрос Бонапарта переводчик.

— Так точно, если вы имеете в виду мою кобылу, то она сдалась добровольно... — Пленный, по всей видимости, решил, что терять ему уже нечего, а бесшабашно наглое поведение перед высоким начальством дает хоть какой-то шанс.

Улыбнувшись, Наполеон приказал Коленкуру дать казаку лошадь из императорской конюшни. Подождав, пока переводчик объяснит казаку, что император дарит ему коня, Бонапарт задал следующий вопрос:

— Ну, а много ли войск у вашего царя?

— В нашей сотне сто душ.

— Да не в сотне, а в армии?

— Да рази ж снежинки в метель считают?

— О чем он говорит? — поинтересовался Мюрат у Коленкура.

— Говорит, попадись вы казакам, и пьяные русские бояре заморозят вас в Сибири до состояния прозрачной сосульки! — отшутился тот.

— Император хочет знать, далеко ли отсюда до Смоленска и Москвы? — перевел пленному очередной вопрос переводчик.

— Как мерить. Гостю дорога близкая...

— А какой лучше идти?

— Этот вопрос меня затрудняет. Римляне в подобных случаях говорили: все дороги ведут в Рим. Русские считают, что дорогу на Москву выбирают по желанию: например, царь шведов пошел через Полтаву.

Наполеон недовольно поморщился, лицо посуровело.

— Их король Карл XII был безумный; они переменили его и взяли другого — моего маршала Бернадота, который тотчас сошел с ума. Только сумасшедший, правя шведами, может заключать союз с Россией. Да и сами шведы под стать своим правителям. Выбрать королем Бернадота, у которого на груди навеки осталась якобинская татуировка «Смерть королям и тиранам!». И это при том, что мои осведомители постарались сообщить об этом всем придворным сплетникам — от Вены до Петербурга!

Махнув безнадежно рукой, император продолжил расспрашивать казака, все ответы которого и по форме, и по содержанию были очень умны для простого солдата. Переводчик исправно переводил:

— Если бы русские солдаты Александра, а в особенности его немчура-генералы, походили на казаков, то вы, сир, с французами не оказались бы в России. Если бы Ваше Величество в своей армии имел казаков, то он давно уже был бы китайским императором... Французы дерутся хорошо, но неосторожны. Они любят грабить; чтобы рыскать по домам, они удаляются от своей армии, а казаки пользуются этим, чтобы каждый день захватывать в плен много французов, и отнимают у них добычу. Не будь казаков, французы были бы уже в Москве, в Петербурге и даже в Казани. Именно казаки все время задерживают их... Французским солдатам генерал наговорит всякую высокопарную нелепицу, и чем они ее меньше понимают, тем больше храбрятся и как бешеные бросаются в бой. Немцам так долго и дельно надо толковать, чтобы хорошенько двинуть их в дело, а русских стоит только рассмешить, и они готовы и в огонь, и в воду.

Наполеон заулыбался наивным, как ему показалось, словам пленного (в переводе которых он услышал что-то сугубо свое) и с пафосом заявил свите:

— В новых войнах побеждает не дисциплина и аристократический гонор славных армий Пруссии и Австрии, а личное мужество французских солдат, каждый из которых с начала революции носит в ранце маршальский жезл! Противостоять им могут люди, для которых личные качества выше сословных норм. Даву, угостите-ка этого оратора. Пусть ваши офицеры послушают, что русские думают об их боевых качествах. Считайте его гостем императора.

Наевшись до отвала и опрокинув несколько чарок, казак принялся подшучивать над переводчиком и соседями по столу, вызвав недовольство французов. Маршал Даву, гневно ударив кулаком по столу, громко закричал:

— Фи, мсье казак, что вы там несете?!

Едва услышав перевод маршальского возгласа, казак немедленно ударил по столу еще сильнее, так, что тот затрясся и зазвенели приборы. И еще громче заорал в ответ:

— Фи, господин маршал, я беседую с этими господами!

— Никогда не тягайтесь со свиньей — оба измажетесь, но свинье это еще и понравится, — перевел зачем-то русскому реплику Коленкура, адресованную Даву, переводчик.

— Теперь я хотя бы знаю, с кем имею дело, — моментально среагировал русский.

Даву нагнулся к сидевшему рядом адъютанту:

— Возьмете пару человек и лично проводите этого болтуна. До первого подходящего оврага. Достаточно объемного. Чтобы вместить и труп лошади, — маршал на секунду замолк, прихлопнув на залысине назойливого комара, — сделаете все аккуратно. Тихо и с надлежащим пиететом. Это же гость самого императора.

Последняя фраза была произнесена с явной издевкой.

5 августа

Утром на горизонте перед нами открылся Смоленск.

С утренней зари наши силы придвигались к городу со всех сторон, как грозные темные тучи, не имеющие конца и в отдалении сливающиеся с горизонтом. Мы все были уверены, что неприятель покинул город. Но ошиблись.

Цепь застрельщиков русских расположена была впереди крепостной стены, саженях в двухстах. Нигде не слышно было ни одного выстрела, хотя густые колонны Великой армии все более и более сгущались и делали полукруг, примыкая крыльями к Днепру: правое протянулось уже к Шейному Острогу, а левое заходило за деревню Ясенную и касалось форштадта на берегу Днепра.

Между интервалами колонн лучи солнца играли на бесчисленном множестве орудий разного калибра. Странное и удивительное явление — современный бой: две противные армии медленно подходят к полю сражения, открыто и симметрично располагаются друг против друга, имея в 140 шагах впереди свои артиллерии, и все эти грозные приготовления исполняются со спокойствием, порядком и точностью учебных упражнений мирного времени; от одной армии до другой доносятся громкие голоса начальников; видно, как поворачивают против вас дула орудий, которые вслед за тем понесут вам смерть и разрушение; и вот, по данному сигналу, за зловещим молчанием внезапно следует невероятный грохот — начинается сражение.

В два часа пополудни неприятель открыл огонь из всех орудий.

Граната, изрыгающая пламя через свои три отверстия, падает пред моей ротой. Я бросаюсь на нее, схватываю ее руками и бросаю в колодец, который находится недалеко от меня позади. Я обжигаю себе немного руки и перед моей одежды. Мои начальники и весь батальон кричат: «Браво! Vivat Савен!» Если бы эта граната разорвалась, она взорвала бы два зарядных ящика налево от батальона.

В три часа наши орудия установлены по всей линии и выпускают адский огонь. В четыре часа начинается жаркая пальба по предместьям.

В течение нескольких часов обе армии остаются неподвижны, одна только артиллерия говорит и действует; число орудий и меткость стрельбы — вот что дает первый успех. Тот, кто подобьет более орудий, произведя в линиях противника более опустошений, внесет в ряды его более ужаса, тот и вынудит своего противника к отступлению.

Наши колонны двинулись на приступ. Градом посыпались ядра и пули. Город запылал. В это время, кроме грома из орудий, треска лопавшихся гра-

нат, восклицаний нападавших и защищавшихся воинов и воплей спасавшихся жителей, ничего нельзя было слышать. В непроницаемой пыли и дыму исчезло и самое солнце. Город не один горел, но вся окрестность пылала.

Слева Ней атаковал цитадель, справа, с верховья Днепра, наступал Понятовский. Даву в центре атаковал Рославльские предместья. Такая атака с разных сторон представляла массу опасностей, так как атакующие подвергались огню ста орудий, расположенных по берегу Днепра. Однако Понятовскому под защитой батареи удалось добраться до бреши, пробитой в стене города, а Ней почти завладел цитаделью.

В центре Даву после ужасной битвы выбил из предместий Дохтурова. Захват этого участка, покрытого мертвыми, — вот единственный плод победы. Лучезарное солнце заливало светом это поле бойни. Но несмотря на все усилия храбрецов, ничего нельзя было сделать; около самого города, который неприятель мужественно защищал, Наполеон велел собрать всю запасную артиллерию, чтобы пробить брешь в стене, но напрасная попытка — ядра застревали в этих огромных каменных стенах, не производя им никакого ущерба. Единственная возможность пробить брешь была бы, если сконцентрировать огонь на одну из круглых башен, но мы не имели никакого понятия о толщине их стен.

Не переставший дуть сильный ветер поднял огромный столб пыли и дыма, доходивший чуть не до облаков, в котором чуть не задохнулись люди и лошади. Эта густая туча все росла благодаря ожесточенной схватке.

Сражение продолжалось до ночи. Все поле было завалено грудами изуродованных тел, подбитыми лафетами, издыхающими лошадьми. Смерть везде запечатлела свои следы: самая трава почернела от застывшей на ней крови.

Русские не уступали ни на шаг. Французы, а более поляки (недаром Наполеон говорил, что будет воевать с Россией польской кровью), в бешеном исступлении лезли на стены, ломились в ворота, бросались на валы.

— Люди как снопы: чем больше колотишь, тем больше с них сыплется... Вперед, французы! Нам сам черт не брат... — вдохновляли офицеры солдат.

Равнина внизу была покрыта ранеными, направлявшимися к перевязочным пунктам, и лошадьми без всадников, скачущими в беспорядке.

Вот осколок гранаты разбил бочонок с дегтем, которым русские смазывают оси орудий и повозок. Немедленно багровое пламя полилось по земле, извиваясь, как рассерженная змея. Поднялось вверх, сливаясь с облаками и отбрасывая на землю темные пятна.

Изломав штыки, оборонялись прикладами, почерневшими от порохового дыма. Русские медленно отступают по улицам к переправе. Сражаются с неизъяснимою храбростью, внушаемою отчаянием и страхом попасть в плен.

Так как наши гранаты произвели пожары в городе, дома которого были по большей части деревянные, и так как неприятель потерпел большой урон и не хотел дать нам сражение вне города, то Барклай решил отступить ночью, предоставив Корфу прикрывать его отступление. Он действительно отступил, но, уходя, поджег дома, не сгоревшие еще от наших гранат.

После двухдневной обороны Смоленска войсками Раевского, Неверовского и Дохтурова русская армия, оставив город, отступила по старой Смоленской дороге. Санитары подбирали наиболее пострадавших и переносили их на руках к повозкам.

Когда русские войска оставили город, сразу же начались грабежи. В домах обывателей наступавшие проявляли страшные неистовства: хозяевам

прибивали ноги к полу гвоздями, вымучивая у них признание, где сокрыты деньги и драгоценности, — их отыскивали в стенах домов, под кровлями, в колодезях и прочих местах.

Аристократам тоже досталось: из окон с треском вылетали на мостовые рояли и нежные арфы. Полковые музыканты лихо волокли диваны к бивуакам. Солдаты рубили на дрова фруктовые деревья. Разломанные паркеты также служили хорошей растопкой для солдатских кухонь.

Водка ручьем лилась из дверей разграбленных лавок. Группы жандармов и солдат дружно катили небольшие бочонки к ручным тележкам.

На улицах почти не видно было граждан, кроме бедных и евреев. Лавки и погреба были пусты, двери везде отперты, поломаны, стекла побиты. Оконницы расколоты, иные висели на одном крюку вскось по окну.

В церквах, костелах, монастырях лежали раненые и больные, и там же для них хранились запасы продовольствия.

В доме, где остановился Савен, решетки, отделявшие сад от подворья, поломаны и разбросаны; сад обращен в конюшню и пастбище, везде навоз и смрад. Солдаты ставили на фортепьяно горшки, кастрюли, крошили табак. По стенам между картинами развешивали сырое мясо, с утра до вечера топили печи, трубы не закрывались, двери и окна не затворялись. Для растопки ломали заборы, палисадники, в горницах рубили мебель. Всякую нечистоту выливали за окна.

Крик и плач жителей раздавался по улицам, стоны раненых наводили тоску!

Повсюду были видны опустошенные церкви, обгорелые и разоренные дома, убитые люди и лошади, навозные кучи.

Какой-то тип, вырядившийся в украденную медвежью шубу, из-под которой проглядывала желтая портупея, тащил в руках окорок, пару серебряных подсвечников и кувшин с чем-то вроде фруктового компота. Мельком глянув на хлыща-офицера, явно ординарца либо порученца, входившего в губернаторский дворец, тип, в котором с трудом угадывался Буржье, аккуратно прошел среди останков людей, обломков и рытвин, которые встречались на каждом шагу из-за провалов погребов и колодцев, направился в сторону двери, за которой скрылся ординарец.

Офицер явно не церемонился. Представившись на ходу: «Посыльный от Императора к князю Понятовскому!», распахнул дверь в кабинет новоявленного градоначальника. Войдя, посланец Наполеона услышал, как жители города жаловались Понятовскому, что их грабят и раздевают на улицах. Из числа грабителей поселяне особенно жаловались на «беспальцев» (так они называли вестфальцев) и «поварцев» (баварцев).

— Француз как сыт да пьян, так никого не трогает, — говорили они, — только болтает без умолку, а эти ко всем пристают: давай клеба, пейнозы, шайками ходят даже по лесам, отыскивая скотину.

— Грабили москалей и будем грабить... Зато у вас будет французская конституция! А теперь пошли вон, дураки! — отрезал князь и тут же совсем другим тоном обратился к вошедшему посыльному. — Что у вас, мсье? Чего желает Император?

— Император хочет вас видеть.

Представ перед Наполеоном, Понятовский почтительно поклонился.

— Мсье Понятовский, как там дела у кавалерии? — поинтересовался Бонапарт, кивком поприветствовав вошедшего.

— Многие лошади не подкованы, сир, — с места в галоп взял тот. — Оборудование находится в самом дурном состоянии. Кузницы вместе с обозами остались позади. Нет гвоздей. Нет рабочих. Нет подходящего по качеству железа, чтобы сделать из него подкову. Но самая большая проблема — недостаток фуража...

— Вы извиняетесь недостатком фуража, князь, — Наполеон даже слегка опешил от такого напора. — А я вам скажу, что в Египте я не раз делал походы и без фуража.

— Не знаю, Ваше Величество, чем вы кормили там лошадей, — смело возразил Понятовский. — Знаю только, что мои лошади без сена обойтись не могут. Особенно, когда нет подножного корма, который еще иногда в состоянии спасти кавалерию.

— Ну что ж, тогда немедленно займитесь его поисками! В вашем распоряжении Смоленск и окрестности!

Раздраженно одернув дерзкого поляка и подождав, пока тот уйдет, Наполеон обратился к Бертье:

— Люблю поляков на боевых полях... Но что касается их свободного голоса... Их совещательных собраний... Их сеймов... Ничего подобного я не хочу! Восстановление полуреспубликанской Польши было бы совсем нескончаемым затруднением. Я хорошо обдумал это: в Польше я хочу иметь боевой стан, а не форум. Я не намерен плодить лишних якобинцев и разводить новые очаги республиканства. Я желаю видеть в поляках дисциплинированную силу, которой и стану меблировать поля своих сражений. Я хочу Польшу в виде лагеря для битв!

— Даву предостерегал, Ваше Величество, еще в октябре 1807 года, что князь Понятовский — сомнительный человек, который ведет себя, как женщина, ненавидящая французов и Францию.

— Однако в словах этого заносчивого поляка есть рациональное зерно. Генерал Бельяр доносил, как ослабело большинство наших полков. Численность некоторых сократилась чуть ли не вдвое. Неужели все так ужасно? Вы понимаете, с каким неприятелем нам предстоит сражаться? Разве вы не видели поля последней битвы? Не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?

— Ваше Величество, у нас есть роты, которые от самой Италии не потеряли до сих пор ни одного человека.

— Как?! Они так же сильны, как были уходя из Милана? Невероятно!

— Да, Ваше Величество. Но и потери за счет оставленных в гарнизонах, погибших и отставших велики...

— Мне доложили, что русские и здесь, повсюду, где успели, сожгли свои склады, рассыпали зерно. В общем, уничтожили все, чего не могли захватить...

— Да, они верны своей системе войны. К тому же болезни, недоедание, форсированные марши, мародерство, вызывающее жестокие расправы со стороны раздраженных крестьян, все более разрежают наши ряды. Много дезертиров. Из-за стремительности наших выступлений отставшие солдаты не знают, где найти свой отряд.

— Ясно, ясно... — нетерпеливо перебил Наполеон. — Цифры... Мне нужны конкретные цифры!

— Кавалерия Мюрата с 22 000 уменьшилась до 14 000 человек. Корпус Нея — с 36 000 до 22 000. Баварцы Евгения, пораженные эпидемической болезнью, — с 27 000 до 13 000. Итальянская дивизия Пино, изнуренная переходом в 600 миль, сделанных по Европе за 3—4 месяца, с 11 000 сократилась до 5 000 человек. Даже молодая императорская гвардия в одной из своих дивизий

потеряла 4 000 человек из 7 000. Не только кавалерия, но и артиллерия уменьшается в угрожающей прогрессии. Только старая гвардия стойко выносит все. В целом в пути от Немана до Двины армия уменьшилась примерно на 150 000 человек, большей частью солдат из иностранных контингентов. Но эти данные весьма условны. Я специально привожу завышенные.

— Поясните.

— Самые большие цифры потерь приходятся на отставших. Они бродят «на удачу» по здешним обширным равнинам и громадным лесам, прорезанным столькими дорогами. Иногда, охваченные усталостью, побежденные ею или сном, становятся жертвою озлобленных крестьян. Или добычей казаков, кружащихся около наших флангов. Но зачастую все же возвращаются в строй, догнав своих. А в списках уже не значатся...

Наполеон, озабоченный, сел в кресло и, сквозь зубы, едва цедя слова, поинтересовался:

— Не слишком ли мы далеко забрались, Бертье?

— Почему вы спрашиваете об этом меня, сир?

— Потому, Бертье, что вы умнее других...

— Ваши маршалы, сир, советуют остановиться в Смоленске в ожидании подкреплений из Польши. Мы уже за Европою, говорят они, — решил прикрыться общественным мнением дипломатичный Бертье. — А то, дескать, получается, как у скифов, о которых рассказывал Нарбон. Или как сто лет назад, когда русские войска отступали, заманивали шведов, оставляя после себя выжженную землю...

Император заерзал в кресле и раздраженно крикнул:

— Нарбон дурак! С того времени, как я стал во главе государства, я советовался только с самим собой, и это меня вполне устраивало; совершать ошибки я начал только тогда, когда стал прислушиваться к тому, что говорят советники. К тому же Нарбон ведь не рассказывал, что Александр Македонский двинулся на Восток вместе с тысячами варваров: скифскими конниками, персидскими пехотинцами, балканскими иллирийцами, фракийцами, подозрительными греческими наемниками?! И как в Великой армии, они говорили на разных языках. Чем русские казаки хуже скифских конников? Пусть они станут авангардом моей Великой армии в ее походе на Восток. Покойный русский царь был со мной в этом полностью согласен! Проклятые англичане!.. А что мешает сравнить агрианских копьеносцев с польскими уланами, болгарских разбойников с испанскими батальонами, критских лучников в шлемах с козлиными рогами с полком из Восточной Пруссии?.. Будь я на месте Александра, я бы давно водрузил свой престол посреди Азии. Что же касается Польши, то в ней, поодиночке, много хороших людей. А масса их, право, не заслуживает внимания. Поляки — мелочь. Польша — труп, смердящий на пороге России, и мы пробуем гальванизировать его ради наших великих целей... Так что, Бертье, не наводите на меня скуку!

— Сир, умоляю вас...

— Расскажите тогда что-нибудь веселое.

— С удовольствием, сир. Давеча Даву раскрыл свою душу перед Мюратом, заявив: «Если ты стал великим герцогом у немцев, а Луи Бонапарта сделали королем в Голландии, почему бы мне — а я не хуже тебя! — не стать королем поляков?» На что тот ответил: «Попробуй, но ты не выберешься из грязи...»

Наполеон заулыбался:

— Ну, а еще что-нибудь.

— Поляк-улан спрашивает гусара-француза, что ему делать, чтобы и на него девушки обратили внимание. Француз советует взять крупную картофе-

лину и засунуть ее в рейтузы. На другой день поляк так и сделал. Но девушки начали его сторониться еще больше. Обиженный поляк пошел к французу с претензиями. На что тот ответил, что картофелину нужно было засунуть спереди, а не сзади.

Наполеон засмеялся, кивком показывая, чтобы Бертье продолжал в том же духе.

— Поляк-моряк перед смертью завещал своим сыновьям похоронить его в открытом море. Оба сына утонули, копая отцу могилу...

Весь неимоверно длинный и тягостный путь от пылающих пригородов Смоленска до Царева Займища запомнился несусветной жарой, густою и плотной, неподвижно висящей до самого неба над проходящими войсками, горьким дымом горящих обочь дороги деревень и душной, въедливой пылью.

Эта беспрестанная горячая пыль была прямо пыткой. Спасаясь от нее, и пехоте, и кавалерии приходилось заматывать лица до самых глаз платками и тряпицами. Чтобы уберечь глаза, многие солдаты устраивали себе из стекол что-то вроде очков. Другие шли с киверами под мышкой, обернув голову платком и оставив самое маленькое отверстие, чтобы можно было дышать.

На прекрасной Смоленской дороге и близ нее виднелись остатки сожженных или брошенных и начисто разграбленных домов. Брошенные шалаши русских и французов. Следы тех и других, какие часто остаются при быстрых передвижениях, — клочки одежды, сломанные колеса и телеги, сбруя, трупы, дохлый вьючный и убойный скот.

Мотаясь по окрестным селеньям в поисках беглого шпиона, мы ежедневно встречали все больше отставших от Великой армии в самых странных сочетаниях и образах.

Нам попалась кирасирская дивизия, построенная четырехугольником. Посредине четверо солдат рыли землю.

— Что делают эти люди?

— Военный суд за насилия приговорил их к смертной казни. Их расстреляют, но перед смертью они должны вырыть себе могилу.

Все окрестности большой дороги были заняты разными прислужниками, мародерами (русские звали их миродерами), женщинами-авантюристками, находившимися при обозах, и должностными чинами. Там были устроены своего рода ярмарки: фуражиры продавали награбленную добычу, разноплеменные народы ссорились из-за нее, сыпались ругательства на всех языках...

Навстречу нам попадалось множество раненых. У одних были забинтованы головы, у иных рука на перевязи. Другие ковыляли, опираясь на плечо товарища.

Мимо тянулись остатки артиллерийских команд с разбитыми пушками, оторванные от своих частей, и заблудившиеся солдаты и офицеры различных наций.

Со всех сторон слышался говор на французском, немецком, испанском, португальском, польском, хорватском, венгерском и других языках.

Нередко попадались небольшие телеги, запряженные одной или парой тощих лошадей (их звали «коньяками»). На телеге обычно находились кое-какие припасы и три-четыре гордых своим положением гвардейца или гренадера.

Телегу обычно окружали уныло бредущие солдаты, изнуренные жарой и тяжестью своего вооружения и багажа, либо спешенные кавалеристы со своей поклажей, неприспособленной к носке.

Иногда попадались огромные кирасиры на мелких польских крестьянских лошадках. Иногда такой всадник окружен был несколькими своими товарищами без лошадей.

Местами группки по двое-четверо егерей гнали перед собой усталую скотину.

То в смешном, то в жалком виде такие отряды грабителей, мародеров, легкораненых и отставших в поисках провизии тянулись за Великой армией к одной цели — Москве.

Из разграбленных деревень солдаты приносили рожь и муку. Но никогда им не удавалось раздобыть хлеб. За неимением хлеба муку клали в суп. Большая часть солдат пользовались этой пищей во время всего похода...

Обычно мы с самого утра отправляли небольшой авангард во главе с Буржье с телегами для муки...

От Рудни дорога шла на восток. Вскоре французы увидели в отдалении поместье, сразу привлекшее их внимание. Прекрасное высокое каменное строение — его главное здание в три этажа — ласково манило к себе. Поместье расположено было в роще, на склоне отлого поднимавшейся горы; за ним тянулись прекрасные темные еловые леса, а вокруг виднелись почти созревшие хлеба и сочные луга.

Хозяин встретил Буржье и солдат в просторной комнате, имевшей два входа, между которыми стояла большая печка. С ним было несколько слуг, которые с мрачным недоумением уставились на непрошеных гостей.

Одутловатое рыхлое лицо помещика пошло красными пятнами и выразило нечто напоминающее восторг.

— Помещик Ивановский. Рад приветствовать представителей великой нации, давшей миру Вольтера и Руссо! — почти прокричал он на хорошем французском. — Смотрите, хамы, на истинных европейцев. Истые орлы! У каждого в мундире маршальский жезл! Не чета вам, лапотникам! — эти слова, сказанные по-русски с французским акцентом, были адресованы слугам.

— Истинно так, истинно так. Охвицер-то похож на хранцузика, что молодого барина Ляксандра Владимировича грамоте учили, — угодливо ответил кто-то из дворни.

— Та не... Больше на Шпица — приказчика бывшего, — поддержал тему другой.

— Мне и моим людям необходимы съестные припасы! — заявил Буржье, после того как хозяин по его требованию перевел сказанное (про себя подумав, что русские еще долго будут поручать детей своих французам, а крестьян — полякам, немцам и прочим пришельцам).

— Но, господин офицер, — опешил от такой резкости хозяин, — вы же понимаете... Идет война... Солдаты уже отобрали у нас почти все. Я несу огромные убытки... Но будучи по натуре своей либералом...

— A la guerre, comme a la guerre![1] Если я ничего не получу добром, то буду вынужден произвести осмотр дома. Только это сможет убедить меня, что здесь нет спрятанных припасов! Если они найдутся, то сие обстоятельство едва ли послужит вам на пользу, мсье, — с угрозой заявил не удовлетворенный ответом гость.

Угроза подействовала. После соответствующего распоряжения помещика один из слуг скоро возвратился со связкой ключей. При помощи их перед

[1] На войне как на войне (*фр.*).

французами стали отворяться все двери дома.

— Господин поручик, мы нашли в сараях двенадцать мешков зерна! — радостно прокричал ворвавшийся с улицы сержант.

— Этого слишком мало. Нам надо заполнить двадцать подвод. Вы должны сообщить мне: есть ли поблизости какая-либо другая усадьба, где бы я мог получить значительную добычу? Разумеется, не подвергаясь опасности со стороны неприятеля.

Тон офицера был по-прежнему сух и угрожающ.

Вопрос остался без ответа.

Где-то ухнула пушка. Затем еще раз.

— Я последний раз повторяю свой вопрос: где я могу взять провиант, не подвергаясь опасности со стороны неприятеля? Если вы намерены относиться с таким безразличием к моим заявлениям, в вашем доме не останется ни одного нетронутого угла! Сержант!..

— Нет, нет, простите меня, господин офицер, — зачастил помещик, — здесь недалеко, в полутора часах ходьбы от моей усадьбы, живет мой друг. У него вы сможете получить все что ищете. По дороге к нему вы никого не встретите. Линия аванпостов ваших неприятелей в настоящий момент расположена гораздо дальше — еще на полчаса ходьбы. Кто проводит господ французов к имению Введенских? — последний вопрос, заданный уже совсем другим тоном, был адресован слугам.

Ни один человек из дворни не захотел взяться за это дело. Когда их колебания офицеру надоели, он приказал схватить одного из них. Тот сделал попытку убежать. Но гренадеры были так хорошо расставлены, что побег не удался. Барин сам должен был принести веревку, чтобы связать проводника.

— Сержант, вы и двое гренадеров подождете нас здесь. Этот барин до моего возвращения будет вашим пленником. По нашему расчету, мы должны возвратиться к шести часам вечера. К ужину. Если этого не произойдет, приведете этого человека связанным в наш лагерь и там расстреляете. Если, разумеется, мы не вернемся. Ваши люди помогут нам упаковывать и укладывать вещи, — эти слова были вновь адресованы хозяину имения. Одновременно, подойдя к окну, Буржье указал ему на свою неоседланную лошадь. Почти немедленно на нее перекинули новое английское седло и роскошную уздечку, извлеченные из конюшни русского.

Введенское оказалось большим поместьем — прелестным местом с прекрасно отделанным внутри и снаружи домом. Имение было довольно велико и совершенно европейской конструкции. Справа у входа помещались две прекраснейшие лестницы. Они поднимались в бельэтаж, где имелся большой зал с овальным столом посередине. В глубине висела большая картина, изображающая русского императора Александра на коне. Позади дома — обширный двор, окруженный зданиями, предназначенными для прислуги. В строениях не было ни души.

Увидев рояль, Буржье устремился, забыв все на свете, к инструменту.

Играл он великолепно, так, что забывались даже черные сухие пальцы с длинными грязными ногтями, резко выделявшиеся на белых клавишах.

Солдаты с недоумением переглянулись.

— Актер... — понимающе протянул кто-то.

Под аккомпанемент увлекшегося музицированием командира солдаты занялись делом. В несколько минут все было разбито и разнесено так, что даже не успели ничем воспользоваться... Роскошная мебель, драгоценный

хрусталь, вазы из тонкого фарфора — все оказалось разбито и разбросано на полу. Здесь же очутились изорванные и изгаженные книги в дорогих переплетах.

Всласть наигравшись, Буржье прихватил с пола попавшийся на глаза чудом уцелевший лорнет и кое-какую мелочишку, механически сунул все это в карман и приказал загрузить телеги мукой из амбаров и двинуться обратно.

Ужинали вернувшиеся гости и хозяин под открытым небом. Буржье посоветовал помещику немедленно скрыть в надежном месте все ценные вещи.

— В скором времени сюда придут наши солдаты, которые потребуют и кое-чего другого кроме съестных припасов. Вы же понимаете... Кстати, насколько я мог убедиться, вы культурный человек. И даже в этой стране не чужды идеям просвещения. Позвольте сделать вам небольшой подарок на память о нашей милой Франции.

В руках говорившего появилась небольшая серебряная ложка.

Умильно улыбавшийся во время трапезы Ивановский не хотел сначала взять презент, краем глаза заметив на нем вензель с двуглавым орлом. Гость похлопал его по плечу, сказал: «Brav Mann» (честный человек) и сунул ложку в карман сюртука русского.

Отужинав и нагрузив одноконные телеги съестными припасами, офицер и солдаты стали готовиться к уходу.

Помещик лично провожал гостей, что-то горячо доказывая Буржье. Тот слушал вполуха. Даже не пытаясь сделать вид, что ему интересно. Вдруг появился один из крестьян со словами: «Хранцы идуть!»

На дороге показались пятеро всадников. Стрелковый офицер и четверо солдат. Они гнали перед собою с десяток коров, овец и жалобно блеявших баранов.

Новоприбывший был удивлен, увидев славную добычу на возах. Но особенно понравилась ему оседланная лошадка Буржье.

Один из стрелков положил на нее руку со словами: «Она — наша со всем добром, которое вы тут набрали». Державший лошадь гренадер пригрозил стрелку, что немедленно его пристрелит.

— Господин офицер, все, что вы видите, — мое. Я не понимаю, как вы можете притязать на это, — с этими словами Буржье положил руку на рукоять сабли. Его люди защелкали курками.

Видя, что они существенно уступают в количестве, новоприбывший ограничился угрозами и предпочел, скрипнув зубами, продолжить путь. Буржье едва смог удержать своих гренадеров: они захотели подстрелить офицера. Последний и четверо его подчиненных, вероятно, весьма опасались этого, так как ускакали во весь опор.

Коровы и овцы достались победителям.

Обоз двинулся. Когда поместье скрылось за поворотом, Буржье и его люди увидели приближение сильного отряда французской пехоты, направлявшегося к усадьбе.

Не прошло и четверти часа, как вдруг позади показался страшный столб дыма. Вскоре из него появились и стали высоко вздыматься огненные языки пламени. Сухо треснуло несколько выстрелов.

Из поведения сопровождавшего обоз крестьянина, бегом бросившегося назад, Буржье заключил, что горит усадьба гостеприимного помещика-либерала. Он грустно вздохнул и пощупал новую уздечку.

Русские по-прежнему отступали, уничтожая все запасы.

Попадавшиеся по пути деревни и хутора находили в огне. Не могли найти ни одного ягненка, ни любого другого животного, годного в пищу. Разве только время от времени удавалось отловить тощую курицу, спасшуюся от всеобщей эмиграции.

Сожжение магазинов, порча мельниц, угон скота и лошадей значительно сократили те средства, которые могла дать нам эта страна, и так располагавшая ими далеко не в достаточной степени для удовлетворения многочисленной армии Наполеона.

Ставка Наполеона

Наполеон, одетый в простой пепельно-серый сюртук и простую треугольную шляпу, внимательно слушал доклад Бертье.

— В августе, только на Псковщине, армию покинули более 5 тысяч солдат. Еще около 60 тысяч дезертиров отсиживаются в лесах. Их больше, чем убитых и раненых. Причем они несут двойное зло — ослабляют войска и подрывают тыл грабежами населения.

— Унция отваги стоит тонны дерьма. Ничто так численно не умножает батальоны, как успех. Если бы я разбил коалицию, Россия осталась бы столь же чуждой Европе, как, к примеру, Тибетское царство. Благодаря этому я обезопасил бы мир от казаков. Но ничего. Скоро мы это сделаем.

— Ваше Величество! У нас все острее встает проблема провианта! Армия может питаться лишь тем, что добывают мародеры, организованные в целые отряды. Фуражиры, выезжающие за сеном, уже перестали выдавать крестьянам ассигнации, которые привезли с собой. Они показывают им золотые монетки, но крестьяне сжигают все и разбегаются в разные стороны. Их расстреливают, когда ловят. А если их оказывается больше, чем фуражиров, они яростно бьются, убивают на месте. Никакими золотыми монетками их не прельстишь. Они сжигают свои жилища. Казаки и крестьяне ежедневно убивают много наших людей, которые отваживаются отправиться на поиски пищи.

— Для моих солдат слава и честь — лучшая еда и напитки, дающие им смелость, чтобы сражаться и побеждать!

— Да, но... Из той полумиллионной армии, что весело переправлялась через Неман, почти 80 тысяч убито и ранено, 60 тысяч находятся в бегах. Более 10 тысяч болеют. Часть обороняет правый фланг от армии Тормасова. 20-тысячный корпус генерала Домбровского осаждает Бобруйскую крепость. 60 тысяч стоят под Полоцком против корпуса Витгенштейна. Многие охраняют дороги и несут тыловую гарнизонную службу. В целом мы оставили в Белоруссии более 100 тысяч солдат. Кроме того, чем больше мы продвигаемся вперед, тем более массовым становится бегство населения. Не остаются даже старики и инвалиды. Дело доходит до того, что даже авангард не может раздобыть себе проводника, который был бы в состоянии назвать местность и дать хоть какие-нибудь сведения о соответствующем районе. Возникает настоящая путаница и затруднения всякого рода... В двух лье перед Гжатском наш авангард сумел захватить в плен только негра.

Подождав, пока офицеры введут чернокожего, Бертье добавил:

— Уверяет, что он повар атамана Платова и знает весь окрестный район.

— Да, да, масса. Я батушке Матвею Ивановичу всегда прислуживал за столом. Да... — стоявший несколько поодаль негр быстро-быстро кивал головой.

— Где он был захвачен?

— При выходе из деревни... Занимался мародерством. Так что местность, скорее всего, знает.

— Прелюбопытный типаж, вы не находите, Мюрат? Похоже, не понимает, что его допрашивает сам Император. Может, определим его в ваш полк?[1] — Наполеон с интересом смотрел снизу вверх на негра, лицо которого ежесекундно искривлялось самыми забавными гримасами и ужимками.

— С кем именно я сейчас говорю, масса? Перед кем нахожусь?

— Это сам император Наполеон, балда! Взгляни сюда, imbecile (дурак), — Мюрат протянул негру золотой наполеондор.

— Ооо... — Застонав в глубоком восторге, тот поклонился, потом несколько раз простерся ниц и принялся прыгать, танцевать, петь и выделывать самые невообразимые гримасы.

— В мой полк? — переспросил Мюрат.

— Нет. Пожалуй, лучше отдадим этого сына Африки Нею. Его людям нужен проводник. Они выполняют очень важное задание.

Вестовой от Нея, догнавший отряд Савена, был краток.

— Господин поручик, вам и вашим людям приказано усилить свой отряд. Фуражиров изображайте осторожнее. Маршал Ней теряет ежедневно более людей во время фуражирования, чем на поле сражения. Поэтому император приказал посылать фуражировать войска целыми командами. Давая им достаточное количество войск для прикрытия от казаков и поселян. Под начальством штаб-офицеров и даже генералов. Опознавательный знак — ложка, засунутая за передний край шляпы. Этот негр будет вашим проводником. Ваш штаб-офицер и его люди встретят вас у местечка Левшино. Вот новые инструкции, — с этими словами он передал Савену пакет.

Село Левшино Смоленской губернии

В начале безлюдной улицы показался странный человек в черных от грязи холщовых штанах с дырками. На его шляпе вместо кокарды красовалась большущая ложка. Сзади шли еще несколько столь же странных людей — и все с ложками в головных уборах. Некоторые тащили на штыках булки. Кое у кого у поясов болтались задавленные гуси и куры...

Часть пришельцев (без булок и гусей) направилась к первой же избе. Остальные двинулись дальше. Войдя в дом, французы, увидев находившуюся там старуху, попросили:

— Шер ами, кюшать...

Та сжалилась над плачевным видом голодных детей великой нации. Вынула из печи просторный чугун со щами. Поставила на стол со словами:

— Ешьте, горемыки.

Выхлебав вытащенными из шляп ложками полчугуна, французы расходились. Сыто отрыгнув, один из них заорал сержанту, показывая на щи:

— Ланжюмо, что это за мерзость?! Только русские свиньи могут есть такое! Vieille sorciere (старая ведьма) хочет нас отравить своей дрянью.

Развеселившиеся солдаты начали плевать в щи, продолжая обзывать старуху. Это вывело ее из терпения. Подхватив ухватом полупустой чугун,

---

[1] В русском походе под началом Мюрата был и полк, сформированный из негров и мамелюков.

женщина вывернула его на голову одного из оравших. Выбежала на улицу и, приперев ухватом двери, закричала:

— Люди добрые, что ж это деется? Тимофей, подмогни! — последние слова были обращены к соседу, огромному чернобородому мужику, судя по внешнему виду, обладавшему исполинской физической силой.

Бросив вязку поленьев и выхватив здоровенный дрын из забора, тот моментально оказался во дворе соседки.

На крики запертых однополчан туда уже бежали несколько наполеоновцев.

В развернувшейся борьбе великан пристукнул с десяток врагов. Выпущенные из дома, походя ткнув штыком старуху, попытались присоединиться к схватке. Замысел не удался.

Истекая кровью, израненный великан загнал их вместе с несколькими еще стоявшими на ногах новоприбывшими назад, в избу. Своим могучим телом припер дверь дома и держал ее, пока не подоспели односельчане с топорами и рогатинами.

Трупы наполеоновцев посбрасывали в колодец.

— И концы в воду!

Один из мужиков, с густой седой бородой, степенного вида, разорвав рубашку, стал перевязывать израненного односельчанина.

— Тимофей-то Архипов — герой. Верно люди Геркулесом кличут. Хоча и досталось ему, бедняге. Как мы теперь без старосты будем-то?

— А хай Василиса твоя старостихой будет. А, Иван? Ишь, кака баба боевая, — говорящий, под хохот мужиков, показал на дородную бабу в красном платке, лупившую поленом единственного пленного, показывая тому на распростертое тело заколотой штыком старухи. — И добро хозяйское сохранней будет.

— Чего это ты о добре барском печешься? — спросил кто-то. — Видать, хорошо тебе было жить за барыней?

— Не лучше, чем тебе. Насланные ею всякие немцы, для науки и экономии, разорили нас вконец. И по мордасам бивали... Так-то оно так. Да отец и дед покойного барина жаловали наших отцов и дедов. Так и нам грешно супостату отдать наследство деток егоных.

— Ты вот барыню помянул... Сказывают люди, лютое беспокойство овладело верхами дворянства. Мне солдат один говаривал, будто анпиратор наш Александр сам тайно просил Бонопартия в Россию войти и освободить крестьян. Потому, очевидно, что сам царь боится помещиков. Дворовые в Нижнем Новгороде сказывают, что господские крестьяне оброку платить не будут.

— А в Петербурхе поговаривають (и за это был даже отдан под суд некий Шебалкин), что Бонопартий — сын анпиратрицы Катерины. Идет, мол, он отнять у Ляксандра свою законную всероссийскую корону, после чего и освободит хрестьян.

— Погоди немного, и так будем все вольные: французы скоро возьмут Москву, а помещики будут на жаловании.

— Дай Бог, нам тогда лучше будет.

Тем временем отряд Савена остановился на привал возле богатого дома, почти дворца, с чудесным садом. Их встретили появившиеся с другой стороны солдаты команды сопровождения фуражиров и звуки выстрелов. Подъехавший штаб-офицер пояснил:

— Это наши дезертиры. Из тех мерзавцев, что запираются в покинутых господских домах. Если, конечно, находят достаточно припасов, чтобы жить в довольстве. Выбирают себе начальника и охраняют себя по-военному. Не

помышляя об армии, к которой принадлежат. Мы их спугнули. Расположимся здесь. Подождем ребят Ланжюмо.

Солдаты приступили к разведению костров и готовке пищи. Небольшая группа отправилась в дом.

Внутри помещение, по всей видимости, только недавно было отделано. Но уже разорено самым ужасным образом: везде валялись разбитая мебель, обломки дорогого фарфора и многоцветных гравюр, вырванных из рам...

Ободранные и изгаженные стены были разрисованы углем неприличными картинками. Под ними надписи на немецком. В комнатах стояла невыносимая вонь от валявшихся везде куч экскрементов.

— Видать, весь Рейнский союз здесь просрался, — подал голос кто-то из солдат. — Помнишь, Огюстен, того баварца, что мечтал обделать какой-нибудь дворец?

— Ага. В санкюлотах он точно не был. Вот мы, бывало, в девяносто третьем особнячок какого-сь дворянчика из бывших... — предался воспоминаниям другой.

— Да... За свободу надо бороться... — глубокомысленно протянул третий. — Немчуре не понять...

— Ага. Только со дня вступления в Вильну император не дал ни одного сантима звонкою монетою, — пожаловался первый солдат. — Жалованье раздается какими-то векселями и ассигнациями, из которых нельзя сделать никакого употребления.

— Зато ими можно подтирать задницу, — показав на бумажки в углу, ответил кто-то. — Или разжигать костер. Или рассчитываться за фураж с местными дикарями.

Раздавшиеся на улице выстрелы и крики прервали интересный диспут.

— Мужики перебили передовых фуражиров Ланжюмо, вступивших в деревню. Топорами и колами, — объяснил один из солдат вышедшим из дома товарищам причину суматохи. — Подошедший отряд наткнулся на их трупы в колодце. Разослали погоню. Семерых схватили. Остальные удрали. Солдаты взбешены. С двоих варваров содрали кожу прямо на месте.

— С живых?

— Подозревают, что эти мужики убили еще несколько французских солдат.

— А что будет с этими?

— Не хотел бы оказаться на их месте.

Двое из захваченных мужиков были расстреляны. Двое повешены за ноги.

Пятый, полумертвый окровавленный гигант, пока еще был жив и лежал весь в крови. Он был ранен в верхнюю правую сторону груди. Около подмышки. Тяжело и болезненно дышал и кашлял кровью. Рваная рана, размером с игральную карту, с переломом и раздроблением трех ребер, истекала кровью и, пенясь, дышала. Поверхность легкого была повреждена так, что воздух, входивший и выходивший с кровью, шипел, пенясь.

— С этим что делать?

— Пусть отправляется в ад.

— Он там будет среди друзей.

Облив маслом, раненого мужика сожгли заживо на костре, около которого чуть раньше ели и грелись солдаты.

— Вы считаете, такая жестокость оправдана? — брезгливо показывая на тела, спросил Савен у штаб-офицера.

— Вы уже забыли, как вандейцы сдирали кожу с революционных солдат и офицеров? Неужели вас ничему не научили годы беспощадного террора под знаменитым лозунгом: «Щадить людей — вредить народу!»?

— Но здесь... Эти дремучие мужики...

— Открою вам секрет, мсье поручик. Император лично приказал маршалу Бертье указать командующим корпусами: «Мы ежедневно теряем много людей от беспорядка, господствующего в обозе, принятом войском для отыскания пищи. Число людей, захватываемых неприятелем, простирается ежедневно до нескольких сотен». Казаки производят постоянные налеты на дорогу, то и дело пересекая ее в промежутках между дивизиями. И даже между полками! Легко представить себе, какая распространяется тревога и как это сказывается на моральном состоянии армии. Другое, крайне неприятное последствие этих налетов заключается в том, что становится очень трудно поддерживать связь даже между дивизиями одного и того же корпуса!.. Казаки и вооруженные крестьяне захватывают ежедневно многих отставших. Эти отряды гораздо сильнее и опаснее испанских гверильясов, хотя и хуже вооружены. Если вы были в Испании, то не хуже меня знаете, во что может вылиться либеральничанье с диким мужичьем, верящим в поповские сказки.

Руза

Населенный пункт встретил французов столбами дыма и пожарищами.

Со всех сторон, покрывая весь горизонт, вздымаются огромные разноцветные столбы огня, распространяя на далекое пространство яркое зарево. Эти огненные снопы, разбрасываемые во все стороны и увлекаемые сильным ветром, со зловещим свистом быстро поднимались вверх, сопровождаясь взрывами воспламенившегося пороха, селитры, смолы, масла или водки, запасы которых имелись почти во всех домах и лавках.

Гвардия грабит магазины и частные дома.

Множество солдат уже валяются пьяными и полумертвыми от выпитого посреди груд бутылок и осколков, которыми засорена вся улица.

Хмельные польские уланы с насаженными на пики головами весело орут: «Так бэнде с каждым шпегем!»[1]

Жители разбежались и разнесли ужас и уныние по окрестностям.

На окраине под громкие, надсадные крики жертв, толпа солдат веселилась, поджигая купеческий дом. Они не слушали ни воплей, ни слез «распинаемой» на земле хозяйки.

Вырываясь, чтобы тронуть победителей, та указывала на своих, стоявших рядом на коленях малолетних детей. Сложив ручки, обливаясь слезами, эти невинные создания умоляли, чтобы их оставили живыми. Их отец лежал рядом с проломленной головой и уже не стонал.

— Похоже, веселье только начинается, — пробормотал офицер, рукой приказав солдатам двигаться вперед.

Проехали рынок. Деревянные лавки открыты, товары, разбросанные в беспорядке, валяются на земле. Улица завалена книгами, мебелью и всякого рода одеждой.

В этом же квартале встретили старого еврея. Сидя на камне, тот рыдал и рвал на себе редкую бороду и пейсы, глядя на горевшую синагогу, раввином

[1] Так будет с каждым шпионом! (*польск.*)

которой он был. Так как он болтал немного по-немецки, солдаты поняли, что вместе со многими другими одноверцами он снес в здание все, что имел наиболее ценного...

Бедный еврей среди таких бедствий не утерпел, чтобы не спросить между причитаниями:

— Панове, нет ли у вас чего-нибудь для продажи или промена?

Буржье, набравший где-то слитков серебра, обещал ему променять их. После этого заплаканный раввин принужден был, несмотря на все отвращение, поесть предложенного солдатами окорока...

Городской арсенал был открыт. Всякого рода люди — в большинстве мужики — выносили оружие. Увидев солдат, они разбежались. На улице и площади вокруг осталось валяться оружие разного вида. По большей части нового.

Проехав еще немного, солдаты остановились у какого-то подвала. Оттуда вышло несколько пьяных гвардейцев. Они во все горло распевали «До чего же хорош этот луковый суп» — мотивчик из модной оперетты, превратившийся в походный марш.

Спешившись и осмотрев подвал, солдаты под умелым руководством Буржье забрали из него вина, сахару и много варенья. Все это нагрузили на еврея, состоявшего под их покровительством, и тронулись к центру городка.

На центральной площади толпилось около трех десятков ополченцев. В основном крестьян, вооруженных кольями, копьями и косами. Командовал ими местный помещик.

Молодой человек лет семнадцати, хромой, чувствовал себя настоящим полководцем. Ему определенно нравилось быть в центре внимания. Он явно храбрился и, чтобы скрыть это, потрясал кинжалом, что-то громко зачитывая при этом. Ветер доносил обрывки слов:

— ...Император Александр... В манифесте от 6 июля... Враг идет с лестью на устах, но с цепью в руке... Да встретит неприятель в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина!.. Соединитесь все. С крестом в сердце и с оружием в руках! Никакие силы человеческие вас не одолеют...

После этих слов по его призыву ополченцы двинулись на показавшихся французов. Но, будучи не в состоянии сопротивляться привычным к бою солдатам, после первых же выстрелов пустились в бегство, побросав вооружение. Только помещик выказал большое мужество. Он ждал солдат на площади. И, вооруженный кинжалом, грозил им всем, требовавшим, чтобы он сдался.

— Как могу я пережить бесчестие моей Родины? — кричал он в бешенстве. — У нас нет больше алтарей, наша империя обесчещена! Берите мою жизнь, она мне ненавистна...

Его хотели успокоить и отобрать у него клинок: «Мсье, мы не воюем с детьми. Успокойтесь и отдайте нам ваше оружие». Но, рассвирепев еще больше, юноша попытался ударить им солдат. Те прикололи его штыками.

15 августа перед Наполеоном продефилировали все войска. Все были воодушевлены по поводу дня его рождения.

Вместо традиционного длиннополого серого сюртука, о котором уже ходили толки, на Бонапарте красовался парадный мундир его старой гвардии — синий с красными отворотами и лентою Почетного легиона через плечо.

— Я иду на Москву и в одно или в два сражения все кончу. Император Александр будет на коленях просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Рос-

сию... Я поставлю Россию в то положение, в котором она находилась до царствования Петра Великого. Я вновь сделаю ее азиатской державой, лишив того значения, которое она имеет в Европе. Для разгрома русской армии будет достаточно двух месяцев, после чего я заставлю Александра I подписать мир в покоренной Москве.

— Русский царь придерживается иного мнения, — раздался голос графа Нарбона. — Принимая меня накануне войны как французского посланника, он в ответ на мои угрозы развернул карту России и сказал: «За нами — пространство и время». Показав на карте границы Российской империи у берегов Тихого океана, Александр добавил: «Если удача не будет на стороне русских, Наполеону придется идти до этих мест, чтобы найти мир».

— От ума до здравого смысла дальше, чем думают, — колко отреагировал Бонапарт.

— Да, но царь прямо заявил: «Я не боюсь неудач. Наша империя имеет двух могущественных защитников в ее обширности и климате. Шестнадцать миллионов людей исповедуют одну веру, говорят на одном языке, их бороды, которых не коснулась бритва, будут оплотом России. Граф Ростопчин и другие мои верноподданные убеждают меня, что даже будучи вынужден решиться на отступление перед победоносным врагом и в этом случае император России всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске».

— Будучи смелым, можно решиться на что угодно, но невозможно все довести до конца. К тому же, короли и обманутые мужья всегда последними догадываются о том, что над ними смеются.

Вечер того же дня.

Погода стояла хорошая и теплая; солдаты увеселялись на качелях, построенных у дороги.

Глядя на небо, освещавшееся фейерверками в честь Наполеона, и проходившие перед публикой парадным маршем гарнизонные части, Савен заметил Буржье:

— Польская шляхта эффектно отмечает день рождения императора Франции, — он показал на стоявший неподалеку нарядно украшенный костел, — нам туда.

— А мне кажется, что портреты императора, вывешенные на лучших городских зданиях, сопровождают слишком «пересоложенные» подписи, — заметил в ответ Фуржье.

В костеле служили благодарственный молебен.

— Службу отправляет приехавший с Понятовским ксендз Полонский. Тот самый, который по воле Наполеона перед собранными в иезуитском костеле гражданами произнес речь, приглашая их на верноподданство французскому императору. Присягнувший обязан на рукаве носить цветную кокарду: кто ее не имеет, тот не смеет показаться и на улице, иначе подвергнется оскорблениям, а нередко и побоям от солдат, — пояснил Савен.

С амвона неслось: «Вся твердь земная празднует: сегодня родился Тот, кто опустил гордых и освободил слабых... Всемогущий справедливый Бог проявляется в Наполеоне...»

Забредшие в костел офицеры вместо благоговения к храму Всевышнего развалились на скамейке в неблагопристойном виде. Оглядев присутствующих дам, с лорнетом в руках, посвистывая и зевая во все стороны, Буржье заявил:

— Жарко, как в Египте! Хоть здесь тень и прохлада. Кстати, Толстый Жан говорил мне, что в Полоцке один из костелов превратили в театр, а ксендза заставили в наскоро устроенном оркестре играть на контрабасе.

— Мы разрушаем не все костелы.

— Почему? Эти бредовые сказки... Для культурного человека...

— Поймете, когда познакомимся с местным ксендзом. Думаю, он закончит свои камлания через несколько минут.

— Послушайте, Савен, — после небольшой паузы произнес Буржье, — вы умный, образованный и следящий за жизнью человек. Ну зачем Наполеону нужны русские — эта, увы, дикая и полускифская орда?

— Однако же, дружище, в этой орде наше мировое светило усиленно искало чести быть родичем царей, — отшутился тот.

— Нет, погодите! — как бы прося у друга помощи в сомнениях, продолжал Буржье. — Дело ясное как день. Великий человек ходил к пирамидам и иероглифам Египта, к мрамору и рафаэлям Италии, это совершенно понятно... А здесь? Чего ему нужно?.. Так называемых пряников? Или местных балетчиц?

— Нет, шер ами, конечно нет. Можете быть вполне спокойны за местных танцовщиц. Не этим варварам жалкою рогатиной грозить архистратигу королей и вождю народов Европы. Он предлагал Александру разделить с ним мир пополам! И он, гений-творец, скажу открыто, имел на это право... «Мои народы, мои союзники, мои друзья! — вещал миру новый могучий Цезарь. — Россия увлечена роком. Потомки Чингисхана зовут нас на бой — тем лучше: разве мы уже не воины Аустерлица? Вперед! Покажем силу Франции, перейдем Неман, внесем оружие в пределы России; отбросим эту новую дикую орду в прежнее ее отечество, в Азию». Ну, а если серьезно, Наполеон никогда не помышлял о завоевании или уничтожении Российской империи. Мало того, ему нужна стабильная Россия, контролирующая Восточную Европу от Западного Буга до Урала. Развал такой империи не только не даст ничего Франции, но и заставит наши войска непрерывно участвовать в войнах на обломках России. Маршал Ней вчера сказал, что герцог Савари неоднократно доносил Наполеону, будто наши молодые офицеры обещают своим возлюбленным «вернуться в Париж лишь после похода в Китай и Индию». Такие разговоры для императора куда страшнее австрийских и русских пушек.

— Интересно, почему?

— Наполеон с юных лет грезил походами Александра Македонского на Востоке и неоднократно называл Европу крысиной норой. Походы же на Восток возможны лишь в союзе с Россией. В 1800 году русский император Павел I (отец нынешнего) и тогдашний первый консул Франции Бонапарт совместно готовились к походу в Индию. Кстати, с этой точки зрения можно рассматривать и нежелание Наполеона создавать Речь Посполитую «от можа до можа» и отменять крепостное право в России. Вы же не хуже меня знаете, что личная свобода крестьян — одно из основных положений Гражданского кодекса Наполеона, введенного им во Франции и в большинстве стран Европы. А ведь введи император свой кодекс сейчас здесь, в России, и нам не с кем станет воевать. Но он не мог принять вмешательство царя Александра из Гольштейн-Готторпской династии, без всякого основания называемой Романовыми, и клики «русских немцев» в дела Германии и других стран Европы. Наполеон надеялся нанести несколько поражений русским и отбить у Александра охоту лезть в Германию. Сегодня англичане и их прихлебатели пафосно обличают вероломство «корсиканского чудовища», «без всякой причины» напавшего на Россию. Но почему-то все забыли о наглых попытках вмешательства Александра I в германские дела на протяжении последних четырех лет.

— Чего же немцы с таким удовольствием пришли с нами в Россию?

— Многие, даже самые умные дипломаты, вроде Меттерниха, предполагают, что им удастся поживиться за счет России. А прусский король,

которого Наполеон принудил к союзу, уже наперед попросил Его Величество пожаловать ему Остзейский край — Эстляндию, Курляндию и Лифляндию. К слову, когда Наполеону доложили, что прусский король просит этой награды, император, вспомнив, как русские проливали свою кровь для спасения этого самого короля, Фридриха-Вильгельма III, расхохотался и сказал: «Однако какой подлец этот прусский король!»...

— А вот и он!

Савен с долей иронии поприветствовал кивком головы востроносенького, сухонького, как воробей, с аккуратно выбритой тонзурой ксендза, почтительно остановившегося перед развалившимися на скамье французами.

— Привет от мсье Биньона и пана Сокольницкого, падре! Слушаем вас, святой отец. Докладывайте только самое важное. У нас мало времени.

Ксендз понимающе кивнул:

— Барклай-де-Толли, дождавшись соединения русских армий, решил вести их к Москве. Доброжелатели Наполеона из кругов «французской партии» при русском дворе, поняв, чем грозит Наполеону этот верный замысел Барклая, начали против него клеветническую кампанию. Его начали обвинять в измене. Масонам французской ориентации необходимо во что бы то ни стало удалить Барклая.

Французы переглянулись.

— «Немец» Барклай, принадлежащий к давно обрусевшей семье, примыкает к «русской партии», возглавляемой Аракчеевым, — пояснил агент. — Барклая необходимо было оклеветать и во что бы то ни стало добиться его удаления с поста главнокомандующего. Поставить «своего». Этого удалось добиться. Требования об удалении военного министра, несмотря на хорошо известные чувства русского царя, с еще большей настойчивостью раздались после потери Смоленска. В то же самое время, по предложению генерала Ермолова, начальника штаба 1-й армии, несколько генералов обратились к императору с ходатайством об отозвании Барклая и назначении на его место Кутузова. Барклай смещен. На его место назначен Кутузов — масон высоких степеней, участник заговора против Павла I, который только что заключил мир с Турцией после довольно славной кампании.

— Немного подробнее об этом.

— В прошлом году Кутузов победил турок. В этом году, при содействии англичан и шведов, заключил мир, столь важный для безопасности Российской империи. Шведская война, к большому неудовольствию Наполеона, закончилась этой весной миром в Або, отдавшим России всю Финляндию с Аландскими островами и важной крепостью Свеаборг. Война с турками продолжилась. Но Кутузов оказался хорошим дипломатом. Визит Нарбона в русскую ставку накануне войны он представил как проявление самых добрых, самых мирных намерений Наполеона. Турки, решив, что Бонапарт отказался от похода на Россию, сначала заключили перемирие, а теперь и мир подписали.

— Наполеон исчерпал весь ругательный лексикон: «Поймите вы этих собак, этих болванов турок! — кричал он. — У них особое дарование быть битыми...» — поделился с другом Савен.

— Перемирие, заключенное Кутузовым, умело ведшим переговоры и добившимся заключения мира, по которому Россия получила Бессарабию, крайне необходимо москалям. Его ратифицировали в Вильне всего лишь за день до нашествия Наполеона. Теперь, когда мир окончательно заключен, Дунайская армия смогла загасить костры на бивуаках и тронулась от извилин Дуная вглубь центральной России. А сам Кутузов принял главное командование.

— Что еще известно о новом русском командующем?

— Происходит из благородного семейства. Женился на еще более знатной особе. В молодости пользовался репутацией блестящего офицера. Служил с отличием. Был неоднократно ранен. В одном из дел потерял глаз. Несмотря на сие, выражение его лица сохраняет приятность и ум. При Аустерлице командовал русским корпусом. Однако репутация его не пострадала, поелику перед началом битвы он не одобрил пагубный фланговый маневр, приведший к поражению. Провел некоторое время в Париже и имеет склонность к французам: при всем его недоверии к Наполеону, тем не менее, нельзя сказать, чтобы он относился к нему с враждебностью. С течением времени был принят в ложах Франкфурта, Берлина, Петербурга, Москвы и проник в тайны высоких степеней. При посвящении в 7-ю степень шведского масонства получил орденское имя «Зеленеющий Лавр» и девиз «Победами себя прославит». Любитель наслаждений, человек обходительный, с безупречными манерами. Хитрый, как грек, умный от природы, как азиат, но в то же время европейски образованный. Для достижения успеха более полагается на дипломатию, нежели на воинские доблести, к коим по причине возраста и здоровья уже не способен. Стал главнокомандующим отступающей армии, несмотря на то, что император Александр презирает его как бездарного полководца, интригана и одного из главных участников убийства своего отца. Вступая на должность, никакого плана ведения войны не получил. В этом отношении ему предоставляется большая самостоятельность. Когда он приехал к армии, ему исполнилось уже 74 года, и хотя он выглядит крепким стариком, дородность и неповоротливость принуждают его даже на поле сражения пользоваться небольшой четырехколесной повозкой, которую русские называют дрожками. Когда один из родственников спросил у Кутузова: «Неужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона?», тот ответил: «Разбить? Нет. А обмануть — надеюсь»[1].

— Что вы знаете о де Витте?

— Барклай-де-Толли приказал своему фельдъегерю доставить пана де Витта в Петербург прямо к Александру I на личную аудиенцию, которая длилась пять часов при закрытых дверях.

Выйдя из костела, Буржье с изумлением поинтересовался:

— Откуда он все это знает?

— Наш император не зря заключил конкордат с Ватиканом. Разведка Ватикана — старейшая в Европе. Огромная сеть священников и монахов. Люди порой сами говорят на исповеди такое, что не вытянешь никакими пытками...

Савен показал на коленопреклоненную старуху, целовавшую огромный деревянный крест у входа в храм, и продолжил:

— Поляки весьма набожны, ксендзов своих почитают. И большой вольнодумец, заведовавший у русского царя министерством иностранных дел, пан Адам Чарторыйский, и царский адъютант и фаворит пан Ожаровский, и толстенький, румяный флигель-адъютант граф Потоцкий, славящийся как «первейший обжора российской армии», и многие другие...

— А Толстый Жан говорил мне, что царский начальник штаба Беннигсен и группа штабных тунеядцев, к которой принадлежит Потоцкий, лишь орудия в ловких руках английского шпиона...

— Ну, одно другому не мешает.

---

[1] А. В. Суворов, перед штурмом Измаила, приказывая дежурному генералу обойти начальников колонн, одному растолковать, другому рассказать, маркизу де Рибасу намекнуть, охарактеризовал его так: «А генерал Кутузов и Рибаса обманет, так, стало, и говорить ему нет нужды». Граф Петр Алексеевич Пален намедни заявил в Риге: «Я был уверен, как скоро Кутузова сделали главнокомандующим, что брудер Михель если не побьет, то обманет Наполеона!»

От самого Вильно до Москвы пролегло дымящееся кладбище; это широкое, грозное зарево словно воззывало всю Россию к непримиримой вражде к нам. По дорогам валялись обнаженные трупы солдат и поселян. Картина опустошения расширяла свои рамы по мере нашего дальнейшего втягивания вглубь России.

Проезжаем горящий Можайск, где наши войска одержали 8-го новую победу[1]*. Слабый гул орудий. Слышны непрерывный жалобный стон и крики людей, и карканье воронья.*

В глаза бросается контраст черных развалин, от которых идет густой черный дым, с белизной недавно построенной колокольни. Из всех строений сохранилась лишь она одна. Часы на ней продолжают бить, хотя города уже не существует.

Пасмурное небо гармонирует с полем битвы. Идет мелкий дождь, дует резкий однообразный ветер, и тяжелые черные тучи тянутся на горизонте. Всюду угрюмое уныние.

Поодаль император объезжает поле сражения: генералы, офицеры, солдаты, движимые любопытством, также молча бродят везде, осматривая с изумлением каждый кусочек земли. Они смотрят друг на друга, как бы изумляясь, что еще живы.

Мы движемся среди дымящихся обломков, грозящих падением стен и наполовину уничтоженных деревьев.

Смрад поднимается от груд пепла и пропитывает мундиры и одежду.

Проезжая мимо участка, примыкавшего к городским садам, я усмотрел вдали что-то вроде пирамиды неопределенного цвета. Из любопытства я подъехал туда.

С ужасом увидел я, что эта куча обнаженных трупов, сложенная четырехугольником в несколько туазов в вышину. На мой взгляд, тут было до 800 тел. Они были собраны в одно место — для сожжения, так как заражали улицы. Тут были русские и французы. Я объехал страшный курган со всех сторон. Трупы пока еще не издавали никакого запаха и не испортились; только глаза у них вытекли. Каждый труп остался в том положении, в каком пришлось человеку испустить дух. Они лежали друг на дружке как попало.

Сослуживцы с трудом извлекают некоторых из них. Вокруг одежда и оружие — все покрыто грязью и кровью; штыки согнулись от ударов по лошадям.

Я смотрел на кучу этих несчастных жертв, чтоб убедиться, как ужасна иногда смерть. Многие были точно искрошены ударами сабли, другие обожжены взрывами пороховых ящиков. Я различил также две женские головы с длинными черными волосами. Сильны же были удары сабель, которые их сразили!

Переезжаем поле сражения. Сотни лошадей, тяжело раненых или со сломанными ногами, мирно пасутся на нем.

Кругом валяются во множестве осколки гранат, разбитые зеленые фургоны от снарядов, белье и разное тряпье, вытасканное из солдатских ранцев при обыске их мародерами и крестьянами.

Решительно ни на одном поле сражения я не видел до сих пор такого ужасного зрелища. Куда ни посмотришь, везде трупы людей и лошадей, умирающие, стонущие и плачущие раненые, лужи крови, кучи покинутого оружия; то здесь, то там сгоревшие или разрушенные дома.

Огромная площадь трех главных редутов взрыта ядрами; на ней виднеются тела, разбросанные члены, глубокие ямы, вырытые снарядами, с погребенными на дне их трупами. Ясно видны те места, где разорвавшимся снарядом разбиты лафеты пушек, а кругом убиты все — люди и лошади.

---

[1] Речь идет о Бородинском сражении.

В некоторых местах битва была такой ожесточенной, что трупы нагромождены там кучами. Солдаты роются не только в мешках, но и в карманах убитых товарищей, чтобы найти какую-нибудь пищу.

Опрокинутые палисады и обрушившиеся брустверы напоминают братские могилы. Пожухлая солома не скрывает страшных следов сражения. Драгуны то и дело спотыкаются, наступая то на каску, то на кирасу, то на разбитое кадло полкового барабана, и от этого в холодном воздухе стоит неприятный металлический лязг.

На каждом шагу попадаются оторванные руки и ноги. Валяются раздавленные проезжавшими артиллерийскими орудиями головы. Текли ручьи крови; поле все осыпано ядрами и картечью, точно градом после сильной бури.

Под ногами хрустят кости. Тысячи тел стали добычей ворон, которые с хриплым карканьем тяжело поднимаются в воздух по мере приближения колонны.

Тут же лежат канониры, изрубленные кирасирами около своих орудий; погибшая тут почти целиком дивизия Лихачева, кажется, и мертвая охраняет свой редут.

Целыми линиями русские полки лежали распростертые на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем отступить хоть на один шаг.

Кругом громадная масса раненых. С обожженными лицами, обгоревшими волосами и в обгоревшей одежде. Как русских, так и французов. Солдаты еще живые, с изувеченными ногами тащатся по этому полю резни, где их бросили. Они кормятся только тем, что находят в ранцах мертвых неприбранных солдат.

Среди других я вижу одного, который притащился к краю дороги. Его разбитая нога кое-как повязана тряпками. Он влез наполовину во внутренности лошади и, как собака, пожирает мясо.

Только шум наших шагов заставил несчастного отступить. Мы дали ему воды и немного провизии и поехали дальше.

Справа нас «провожает» убитый русский артиллерист с тремя орденами в петлице. Кажется, будто мертвец еще дышит — в одной руке он сжимает обломок сабли, другой крепко обнимает пушку, которой так хорошо послужил.

Никогда еще наша армия не испытывала таких потерь. А главное, никогда еще дух армии не был так сражен, как после этой битвы. Наполеон признал после: французы показали в ней себя достойными одержать победу, а русские заслужили право быть непобедимыми[1].

---

[1] А один из героев Бородино, начальник русского штаба генерал А. П. Ермолов метко сказал: «Французская армия разбилась о русскую». И это действительно так. Даже несмотря на то, что до поля дошли самые подготовленные, закаленные и опытные бойцы Великой армии, насчитывавшей перед Бородино 130—135 тыс., в то время как в русской с численностью кадровых войск в 115 тыс. было много рекрутов без хорошей военной подготовки и боевого опыта.

Поскольку атакующая сторона обычно несет более крупные потери, в боях 24—26 августа наполеоновская армия потеряла 58,5 тыс. солдат и офицеров, русские — около 40 тыс. «И когда Наполеону в ночь после битвы доложили, что 47 его генералов убиты или тяжело ранены, что несколько десятков тысяч солдат его армии лежат мертвые или раненые на поле битвы, когда он лично убедился, что ни одно из данных им до сих пор больших сражений не может сравниться по ожесточению и кровопролитию с Бородином, то (хотя это тоже не помешало ему провозгласить Бородино своей победой) он, одержавший на своем веку столько настоящих, бесспорных побед, не мог, конечно, не понимать, что если Лоди, или Риволи, или битву под пирамидами, или истребление турецкой армии под Абукиром, или Маренго, или Аустерлиц, или Иену, или Фридланд, или Ваграм можно назвать победами, то для Бородино нужно придумать какое-нибудь иное определение» (Тарле Е. В. Нашествие Наполеона в Россию).

Пропала всегдашняя веселость французского солдата. Мертвое молчание заменило песни и шутки, заставлявшие обыкновенно забывать усталость долгих переходов.

Даже мы, офицеры, были сбиты с толку. Уныние понятно, когда следует за поражением. Но оно было необыкновенно после победы, отворявшей нам ворота Москвы.

При дороге, по которой нам пришлось ехать, лежала небольшая деревушка. Солдаты бросились к колодцу, чтобы утолить жажду. Колодец был вычерпан и загажен разной дрянью.

Возле крайнего дома с выбитыми дверями уже хозяйничали несколько человек.

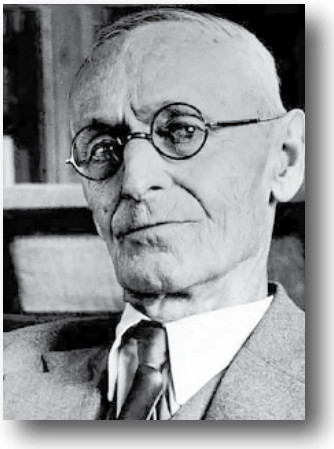
— Витам шановно панство (приветствую уважаемых господ). Взгляните, пан поручик, вчера здесь все было переполнено русскими ранеными. Потом все загорелось. Я покажу вам, — угодливо зазвучал голос какого-то подошедшего мародера. — Мы с товарищами немного отстали от своих, — неуверенно добавил он.

Угрюмые, небритые товарищи его в грязных мундирах искоса бросали на нас злобные взгляды. Похоже, мы помешали им.

Несколько домов было обращено в пепел. Вблизи них нам показали обгорелые, черные, обуглившиеся скелеты и разрозненные кости несчастных жертв вчерашнего дня. Сначала они истекали кровью под Бородино. Затем среди мучений доставлены были сюда. И, наконец, пожраны были пламенем, казалось, для того, чтобы испытать до конца муки горькой, пусть иногда и геройской, смерти.

Где-то заржала лошадь. И вновь стало тихо...

b



ГЕРМАН ГЕССЕ

*Притчи**

Поэт

Матильде Шварценбах посвящается

Рассказывают, что китайский поэт Хан Фук уже в своей юности был воодушевлен необычным стремлением изучать все и совершенствоваться во всем, что касалось поэтического искусства. Он был тогда, когда еще жил на своей родине у Желтой реки, по собственному желанию и при поддержке своих родителей, которые нежно его любили, обручен с девушкой из хорошей семьи, и свадьба должна была вскоре состояться в назначенный, сулящий ему счастье день. Хан Фук тогда уже почти достиг двадцатилетнего возраста и был красивым юношей, скромным и с приятными манерами, сведущим в науках и, несмотря на свою молодость, уже снискавший некоторыми своими отличными стихами известность среди литераторов своей страны. Не будучи все же богатым, он как раз ожидал приличного состояния, которое должно было быть еще приумножено приданым невесты. И так как эта невеста кроме всего прочего была еще весьма хороша собой и добродетельна, казалось, что юношу ожидало полное счастье. Тем не менее он был не вполне доволен, ибо сердце его было исполнено тщеславия стать совершенным поэтом.

И так случилось в один из вечеров, когда на реке начался праздник фонариков, что Хан Фук прогуливался в одиночестве на другом берегу реки. Он прислонился к стволу дерева, склоненного над рекой, и видел в зеркале воды тысячи плывущих и дрожащих огоньков, он видел на плотах и лодках мужчин и женщин и юных девушек, которые приветствовали друг друга и сияли в своих праздничных нарядах подобно ярким цветам, он слышал слабое бормотание освещенной воды, пение певиц, переборы цитр и сладкие тоны флейт, и надо всем этим — синеву ночи, нависшую, словно купол храма. У юноши забилось сердце, когда он, как одинокий зритель, следуя своему настроению, наблюдал всю эту красоту. Но как бы его ни тянуло сейчас оказаться на той стороне и наслаждаться праздником вместе со своей невестой и друзьями, он все же стремился с большим томлением к тому, чтобы все это воспринять как тонкий ценитель и отразить в совершенном стихотворении: синеву ночи и игру огней в воде, так же как радость гостей праздника и тоску тихого соглядатая, прислонившегося к стволу склоненного над рекой дерева. Он сознавал, что ему на всех праздниках и при всеобщем веселье этого мира никогда не могло быть безоглядно хорошо и весело, что он всегда будет оставаться в этой жизни одиночкой и в какой-то мере наблюдателем и чужаком и что его душа среди всех прочих создана таким образом, что он одновременно призван чувствовать и красоту земли, и тайные чаяния чужеземца. От

* Из сборника: Г. Гессе, собрание рассказов, т. 2, в переводе Вячеслава Куприянова. Книга будет напечатана в издательстве «Ариель» (Москва) в 2012 году.

этого ему стало грустно, и он задумался обо всем об этом, и все мысли привели его к тому, что он только тогда познает истинное счастье и полное удовлетворение, когда ему, наконец, удастся отразить этот мир в стихах столь совершенно, *что он в этих отражениях озвучит и увековечит весь этот мир.*

Хан Фук еще не сознавал, был ли он в забытьи или бодрствовал, когда услышал легкий шорох и увидел стоящего возле ствола дерева незнакомца, пожилого человека в фиолетовом одеянии и исполненного собственного достоинства. Он повернулся к нему и поприветствовал его, как положено приветствовать старших и достойных; незнакомец же улыбнулся и произнес стихи, в которых все то, что сейчас пережил молодой человек, было выражено столь совершенно и прекрасно и по всем правилам великой поэзии, что у юноши от изумления замерло сердце.

«О, кто ты? — воскликнул он, глубоко склонившись при этом. — Кто может видеть мою душу и произносить более прекрасные стихи, чем я когда-либо мог слышать от всех моих учителей?»

Незнакомец еще раз улыбнулся улыбкой совершенного и сказал: «Если ты хочешь стать поэтом, то иди за мной. Ты найдешь мою хижину у истока большой реки в горах северо-запада. Меня зовут Мастер совершенного слова».

С этим пожилой человек ступил в узкую тень дерева и тотчас в ней исчез, и Хан Фук, который напрасно пытался его отыскать и не нашел даже следов, остался в твердой уверенности, что все это было наваждением, вызванным его усталостью. Он поспешил к лодкам на той стороне и смешался с праздником, но среди разговоров и игры на флейте он все еще слышал таинственный голос незнакомца, который, казалось, унес с собой его душу, и он теперь сидел отчужденно с мечтательным взором среди веселящихся, которые раздражали его своей радостью.

Несколько дней спустя отец Хан Фука собрался созвать своих друзей и родственников, чтобы назначить день обручения. Но тут воспротивился жених: «Прости меня, отец, если я нарушаю послушание, которое подобает сыну. Но ты знаешь, как велико мое стремление выразить себя в искусстве поэзии, и хотя многие из моих друзей хвалят мои стихи, я все же хорошо понимаю, что я все еще начинающий и стою только на первой ступени пути. Поэтому я прошу тебя, разреши мне на какое-то время уйти в одиночество и предаться моему учению, ибо мне кажется, что если я теперь получу жену и дом в управление, это будет удерживать меня от иных вещей. Но пока я молод и у меня нет других обязанностей, я хотел бы еще некоторое время пожить один ради моего искусства поэзии, от которого я ожидаю радости и славы».

Эта речь привела отца в замешательство, и он сказал: «Это искусство кажется для тебя превыше всего, если ты ради него хочешь даже отложить свою свадьбу. Или что-то произошло между тобой и твоей невестой? Так скажи мне, чтобы я тебе мог помочь помириться с ней или найти тебе другую».

Но сын заверил, что он любит свою невесту не меньше, чем вчера или когда-либо, и что между ним и ею не было и тени ссоры. И тут же он рассказал отцу, что ему во время праздника фонариков было видение Мастера, учеником которого он хотел бы стать пуще всех желаний на свете.

«Хорошо, — сказал отец, — тогда я даю тебе один год. В это время ты можешь идти за своим видением, которое, быть может, послано тебе от бога».

«Может статься, и два года, — сказал Хан Фук, помедлив, — кто может это знать?»

И тут отец отпустил его и был опечален; а юноша написал своей невесте письмо, попрощался и отправился в путь.

Он очень долго шел, наконец достиг истока реки и нашел одиноко стоящую бамбуковую хижину. Перед хижиной на плетеной циновке сидел

«Всемирная литература» в «Нёмане»

пожилой человек, которого он видел тогда на берегу под деревом. Тот сидел и играл на лютне, и когда он увидел почтительно приближающегося гостя, не поднялся и не поприветствовал его, но только улыбнулся и продолжал нежными пальцами перебирать струны, и волшебная музыка плыла, как серебряное облако над долиной, так что юноша застыл и дивился, и в сладком изумлении забыл обо всем на свете, пока Мастер совершенного слова не отложил свою маленькую лютню и не вошел в хижину. Хан Фук последовал за ним с почтением и остался здесь его слугой и учеником.

Прошел месяц, и он научился презирать все песни, какие он сочинил до этого, и он выжег их из своей памяти. Через месяцы снова он выжег из памяти и те песни, которым он научился дома у своих учителей. Мастер с ним почти не говорил ни слова, он только молча учил его искусству игры на лютне, пока его существо не прониклось полностью музыкой.

Однажды Хан Фук сочинил маленькое стихотворение, в котором описал полет двух птиц в осеннем небе, и оно ему понравилось. Он не осмелился показать его Мастеру, но он спел его как-то вечером недалеко от хижины, и Мастер мог его услышать. Но тот не сказал ни слова, только играл тихо на своей лютне. Когда в воздухе стало свежо и нахлынули сумерки, поднялся сильный ветер, хотя стояла середина лета, и над помрачневшим небом пролетели две цапли в страстной жажде скитаний. И все это было настолько прекраснее и совершеннее стихотворения ученика, что тот опечалился и замолчал, почувствовав себя беспомощным. И старик поступал так всякий раз, и когда прошел год, Хан Фук уже изучил игру на лютне почти в совершенстве, но искусство поэзии казалось ему все более трудным и возвышенным.

Когда прошли два года, почувствовал юноша сильную тоску по дому и по родным, по родине и по своей невесте и попросил Мастера отпустить его.

Мастер улыбнулся и кивнул. «Ты свободен, — сказал он, — и можешь идти куда ты хочешь. Ты можешь вернуться, ты можешь остаться там, как тебе только заблагорассудится».

Ученик отправился в путь и шел без отдыха, пока однажды ранним утром не достиг родного берега и через выгнутый мост не увидел свое отечество. Он пробрался украдкой в отцовский сад и услышал сквозь окно спальни дыхание своего еще спящего отца, потом он стоял за деревьями сада своей невесты и увидел с кроны грушевого дерева, на которое забрался, как его невеста стоит в своей комнате и расчесывает волосы. И когда он сравнил все, что увидел своими собственными глазами, с той картиной, которую он рисовал себе в своей тоске по родине, стало ему ясно, что ему все же предназначено стать поэтом, и он понял, что в мечтах поэта живут красота и воодушевление, которых напрасно искать в вещах действительности. И он спустился с дерева и покинул сад, и перешел через мост, оставив родину, и вернулся в высокую горную долину. Там по-прежнему сидел старый Мастер перед своей хижиной на скромной циновке и перебирал пальцами струны лютни, и вместо приветствия произнес он два стихотворения о счастье искусства, от глубины и благозвучия которых глаза юноши наполнились слезами.

Снова Хан Фук остался у Мастера совершенного слова, который теперь, когда он уже овладел игрой на лютне, стал обучать его игре на цитре, и месяц за месяцем пролетали, как снег на западном ветру. Так еще случилось дважды, что его охватила тоска по дому. Один раз он тайком решил уйти среди ночи, но едва достиг последнего изгиба долины, как ночной ветер пробежал по струнам цитры, которая висела на дверях хижины, и эти звуки полетели за ним вслед и позвали его вернуться, и он не смог противостоять этому зову. В другой же раз ему приснилось, что он сажает молодое дерево в своем саду и его жена стоит рядом и его дети поливают дерево вином и молоком. Когда он проснулся, свет месяца проникал в его комнату, и он поднялся растерянно и

«Всемирная литература» в «Нёмане»

увидел рядом спящего Мастера, его седая борода слегка вздрагивала; тут его охватила страшная ненависть к Мастеру, который, как ему казалось, разрушил его жизнь и обманул все его будущее. Ему захотелось броситься на него и убить. Тут старик открыл глаза и стал сразу улыбаться нежной, печальной улыбкой, которая обезоружила ученика.

«Помни, Хан Фук, — сказал старик тихо, — ты свободен, ты можешь делать что тебе заблагорассудится. Ты можешь вернуться на родину и сажать деревья, ты можешь меня ненавидеть и убить, от этого мало что изменится».

«Ах, как я могу тебя ненавидеть, — воскликнул поэт в большом волнении. — Это то же самое, как если бы я решил возненавидеть само небо».

И он остался и учился играть на цитре и потом на флейте, и позже он начал по указаниям Мастера сочинять стихи, и медленно познавал это тайное искусство говорить как будто только простое и понятное, чтобы при этом веять в душе слушателя, подобно ветру на глади воды. Описывал приход солнца, как оно медлит на кромке гор, и беззвучное снование рыб, когда они, как тени, пролетают под водой, или колыхание юной ивы на весеннем ветру, и если кто бы это слышал, то это были бы не только солнце и игра рыб, и шелест ивы, но казалось бы, что и небо, и весь мир каждый раз в это мгновение вместе звучали в совершенной музыке, и каждый слушатель при этом думал с радостью или болью о том, что он любил или ненавидел, ребенок — об игре, юноша — о возлюбленной и старик — о смерти.

Хан Фук уже не знал, сколько лет провел у Мастера у истока большой реки; порой казалось ему, что он только вчера вечером ступил в эту долину и был встречен игрой старика на лютне, и часто казалось ему, что позади него осыпались и стали несущественными все эпохи и времена человечества.

И однажды утром он проснулся один в хижине, и как ни искал и ни звал, Мастер исчез. После ночи показалось, что вдруг наступила осень, жестокий ветер сотрясал старую хижину, и над горным хребтом пролетали большие стаи перелетных птиц, хотя время их еще не пришло.

Тогда взял Хан Фук с собой маленькую лютню и спустился на землю своей родины. И где его ни встречали люди, все обращались к нему с приветствием, какое подобает пожилым и почтенным, и когда он пришел в свой родной город, то там уже умерли и его отец, и его невеста, и его родственники, и другие люди жили в его доме. А вечером праздновали на реке праздник фонариков, и поэт Хан Фук стоял на другой стороне на темном берегу, прислонившись к стволу старого дерева, и когда он начал играть на своей маленькой лютне, тогда вздыхали женщины и смотрели зачарованно и растерянно в ночь, и молодые девушки звали играющего на лютне, которого нигде не могли найти, и громко кричали, что никто из них еще никогда нигде не слышал таких звуков музыки. А Хан Фук улыбался. Он смотрел на воду, где проплывали отражения тысяч светильников; и так же, как он не мог уже отличить отражения от самих светильников, не находил он в своей душе отличия этого праздника от того первого, когда стоял здесь юношей и услышал слова незнакомого Мастера.

1913

Мечта о флейте

«Вот, — сказал мне отец и передал мне маленькую костяную флейту, — возьми ее и не забывай своего старого отца, когда будешь своей игрой радовать людей в далеких странах. Сейчас самое время для тебя, чтобы повидать мир и чему-нибудь научиться. Я заказал для тебя эту флейту, потому что ты

«Всемирная литература» в «Нёмане»

не любишь делать никакую другую работу и только поешь. Но только думай еще о том, чтобы ты всегда исполнял красивые и достойные любви песни, иначе жаль будет того дара, которым тебя наделил Господь».

Мой дорогой отец мало разбирался в музыке, он был ученым; он думал, что мне остается только дуть в красивую флейту и все уже будет получаться. Я не хотел лишать его этой уверенности, потому я поблагодарил его, взял флейту и попрощался.

Наша долина была мне знакома вплоть до большой мельницы; за ней начинался мир, и он мне вполне нравился. Какая-то уставшая от полета пчела села мне на рукав, я понес ее дальше со мной, чтобы потом на моей первой остановке у меня уже был бы вестник, чтобы послать привет назад на родину.

Луга и леса сопровождали меня в пути, и река бодро текла рядом; я видел, что мир мало отличался от родины. Цветы и деревья, колосья пшеницы и кусты орешника заговаривали со мной, я подпевал их песням, и они понимали меня совсем как дома; к тому же проснулась моя пчела, она медленно заползла мне на плечо, взлетела и дважды облетела вокруг меня со своим глубоким сладким гуденьем и потом взяла направление точно назад в сторону родины.

И тут вышла из леса юная девушка, она несла корзину на руке, на ее белокурой головке была широкая, тенистая соломенная шляпа.

«Здравствуй, — сказал я ей, — куда же ты направляешься?»

«Я должна отнести жнецам обед, — ответила она и пошла рядом со мной. — А ты куда собрался сегодня?»

«Я иду в мир, меня отправил мой отец. Он считает, что я должен играть людям на флейте, но не совсем еще умею, я еще должен этому научиться».

«Так, так. Да, а что ты все-таки умеешь? Что-то же надо уметь».

«Ничего толком. Я могу петь песни».

«И какие песни?»

«Всякие песни, ты знаешь, утренние и вечерние, обо всех деревьях, о зверях и цветах. Вот сейчас, например, я могу спеть прекрасную песню о юной девушке, которая вышла из леса и несет обед жнецам».

«Ты можешь спеть такую песню? Тогда спой ее!»

«Да, но как тебя зовут?»

«Бригита».

И тут я спел песню о прекрасной Бригите в соломенной шляпе, о том, что лежало у нее в корзине, и как цветы смотрели ей вслед, и как синие ветры от садовой изгороди тянулись к ней, и обо всем, что этого касалось.

Она прислушивалась со вниманием и сказала, что это хорошо. И когда я ей сказал, что я голоден, она открыла свою корзину и дала мне кусок хлеба. И когда я откусил кусок и при этом бодро зашагал дальше, она сказала: «Нельзя есть на ходу. Сначала одно, потом другое».

И мы присели в траву, и я ел мой хлеб, а она обняла загорелыми руками свои колени и смотрела на меня.

«Ты можешь еще немного спеть для меня?» — спросила она, когда я поел.

«Я готов уже. О чем я должен спеть?»

«О девушке, у которой ее милый уехал далеко, и она теперь печальна».

«Нет, я так не могу. Я же не знаю, что это такое, и не надо быть в такой печали. И я должен всегда исполнять красивые и достойные любви песни, так сказал мне отец. Я спою тебе про кукушку или про мотылька».

«А про любовь ты совсем ничего не знаешь?» — спросила она тогда.

«Про любовь? О да, это же самое прекрасное».

И тут же я запел о луче солнца, который любит красные цветы мака, и как он с ними играет и наполняется радостью. И о подруге зяблика, как она его

дожидается, а когда он появляется, она вдруг пугается и улетает. И потом пел о девушке с карими глазами и о юноше, который пришел сюда и поет и за это получает хлеб в подарок; но теперь он больше не хочет хлеба, он ждет от нее поцелуя и хочет смотреть в ее карие глаза, и он так поет долго и не умолкает, пока она не начнет улыбаться и не закроет ему рот своими губами.

Тогда Бригита наклоняется и закрывает мне рот своими губами, и закрывает глаза и открывает их снова, и я гляжу в близкие золотисто-карие звезды, в которых отражаюсь я сам и еще пара белых луговых цветов.

«Мир так прекрасен, — говорю я, — мой отец был прав. Теперь я хочу помочь тебе нести, чтобы мы пришли к твоим людям».

Я взял ее корзину, и мы пошли дальше, звук ее шагов совпадал с моими шагами, и ее радость сливалась с моей, и лес шептал нежно и свежо с горного склона; никогда еще я не странствовал с таким удовольствием. Какое-то время я отважно пел, пока меня не заставила смолкнуть почти физическая переполненность души красотой. Она звучала отовсюду — с горы, из трав, из крон деревьев, от самой реки и кустов...

Я тогда не мог не подумать: если бы я сумел все эти тысячи песен мира услышать от трав, и цветов, и людей, и облаков, и всего что живет в лесах, от лиственного до хвойного, и от всех зверей, и к тому еще понять все песни далеких морей и гор, и всех звезд и лун, и если бы все это вместе могло зазвучать и запеть во мне, тогда стал бы я господом Богом, и каждая новая песня становилась бы новой звездой на небе.

И пока я так думал и от этого стал совсем тихим и изумленным, потому что мне раньше никогда ничего такого не приходило в голову, Бригита остановилась и остановила меня, так как я крепко держался за ручку ее корзины.

«Теперь я пойду туда, наверх, — сказала она, — там, наверху, наши люди в поле. А ты, куда ты теперь? Пойдешь со мной?»

«Нет, я не могу пойти с тобой. Я должен идти в мир. Большое спасибо за хлеб, Бригита, и за поцелуй; я буду тебя вспоминать».

Она взяла свою корзину с едой, и над корзиной ее глаза в вечерней тени еще раз устремились на меня, и ее губы коснулись моих, и ее поцелуй был так мил и добр, что я от блаженства едва мог сдержать мою печаль. Тогда я поспешно попрощался и быстро зашагал по дороге вниз.

Девушка медленно поднималась в гору, и под нависающей сенью буков на опушке леса она застыла и, оглянувшись, посмотрела в мою сторону, и когда я кивнул ей и помахал над головой своей шляпой, она склонилась еще раз и исчезла, словно видение, под сенью буков.

Я же спокойно шел дальше своей дорогой, погрузившись в думы, пока тропинка не свернула в сторону.

Там я увидел мельницу, и за мельницей стоял на воде корабль, на котором сидел одинокий человек, который, казалось, только меня и ждал, ибо как только я снял шляпу и ступил на его корабль, он тут же сдвинулся с места и поплыл вниз по реке. Я примостился в середине корабля, а человек сидел позади меня за штурвалом, и когда я его спросил, куда мы плывем, он обернулся и посмотрел на меня полуприкрытыми серыми глазами.

«Куда ты хочешь? — спросил он приглушенным голосом. — Вниз по реке и к морю или к большим городам? У тебя есть выбор. Это все принадлежит мне».

«Это все принадлежит тебе? Тогда, значит, ты король?»

«Может быть, — сказал он. — А ты поэт, как мне кажется? Тогда спой мне песню про плаванье!»

Я собрался с духом, я чувствовал страх перед чужим серьезным человеком, и наш корабль плыл так быстро и бесшумно вниз по реке. Я запел о реке, которая несет корабли и отражает солнце и у скалистых берегов журчит еще громче и радостно завершает свой путь.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Лицо мужчины оставалось неподвижным, и когда я закончил песню, он тихо кивнул, словно завороженный. И тут же он, к моему удивлению, начал петь сам, и тоже пел о плавании по реке через долины, и его песня была лучше и мощнее моей, и звучала она совсем по-другому.

Река, как он ее воспевал, стекала с гор бурным потоком, мрачная и дикая; в гневе чувствовала она себя стесненной мельницами и связанной мостами, она ненавидела каждый корабль, который ей приходилось нести, и в своих волнах и в зеленых водорослях она с улыбкой баюкала белые тела утопленников.

Все это мне совсем не нравилось и в то же время звучало так прекрасно и таинственно, что я сходил с ума и потрясенно молчал. Если все это так на самом деле, как пел своим приглушенным голосом этот старый, искусный и умный певец, тогда все мои песни остаются просто глупостью и детскими играми. Значит, мир в своей основе вовсе не добр и светел, как сердце Бога, но темен и мучителен, зол и мрачен, и если леса шумят, то вовсе не от удовольствия, а от муки.

Мы плыли дальше, и тени становились длиннее, и каждый раз, когда я начинал петь, моя песня звучала все менее светло, и мой голос становился все тише, и каждый раз откликался незнакомый певец своей песней, которая делала мир все таинственней и больнее, а меня все более скованным и печальным.

У меня заболела душа, и я сожалел, что не остался на берегу среди цветов или с прекрасной Бригитой, и чтобы утешиться в надвигающихся сумерках, я начал снова петь громким голосом и запел под красным светом заката песню о Бригите и ее поцелуях.

Тут упали сумерки, и я умолк, а человек за штурвалом запел, и тоже пел о любви и о любовной страсти, о карих и синих очах, о красных влажных губах, и это было прекрасно и захватывало, он страстно пел над темной рекой, но в его песне любовь тоже была темна и боязлива и становилась смертельной тайной, которую люди искали, блуждая в своей нужде и тоске и нанося себе раны, и в которой они мучили и убивали друг друга.

Я слушал и становился таким усталым и угнетенным, как будто я уже годы был в пути и сталкивался только с бедами и нуждой. Я чувствовал, как от незнакомца ко мне все время струится тихий, холодный поток печали и страха, западая мне в самое сердце.

«Так, значит, вовсе не жизнь самое высокое и прекрасное, — воскликнул я, наконец, в горести, — а именно смерть. Тогда я прошу тебя, печального короля, спой мне песню о смерти!»

И человек у руля запел песню о смерти, и он пел прекрасней, нежели я когда-либо мог слышать. Но и смерть не была самым прекрасным и высоким, и это не было у него утешением. Смерть была жизнью, и жизнь была смертью, и они были проглочены одна другой в вечной бешеной любовной схватке, и эта была последней и стала смыслом жизни, и оттуда исходило сияние, которое еще пыталось славить любое страдание, и оттуда исходила тень, которая затмевала любое желание и все красоты и всё окутывала мраком.

Я слушал, и все во мне утихло, во мне уже не осталось воли, кроме воли этого незнакомца. Его взгляд покоился на мне тихо и с какой-то печальной добротой, и его серые глаза были полны боли и красоты этого мира. Он улыбался мне, и я собрался с духом и попросил его в страхе: «Ах, я прошу тебя повернуть! Мне страшно здесь в ночи, и я хотел бы вернуться назад и пойти туда, где я бы мог найти Бригиту, или домой к моему отцу».

Мужчина поднялся и обратился к ночи, и его фонарь осветил ярко его худое и жесткое лицо. «Назад нет пути, — сказал он серьезно и приветливо, — надо всегда идти вперед, если хочешь познать мир. И от девушки с карими глазами ты уже получил самое лучшее и прекрасное, и чем дальше

«Всемирная литература» в «Нёмане»

ты от нее уйдешь, тем будет лучше и прекраснее. А теперь плыви дальше, куда ты хочешь, я уступаю тебе свое место у руля!»

Я был до смерти угнетен и все же понимал, что он прав. В полной тоске я думал о Бригите, и о моей родине, и обо всем, что еще было близким и ясным и моим, что я теперь уже потерял. Но теперь я был готов занять место незнакомца и взяться за руль корабля. Да будет так.

Тогда я молча поднялся и прошел по кораблю к месту за штурвалом, и незнакомец тоже молча пошел мне навстречу, когда мы поравнялись, он посмотрел прямо мне в глаза и передал мне свой фонарь.

Но когда я уже сел за руль и поставил рядом фонарь, я был уже один на корабле. Я осознал это в глубоком оцепенении, этот человек исчез, но я не был испуган, я предвидел это. Мне казалось, что это было прекрасное путешествие, и Бригита, и мой отец, и родина были всего лишь сновидением, и я уже стар и удручен, и плыву уже очень давно и долго по этой ночной реке.

Я понимал, что мне не следует звать этого человека, и осознание этой истины охватило меня как ледяная стужа.

И чтобы удостовериться в том, о чем я догадывался, я склонился через борт над водой и поднял фонарь, и с черной зеркальной глади воды смотрело на меня серьезное лицо с серыми глазами, старое всезнающее лицо, и это был я.

И поскольку не было пути назад, я плыл дальше по темной воде через ночь.

1913

Империя

Была одна большая, прекрасная, но не особенно богатая страна, в которой жил бравый народ, скромный, но крепкий, он был доволен своей судьбой. Богатства и хорошей жизни, элегантности и роскоши было не так уж много, и более богатые соседи смотрели порой не без насмешек или ехидного сочувствия на скромный народ в большой стране.

Однако иные вещи, которых нельзя купить за деньги и которые, тем не менее, ценились людьми, вполне процветали среди не столь знаменитого народа. Они процветали так хорошо, что бедная страна со временем, несмотря на свою невеликую мощь, стала знаменитой и уважаемой. В ней процветали такие вещи, как музыка, поэзия и мудрость мысли, и поскольку от какого-нибудь мудреца, проповедника или поэта не требуют, чтобы он был богат, элегантен и особенно общителен, но все равно его по-своему почитают, так же относились могущественные народы к этому странному бедному народу. Они пожимали плечами по поводу его бедности и несколько тяжкого и незавидного существования в этом мире, но они охотно говорили о его мыслителях, поэтах и музыкантах.

И со временем случилось так, что страна мыслителей, хотя и оставалась бедной и часто угнеталась своими соседями, но из нее на этих соседей и на весь мир изливался постоянный, тихий, плодотворный поток тепла и разумности.

Одно только еще мешало — это древнее и очевидное обстоятельство, из-за которого этот народ не просто высмеивался другими, но и сам страдал и терпел беды: многочисленные племена этой прекрасной страны с давних пор с трудом могли выносить друг друга. Постоянно происходили ссоры и из-за взаимной ревности. Каждый раз, как только то тут, то там возникала идея, которую высказывали лучшие умы народа, что надо прийти к согласию и сплотиться в едином, дружеском труде, сразу же ей противостояла другая мысль, что тогда какое-нибудь одно из этих племен или один

«Всемирная литература» в «Нёмане»

из их вождей возвысятся над другими и возьмут в свои руки власть во вред остальным. Таким образом, согласие так и не наступало.

Победа над одним из чужеземных князей и завоевателей, которые свирепо угнетали их страну, могла бы, казалось, привести, наконец, к такому согласию. Но все опять-таки скоро перессорились. Множество малых князей воспротивилось этому, и подданные этих князей получили от них так много милостей в виде должностей, званий и цветных лент, что все были полностью довольны и не желали никаких нововведений.

Тем временем во всем мире происходили те перемены, те странные преобразования людей и вещей, которые подобно призраку или некому заболеванию исходили из дыма первых паровых машин и повсеместно изменяли уклад жизни. Мир был поглощен работой и старанием, им правили машины и понуждали к новой и новой деятельности. Создавались огромные богатства, и та часть света, которая изобрела машины, все более, нежели раньше, распространяла свою власть нам миром, распределяла прочие части земли среди своих могучих соратников, и кто не был столь могуч, оставался ни с чем.

Прошла эта волна и по той стране, о которой мы повествуем, но ее участие здесь оставалось скромным, что подобало ее роли. Богатства мира были снова уже розданы, и бедной стране, казалось, снова не досталось ничего.

И вдруг все приняло совсем другое направление. Прежние голоса, которые призывали к единству племен, вовсе не заглохли. Появился великий и могучий государственный муж, удачная и во всем блестящая победа над соседним великим народом усилила и сплотила всю страну, ее племена теперь объединились и образовали великую империю. Бедная страна мечтателей, мыслителей и музыкантов пробудилась, она стала богатой, она стала великой, она стала единой и вступила на свое поприще как равноправная держава среди своих великих старших братьев. В окружающем широком мире уже нечего было себе добыть или ограбить, в далеких частях света, как обнаружила юная держава, все было уже поделено. Но дух машины, который до сих пор в этой стране слишком медленно шел к власти, расцвел теперь на удивление. Вся страна и ее народ изменились быстро до неузнаваемости. Она стала великой, она стала богатой, она стала могучей и стала внушать страх. Богатство накапливалось, и его стали охранять тройной защитой из солдат, пушек и укреплений. Скоро появились у соседей, которых обеспокоило новое государство, недоверие и страх, и они тоже начали строить заграждения и держать наготове свои пушки и боевые корабли.

Но это было еще не самое скверное. Имелось достаточно денег, чтобы оплачивать эти чудовищные защитные сооружения, и никто не помышлял о войне, вооружались просто на всякий случай, поскольку богатые люди с удовольствием видели железные стены вокруг своих денег.

Еще более скверным было то, что происходило в самой молодой империи. Народ, который так долго во всем мире то высмеивали, то почитали, у которого было так много духа и так мало денег, — этот народ увидел теперь, что это за прелестные вещи — деньги и власть. Он строил и копил, торговал и давал деньги взаймы, никому не удавалось достаточно быстро стать богатым, и у кого была мельница или кузница, старался теперь побыстрее стать хозяином фабрики, и у кого было три подмастерья, старался теперь иметь десять или двадцать, и многие уже скоро довели их число до сотен и тысяч. И чем быстрее работали многочисленные руки и машины, тем скорее росла гора денег — у тех единственных, кто был ловчее в своей алчности. Но многие, многие рабочие были уже не подмастерьями и сотрудниками своих мастеров, а попадали в кабалу и рабство.

И в других странах все было не иначе, и там мастерская превращалась в фабрику, мастер в хозяина, рабочий в раба. Ни одна страна в мире не

«Всемирная литература» в «Нёмане»

могла избежать подобной судьбы. Но молодая империя отличалась тем, что этот новый дух и страсть мира совпали с самим ее возникновением. У нее не было за плечами никакого прежнего времени, никакого прежнего богатства, она вторглась в это бешеное новое время, как нетерпеливый ребенок, с руками, полными работы и золота.

Хотя были те, кто предупреждал и предостерегал народ, что он на неверном пути. Они напоминали ему о прежних временах, о тихом уютном пространстве его страны, о призвании духовного толка, которому он некогда служил, о непрерывном благородном потоке мыслей, о музыке и поэзии, которыми он некогда одарил мир. Но над этим только смеялись в блаженстве молодого богатства. Земля была кругла и вращалась, и если деды сочиняли стихи и философствовали, то это было очень мило, но внуки уже хотели бы показать, что в этой стране можно и должно делать и что-то иное. И потому они ковали и клепали на тысячах своих фабрик новые машины, новые железные дороги, новые товары и в любом случае бесчисленные новые ружья и новые пушки. Богатые все более отдалялись от народа, бедные рабочие казались сами себе покинутыми и тоже не думали больше о народе, частью которого они были, а думали, заботились и пеклись только о себе самих. И богатые и могущественные, которые создавали все эти пушки и ружья против внешних врагов, радовались своей предусмотрительности, поскольку появились теперь и внутренние враги, которые, возможно, еще опаснее.

Все это привело, наконец, к большой войне, которая за годы чудовищно опустошила мир и среди руин которой мы находимся и сейчас, оглушенные ее громом, удрученные ее бессмыслицей и захлебнувшиеся потоками ее крови, которые текут через все наши мечты.

И война закончилась таким образом, что эта молодая цветущая империя, чьи сыновья шли на битву с воодушевлением, даже с восторгом, погибла. Она была побеждена, жестоко побеждена. Победители потребовали, едва только речь зашла о мире, тяжелую дань от побежденного народа. И случилось так, что день за днем, пока разбитое войско откатывалось назад, в противоположную сторону, из отчизны вывозили символы былого могущества, чтобы быть переданными на благо победившего противника. Машины и деньги текли широким потоком прочь из побежденной страны в руки ее врагов.

Но вследствие всего этого побежденный народ в момент великой беды наконец одумался. Он прогнал своих вождей и князей и объявил сам себя хозяином. Он образовал свои советы и заявил свою волю, что он своими силами и своим умом найдет выход из беды.

Народ, который при таком тяжелом испытании объявил себя хозяином, еще и сегодня не знает, куда ведет его путь и кто будет его вождем и спасителем. Лишь силам небесным известно, лишь они знают, почему они наслали на этот народ и на весь мир напасть войны.

И из сумрачных дней брезжит свет пути, по которому должен пойти побежденный народ.

Он больше не может быть ребенком. Он не может так просто отдать свои пушки, свои машины и свои деньги и снова в своих маленьких мирных городках сочинять стихи и играть сонаты. Но он может идти тем путем, которым должен пойти и каждый сам по себе, поскольку его жизнь привела его к заблуждениям и горьким бедам. Он может вспомнить о своих прежних путях, о своем происхождении и детстве, своем восхождении к величию, о своем блеске и поражении, и может на этом памятном пути найти в себе силы, которые ему действительно присущи и не могут его никогда покинуть. Он должен «уйти в себя», как говорят блаженные. И в себе, в своей глубине найдет он невредимой свою собственную суть, и эта суть не будет уклоняться от его судьбы, но примет ее и начнет все сызнова из своего вновь обретенного лучшего и глубинного.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

И если все так пойдет, если поверженный народ пойдет этим путем судьбы открыто и честно, тогда обновится в нем то, что уже некогда было. Из него будет снова исходить постоянный тихий поток, проникая в мир, и те, кто еще сегодня являются его врагами, будут в грядущем снова внимательно прислушиваться к этому постоянному тихому потоку.

1918

Сказка о плетеном стуле

Молодой человек одиноко сидел в своей мансарде. Он мечтал стать художником; но для этого надо было преодолеть некоторые трудности, и поначалу он жил спокойно в своей мансарде, становился все старше и привык к тому, чтобы сидеть часами перед маленьким зеркалом и пытаться рисовать свой автопортрет. Он уже заполнил целую тетрадь такими рисунками, и некоторые из этих рисунков вполне его удовлетворяли.

«Судя по тому, что я еще не прошел никакой выучки, — говорил он сам себе, — этот рисунок получился все же довольно хорошо. И как интересна эта складка возле носа. Сразу видно, во мне есть что-то от мыслителя или что-то вроде того. Мне надо бы еще только чуть-чуть опустить уголок рта, тогда будет как раз нужное выражение, полное задумчивости».

Но когда он стал рассматривать те же рисунки какое-то время спустя, они ему в большинстве своем уже не нравились. Это было неприятно, но он решил исходя из этого, что он развивается и потому предъявляет самому себе все более высокие требования.

Со своей мансардой и с вещами, которые там стояли и лежали, молодой человек находился в отношениях не вполне желательных и доверительных, но и не совсем уж плохих. Он обращал на них не больше, но и не меньше внимания, чем другие люди, едва замечал их и знал плохо.

Когда ему в очередной раз не совсем удавался автопортрет, он читал по временам книги, из которых узнавал, как это бывало с другими людьми, которые начинали, как и он, скромными и полностью неизвестными, а потом становились весьма знаменитыми. Он любил читать подобные книги и находил в них свое собственное грядущее.

Так сидел он однажды, как всегда рассеянный и удрученный, дома и читал об одном очень знаменитом голландском живописце. Он узнал, что этот художник был одержим настоящей страстью, даже манией, полностью поглощенный стремлением обязательно стать хорошим художником. Молодой человек нашел, что имеет некоторое сходство с этим голландским художником. При дальнейшем чтении он открыл для себя, однако, кое-что, что ему самому никак не было присуще. Кроме всего прочего он прочитал, как этот голландец при плохой погоде, когда на природе рисовать было невозможно, невозмутимо и точно запечатлевал все, даже самую малость, которая попадала ему на глаза. Так, однажды он нарисовал пару деревянных башмаков, в другой раз — старый кривой стул, грубый, неотесанный кухонный крестьянский стул из обычного дерева с уже потрепанным сидением из плетеной соломы. Этот стул, который, безусловно, никогда ни один человек не удостоил бы взглядом, художник нарисовал с такой любовью и достоверностью, с такой страстью и отдачей, что это стало одной из его самых лучших картин. Много красивых и прямо-таки трогательных слов нашел писатель для этого нарисованного плетеного стула.

Здесь наш читатель остановился и задумался. Это было что-то новое, что он должен был испытать. Он тотчас решил — ведь он был молодой

«Всемирная литература» в «Нёмане»

человек и очень скор на решения — последовать примеру великого мастера и испытать этот путь к величию.

Тут он огляделся в своей чердачной комнате и заметил, что довольно плохо знаком с вещами, среди которых жил. Кривого стула с сидением из плетеной соломы он не обнаружил нигде, деревянных башмаков тоже не было, поэтому на какое-то время он помрачнел и расстроился, и снова почувствовал себя так, как уже часто бывало, когда падал духом, читая о жизни великих людей: он видел тогда, что как раз все эти мелочи (Fingerzeichen), случайные находки и причудливые пируэты (Fuegungen), которые играли такую важную роль в жизни тех других, его никак не касались и ожидать их было напрасно. Но скоро он снова собирается с духом и решает, что именно сейчас самое время мужественно пойти своим трудным путем к славе. Он обследовал все предметы в своей комнате и обнаружил один плетеный стул, который мог хорошо послужить ему в качестве модели.

Он пододвинул стул ногой немного поближе к себе, подточил свой карандаш, положил альбом для эскизов на колени и начал рисовать. Несколько легких первых штрихов, как ему показалось, достаточно отобразили форму, и теперь он рисовал быстро и уверенно, завершая контур несколькими твердыми штрихами. Глубокая треугольная тень привлекла его, он четко изобразил и ее, и так продолжал дальше, пока что-то не стало ему мешать.

Он работал еще некоторое время, потом отодвинул лист от себя подальше и оценивающе посмотрел на свой рисунок. Тут он увидел, что плетеный стул был сильно искажен.

Он раздраженно добавил еще одну линию и затем злобно обратил свой взор на сам стул. Никакого сходства. Это его очень разозлило.

«Черт, а не плетеный стул, — воскликнул он в отчаянии, — такую капризную скотину я еще никогда не встречал!»

Стул несколько заскрипел и сказал спокойно: «Да посмотри на меня! Я таков, каков я есть, и больше не собираюсь меняться».

Художник толкнул его ногой. Тут стул отклонился назад и снова стал выглядеть совсем иначе.

«Дурная голова, а вовсе не стул, — воскликнул юноша, — в тебе же все криво и косо». Плетеный стул чуть улыбнулся и мягко произнес: «Это называется перспективой, молодой человек».

Тут юноша вскочил. «Перспектива! — вскричал он гневно. — Теперь будет этот сопляк стул изображать из себя учителя! Перспектива — это мое дело, а не твое, учти это!»

На это стул уже ничего не ответил. Художник быстро прошелся несколько раз взад и вперед, пока снизу не стали возмущенно стучать палкой в его пол. Внизу жил пожилой мужчина, ученый, который не терпел шума над головой.

Он сел и взял снова в руки свой последний автопортрет. Он ему не понравился. Он подумал, что в жизни выглядит гораздо красивее и привлекательнее, и это было действительно так.

Тогда он решил опять почитать книгу. Но там снова речь шла о том голландском плетеном кресле, и это раздражало его. Он находил, что об этом кресле поистине слишком много шумят, и вообще…

Молодой человек поискал свою шляпу и решил выйти немного прогуляться. Он вспомнил — ему уже с давних пор как-то казалось, что живопись не приносит удовлетворения. С нею связаны одни мучения и разочарования, и наконец, даже самый лучший в мире художник может изобразить только обычную поверхность вещей. Для человека, который любит глубину, это в конце концов не может быть профессией. И он вернулся снова, как уже неоднократно бывало, к серьезной мысли последовать своему прежнему увлечению стать писателем, это лучше. Плетеный стул остался в мансарде

«Всемирная литература» в «Нёмане»

в одиночестве. Ему было очень жаль, что его молодой хозяин уже ушел. Он было надеялся, что между ними, наконец, установятся добрые отношения. Он бы мог время от времени с удовольствием перемолвиться с ним словом и был уверен, что мог бы научить молодого человека кое-чему ценному. Но из этого, к сожалению, ничего не вышло.

1918

Цзу Юн

«Последний снег на Чжань-Шане» (Тема для экзаменационного стихотворения на государственных экзаменах при приеме на службу в 725 году в Чань-ане, столице Танского царства).

Еще вершины гор на северной черте Превыше облаков возносят седину. Прозрачный лес стоит в эфирной чистоте, И стужей ляжет ночь на город и страну.

Когда Цзу Юн сдал это стихотворение, экзаменатор вернул его ему обратно и укоризненно заметил, что оно слишком коротко для экзаменационной работы, в стихотворении должно быть, по крайней мере, восемь строк или более.

Цзу Юн ответил только: «И Дзин», что значит «Смысл исчерпан». Экзаменатор оценил еще раз и согласился, что стихотворение действительно содержит все, что следовало сказать, принял его, и это высказывание Цзу Юна стало со временем признанной мерой для оценки стихотворений.

1950-е годы

Перевод с немецкого Вячеслава КУПРИЯНОВА.

t

МИХАЛ БУКОВСКИЙ

От вдохновения до правды

Сегодня мы даем слово известному польскому поэту Михалу Буковскому. По небольшой подборке стихов трудно составить представление о всем творчестве поэта, но как проницательно догадался английский писатель Джулиан Барнс, в каждом стихотворении содержится ДНК автора. То, что бросается в глаза, читая Буковского, — это соединение поэзии и прозы, что в общем характерно для современного польского словесного искусства. Наверное, правда в поэзии редко достигается с помощью метафоры, последняя предполагает относительность, многозначность правды. Поэтому иные польские поэты, например, Кшиштоф Гонсеровский, метафору приближают к линейности смысла, что отнюдь ее не умаляет: «По всей квартире, по // стенам и по потолкам // бродит ночами // моя старая // голая // пишущая машинка, выстукивая каждый раз // обрывки фраз: // неодолимость одиночества...» (перевод Екатерины Полянской). У Буковского, за редким исключением, налицо тяга к сквозной метафоре, играющей роль сюжета. То есть он максимально приближает ее к прозе. Таково стихотворение «Лось», с которого мы начинаем подборку. История проста и правдоподобна. Животное случайно забрело в город и, побродив по центральным и соседним улицам, оказалось на территории бюро ритуальных услуг. Ворота, закрывшиеся за ним, не остановили свободного зверя. Перемахнув через забор (метр восемьдесят) и, возможно, распоров себе брюхо, лось упал замертво на проезжей части одной из улиц. Вот и вся история. О чем она? О судьбе свободы, которая подчас оказывается непосильной ношей не только для животного, но и для человека? О жестокости города для тех, кто привык жить на природе, далеко за его пределами? Так что это — проза или стихи? Просто кусочек жизнеописания, он-то и есть цель как поэтов, так и прозаиков. А жизнеописание, как сказал Чеслав Милош, «то же самое, что выдумка или большой сон». Попытался разобраться в этом и Михал Буковский, о чем читатель узнает из стихотворения «...приходил ко мне сон...» и из других поэтических размышлений.

Отдел поэзии

Лось

шестнадцатого декабря
одна тысяча девятьсот девяносто восьмого
года

ранним утром
на улице большого города
появился лось

неизвестно откуда пришедший

он сначала с достоинством, как лосю и подобает
пересек центральную улицу

потом изменил направление
и с боковой улочки
ступил на территорию
местного
бюро ритуальных услуг

когда за ним замкнули ворота, чтоб не сбежал,
перепрыгнул забор
высотою метр восемьдесят

(очевидцы твердят, что — совсем без разбега)

и неспешно направился дальше
на соседнюю улицу
где

на середине проезжей части
улегся
и — сдох.

…и был мне сон...

Был мне сон
полный грации и достоинства
был мне сон
так тепло он смеялся
и целовал он так крепко
я даже в объятьях его удержал
целый миг
что длиннее чем жизнь
короче мгновения ока

потом
отделились объятья мои
от меня

«Всемирная литература» в «Нёмане»

чтоб сон проводить
в сплошное сияние памяти
теперь
я хотел бы стать ласточкой
чтоб смочь улететь в те места
где сны становятся явью

…только если стал бы я ласточкой
уж не смог целовать бы так крепко…

Пилигримы слова

пилигримы слова
по дороге от вдохновенья до правды
на мгновенье приостановились
смиренные
перед вечностью

Есть такие места

есть такие места
где время становится ветром
а он
превращает прошлое в музыку

и ласкает нам души
как будто нежнейшей ладонью

словно затерянной
в пейзаже тела

Люблин в апреле

там в Старом Городе слева на самом углу
стоял век шестнадцатый
маленький сжатый и словно бы робкий

там в Старом Городе справа при входе
я видел Еврея
в лапсердаке его долгополом
что-то было в руках его может товары
он улыбался — ему я ответил

там в Старом Городе в малой кафешке
прошла через зал молодая Индуска

«Всемирная литература» в «Нёмане»

в коротенькой юбке
с кусочком ткани на худеньких плечиках

там в Старом Городе видел я молодоженов
с цветами входящих в будущее

там в Старом Городе видел я
булыжную мостовую
она была выпуклой судьбами тех
кто жил перед нами
и словно натянута на
тех кто придет после нас

еще видел время зацепившееся за крыши

век шестнадцатый что-то тихо мурлыкал
спрашивать не хотелось
было так солнечно

Перевод с польского Екатерины ПОЛЯНСКОЙ.

t

«Всемирная литература» в «Нёмане»

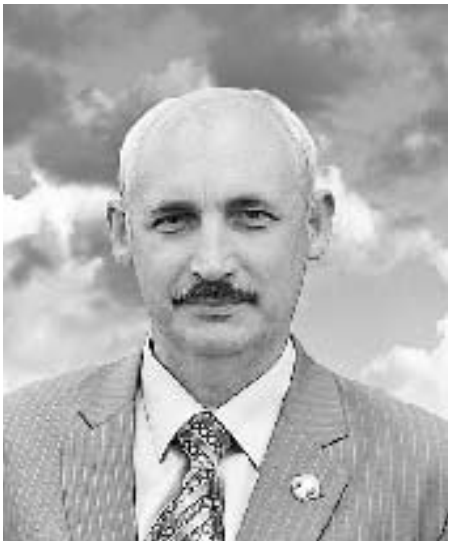
Владимир Грозов: «Нужны духовные традиции...»

Выросло уже новое поколение — постперестроечное, и оно не похоже на тех, кто жил и воспитывался при социализме. Им трудно понять чувства большинства людей старшего поколения, переживших кризис не только от потери привычной работы в первые переломные годы, когда закрывались заводы и не выплачивались зарплаты и многие вынуждены были искать средства к существованию, но и от утраты в обществе духовных ориентиров.

Современная молодежь выросла во время, когда по телевидению постоянно показывают не самые лучшие американские фильмы, да и российские — о бандитах, о «свободной любви», ужасные шоу вроде «Пусть говорят», где главными героями изо дня в день становятся опустившиеся и деградировавшие люди. Когда ранее любимая всеми «Комсомолка», которая считается молодежной газетой, давно перестала поднимать на своих страницах морально-этические проблемы. Одни названия статей красноречиво свидетельствуют об обратном: «Тяжкая доля бабника», «В интимных отношениях многие женщины почему-то копируют самок лемуров», «Ученые выяснили, почему пьяненькие девушки более сговорчивы»... Чувство брезгливости не позволяет мне продолжать примеры, думаю, и так достаточно.

Доступность Интернета и свобода прессы, когда отсутствует у журналистов внутренняя культура и цензура на всякую мерзость, приводит к аморальности и жестокости в обществе. Вспомним о террористическом взрыве в метро, легкости в отношениях девушек и юношей, и как следствие этой безответственности — увеличение количества брошенных детей… Авторитетные религиозные деятели (и православные, и католические) определили современное понятие свободы коротко, но емко: «свобода для греха».

Но как говорил еще 2500 лет назад китайский мыслитель Конфуций, «Хватит клясть тьму, лучше зажги свою маленькую свечку!» Слава Богу, в обществе всегда есть люди, радеющие за стабильность, за сохранение морально-нравственных устоев, за социальные идеалы, свойственные нашей многовековой христианской морали. Эти люди ведут ежедневную большую подвижническую работу. Исполнительный директор Издательства Белорусского Экзархата, председатель оргкомитета программы «Семья—Единение—Отечество», заместитель председателя Общественного совета по нравственности, лауреат президентской премии «За духовное возрождение» писатель Владимир Всеволодович ГРОЗОВ один из них.



Владимир Всеволодович Грозов.

— Владимир Всеволодович, Вы недавно принимали участие во Всемирном саммите, проходившем в Москве, который так и называется: «Будущее цивилизации». Какие впечатления он у вас оставил?

— Это интереснейшее событие, на которое приехали из 153 стран мира виднейшие ученые всех направлений, представители всех конфессий, мыслители, философы, экономисты. Вывод этого саммита просто удивительный: «Без изменения этики, без культивирования ценностей солидарности, когда общее важнее индивидуального, будущее важнее настоящего, а справедливость важнее закона, — без всего этого нам не решить надвигающихся проблем будущего. А то, что несет нам православная христианская традиция, по сути и являет собой этот вывод. Ничего нового придумывать не нужно, нужно только сохранить и умножить лучшее, что заложено в нашей генетической памяти — станового хребта нации. Решение глобальных задач общества и государства возможно только по одному пути — укрепление нравственности. Именно в развитии этой идеи надо рассматривать то, что в нашем издательстве недавно была выпущена книга Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла «Сила нации — в силе духа». На этом стоим и стоять будем.

Сила нашей нации, нашей духовной традиции в общности. Укрепив силу нации, не будут страшны никакие бури, ни экономические, ни политические.

— Сопротивление воспитанию нашей отличной от западной ментальности огромное — и в лице внутренней оппозиции, и внешнее глобалистское...

— Да, сопротивление разноплановое. Но, как говорится, есть противоядие. То положительное, что создается в обществе, должно работать, как кондиционер в салоне автомобиля — по принципу избыточного давления. Тогда пыль не проникает. Поэтому в нашем обществе мы должны создать в хорошем смысле слова положительное давление в информационном, педагогическом, культурном поле — весь социум должен настроиться на определенную частоту. Прежде всего, на воссоздание морально-нравственной системы координат, которая порушена. Мы сегодня констатируем удивительные факты: во времена жесткого атеистического режима по сути дела проповедовалась христианская культура. Морально-нравственный кодекс строителя коммунизма — это, извините, один к одному Нагорная проповедь. Получалось, якобы формально боролись с религией, а на самом деле утверждали высокие моральные принципы — чти отца и мать, Родина — это свято, стоять за други своя, отношение к ближнему как к товарищу, вера в лучшее будущее... Ведь это помогло и величайшую войну выиграть, и восстановить страну, поднять науку на мировую высоту, шагнуть в космос. Всех наших свершений не перечислить. Под панцирем того атеизма лелеялась по существу христианская культура, которая возрастала и укреплялась. Мы сегодня говорим об очень мощном явлении — о воссоздании Святой Руси. Нет, не в западном понимании этого процесса, как захват чужих территорий и расширение своей «зоны интересов», а в совсем ином смысле. Ведь Святая Русь — это прежде всего духовная Русь, своя, особая цивилизация.

К отечественной духовной традиции и нравственности нельзя подходить как к этнографии, как к фольклору. Это лишь внешняя сторона, показушность, а не глубинная суть многогранного особого мира. Вдумайтесь, почему разрушили такую мощную страну, как СССР? Ядерный щит стоял, ядерные лодки были настороже,

армия самая мощная — я об этом хорошо знаю. Но война, разрушившая государства, пришла так, что мы и не поняли, что это война. Если прибегнуть к аллегории: к нашему замк†у пытались найти самые разные отмычки — и нашли: разложили изнутри, опоганили идеалы, очернили историю, поменяли социальные и нравственные ориентиры. Мы не смогли создать противоядие. Опять же возникает вопрос — почему? Здесь приходит на ум аналогия из военной сферы: если командование воюющей армии «работает» на противника, то никогда такая армия не сможет добиться победы. К сожалению, в истории не единожды были такие ситуации. Во время Первой мировой войны и во время разрушительной перестройки.

Процесс растления и вырождения не разовое явление, он имеет разные тенденции, но суть одна — разрушение.

Не секрет, что наша современная Беларусь по сравнению с другими советскими республиками в наибольшей степени сохранила все лучшее от Советского Союза — социальную справедливость. Заботу о человеке, развитую систему образования и здравоохранения, ряд других аспектов. Именно это и не нравится тем, кто стремится все страны перекроить на один лад, по одному шаблону, где миром правят корысть и нажива. И к нашему замку опять ищут разные отмычки — с помощью гендерной политики, ювенальной юстиции, узаконивания однополых браков. А ведь мировой глобализм со своей гедонистической (от греч. — наслаждение. Этическая позиция, утверждающая наслаждение как высшее благо и критерий человеческого поведения. — *Т. К.*) идеологией зашел в непроходимое болото. А как пел Окуджава, сладких пряников не хватает на всех. Значит, запускаются механизмы самоуничтожения, самоликвидации — вымирания. Нас все время убеждали, что мир перегружен демографически. Но ведь 42% населения мира живут в регионах, которые не осуществляют даже воспроизведение поколений. А недавно Президент Беларуси сказал, что у нас может жить 20—25 миллионов человек. Некоторые ученые предрекают, что к 2020 году все население мира погрузится в демографический кризис.

Насчет сопротивления. Хочу привести такую аналогию. Росток, преодолевая сопротивление грунта, пробивая асфальт, растет вверх, к свету, к солнцу, к жизни. Вот так и духовность, нравственность пробиваются сквозь толщу лжи, извращений, слепой корысти и эгоизма. За счет гражданской активности и глубокого понимания реальных проблем, преодоления сопротивления, они будут крепнуть и находить все больший отклик в сердцах людей.

— Владимир Всеволодович, мне известно, что вы стали инициатором программы «Семья—Единение—Отечество», председателем которой и являетесь. Как она родилась?

— Я был повергнут в шок статистическими данными, опубликованными в 2006 году в одной из наших республиканских газет, о том, что в Беларуси стало меньше на 62 тысячи жителей. Сразу возникла мысль — надо что-то делать! Надо формировать интерес к большой многодетной семье, к детям, к каждому ребенку. Наши устремления поддержал Владыка Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Нашли понимание и в министерствах — здравоохранения, информации, культуры, внутренних дел, в Аппарате Уполномоченного по делам религий и национальностей, в творческих союзах. И уже в 2007 году программа была разработана, и в июне того же года в Слуцке прошла первая акция. Потом были Жодино, Солигорск, Старые Дороги, Молодечно, Брест. Впереди новые проекты. Основой мероприятий этой программы являются духовно-просветительские выставки. На этих выставках каждый человек может задать вопросы и получить ответы. Проводятся семинары, «круглые столы», и завершается мероприятие многотысячным Крестным ходом. Люди признавались, что они получили такой огромный подъем от понимания того, что можно быть счастливым, неся людям добро и получая взамен не тленное богатство, а радость общения, взаимопомощь и поддержку таких же нравственных людей. Понимание того, что они несут добро тебе и твоей семье.

На Всемирном саммите в Москве по проблемам семьи я услышал страшные цифры: если у девушки до брака был половой партнер, 57 % вероятности того, что брак будет расторгнут (исследование проводилось в 120 странах мира), если два — почти 90 %, а если три, то семья неминуемо распадется. И точно так же эта кривая накладывается на количество абортов. Если девушка не сохранила целомудрие до замужества, то она спокойно идет на аборт. Чем больше у нее половых партнеров, тем спокойнее она относится к прерыванию беременности — уничтожению своего ребенка. Об этой грустной статистике мы должны говорить с молодежью. Ведь человек, настроенный только на самоудовлетворение, обречен на одиночество, а оно не может дать счастья. Поэтому в рамках программы «Семья—Единение—Отечество» мы выдвинули новую инициативу — «За жизнь!». За этим последовала кропотливая повседневная работа. В четырех женских консультациях столицы проводим эксперимент, одобренный Министерством здравоохранения, и который, надеемся, получит распространение по всей Беларуси. Подготовленные люди — волонтеры — ведут беседы с женщинами, пришедшими в больницу освободиться от зарождающейся жизни, поддерживают их психологически. И, как оказалось, у почти 30 процентов женщин вполне благополучное положение дел, просто установка «живи для себя» дает такие пагубные ростки и результаты. Выбор в пользу аборта — дань моде, потому что обществу навязан идеал современной женщины — деловая, успешная, богатая... По мнению специалистов, до 200 тысяч хирургических абортов ежегодно делается у нас. Химические и вакуумные уже не считаются за аборты — их у нас сделано около 52 тысяч. Цифры печальные, тем не менее работа наших волонтеров дает хорошие показатели: многие женщины отказываются от аборта. Это обнадеживает. Нам удается донести женщине, что она рождена, чтобы дать новую жизнь, что ей присуща любовь. Порой женщина и не подозревает, что уничтожение зародившейся в ней жизни несет за собой большой комплекс проблем. Она не задумывается, что ее душа и душа, зародившаяся в утробе, уже имеют невидимую связь. Нарушение этой связи не проходит бесследно ни для семей, ни для общества. В частности, дети индиго, которые неприспособлены к самостоятельной жизни. Доказано, что дети индиго, как правило, 100 % — послеабортные дети, которые мстят родителям за убиенных братиков и сестричек. Их родители избавились от нежеланного ребенка, получили желанного, но вместе с ним и массу проблем ...

— Владимир Всеволодович, из прессы узнала, что ваша программа «Семья—Единение—Отечество» получила международное признание, а Вы об этом скромно умолчали...

— Да, действительно белорусская духовно-просветительская программа, заслуги которой в деле демографического развития регионов страны и проведении общественной кампании «Вместе — в защиту жизни» были отмечены специальным призом II международного фестиваля социальных технологий в защиту жизни и семейных ценностей «За жизнь-2011» — хрустальным шаром с объемным изображением младенца, а также еще двумя наградами. В фестивале, прошедшем 7—9 июля этого года в Москве, участвовали представители культуры и искусства, общественных организаций, научного сообщества, Русской Православной Церкви, благотворительных фондов из более чем 80 регионов России, 30 регионов Украины и Беларуси, которые обсуждали проблемы демографии и вопросы оказания помощи беременным женщинам, оказавшимся в трудной ситуации.

— В самом названии программы «Семья—Единение—Отечество», я полагаю, и содержится ответ, как мы должны ориентировать подрастающие поколения?

— Воссоздание личности невозможно без воссоздания полноценного института семьи, которая имеет под собой полностью духовную основу. Институт семьи духовный. Почему в молекуле атомы не разбегаются? Потому что в ней существует взаимное притяжение и связи. Что является атомными связями в семье? Конечно, любовь. Любовь — это Господь. И мы опять приходим к духовной составляющей. Духовная составляющая мира — первична. И без осознания роли семьи невозможно укрепить общество и заложить в нем потенциал будуще-

го. Для этого необходимо ввести курс «Основы отечественной духовной культуры» в детское образование начиная с детского сада. Потому что к 4 годам 60 процентов личности, как утверждают педагоги, уже заложено. Дальше мы начинаем перевоспитывать. Эти крупицы мудрости должны упасть в детские души, чтобы потом дать хорошие всходы. Чтобы в юности никакие суррогаты — «эмы», «готы» и тому подобные субкультуры — не могли сломать души. Ведь маленького человека мы с детства учим правильно ходить, говорить, приучаем к целому ряду гигиенических вещей: чистить зубы и прочее. Но мы не говорим о гигиене души. Мы не говорим о той основе, которая должна быть построена в каждом человеке. Это должно быть введено и с точки зрения глобальной демографической безопасности. Не получив полноценное поколение настоящих граждан, мы не можем говорить о стабильности и уверенном будущем Беларуси, потому что всему основа — здоровый человеческий материал.

Недавно среди школьных факультативов появился новый — «Основы православия». Я являюсь председателем Республиканского общественного объединения «Родители и учителя за возрождение православного образования». Появление факультатива основывается на четкой правовой базе, соответствует соглашениям и программам, решениям Координационного совета по взаимодействию церкви и Министерства образования. Сопредседателями совета являются Патриарший Экзарх всея Беларуси и Министр образования Республики Беларусь. Факультативный курс преподается по желанию родителей, с их письменного заявления. Если говорить о самом курсе, то он построен практически на основах христианской культуры. Такие исторические фигуры, как креститель Руси князь Владимир, преподобная Евфросиния Полоцкая — интересные персоналии, личности, внесшие огромный вклад в развитие нашей культуры и истории. Основы православия ведут, прежде всего, к исполнению евангельских заповедей, а это значит, к глубокой нравственности и морали, что очень важно для современных школьников, да и для всего нашего общества. Есть тысячелетние рецепты, по которым наша нация многократно возрождалась из пепла, укреплялась государственно и демографически. И не нужно изобретать ничего нового, а лучше обратиться к историческому опыту народа.

К глубокому сожалению, топтание на месте, размышления о том, куда идем, как идем, немножечко затягивается, мы упускаем время, и вот наше Министерство социальной защиты бьет тревогу: остается два года до прохождения точки невозврата. Когда демографическое воссоздание будет невозможно в силу того, что время ушло.

— Мы говорили с Вами о большой общественной работе, которой Вы уделяете столько сил, энергии, но я понимаю, что все-таки основная Ваша работа, вернее, служение, это руководство Издательством Белорусского Экзархата. Ведь никто не посмеет оспорить важность в деле воспитания хорошей книги...

— С 1998 года по благословению Митрополита Филарета меня назначили руководителем Издательства Белорусского Экзархата. До этого уже было несколько попыток организации издательства. Милостью Божией с той поры мы работаем. Книгу можно назвать духовной таблеткой, которая помогает от какого-то недуга. Общество ведь никогда не бывает абсолютно здоровым. Человек способен как к высокому духовному подвигу, так и к греховному падению.

Как оказалось, издание и распространение книг мало влияет на окружающую действительность — книгу мало издать, надо ее еще красиво показать, преподнести. Главное, привлечь внимание, причем это надо сделать на очень высоком уровне. Так, чтобы проблема, обозначенная в книге, была понятна человеку, он хотел в ней разобраться, чтобы она помогла ему двигаться вперед в своем духовном развитии. Поэтому издательство все чаще и чаще по благословению Синода и Его Преосвященства Владыки Филарета само начало принимать участие и само организовывать различные духовно-просветительские акции — о некоторых я уже рассказал, в частности, о программе «Семья—Единение—Отечество», — во

время которых мы ведем заинтересованный живой разговор, диалог со всеми возрастными категориями населения. Наши работники подготовлены, они имеют и педагогическое образование, и духовное — школу катехизаторов или семинарию. Всеми программами занимается около 100 человек.

Книги, изданные в Издательстве Экзархата, по решению правительства считаются социально значимой литературой и рекомендуются к комплектации всей системы публичных библиотек. Это, конечно, высокая оценка. И то, что в 2011 году я получил премию «За духовное возрождение», считаю заслугой всего коллектива Издательства Белорусского Экзархата. Впервые в истории нашей страны издательство получило такую премию за духовно-просветительскую деятельность и воссоздание Слуцкого Евангелия. Евангелие воссоздавалось за государственный счет. Работа была заказная, за это премии не дают, а вот за духовно-просветительскую работу, которая, по сути дела, является нашей миссионерской деятельностью, мы получаем благодарные отклики.

Мы единственная хозрасчетная структура Белорусской Православной Церкви. Что такое хозрасчет и самоокупаемость, мы чувствуем, простите, на собственной коже. Потому что если наша книга издана и не будет востребована читателем, это торпеда в борт нашего корабля. Если мы издали книгу, которая не интересна нашему читателю, — это вторая торпеда, две торпеды не выдержит ни один корабль. Иногда и 100-тысячные тиражи, и 200-тысячные уходили и уходят, поскольку уходят в несколько стран мира — туда, где есть приходы Русской Православной Церкви — Московского патриархата. Я являюсь с 2010 года членом издательского совета Русской Православной Церкви. И то, что наше издательство из нескольких сотен издательств страны имеет все регалии — международные, отечественные, по линии Московского патриархата — это очень почетно. Нашим автором является сам Патриарх Московский Кирилл — мы выпустили три его книги, сейчас выпускаем четвертую. Ему в ноябре 2011 года исполнится 65 лет. Высокоинтеллектуальный человек митрополит Илларион написал хорошие отзывы и благодарность за эту книгу. Причем вся интрига состоит в том, что книги авторы не видят, пока они не выйдут. Нам дается право компоновать, использовать материал так, как видит это издательство. Это высочайшее доверие и невероятная ответственность, но они основаны на высоком профессионализме наших книг. Представляете высоту интеллекта Святейшего Патриарха! Как признание качества изданных книг — Патриарх Кирилл вручил мне, а в моем лице Издательству Белорусского Экзархата, орден Даниила Московского. Мы рады, что среди авторов издательства наши столь уважаемые высокие церковные лидеры, авторитеты.

— Как Вы решаете, какие книги издавать?

— К сожалению, была проблема, когда псевдодуховность и даже оккультизм проникали в церковные издательства. Когда речь шла о чудесах, которые якобы вершили люди невоцерковленные. И вот Синодом Русской Православной Церкви было принято решение о создании издательского совета, в который вошли и представители Беларуси, в том числе и я. Аналогично в Беларуси был создан свой такой совет. Возглавляет его преосвященный Вениамин, епископ Борисовский, викарий Минский. Как правила дорожного движения когда-то упорядочили движение на дорогах, так и работа по изданию книг стала более ответственной. Пишутся рецензии на книги. У нас уже издано свыше 10 тысяч наименований книг. Над изданием книг работает всего 5 человек. Общий тираж всей полиграфической продукции, включая календари, буклеты, брошюры, иконную продукцию, выпускаемой ежегодно нашим издательством, достигает около 3 миллионов экземпляров, а если считать продукцию только в твердом переплете, то это где-то около 1,5 миллионов.

— Мы уже говорили с Вами, что издательство не только выпускает книги, но и придумывает разные акции. Вы рассказали о духовно-просветительских программах, а я читала, что у вас при издательстве есть хор, который всегда поет на встречах с читателями...

— Вспомним, почему, по преданию, Владимир Красное Солнышко принял решение о крещении в Православие — когда послы вернулись из поездки и сказали: запел хор, и мы не поняли, на земле мы или на небе. Прежде всего, мы уповаем на информацию, но она без эмоциональной окраски, без проникновения в душу, без опознания душой — близкое, родное или чужое — не работает. Мы сегодня получаем такой поток информации, что человеческое сознание, интеллект не может все равноценно воспринимать. Приоритет получает та, которая имеет эмоциональную окраску, как говорится, облагорожена искусством. Поэтому мы и организовали хор «Благовест». Он небольшой — всего 9 человек — молодые, красивые ребята, профессионалы высочайшего класса — некоторые из них работают в издательстве. Как запоют — у людей даже слезы на глазах появляются. Это волонтеры, которые поддерживают нашу идею.

Смысл в том, что звук проникает в сердце раньше, чем слово, и дает ему нужную окраску. Наш хор участвовал в 51-м фестивале духовных песнопений мирового уровня, который проходил в Италии. Он был отобран авторитетнейшим жюри для участия в конкурсе из числа свыше 500 коллективов из разных стран — это большая честь и для нашего издательства, и для всего Экзархата. Участники и публика в итальянском городе Лорето, где проходил конкурс, были потрясены вокалом белорусских певцов, которые при большом стечении народа исполнили не только литургические песнопения, но и национальную музыку. Тексты песнопений были заблаговременно переведены на итальянский язык, каждый слушатель понимал их содержание. Мы старались донести нашу культуру до каждого, чтобы с духовными традициями нашей страны как можно ближе познакомились не только итальянцы, но и представители еще 12 стран.

Представьте, самих хоровых певцов в Лорето было около 600 человек — это грандиозно! Как правило, во время исполнения песнопений Божественной литургии не принято аплодировать, но после выступления в первом отделении «Благовеста» случилось чудо: зал заплакал. Когда после антракта коллектив переоделся в национальную одежду и исполнил народную музыку, почти полчаса раздавались овации и крики «Браво!». Все диски с музыкой «Благовеста» разошлись мгновенно, а глава фестиваля назвал белорусский дебют самым знаменательным событием за полвека его существования. Это дорогого стоит. Сколь велик был интерес к нашей духовной культуре!

А как им понравилось издание «Слуцкого Евангелия» — одной из духовных святынь земли белорусской! Они перелистывали Святое Писание, интересовались его историей. Словами не передать их потрясение от того, что в нашей стране с таким почитанием относятся к старинной духовной культуре. У них создано хранилище духовных сокровищ, на витрине которого было также выставлено наше издание «Слуцкого Евангелия», «Слова Божьего от Матфея», которое объединяет все христианские традиции. На следующий день после выступления к нам подошли регенты всех 12 хоров и попросили художественного руководителя ансамбля Сергея Аграновича сделать распечатки духовных песнопений, чтобы включить их в свой репертуар. Так что работа ведется разнообразная. Есть у нас и камерный театр — тоже высокопрофессиональный.

— Вы среди студентов выступаете, чтобы именно на молодежь иметь благотворное влияние?

— Мы выступаем во многих студенческих аудиториях. Востребованность нашего духовного «продукта» очень высокая. Не хватает времени. Белорусская Православная Церковь накопила большой опыт. Мы только частичка того опыта, той великой миссии, которую она несет. То, что делается в епархиях, в приходах, — это огромная работа по воссозданию души народа, по регенерации духовной общности. Нас разделяют социальное положение и возрастные статусы, но нас объединяет то, что мы народ, единая нация. Только название — белорусы — этого мало. Нужны духовные традиции, единый взгляд на историю своего народа, единый взгляд на семью, единый взгляд на

государство и необходимость поддержания всеми возможностями государственных устоев. Государство — это наш общий дом. А те, которые расшатывают его и хотят, чтобы потолок упал на наши головы, — пусть посмотрят по телевизору картинки разрушенной Ливии или хотя бы кадры из Бишкека. Там до сих пор нет воды в городе, электричества, газа. Что такое поиграть в демократию? Нет нигде идеального государства. Только в утопиях Томаса Мора. Потому что государство — это испытывающий колоссальные нагрузки механизм, — и слава Богу, он у нас срабатывает, защищает от внешних и внутренних угроз. Мы спокойно ходим по улицам — мы не замечаем этого, как воздух. Те, кто безудержно критикует, думают, что все, чем теперь пользуются, — будет всегда, а остальное, чего не хватает, — само придет, без труда, без кровавых мозолей: «дяди» приедут и от восхищения, что мы свой дом разрушили, — дадут. Не дадут! Когда-то американские индейцы поверили, что заморские пришельцы построят новый мир. Они-то для себя его построили, а для индейцев — резервации.

Отечество — родной очаг — должен быть дорог каждому человеку. Обратите внимание: космополитизм, глобализм, которые пытаются всех нас сделать одинаковыми шариками, которые можно пересыпать куда угодно. Нигде не пишут о гуманитарной трагедии, например, Болгарии, вся молодежь которой выехала. Попытка сделать нас конкурирующими гастарбайтерами не должна пройти. Мы сами должны строить и укреплять свой родной общий дом и не допускать его разрушения!

— Владимир Всеволодович, Ваше неравнодушие к проблемам семьи, государственности, морально-нравственного воспитания побуждает меня к вопросу о ваших родителях, ведь, как говорит народная мудрость, яблоко от яблони недалеко падает...

— Мама работала 57 лет фельдшером-акушером и умерла на рабочем месте. Фактически она приняла появление на свет, потом патронировала в этой местности три поколения. И была самым авторитетным человеком для всех. В последние годы она работала в физиотерапевтическом отделении, и к ней шли все, потому что лекарства дорогие, а в кабинете можно было пройти бесплатно физиопроцедуры, к тому же, и духовную терапию — моя мама была очень добрым человеком. И верующим. Она была старостой Православного храма. Она воссоздала храм, подняв народ Божий в деревне Камено Логойского района Минской области. И конечно, Господь ее укреплял. С ней произошел такой случай: инфаркт — и сердце раскололось пополам. Ее в больницу увезли, был консилиум врачей, и когда они увидели на аппарате ее сердце, то спросили: а как вы, больная, живете — у вас сердце разрезано пополам, как яблоко? А она отвечает: «Слава Богу за все». Через год она поехала, чтобы получить инвалидность, а ей сказали, что у нее и следов инфаркта, даже рубца не осталось. Потому что она все время молилась, все время уповала на милость Божию. Господь продлил ее лета. Было в ее жизни еще одно чудесное явление: у нее не было музыкальных способностей. А тут надо было петь и читать в храме, и она взмолилась: «Господи, ну как же мне, такой неумехе, быть, помоги!» И вот на восьмом десятке лет у нее открылись музыкальные таланты. И она и пела, и читала в церкви. Единственно, она просила Бога, чтобы в старости не была беспомощной, чтобы не была прикована к постели. Она так и умерла, собираясь на работу. Инсульт случился, и она покинула этот мир. Она была великого служения человек.

Отец — это целая история. Он был однолюбом: любил свою супругу и малую родину, — а родился он в Борисове. Дед мой по отцу пал на войне смертью храбрых под Сухиничами — там было крупное наступление наших войск. Он был воентехником 1-го ранга, начальником топографической службы крупного воинского подразделения. Поэтому рос сиротой, но через всю жизнь пронес светлые воспоминаниями об отце. Часто вспоминал, как его, семилетнего, отец брал с собой в баню и поил его там морсом. Своему деду я посвятил книгу «Под крестом судьбы», написанную мной в соавторстве с доктором исторических наук Анатолием Шарковым и журналистом Юрием Бествицким.

Отец сначала окончил Полоцкий лесной техникум, распределился в Камено — там было самое большое лесничество в Беларуси, и проработал 35 лет сначала помощником лесничего, затем лесничим. Его участок леса был размером почти 40 х 40 километров. Он настолько полюбил этот партизанский край, что и прожил в нем всю жизнь, хотя его друзья, его соратники становились и секретарями райкомов, министрами лесного хозяйства, заместителями сельского хозяйства — и часто предлагали повышение в должности, он отказывался. В Камено много «солдаток» — так называли вдов погибших на войне солдат и партизан — жило. И у нас в деревне вдовы всегда были с дровами, а если надо, то и с досками, чтоб что-то отремонтировать. В лесничестве были и лошади, и трактора, и машины. Отец старался чем только мог помогать им, исполнял свой долг перед теми людьми, которые много сделали для Победы, чтобы хоть как-то облегчить ту тяжесть страданий, которые эти люди вынесли. Он им помогал и потому, что сам вырос сиротой, без отца и практически без матери, потому что она тяжело заболела — переживала смерть отца и была недееспособна длительное время. По сути, в жизни он лепил себя сам.

Это от отца у меня особое отношение к землякам, к малой родине. Он был уважаемым человеком. Ушел из жизни раньше срока, и тоже из-за работы. На нашу территорию после аварии на Чернобыле выпало страшное радиоактивное пятно, которое легло на болотистую местность, и там в течение двух сезонов шли непрекращающиеся пожары, постоянно приходилось их тушить, и несколько активных человек, в том числе и мой отец, получили огромную дозу радиации и умерли от саркомы. Он десятилетиями не был в отпусках. Какой отпуск летом для лесника, когда возникает угроза пожаров или чтобы кто-то не произвел самовольную рубку или хищения. Он был большим ревнителем леса и очень добросовестным работником. Очень любил природу и нам, детям, привил эту любовь. На фоне близости к Хатыни мы росли на героике, на этой духовной почве высокого служения своему делу — с одной стороны, матери, готовой в любое время дня и ночи бежать на помощь больным. А участок у нее был большой — за 23 километра ходила пешком. Редко когда подвозили на телеге. У нее всегда был наготове фельдшерский чемоданчик. А там и волки, и бешеные собаки, все что угодно. Отношение родителей к своему делу научило меня относиться к работе как к служению.

У меня еще есть сестра — Лариса Всеволодовна Лапутько. Она работала педагогом, а в течение последних 20 лет возглавляет профсоюзы педагогов Смолевичского района. У нее такое же отношение к людям и работе, как и у родителей. К ней приходят не только за социальной защитой, но и за духовной, моральной поддержкой. Она на своем месте: ее очень любят.

— Каким было Ваше детство? О чем мечтали?

— У меня трудовая книжка с 12 лет. Когда наступало лето, я, начиная с 5-го класса, шел работать в лес. И горжусь этим сегодня. Я был этаким гадким утенком — непропорционально длинные руки, и поэтому стандартный школьный костюм трудно было подобрать. И вот в 5-м классе я заработал за лето 120 рублей, в то время как мама получала 60, а папа получал 90 рублей, и мне за заработанные деньги в сельском комбинате бытового обслуживания пошили костюмчик аж за 35 рублей, но уже с нормальными рукавами. У меня было трудовое детство, но я не скажу, что безрадостное, наоборот, оно было творческим. Я работал не один, у нас была бригада моих сверстников. Мы выезжали далеко в лес со своими инструментами — топорами. Теперь даже удивляюсь, как это нам так доверяли. Мы в лесу делали осветление — когда растет сосна, возле нее быстро засеваются березы и осины. Они растут несколько быстрее и ценную древесину заглушают. Сосна становится бледной, несчастной, и ее ценные строительные качества ухудшаются. Поэтому на метр от сосны пространство освобождается. Это довольно-таки опасная для детей работа: острый инструмент. А нам доверяли. Создали детское лесничество — его возглавлял мой друг. Мы оправдывали доверие — за все время не получили ни одной травмы. Мужчины этой

работой занимались крайне неохотно, потому что это такая кропотливая работа, почти как прополка. Мы делали это с удовольствием, да и копеечку какую-то зарабатывали. Собирали ягоды и грибы для продажи.

В детстве у меня была мечта — стать военно-морским офицером. После окончания школы я и хотел поступать в Военно-морское училище. Но не прошел медицинскую комиссию по травме кисти, полученной во время занятий спортом. Поэтому поступил на географический факультет БГУ. С большой любовью вспоминаю наш факультет, там я получил глубочайшие знания. Нам преподавали много интересных наук — начиная от эстетики, архитектуры, истории культуры, геодезии, географии, минералогии, геологии, метереологии, кончая физикой, химией, математикой, отечественной и зарубежной экономиками, биологией и т. д. У нас была и военная кафедра. Она славилась своими специалистами, людьми, которые прошли локальные войны — афганскую, ангольскую. Вспоминаю подполковника Кошевого, который уже в наше время горел в танке. Они нас учили на военной кафедре по-настоящему. «Если мы вас не научим, вам же будет хуже, — говорили они. — Практика показывает, что война — это дело, от которого не зарекайся, потому что не от тебя зависит». А так как мечта стать офицером меня не покидала, то я старался все учить добросовестно. Получив диплом с отличием, специализация «организация туризма», я при распределении сам написал рапорт — у нас было пять мест — в Вооруженные силы. Мне предложили пойти служить в военную разведку. Меня хорошо протестировали, и я оказался годным. Также благодарен своим преподавателям военной кафедры — они мне дали и рекомендацию в партию. Когда я пришел в войска, то понял, что подготовлен не хуже тех, кто окончил военное училище.

От развала великой державы пострадала и армия. Естественно, многие оказались не у дел и не все это испытание пережили достойно: кто-то к стакану пристрастился, кто-то покончил самоубийством. Меня Бог миловал — наверно, сила духовной связи с моими предками-монахами поддержала и влила силу в нашу семью. В роду у нас, как потом оказалось, было много монахов, монахинь, но об этом раньше старались не говорить.

— Владимир Всеволодович, расскажите, пожалуйста, о своей семье. Ваше заинтересованное отношение к проблемам подрастающего поколения, очевидно, неслучайно?

— Я не представлял себе будущего без большой здоровой многодетной семьи. У нас с женой, Галиной Мефодьевной, пятеро детей, двое внуков. Нашему младшему сыну Коленьке 8 лет, а старшей дочери, которая подарила нам двоих внуков, — 30. Сыну Максиму 24 года, еще одному — Серафиму — 12 лет, дочери Марии 15 лет. Максим окончил сейчас Духовную семинарию и зачислен в Духовную академию в Москве.

Когда у нас родился второй ребенок, я тогда служил, мы с женой приняли осознанное решение — надо заниматься семьей. И стала у нас мама, филолог-педагог, оплотом, хранительницей очага. Она работает теперь по договору в Издательстве Белорусского Экзархата. Целый ряд крупных работ редактировала. В духовной литературе надо владеть темой, достаточно перепутать термин «преподобный» и «праведный» — и уже будет допущена большая ошибка. Она одна из первых преподавателей воскресной школы при храме Иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Но основная наша миссия — это семья. Я абсолютно уверен, что без материнской ласки, без души, которую вносит женщина в семью, она не может быть полноценной. Это альфа и омега семейного блага. Потому что когда отец и мать уходят на работу, то их гнездышко остывает. И птенцы брошены на чужих людей. Они впитывают чужие мысли и идеи, чужие характеры, потому и вырастают чужими. Какими бы высокими делами ни занимались их родители, мать прежде всего, но именно хлопоты, связанные с воспитанием детей, греют, дают силы, дают ту энергию, которую мы в этой суетной жизни пытаемся найти.

Большая радость общение с детьми. Когда мне говорят, что много детей — это обуза, я не соглашаюсь. Какая обуза! Наша семья только укрепляется с каждой появившейся душой, каждой появившейся любовью. Надо понять смысл жизни: не зря называют семью малой церковью. Любые проблемы и трудности, о которых мне начинают рассказывать, легче переживать в семье. Не скрою, и у нас было разное. Приходилось жить только на пенсию мамы, потому что была безработица, разруха. В течение нескольких лет (три с половиной года — уточнил Владимир Всеволодович) строил Спасо-Вознесенский храм в Фаниполе своими силами. Иногда и жил в палатке, днями семьи не видел, но они все понимали и поддерживали. По благословению старца Иоанна Христенкина и Николая Гурьянова мне удалось завершить стройку. Конечно, нас поддерживали родственники. А после возведения Храма меня и пригласили возглавить издательство. Работаю, не ропщу, потому что черпаю радость не в богатстве материальном, а в служении людям.

Кстати, о богатстве. Недавно напечатана статистика по китайским миллиардерам, и оказалось, что китайский миллиардер — самая опасная профессия из всех существующих в мире. Заработав первый миллиард, он мечтает заработать второй, а потом еще и еще. Впадают в зависимость. Сказать, что это больные люди, значит ничего не сказать. И они умирают или от работы, или от суицида. Американская статистика говорит, что число счастливых людей среди людей скромного достатка и среди миллионеров одинаковое. И только в 5 % избыток материального благосостояния влияет на состояние человеческого счастья. Конечно, мы все стремимся к счастью. Но ценности не у всех одинаковы. Одни поклоняются золотому тельцу, другие — настоящим святыням.

Когда у человека на душе неспокойно, что-то угнетает, мы говорим об отсутствии духовной составляющей. Мы всю жизнь должны работать над совестью своей, культивировать ее. Из этой почвы прорастают такие высокие плоды духа, как жертвенность, без которой невозможна семья. Надо идти в церковь исповедоваться — это омовение души, стирание предыдущих наших грехов, которые лежат в сердце. Наша душа после исповеди, после этого спасительного искреннего покаяния по нашей отечественной духовной традиции опять воссоздает эту духовную жизнь. И тогда человек счастлив в общении с ближним, в понимании своего служения, в осознании своего места в жизни. Можно пытаться найти свое счастье в любых суррогатах, но рано или поздно они приводят к одному. Вспомним «знаменитых» — для меня в кавычках — мыслителях, таких, как Фрейд, Ницше, которые привели к появлению психологии гедонизма, проповедовали сверхчеловека, — как они, бедные, завершили свою жизнь! И вспомним великих подвижников, старцев, молитвенников — их благодатную кончину, их радостное служение. Недаром старец Серафим Саровский говорил: «Радость моя — царский путь».

Мы сохранили на сегодняшний момент, в отличие от остального христианского мира, — действительно наши христианские корни. Печальную тенденцию наблюдаем на Западе — дехристианизацию и всплеск безнравственности (педофилия, наркомания, преступность и т. д). Они осушили родники народа, и там у них пустыня.

— Большое спасибо за то, что нашли время, при всей Вашей занятости, для этой беседы. И напоследок: что бы Вы пожелали нашему журналу?

— Я благодарен тому пути, который мне пришлось пройти. Я с благодарностью вспоминал своих учителей в разведке. Великая русская литература, тот же Пушкин, томик которого всегда со мной, историческая литература помогали мне принимать важные для меня решения. Историю мы не должны забывать: завтрашний день лежит во вчерашнем. А история учит: как только держава прекращала заботиться о нравственности, она неминуемо гибла. Сегодня надо говорить о духовной культуре. Хорошо бы в вашем авторитетном журнале ввести рубрику «Азбука духовной культуры», в которой бы из номера в номер публиковать материалы на эту тематику.

Беседовала Татьяна КУВАРИНА.

ВЕРОНИКА КАРЛЮКЕВИЧ

«Мечта моя — побывать в Китае...»: по страницам Собрания сочинений Максима Танка

В Минске завершается издание 13-томного Собрания сочинений народного поэта Беларуси Максима Танка. Событие для белорусского литературоведения, белорусской литературы в целом достаточно серьезное. Ранние издания избранных произведений М. Танка на белорусском языке, кроме отдельных книг, выходили в 2 томах (1958), в 4 томах (1966—1967), в 6 томах (1978—1981). После смерти поэта (умер классик в 1995 году) 13-томник — первая попытка собрать вместе все творческое наследие одного из наиболее ярких представителей белорусской советской поэзии. И, на наш взгляд, попытка удалась. Наверное, исследователи еще не раз будут анализировать подготовленный Институтом языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси научный и творческий проект. Возможно, будут высказаны и некоторые критические замечания, сделаны подсказки. А пока что обратим внимание на одну из тем, которая проходит через несколько томов Собрания сочинений М. Танка. Речь идет о «китайских страницах»...

Свое первое стихотворение белорусский поэт опубликовал в 1932 году. Молодому человеку тогда не исполнилось еще и 20 лет (родился Максим Танк в 1912 году). С того времени он добросовестно, талантливо работал в литературе более 60 лет. Много ездил не только по Беларуси, но и по всему миру. В 1957 году поэт посетил Китай. В путешествии по огромной стране белорусского литератора сопровождал писатель, публицист, переводчик, художник, каллиграфист Гао Ман. Итогом творческой поездки белорусского литератора стало написание цикла из 27 стихотворений. Комментируя публикацию произведения «Звездным путем», составители нового Собрания сочинений отмечают: «Датируется — 10. XI. 1957. Написано под впечатлением полета на самолете, который с делегацией ВОКС летел в Китай. Путешествие по Китаю продолжалось с 29. 9. по 30. 10. 1957...» «Китайский цикл» вошел в 3-й том Собрания сочинений (Минск, «Беларуская навука», 2007). В стихотворении «Звездным путем» поэт определяет свою задачу: он летит не на праздную экскурсию, а горит желанием открыть новый мир, о котором много слышал, много знает по книгам, газетным и журнальным публикациям. Ведь еще в 1950 году, 20 июня, Максим Танк делает следующую запись в одной из своих рабочих тетрадей: «Еду в Москву, откуда в составе советской делегации, в которой будет Бажан, я и руководитель нашей делегации Гундарев, двинусь в дальнейший путь. Раньше с некоторым большим желанием собирался в путешествие. Канада, в которую едем, что-то совсем мало меня привлекает. Мечта моя — побывать в Китае. Кажется, много написал бы стихотворений...»

Еще через 4 года — 25 сентября поэт снова делает «китайскую запись»: «...Стихотворение Кэ Зун-пина «Баку» — перевод с китайского подстрочника, который получил от Кэ Зун-пина в поезде, когда ехал с ним из Варшавы. Я дал его переводчику свое стихотворение «Голубая река».

«Баку» Кэ Зун-пина в переводе Максима Танка было опубликовано на белорусском языке в газете «Літаратура і мастацтва» 2 октября 1954 года. А также

вошло в 11-й том Собрания сочинений (Минск, 2010). Кстати, рядом с этим произведением опубликованы и другие переводы с китайского — стихотворения Мао Цзэдуна «Великий поход» и «Снег». Оба впервые вышли в журнале «Полымя» в октябре 1959 года. Тогда же было опубликовано и стихотворение китайского поэта Сяо Сань Эми Сяо «Тихо (Партизанская колыбельная)».

Публикация переводов китайской поэзии в одиннадцатом томе сопровождается небольшими, но подробными комментариями. Особенно внимательно рассматривается стихотворение Мао Цзэдуна «Снег». Комментаторы рассказывают о китайском революционере Хуан Сине (1877—1916), который возглавлял Хуанхуаганское восстание 1911 г., был одним из руководителей Синьхайской революции 1911—1913 гг. Отдельно характеризуется период «Пяти династий» У Дай, когда особенно проявлялась феодальная раздробленность Китая.

Диапазон переводческих пристрастий лауреата Ленинской премии, Сталинской и Государственной премии БССР, Героя Социалистического Труда Максима Танка достаточно широк. В одиннадцатом томе — стихотворения поэтов России, Азербайджана, Англии, Армении, Австрии, Болгарии, Грузии, Венгрии, Греции, Испании, Италии, Казахстана, Латвии, Литвы, Македонии, Германии, Молдовы, Польши, Румынии, Таджикистана, Туркменистана, Турции, Узбекистана, Украины, Франции, Чехии, Эстонии, Индии, Японии... Отрадно, что Китай и его поэты занимают в этом безграничном художественном пространстве свое особое место.

Но вернемся к третьему тому. Среди других произведений «Китайского цикла» привлекает внимание настоящая поэтическая новелла «Ци Бай-ши». Стихотворению из 22 строк предшествует следующий эпиграф: «Могила Ци Бай-ши из Сянь Таня. Надпись на могиле». Поэт приходит к могиле известного художника, чтобы букетом роз почтить его память. Такое решение было для Максима Танка вовсе не случайным. «Вы думаете — здесь закончил свой, — пишет поэт, — Бесконечный путь великий Ци Бай-ши? / И я так думал, когда роз букет / Принес положить на его порог, / Где, притаившись, лег / Мрак». И дальше: «Прислушайтесь: слышен птиц звон, / Которых создал на радость людям он. / Посаженные на земле туи / Под небо кроны вечные подняли, / А цветы, что родине подарил, / Горят огненным заревом зари!» (перевод подстрочный).

Ци Бай-ши был известен Максиму Танку еще до его визита в Китай. Возможно, репродукции работ замечательного мастера были для белорусского литератора одним из главных источников художественной, эмоциональной информации о далекой стране. Переводчик, писатель и художник Гао Ман вот что пишет 30 августа 2011 года в письме, адресованном автору статьи: «О М. Танке и Ци Бай-ши... Это очень хороший вопрос. Связан он с эстетическими взглядами двух художников. Может быть, потому, что оба вышли из семьи крестьян, имели что-то общее в крови. Ци Бай-ши очень оригинальный художник. Он не только живописец, но и поэт, каллиграфист, резчик печатей по камню. Как живописец он рисовал все, что видел своими глазами. На свитках картин он, как большой мастер каллиграфии, оставлял свои стихи или пародии, воспевал красоту природы и высмеивал темные стороны жизни. Под его руками движется всякое живое существо. Рисовал горы, реки, солнце, сосны, ивы, пионы, цветы, траву... буйволов, пастухов, рыбаков, рыб, креветки, лягушек, цыплят и прочую живую жизнь. Он любил мирную жизнь. Может быть, Максим Танк питал такую же любовь. Может быть, их художественные вкусы похожи...»

В стихотворении Максима Танка, посвященном Ци Бай-ши (1860—1957), поэт стремится разобраться в вопросе о месте художника в обществе, о его роли в разрешении вечных проблем, связанных с осознанием человеком-индивидуумом его предназначения в жизни. Белорусский поэт, открывая новый для себя мир Китая, китайского народа, китайской культуры и искусства, размышлял над главным: «Для чего жить? Так ли важно утверждать добро и красоту?..» Кстати, в том же 1957 году свое стихотворение о Ци Бай-ши написал и великий китайский поэт Ай Цин. Правда, написал еще при жизни художника — в январе 1957 года. Приведу его полностью:

Смотрим не отрываясь
Картины одну за другою.
Словно сезоны года
Сменяются перед нами:
Зима за окном, а в доме —
Цветы весенней порою,
И следом лето — деревья,
Увешанные плодами.
Личжи, пион, подсолнух
К солнцу тянуться рады.
Здесь — на траве лягушки,
Там — под водой чилимы.
Вот перезрелая вишня —
Сладостней нет аромата.
Слышно пчелы жужжанье,
Что над вишней кружится.
А вот золотые рыбки,
Вольные от рожденья.
Выросшие на приволье —
Это свободы творенье.
Дружба зреет и крепнет —
Мирной жизни веленье.
Все, что на свете прекрасно,
В необоримом цветенье.

(Перевод М. Басманова)

Открывая стихотворения Максима Танка в третьем томе Собрания сочинений, и сегодня читатель постигает особое значение Великой Китайской стены, тайны Лунмыньских пещер, знакомится с первым буддийским храмом в Китае Белый конь, построенном еще в 11-м году правления императора Юньмина династии Восточная Хань (68-й год нашей эры) в Лояне... А «Тень памятника в зеркале озера Дынху»... В основе — легенда о первом известном в истории китайской литературы поэте Цюй Юане. Как эпиграф к стихотворению — следующие слова: «Легенда говорит, что поэт Цюй Юань, который утонул в реке Мино, живет в подводном царстве». У озера Дынху М. Танк побывал 13 октября 1957 года. Многие произведения были написаны по свежим впечатлениям от встреч. Буквально на коленке заносились в дорожный блокнот, записывались вечером в гостинице, на ночлеге. Стихотворения из «Китайского цикла», наверное, много значили для белорусского поэта. Иначе как объяснить его постоянные воспоминания о Китае, желание снова посетить далекую страну?..

В 10-м томе Собрания сочинений Максима Танка помещены дневники поэта (1960—1994). Запись от 26 сентября 1968 года: «Куда меня только не заносили сны. Сегодня даже бродил по улицам Пекина. Как и вчера, над городом туман. Думаю над новыми стихотворениями, но все они какие-то мрачные, что противоречит соцреализму». Наверное, о сопричастности с Китаем говорит и такая запись от 13 января 1971 года: «Самолет быстро набирает высоту... Знакомимся с Лондоном, Англией... Гостили у Чарльза Сноу и его жены Памелы Джонсон. Мы интересовались, над чем они сейчас работают. Оба хотели бы вместе со своими детьми посетить Советский Союз, где последний раз были в 1966 году. Все они опытные и страстные путешественники. Чарльз Сноу знает языки русский, латинский, греческий. Сейчас изучает китайский». 5 января 1978 года в дневнике М. Танка появляется следующая запись: «Не знаю, как переводить с японского или китайского, если там очень сложная образность и совсем другое мышление. Читал где-то, что, например, предложение: «Я прошел по улице моих забот» значит: «Я думаю о вас», а «Я ударил палочкой гнева по уху твоего внимания» переводится: «Я хотел обратить на себя внимание».

В 1983 году, 8 декабря, Максим Танк записывает следующее: «К. Шерман, который только что возвратился с московского совещания переводчиков, передал

привет от Гао Мана. Я уже думал, что он погиб во время культурной революции в Китае. Он, оказывается, был в мое отсутствие и в Минске. Жаль, что мы с ним разминулись».

1987 год, 5 января. В дневнике — следующая запись: «Звонил Н. Гилевич, что приезжает к нам мой старый знакомый — Гао Ман. Как жаль, что не смогу с ним встретиться, поблагодарить его за переводы и издание моего сборника на китайском языке...» Максим Танк находился тогда в больнице. Правда, и Гао Ман не смог приехать в Минск. 9 января белорусский поэт помечает в дневнике: «Приехал Га Баотюань. Эх, как не вовремя подкосила меня эта болезнь!» Гао Баотюань — соавтор Гао Мана по переводу книги Танка на китайский язык.

Оторвемся на какое-то время от дневников Максима Танка. В характере поэта — и об этом знают многие белорусские литераторы — постоянно проявлялось не просто внимание к своим коллегам по писательскому цеху, но и исключительные порядочность, обязательность, желание откликнуться на просьбы всех, кто когда-либо встречался на его жизненном пути. Это, впрочем, чувствуется и на страницавх дневника. Переводчик Гао Ман в письме автору статьи от 28 августа 2011 года вот что пишет о классике белорусской литературы: «...Мы были знакомы до его приезда в Китай. Когда он приехал в Пекин и хотел встретиться с Ци Байши, старый художник уже ушел из жизни. Мы с Танком посетили его могилу. В необходимости этой поездки выразилось желание самого поэта. Танк знал о художнике еще до поездки в Пекин. Стихотворение, которое затем было посвящено Ци Байши, удивило меня силой поэтического восхищения искусством нашего великого мастера.

После возвращения М. Танка на родину мы переписывались. Но, к сожалению, эти письма пропали в черные годы «культурной революции».

Наверное, в этих письмах было немало слов искренней любви, привязанности Максима Танка к Китаю. В 1988-м Танку было уже 76 лет. Насобиралось к тому времени множество болячек и хворей. Болела жена. Хватало проблем и у детей, других близких родственников. Старость наступила на фоне развала Советского Союза. Рушились идеалы, утверждению которых была посвящена вся жизнь. И все же Танк оставался яркой, энергетически сильной личностью... Можно только догадываться, какая радость скрывалась за записью от 8 сентября 1988 года о том, что из Китая ему привезли «интересный альбом рисунков Гао Мана».

Одна запись в танковском дневнике — от 9 июля 1988 г. — новый поворот в теме: «Запись в черновике под датой 1936 г., 13 мая: «Встретился с К. (?), который рассказал мне о постановке Леона Шиллера во Львовском театре спектакля «Кричи, Китай!». В постановке этого замечательного режиссера я видел только «Розу» С. Жеромского и «Сон в летнюю ночь» В. Шекспира...» Кто же такой этот Леон Шиллер? И о каком спектакле, уже тогда, в 1936 году, открывшем для Танка китайскую тему, идет речь?..

Некто К., имя которого Максим Танк не расшифровывает и, наверное, уже к 1980-м годам и не помнит, — человек, что рассказал поэту о спектакле по пьесе Сергея Третьякова «Рычи, Китай!» (в оригинале у Танка — все-таки «Кричи, Китай!»). Произведение написано в 1926 году и посвящено борьбе китайских портовых рабочих против американских колонизаторов. Публицист, драматург, поэт-футурист Сергей Михайлович Третьяков родился в 1892 году. В 1937-м арестован и расстрелян. В 1919—1922 гг. жил и работал во Владивостоке, Пекине, Харбине, Чите. В Харбине печатался в журнале «Окно». В 1925—1926 гг. читал лекции по русской литературе в Пекинском университете. На китайском материале написал роман «Дэн Ши-хуа». Также является автором книги очерков о Китае «Чжунго». Что касается Л. Шиллера, то не будем путать его с Фридрихом Шиллером, известным писателем. Постановщик пьесы «Рычи, Китай!» во Львове в 1936 году Леон Шиллер (1877—1954) — польский театральный деятель, режиссер, педагог. Возглавлял театры в Познани, Лодзи, Львове. Создавал спектакли, про-

никнутые революционной романтикой, протестом против социальной несправедливости буржуазного мира: «Дзяды» А. Мицкевича, «Кордиан» Ю. Словацкого, «Трехгрошовая опера» Б. Брехта. Л. Шиллер сформировал в польском сценическом искусстве принципы, эстетику, стиль монументального театра. В 1952 году основал ежеквартальный журнал «Театральный дневник». В 1950—1954-м был президентом Союза польских артистов театра и кино. Пьеса «Рычи, Китай!» не могла не привлечь внимание такого мастера сцены. Недавно мне в руки попал дневник И. и А. Серебренниковых, иркутских белоэмигрантов, живших в Китае. Даже они не могли обойти вниманием имя Третьякова. Читаем запись от 20 мая 1934 года: «Немало русских писателей появляется здесь и в английских переводах. За последнее время часто стало попадаться имя Бунина как свежего нобелевского лауреата. В сегодняшнем объявлении книжного магазина «LYnn» объявляется о продаже драматических произведений советской литературы в переводе на английский: В. Иванов, «Бронепоезд», Третьяков, «Рычи, Китай!», М. Чумандрин, «Белый камень». О последнем авторе я слышу впервые».

Максим Танк и Китай... Один месяц путешествия по огромной стране — и память на всю жизнь. Редкие и чаще случайные встречи с китайскими писателями... Казалось бы, эти факты нельзя назвать явлением, ставшим основой, фундаментом поэзии великого мастера. И все же в мозаике, что представляет многообразное творчество Максима Танка, Китай, китайская литература занимают особое место. Многие страницы Собрания сочинений замечательного белорусского поэта убеждают именно в этом.

t

ВАЛЕНТИНА ЛОКУН

Лестница, ведущая в духовную пропасть

Михась Южик принадлежит, можно еще сказать, к молодому поколению отечественных литераторов, но его творческий багаж позволяет говорить о нем как о сложившемся мастере — со своим индивидуальным видением мира и человека. Писатель творит на стыке реалистического социально-психологического письма и фантастико-мистического, с использованием постмодернистской парадигмы. Его художественная система координат включает в себя конкретику современного социума и элементы мифотворчества, фантастики. В результате, созданная его творческой фантазией имитация жизни только подчеркивает глубину и сложность жизни реальной.

М. Южик является автором ряда книг прозы: «Мёртвае дрэва» (2001), «Перакулены час» (2002), «Марыянеткі і лялькаводы» (2008). За последние годы были опубликованы фантастическая повесть «Матылькі над багнай» (2006), роман «Лесвіца» (2007), повести «Горад, які яны засялілі» (2007), «І падаў снег на зямлю» (2009). В 2010 году вышел в свет роман «Леапард на балконе».

В своем творчестве М. Южик прежде всего стремится определить духовную сущность современного человека. Кстати сказать, такую же задачу ставят и многие другие белорусские прозаики: В. Козько, А. Козлов, А. Федаренко, В. Гигевич, А. Жук, Г. Богданова, А. Наварич, Ю. Станкевич, А. Браво, Зм. Вишнев, А. Бахаревич и многие другие. Это — доминантная задача литературы. И не только современной. И не только национальной. М. Южик стремится решать ее по-своему. Через выявление природы зла. С этой точки зрения он наследует традиции мировой литературы — прежде всего идею «подпольного человека» Ф. Достоевского, философию «Постороннего» А. Камю. Сюда же можно добавить и эстетику Кафки с его элементами перевоплощений. Из современных белорусских писателей он очень близко подошел к художественному опыту А. Козлова.

Своеобразие художественной манеры М. Южика в том, что он почти не выходит за пределы обыденности в отображении жизни личности. Он как будто проигрывает ситуацию человека в мире созданного им самим зла. Драма героя М. Южика исходит не столько от социума, от того, что он живет во время «большой социальной болезни» (А. Бальзак), а прежде всего провоцируется некими внутренними силами, исходящими из его второго «я». Последнее чаще перевешивает в конфликте героя с самим собой.

Сфера зла как второе «я» человека была обозначена еще в романе «Марыянеткі і лялькаводы» — образ главного героя Сергея Пугача: «...нібы сядзеў у ім нейкі іншы непадуладны яму чалавек»[1]. И именно этот «второй» человек был способен на самые невероятные поступки. В этом проявлялся бунт героя, который, кстати сказать, был изначально обречен, ибо это был бунт человека растерянного, человека перестройки.

---

[1] Южык М. Марыянеткі і лялькаводы. Мн., 2008.

Сергей Пугач представлял поколение интеллигентов, которое было поражено «непазбыўным інфантылізмам ў спалучэнні з ваяўнічым цынізмам і бездухоўнасцю». Он был марионеткой по своей внутренней сути, но — с замашками кукловода. «Тэатр для мяне — нішто. Гэта схованка, дзе я адседжваўся ў чаканні сапраўдных роляў». Реальных жизненных ролей, где бы он мог самоутвердиться. Герой жаждет свободного самовыражения, творческого простора, «і начхаць мне на ўсё астатняе». Но это была иллюзия самоутверждения.

«Марыянеткі і лялькаводы» — роман-мозаика, где сцены, эпизоды следуют одна за другой. Меняются лица героев, внешне между собой не связанные. Автор создает социальную панораму, цементирующей основой которой является не **характер**, а идея, заложенная в характер. В центре дискурса **поиск** идеи жизни и искусства.

Сергей Пугач отрицает современное искусство, театр, видя в последнем «придумку античности». Театр теперь — это сама жизнь, и все люди — актеры, при этом настоящие актеры, ибо играют самих себя.

Позитив романа связан с образом Пугача-старшего, художника, постигшего, как он думает, истину искусства. Диалоги-споры отца и сына Пугачей можно считать идейным стержнем романа. Леонид Нилыч убежден, что жизнь — это всегда движение вперед. Он воспитанник советской школы. Он сумел справиться со своей внутренней драмой, порожденной разрушением незыблемых ранее идей и идолов. Его поиски сущности искусства привели к христианской Голгофе — вот оно, по мысли Пугача, настоящее Действо, источник изначального конфликта. Здесь в смертельной схватке сошлись мировое добро и зло, свет и тьма, правда и псевдоправда. «Толькі там Пераможаны стаў Пераможцам, а Забіты — Вечна Жывым». Это и есть истинная тема настоящего искусства. Автор убежден, что Голгофа, Крест и есть то место, «дзе яднаюцца зямля і неба, дзе ў кропку сціскаецца час і бяжыць ужо ў іншым напрамку».

Тем не менее концепция личности художника М. Южика, как и концепция личности человека (человек произошел из праха и в прах превратится) не лишены противоречия. С одной стороны, Голгофа и жертвенный Крест, с другой — «сапраўдная творчасць... не могуць пачынацца іначай, як з усведамлення ўласнай мізэрнасці, з пакаяння», ибо только Бог есть наивысший творец, есть «усеабдымная, бясконцая, несупынная творчасць». Таким образом, автор в лице Пугача-старшего утверждается в мысли о тщетности творческого сознания человека. Несовершенство философии Пугача-художника видится еще и в том, что, признавая космос разумной субстанцией, он отвергает разумность человеческого начала. А ведь эти две природные среды представляют по сути одно природное целое.

В фантастической повести «Матылькі над багнай» М. Южик продолжает исследовать природу человеческого «я». Как и раньше, писатель отображает мир зла, вводя при этом в повествование характерные образы-символы. В данном случае образы «матылькоў», «багны». Сфера абсурдного затрагивает здесь не только жизнь человека, но и его характер. Максим Мелешко — еще более деградированная личность, чем его предшественник Сергей Пугач. Мистическое начало в структуре художественного дискурса становится главенствующим, оно несет основную смысловую нагрузку: «...усе людзі ператварыліся ў матылькоў... нават той легкакрылы матылёк будзе старэць, слабець і калісьці ўпадзе ў заклятую багну»[1].

Роман «Лесвіца» можно назвать этапным в творчестве М. Южика. Здесь он попытается преодолеть художественную одноплановость образов-концепций «марионеток», «кукловодов», «бабочек» и др., а вместе с тем и фрагментарность повествовательной структуры. Но его внимание по-прежнему сосредоточено на «втором Я» человека — разрушительном, негативном. Он ищет истоки этого негатива, — стремясь наполнить при этом художественный образ героя реальным содержанием.

---

[1] Южык М. Матылькі над багнай // Маладосць. 2006, №6.

Внешний мир героя практически ограничен сферой одной семьи, и это — антураж мира внутреннего. Павел Олегович Богатко — неудачник. Со всех сторон неудачник. «У сям'і — раздрай. Зарплата — назваць сорамна. Людзі не любяць. Жанчыны не кахаюць...»[1]. Хотя в начале жизни все как будто складывалось и неплохо: школа, институт, работа, семья. Все было как у всех. Правда, был еще Петр Жигоцкий, студенческий друг Павла Олеговича, с которым они делили когда-то комнату в общежитии. Павлу Олеговичу крайне необходимо сравнивать себя именно с Жигоцким. Это — как наваждение. Они — антиподы, более того — заклятые враги. Жигоцкий сразу после учебы «гіганцкімі крокамі пайшоў, пабег, паскакаў угору», «штогод новыя алімпы браў, авалодваў новымі хуткасцямі». Теперь Петр Вацлавович — крупный бизнесмен. Но если Жигоцкий беспрепятственно, от ступеньки к ступеньке, поднимался к своему олимпу, то Богатко, наоборот, как переступил 33 года назад порог предприятия, так и поныне там. Переезд на новую квартиру и рождение детей «сталіся апошнімі жыццёвымі поспехамі» Павла Олеговича, его «алімпам», а потом «ўсё пад гару, ды таптанне на месцы, ды пад гару, ды таптанне...» Зависть к бывшему другу раздирала душу Богатко.

Противоборство Богатко и Жигоцкого началось давно, еще со студенчества, уже тогда поведение последнего противоречило нравственным принципам Павла Олеговича. С тех пор он имени Жигоцкого «не толькі вымаўляць — пра сябе прагаворваць, успамінаць не мог... без зубоўнага скрыгату». А когда еще его дочь «сышла да Жыгоцкага», он и совсем потерял покой, или точнее, разум. Ну слишком много стало в жизни Богатко этого человека. «Нібы ўвесь свет — адзін Жыгоцкі і ёсць. Ён вонкі, ён і ўнутры — пад сэрцам, у страўніку, у мозгу спакутаваным. Цісне, смыліць, запаланяе думкі і сны».

Все зло мира для Богатко персонифицировалось в облике Жигоцкого. А заодно и в облике дочери Тамары. Ну не может герой спокойно есть и спать, представляя, как Жигоцкий дотрагивается своими грязными руками до его дочери, потому что, дотрагиваясь до нее, он дотрагивается и до него — Богатко. «Бо яна ж — мая плоць». Правда, здесь Павел Олегович согласен на компромисс, но в том случае, когда Жигоцкий с дочерью официально оформит брак, тогда он их «любіць, зразумела, не будзе», но «адразу палагаднее».

Однако это еще не весь спектр противостояния. Не лучше сложились отношения у Павла Олеговича и с другими членами семьи. По его словам, жена Вера Геннадьевна была «дужа падобнай на ведзьму», «удзень і ўначы скандаліла, праклінала, пагражала разводам». С сыном Юрасем, «вузкаплечым, нядошлым», который напоминал ему «нейкага дохлага гнома», они «былі псіхалагічна несумяшчальныя». Богатко и брата своего ненавидел — за то, что тот за два года до пенсии начал писать какие-то научные трактаты, а потом и вообще ушел из семьи, сошелся с другой женщиной. А еще больше ненавидел брата за то, что тот был биологом по образованию: «ух, ненавіджу такіх людзей», «наогул натуралістаў бы перавешаў». По мысли Богатко, человек — это мучитель земной фауны, и защищать его, как это делают натуралисты, есть большая «природная» несправедливость. «Калі ты штодня кроў і плоць паядаеш, то ўжо не крыўдуй, што нехта і цябе прыб'е мімаходзь». Вся эта «мыслительная эквилибристика» подталкивает Богатко к заключению, что «жыццё наша — гэта нейкі згустак крывадушнасці, подласці і насілля...».

Павел Олегович видел во всех, кто его окружал, только «падлюгаў, ашуканцаў і прайдзісветаў». Правда, иногда вспыхивало сомнение, что «так не бывае», «і тым не менш і слова добрага пра людзей напісаць не магу», — отметит он в своем дневнике.

Все человечество, по Богатко, разделено на властителей и невольников, т. е. тех же марионеток и кукловодов. Марионеткой герой М. Южика быть не хочет.

---

[1] Южык М. Лесвіца // Полымя. 2007, № 8.

Он претендует на роль не иначе как властителя, — правда, не в масштабах мира, а только в рамках одной семьи. Однако два лидера в одной семье — это тоже драма. «Не дай Бог такая сям'я, дзе абодва кіраваць хочуць. Гэта не сям'я, а крывавае поле бою. Як у мяне з Веркай».

Любил ли Павел Олегович свою жену? Нет. «Патрэбная была, жаданая як жанчына». Да и то когда был молодым. А потом было простое «сужыцельства» — «са скандаламі, звадамі, нянавісцю».

Отвергая общество живых людей, Богатко замахивается и на умерших: «Ненавіджу магілы, і дзівяць мяне людзі, што туды рэгулярна цягаюцца». По его мысли, людей манит прошлое, потому что они потеряли перспективу жизни: «Прах трэба ў полі развейваць. Гэтак і жывым спакайней, і памерлым. Прынамсі не будзе атаясамлівання чалавека з разложаным трупам. Божухна, да чаго ж мы яшчэ дзікуны, калі такога не разумеем».

Таким образом, отрицание мира у Павла Олеговича стало тотальным.

Жажда мести Богатко приобретает патологический характер. Человек превращается в зверя. «Ага і праўда: я цяпер звер, сабой не валодаю. Разбудзілі, развярэдзілі, распалілі». «Звер я... люты, драпежны», — отметит про себя Павел Олегович. Однако природа «озверения» Богатко остается за кадром. Мы наблюдаем уже **финал** этого процесса. Отсутствуют и авторские характеристики тех, против кого выступает герой. Следовательно, ненависть его объективно немотивирована. «Нешта шчоўкнула і зламалася ў нашым бацьку», — итожит свои наблюдения над Богатко Вера Геннадьевна, его жена. Ведь раньше они жили «не горш, чым абсалютная большасць беларускіх сем'яў».

Однако через все эти моральные наслоения в характере героя «просвечивается» и другой Богатко. Этот другой любил свою дочь, «не, не цяперашнюю яе — прадажную самку, а тое немаўля, што я спавіваў, тую дзяўчынку, якую на санках вазіў, у якой затым правяраў школьныя заданні, поспехам якой радаваўся». Со временем любовь эта превратилась в болезненную ревность. Это чувство и управляет теперь поведением Павла Олеговича. «Як страсны палюбоўнік, што забівае каханку, адно каб не была яна ў абдоймах іншага, гэтак і я гатовы на ўсё...»

Есть Богатко — человек «вахлакавата апрануты, пляшывы, з утравелым сярдзітым тварам». Этот Богатко в очередной раз прорывается к дому Жигоцкого и «выкрыквае ў камеру праклёны, паказвае дулі, плюецца, а пасля разлёгся на газоне перад брамай з вульгарна разведзенымі нагамі». Но есть и Богатко, который обладает аналитическими склонностями, которому открывается картина Мироздания — «ў сэнсе нябачнага — незлічоных паралельных сусветаў, бясконцага і зваротнага часу».

Кто же такой Павел Олегович Богатко? Моральный вырожденец, жертва социума, генный мутант? Еще в детстве герой ненавидел своих обидчиков и утверждал свою правоту через силу, драки. То же самое наблюдается в поведении Павла-студента. Якобы и за справедливость он борется, но делает это как садист, наслаждаясь местью. Месть становится главным смыслом его жизни, хотя воспринимается она чаще как акт иррациональный, бессмысленный. Воюет герой не против мирового зла, как делал это некогда Иван Карамазов, герои экзистенциальной литературы или литературы модернистской, он борется за те моральные ценности, в плену которых находится сам.

Чтобы глубже постичь сущность характера героя, М. Южик вводит в структуру романа его дневниковые записи, в которых тот пытается заполнить духовную пустоту личной рефлексией. (Надо сказать, что независимо от формы подачи материала стилевая парадигма не меняется — в тексте монополизируется объективное авторское письмо.) Рефлексии героя помогают открыть **драму** человека несостоявшейся судьбы. Осознать степень отчуждения его — человека — от общества, которое он отвергает. В дневнике Богатко хотел быть «трошкі вышэйшым, разумнейшым, значнейшым». Однако отвергая и осуждая других, он постепенно приходит к мысли, «што і сам не толькі не лепшы за іх, а нашмат горшы».

Реалистическое по сути повествование М. Южика актуализируется посредством символизации текста. Вводятся образы-символы паука, а затем мифологема лестницы.

Страх пленил душу Богатко еще в детстве, когда его донимал один и тот же сон: огромный паук с человеческим лицом — на потолке, и спускается на него. Индивидуально конкретное ощущение страха в итоге приобретает качества образа-топаса, превращается во всеобъемное, многовариантное понятие. Впоследствии, уже во взрослой жизни, страх героя приобретает иные метафорические очертания. Павлу Олеговичу начала сниться лестница. Он падал с нее, мучаясь предчувствием страха разбиться. Но со временем и это прошло: карабкаясь в самое небо, герой не ощущал страха падения, не страшило и небо, страшило то, что было внизу — звуки жизни, звуки бытия — угрожающие, дисгармонические.

Мифологема лестницы у М. Южика включает в себя два смысла: жизни и смерти, позитивного движения «вверх» и антидвижения, т. е. духовного возрождения и окончательного вырождения, нравственного манкуртства. Писатель усматривает драму современного общества в том, что исчезает «немаўля ў калысцы», то изначально чистое и светлое, за которым стоит будущее, — его уничтожает «черный человек». И автор не находит ничего лучшего, как представить в роли спасителя своего героя — Павла Олеговича Богатко... В этом видится одно из главных противоречий не только образа Богатко, но и мировоззренческой системы самого автора.

Процесс превращения героя в антигероя раньше связывали с влиянием экзистенциальной философии, истоком которой считалось творчество Ф. Достоевского. Разумеется, что при решении концепции человека современная белорусская проза не может не учитывать традиции предыдущей литературы, в том числе и опыта Ф. Достоевского. Но вместе с тем нового героя дает нам и реальная действительность, ибо, как говорили еще марксисты, бытие определяет сознание, а художественная литература очень остро реагирует на изменения в общественном сознании.

По мнению Л. Олейник, роман М. Южика «Лесвіца» «па многіх прыкметах выглядае як рымейк па матывах «Раскіданага гнязда» Янкі Купалы», хотя при этом «спецыяльных маркіровак» и «прамых адсылаў да арыгінальнага твора» критик и не видит[1]. Продолжая логику рассуждений Л. Олейник, фантастическую повесть М. Южика «Горад, які яны засялілі» можно назвать ремейком по мотивам «Постороннего» А. Камю. Представленная белорусским прозаиком модель жизни-абсурда и есть антимир, в который может погрузиться общество, отвергнувшее нравственные постулаты христианства. Автор представляет экзистенциальный образ Пустоты: «Горад нібыта вымер, ніякіх гукаў... Усё знерухомела, знікла электрычнасць, газ, нават гадзіннік спыніўся»[2]. Герой М. Южика оказался вне времени и пространства.

М. Вертиховская видит много общего между «Лесвіцай» и «Горадам...», она считает их диптихом. Более того, «у «Горадзе...», — заявляет критик, — пісьменнік здолеў, паўтарыўшы сказанае, не паўтарыць, а дасягнуць такога ўзроўню абагульнення і ўмоўнасці, якімі, бы скразняком, зрушваюцца абсалютна новыя сэнсавыя зоны»[3]. И с этим нельзя не согласиться. М. Южик продолжает исследовать проблему отчуждения человека, опустившегося на самую нижнюю ступеньку лестницы жизни, которая граничит уже с нежизнью. Но входит в эту проблему еще глубже, «абстрагированнее», проигнорировав реальное и бытийное. Он исследует человека, «отстранив» его от всего внешнего как неглавного. Степень

---

[1] Алейнік Л. Сакрэт майстэрства. // ЛіМ, 9 лістапада 2007.

[2] Южык М. Горад, які яны засялілі // Маладосць. 2007, №10.

[3] Верціхоўская М. Лесвіца ў горад, які яны засялілі, або Уваскрасенне Лазара // Маладосць. 2009, № 2.

социологизации сведена практически к нулю. Отображен образ-тип человека, безнадежно больного духовной пустотой.

Автор снова ставит в центр своего текста образ-идею, создает сложную метафорическую модель мира. Повествование приобретает формы притчи, некоей философской метафоры, для расшифровки которой требуется немалое усилие читателя.

Главный герой, 27-летний учитель Хриботич, он же я-герой, наделен множеством характеристик — от антропологических данных до его внутренних рефлексий. Есть в тексте и так полюбившиеся автору дневниковые записи-откровения героя, где тот не хочет представлять себя «у нейкім лепшым святле. Хай чытач ведае, што я за фрукт». Точно такую задачу — расшифровку своего истинного «я» — ставил в дневнике и герой «Лесвіцы». Так же, как и в характере Богатко, доминантой характера Хриботича является ненависть. Он — учитель белорусской литературы — ненавидит всех, кого принуждает говорить на белорусском языке, конфликтует со всеми, с кем общается. Эта ненависть становится его обычным состоянием души. Хотя герой всячески старается подчеркнуть свою «усредненность», схожесть с другими: «Не, я не маньяк, не ізгой, я больш-менш нармальны». Ненормальным, по мысли героя, сделал его этот маленький городок, в котором «чалавеку нічога не застаецца, як збіцца ў статак». А быть в стаде, быть как стадо герой не хочет и не может. Он возненавидел всех «да зубоўнага скрыгату».

Первый «приступ» ненависти к городу Хриботич ощутил сразу, как только приехал туда учительствовать, ибо не встретил там ни одной благородной души, благородной — в его понимании: «Што за горад, што за вылюдкі ў ім жывуць!» Ненависть «к местачковай памыйніцы» стала расти и шириться. «Знелюбіўшы нейкага чалавека ці з'яву, я культываваў у сабе гэтую нелюбоў, і... проста-такі жыў і сілкаваўся тым негатывам».

Ненависть Хриботича к ученикам исходит, как он сам признается, из его ревности к молодым. То, что «блудлівец» Марцевич шел, обнявшись средь бела дня с «распусніцай» Инной Волковой, было для героя «як нагадзіць на абедзены стол». В учениках он усматривал только их «пустыя, нікчэмныя душы».

В ряд ненавистных людей герой вписывает и своих родителей, которые, по его убеждению, дочь любили больше, чем его — сына. «Дулю я табе пазваню», — грозится Хриботич отцу в день его рождения. Отвергает он и сестру, жизнь которой оказалась удачливее, чем его собственная. Не любит и девушку, которая лучше всех других подходила на роль его жены, он и ее постоянно «прыніжаў, абражаў і ледзь не мацюкаўся».

«Усё маё жыццё — суцэльная непрыемнасць», — отметит герой в начале своего откровения. А он, «чалавек высокага інтэлекту», хотел «жыць так, як заслугоўвае», хотел власти над людьми, над обстоятельствами. Бонапартизм — вот чему был подвержен характер героя в реальной жизни. Хотя по сути Хриботич типичный маленький человек из подполья, которому каким-то образом удалось создать иллюзию своей самодостаточности. Он, как и его предшественник Богатко, заложник своей ненависти, которая породила у героя ощущение пустоты вокруг себя. Чувство одиночества. «Раптам прыйшло адчуванне сваёй непазбыўнай адзіноты на гэтым свеце, марнасці ўсіх памкненняў і спраў, якія я намагаўся ажыццявіць», — сознается герой.

Ненависть поглощала героя целиком, становилась непреодолимой и постепенно превращалась в такой же непреодолимый страх. «Мяне мучылі прыступы страху, а гукі чалавечага побыту, што даносіліся з усіх бакоў, праз сцены, вокны і дзверы, гатовыя былі, здавалася, ушчэнт парваць мае нервы».

Состояние страха раздирало душу героя, он находился на «вельмі небяспечнай мяжы, гатовы штосекунды абрынуцца ў прорву вар'яцтва». И грань эта вскоре рухнула, герой оказался уже «не толькі па-за людзьмі, але і па-за часам». Он оказался в плену «змярцвелага», «абязгучанага» города, выхода из которого не было, «бо нават вырваўшыся, буду нязменна з сабой, у сваім духоўным целе,

са сваімі праблемамі». Все жители мертвого города были внутренне мертвыми. Мертвыми и одинокими. Мертвым и одиноким стал и герой М. Южика.

Мертвый город, или город одиночества, по Южику, это и есть модель антимира. Но ее, эту модель, можно воспринимать и как сатирическую метафору мира реального, в котором человек теряет свои связи с изначально духовным и превращается в нечеловека, мертвого человека. Вместе с тем автор пишет притчу, и, в соответствии с ее законами, в текст вводится концепция духовного возрождения человека. Кстати, такая концепция намечалась и в «Лесвіцы» (образ-символ младенца), но она не была органичной в контексте романа. В «Горадзе...» она «звучит» уже по-другому. Хриботич именно **там**, в **том** измерении занялся чтением, в первую очередь Евангелия, ибо в этой книге «выразна, упершыню і назаўсёды, праведзена мяжа паміж Божым і чалавечым». Читая эту книгу, человек перестает быть одиноким, «бо гучыць ягонае слова». Слово это ведет к покорности, к осозанию человеком своего места в макромире. Спасение мира — в осознании человеком слова Божьего.

«Кожнаму сваё», — резюмирует духовные поиски своего героя М. Южик. У каждого из нас свой город. Тот, который каждый из нас заслужил.

По определению М. Вертиховской, М. Южик «стварыў партрэт «героя нашага часу», глянуўшы на які, кожны пазнае і сябе. Аднак парадокс пісьменніка Южыка ў тым, што, напісаўшы пра смерць, ён здолеў сказаць пра любоў да жыцця і пра яго найвялікшую каштоўнасць. Па вялікім рахунку, Южык здзейсніў спробу вырашыць стратэгічную задачу літаратуры: «заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощаемых всех ее проявлениях» (Л. Толстой)[1]. Любить, добавим, по логике М. Южика, через Бога в себе.

Повесть «І падаў снег на зямлю» лишена свойственной «Гораду...» остроты. Она наполнена реалистическим содержанием — с описанием конкретики быта и психологических мотивировок поведения главной героини. Текст состоит из трех разделов, которые соответствуют трем возрастным этапам жизни героини: 20, 25, 30 лет.

Героиня искала утешения в любви, страсти, но оказалось, что не это является главным смыслом жизни женщины. Главным для нее была и остается семья, основанная на доверии и взаимоуважении. Заключает повесть оптимистическая сцена снегопада. Снег здесь символизирует чистоту и непрерывность самой жизни.

Природа зла в современном негармоничном мире продолжает интересовать писателя и в романе «Леапард на балконе». Этот роман является одним из наиболее социологизированных произведений «позднего» М. Южика. «Ці вынікае злачынства з выхавання, акаляючага асяроддзя, аб'ектыўных жыццёвых абставінаў, або крыніцай яго з'яўляецца нябачнае, метафізічнае, над чым ніхто з нас не ўладны?.. Гэтае пытанне, — сознается М. Южик, — пастаўленае класікамі сусветнай літаратуры, даўно турбуе мяне. Раман «Леапард на балконе»... прысвечаны пераважна гэтаму: магчымасці ці немагчымасці чалавеку нешта ў сабе змяніць, змяніць для таго, каб стаць лепшым, ці хаця б для таго, каб не ператвараць у кашмар жыццё сваіх блізкіх»[2].

В центр романа, как и раньше, поставлен интеллигент, но это не герой притчи — человек-идея, человек без имени, асоциальный, как было в «Горадзе», а человек «реально-социальный». Но ему так же, как и другим героям писателя, не хватает бытия, и в первую очередь — внутреннего.

Главный герой, 24-летний аспирант филфака Петр Мигуля, «жыў напружаным душэўным жыццём»[3]. Но эта его энергия была направлена не на благо общества, а главным образом на самоутверждение в обществе. В этом прочитывается

---

[1] Верціхоўская М. Лесвіца ў горад, які яны засялілі, або Уваскрасенне Лазара // Маладосць. 2009, № 2.

[2] Южык М. Леапард на балконе // ЛіМ, 24 снежня 2009.

[3] Южык М. Леапард на балконе // Полымя. 2010, № 11.

некий бонапартизм в характере героя. Как и Марцевич, он «адчуваў пастаянную незадаволенасць сабой, усім акаляючым светам. Хацелася нарэшце гэты свет пакарыць, ці хаця б заявіць пра сябе так, каб усе ахнулі». Но для начала он возомнил себя великим философом, он чувствовал себя мудрецом, который «стаіць над убогімі кузуркамі — проста людзьмі, — якія ў абыдзеннай валтузні нічога пра сябе не ведаюць». И это была главная его иллюзия.

Марцевич пытался **разобраться в себе**, показать себя изнутри — посредством дневниковых записей. Петр Мигуля стремится **оправдать** себя — посредством придуманной им самим философии.

Как и Марцевич, он не мог простить «ніводнай крыўды, усе насмешлівыя позіркі ў свой бок заўважаў і ў куточак памяці занатоўваў». Но вместе с тем, сам он ничего сделать не мог, ибо по сути был «чалавекам даволі млявым і пазбаўленым не толькі камерцыйных, а і ўвогуле якіх-небудзь прабіўных здольнасцей». В институт, а затем и в аспирантуру его устраивал отец, квартира ему досталась от деда. Самостоятельность он проявлял только в том случае, когда нужно было «прывольна аддацца жыццёвым слодычам», а этими «слодычамі» он начал заниматься, и весьма активно, еще с 14 лет. Сам погрязший в интимных связях, Петр требовал от своих девушек именно чистоты и порядочности. И совсем уж целомудренной ему хотелось получить невесту Нину Сулееву, девушку с восточным воспитанием. Он жил иллюзией своей исключительности.

Чувствуя бессилие что-либо изменить в своей жизни, Петр все больше и больше раздражался и впадал в уныние. Это ощущение приводило его в состояние экзистенциального уныния. Некоторое утешение он находил в общении со своим другом Сергеем Страмцом. Хотя внешне их беседы-полемики, как подчеркивает сам автор, «отдавали» книжностью, академичностью.

Кто такой Сергей Страмец и какова его роль в идейном замысле романа? Скорее всего, Страмец является двойником Петра, его «бесплодным духом». Это — два варианта «воплощения» одной идеи. Идеи вырождения. Идеи подполья. Страмец был человеком, который отрекся от родителей, он был «человеком без семьи», «без биографии».

Петр Мигуля и Сергей Страмец — люди **одной** странной судьбы, несмотря на определенные психологические различия. Да и есть ли по сути эти различия? Страмец в детстве, в день своего рождения, пытался задушить отца. Также немотивированно и тоже в детстве Петр жестоко избил одноклассника, ободрав ладони до крови. Такой же немотивированной жестокостью отличались и предыдущие герои М. Южика. Хотя все они рождались нормальными — злость, раздражение, ненависть появлялись потом. Как, впрочем, и одиночество. Метафизика зла в тексте олицетворяется метафизикой человеческой ненависти. «Абрыдла гэтая подлая рэчаіснасць, ніводнай жывой душы, — отметит Петр. — Адны дэбілы і дэградаты. Такое ўражанне, што не з людзьмі стасункі маеш, а з хадзячымі сківіцамі».

Страмец в отличие от Петра, который боялся боли и смерти, не наделен чувством страха смерти. «У мяне няма страху смерці як заканчэння жыцця, гэтага нашага жыцця, да якога я раўнадушны. Я цаню толькі волю». Правда, понятие свободы у него совсем уж девальвировано, оно связано сугубо с возможностью в любой момент, когда герою захочется, а не в свободное от работы время, как это делает подавляющее большинство людей, сходить в лес или на речку.

Образ Страмца не лишен противоречий. Считая себя человеком сомневающимся, он упрямо убеждает Петра в том, что «чалавек на зямлі шчаслівым быць фактычна не можа, а знаходзіцца толькі ў чаканні ці ў ілюзіі шчасця», которое, по его мнению, познается в контрасте черного и белого: «Шчасця няма. Ёсць шэры фон жыцця, і, каб адчуць белізну, нас спачатку трэба ў цемры зняволіць». И вообще «усё жыццё чалавека гэта насілле і супраціўленне гэтаму насіллю».

Доминантной в романе является тема любви. И решают ее герои своеобразно — сквозь призму своего жизненного кредо. Петр основными составляющими любви считал не чувства, а параметры частей тела, их функции. Талия, ширина

бедер, окружность ягодиц и т. д. — все это функции любви. Более того, убежден Петр Мигуля, человек ни на йоту не отдалился от животного, поэтому и «каханне не церпіць ніякіх сантыментаў і ваганняў, тут нельга паказваць свае слабасці... даму сэрца трэба скарыць адвагай, рашучасцю, а часам і сілай».

В поддержку своей сексуальной распущенности герой, тело которого «прагне жанчыны, як страўнік ежы», разработал отдельную теорию, представив ее в форме диссертационной работы. Современная сексуальная революция, доказывает он, исторически необходима. Она направлена на то, чтобы поправить демографическую ситуацию. Более того, это природная неизбежность. Именно природа с целью самозащиты вознесла секс на почетный пьедестал, который изначально ей и принадлежал. Таким образом, любой половой акт, даже насильственный, есть акт священный.

М. Южик отображает мир на грани духовной катастрофы. Душами людей завладевают демоны, злые духи, которые вселяются в них втихаря и помимо их воли. И даже те, кто остается социально активным, свои отношения с окружающими их людьми выстраивают не из любви к ним, а из ненависти. Все эти люди отмечены одним качеством — чувством одиночества. И в этом, как заметит служитель церкви отец Алексей, человек «больш не вінаваты, чым вінаваты».

Как сказал один из героев повести Ф. Конева «Туман», «даже в отвратительных героях классиков мерзость человечна... У мерзости есть корни. Мерзость можно объяснить. А все, что можно объяснить, можно поправить. А сегодняшнее зло я не понимаю. Оно возникает вдруг, без причин»[1].

Зло у М. Южика также ни социально, ни морально, ни духовно не детерминировано. У него другие корни. Как отметила М. Вертиховская, М. Южик «прапануе нам сучасную «Батрахаміямахію» — вайну мышэй і жаб. Па сутнасці, герой рамана — нуль без палачкі, мышаня, якое раздзьмулася да памераў леапарда. З падобнымі да сябе ён і ваюе»[2]. Только вот воюет ли? Скорее «самоутверждается» — среди таких, как сам.

Автор вводит в текст образ леопарда, мифологический символ зла. Его нельзя убить, победить, даже просто избавиться от него нельзя. «Усё на гэтым свеце мае канец, якой бы доўгай і пакутнай ні была наша дарога. Толькі леапард вечны на гэтай зямлі, і яму няможна без гаспадара». Убийство, совершенное Петром, — это кульминационное звено в цепи проявления демонического сознания. Демоническим, по Южику, оно стало в силу вмешательства неких неподвластных человеку мистических проявлений. Человеческий дух не в состоянии противостоять силе этого зла. Ибо и мужчины, и женщины нравственно перерождаются: одни в «безбародых хлюпікаў», другие — в «доўгіх, як палкі, пласкагрудых жанчын». В этом и заключается трагедия современной жизни.

Таков итог нравственных исканий прозы М. Южика.

Миром управляет неистребимое зло, превращая людей в «марыянетак», «матылькоў», лестница бытия, призванная устремляться в небо, к Горним вершинам, ведет вниз, в «багну», в город, «які яны засялілі», в антимир. И писатель М. Южик пока не находит выхода из сложившегося тупика бездуховности.

В конце несколько слов о языке произведений. Писатель настолько входит в роль своих героев, что иногда стираются и всякие речевые дистанции между ними: «пранізліва завіскатала», «у кватэру залузаўся», «патрухаў», «сэрца стала збаіць», «з гадзіну кружляў», «знячэўлены сын», «прыцёгся», «забурыўся спаць» и т. д. Это объективные слова от автора. Взяты они для примера из романа «Лесвіца». Но такую «стилизацию» авторской речи можно найти и в других художественных текстах писателя.

---

[1] Конев Ф. Туман // Нёман. 2010.

[2] Верціхоўская М. Святло этыкі ў тумане эстэтыкі // ЛіМ, 4 сакавіка 2011 г.

Вольные рассуждения по поводу выхода сборника А. Рязанова «З Вяліміра Хлебнікава»

Несмотря на то, что в мировой поэзии взаимодействуют, отрицая друг друга, интуитивное, бессознательное, и рациональное начала, магическое, заговорное является ее сущностью. Проблемы и начались, когда была утрачена *магічная — замоўная — падаснова мовы*. А. Рязанов, отталкиваясь от слов Апостола Павла о человеке, который *восхищенъ былъ до третьяго неба, восхищенъ въ рай и слышалъ неизреченные* (у Рязанова — *невымоўныя*) *слова, которыхъ человеку нельзя слышать*, считает, что именно эти слова, слышимые в раю и на третьем небе, и являются утраченной сущностью поэзии. Их услышать уже смогут кроме апостолов, святых, допущенных к тайне (*в тЫлЫ или внЫ тЫла: Бог знаетъ)*, только поэты, способные вымолвить их не обычной речью, а стихотворной.

Именно поэтому А. Рязанов считает поэтическое произведение магическим кристаллом: существенно не то, как он выглядит, а что видится в нем и благодаря ему.

Все поэты во все века стремились овладеть этим магическим словом (*мастацтва=ма(г)стацтва*), в том числе и А. Рязанов, которого, несмотря на его целенаправленную иконографию (портреты в книгах и журналах), внешний облик, манеру поведения, ареол, сложившийся в последние годы, нельзя назвать *яйцеголовым профессором поэзии*, как это принято в классических университетах США и Западной Европы, ибо *ratio*, несмотря на все усилия критики убедить в обратном, никогда не доминировало в его мировоззрении и поэтическом мире.

Об этом говорит и упомянутая в заглавии ***кніга-білінгв: у ёй змешчаны вершы Вяліміра Хлебнікава ў мове арыгіналу і «з», зробленыя Алесем Разанавым у беларускай мове.***

«Слово — всегда исповедь. Поэт творит прежде всего затем, чтобы самому себе уяснить свои думы и волнения. Так первобытный человек, когда еще было живо творчество языка, создавал слово, чтобы осмысливать новый предмет. Поэтому-то истинная поэзия не может не быть искренней. В немногих избранных словах стиха (иногда бессознательных для поэта) затаены самые откровенные признания, раскрыты тайники души» (В. Брюсов).

Действительно, творчество каждого настоящего поэта сродни этому древнему творению языка, ибо сущностью своей и миром внутренним своим сродни дикарю на старте эволюции человеческой, воспринимающему с неподдельной искренностью неофита довлеющее на его несформированное до конца эстетическое чувство красоты и роскоши мира, открывающихся так внезапно и масштабно именно только ему во всей своей наготе и величии. Первобытный человек, волею судеб ступивший на подобную стезю постижения гармонии, уже не столь первобытен в своей великой простоте и недоразвитости, ибо способен не только заметить прекрасное, но и, в чем он, безусловно, сродни поэту всех времен и народов, попытаться его отобразить и зафиксировать. И прежде всего в СЛОВЕ. И если человечество за тысячелетия эволюции в целом уже постигло сущность категорий красоты, то каждый конкретный вновь рождаю-

щийся поэт проходит этот путь исключительно в индивидуальном порядке, повторяя, подобно тому, как зародыш человека проходит все предыдущие стадии физического развития *homo sapiens*, в которых легко заметить подобие с рыбами, земноводными и, наконец, млекопитающими.

Поэт вынужден законами творческой эволюции войти исключительно самостоятельно в океан-солярис СЛОВА, в котором плавают смыслы, ибо только таким способом он в состоянии найти себя в безбрежности и нащупать-изведать свой неповторимый путь. А проникновение-возвращение к истокам эволюции, подобное возврату человеческого эмбриона к жабрам и хвосту, воссоздает уникальную возможность постичь тайну генезиса живого, способствует постижению подсознательного творческого начала, что и сотворяет сущность поэзии. Глубина подобного постижения есть потенциометр силы таланта и вообще возможности владения главным и единым инструментом поэта — словом. А потому абсолютно не существенно, в какую эпоху и на какой стадии развития языка творит последний, сущность только в самой возможности постижения.

Без подобного восприятия или отрицания, открыто заявленного и декларированного или, наоборот, сознательно умалчиваемого, не бывает ни поэта, ни тем более поэзии. Каждый из стихотворцев, подобно К. Бальмонту в программном произведении *«Гармония слов»*, рано или поздно начинает исследовать дилемму:

Почему в языке отошедших людей
Были громы певучих страстей?
И намеки на звон всех времен и пиров,
И гармония красочных слов?

Почему в языке современных людей —
Стук ссыпаемых в яму костей?
Подражательность слов, точно эхо молвы,
Точно ропот болотной травы?

в своих исканиях буквально повторяя Г. Аполлинера:

А прежде горькие нанизывал слова,
В зеленых зарослях ответный вздох рождая,
Но эти горькие, как мертвая трава,
Они мне смерть сулят, тебя освобождая.

Наиболее яркий пример тому — творчество великого экспериментатора в поэзии и языковой сфере Велимира Хлебникова, художественно-эстетические помыслы которого, по собственному признанию, характеризовались так: *писание словами одного корня, эпитетами мировых явлений, живописанье звуком*.

Чрезвычайно близок в этом русскому собрату и белорусский поэт Алесь Рязанов. Ибо и первый и второй способны пойти на всеобъемлющий творческий эксперимент, ради которого готовы отказаться как от классической традиции, так и от собственного художественного опыта, если последний вместе с веригами традиционного мешает продвижению вперед. Девиз В. Хлебникова — *Я чувствую гробовую доску над своим прошлым. Стих свой кажется чужим* — максимально адекватен и приемлем для белорусского поэта, ибо символизирует квинтэссенцию его творческих устремлений. Но если закон любви у В. Хлебникова *сильнее холодного полета истины,* то для А. Рязанова доминирующим воспринимается полет стрелы, символизирующий собой многоликость бытия — от молчания-безмолвия до взрыва.

Во многом эти два поэта, творящие на переломе XIX—XX и XX—XXI веков, чрезвычайно близки. Так, их реальная известность и слава намного ниже пропорциональности той значимости, которую они собой представляют в истории своих литератур, и не соответствует вкладу, внесенному ими в развитие славянской поэзии в целом. Хотя и один и другой признаны значительными фигурами в конкретных контекстах, чуть ли не гениальными (вспомним хотя бы афиши начала XX века о публичных поэтических чтениях, прежде всего листовку «Пощечина общественному вкусу». В 1908 году вышел «Садок судей» — в нем *геній — великій поэтъ* современности — *Велимиръ ХлЫбниковъ впервые выступалъ въ печати.* Петербургские мэтры считали *ХлЫбникова сумасшедшимъ.* Они не напечатали, конечно, ни одной вещи того, кто нес своим творчеством *Возрождение Русской Литературы*. Позор

и стыд на их головы!) с уже определенной долей канонизации, над каждым из них довлеет бескомпромиссный приговор — это поэт для избранных, а потому он непонятен широкой публике. Постичь сущность его эксперимента-вклада возможно только в далеком будущем, если это вообще постижимо, а потому лучше и не пытаться проникнуть в эту тайну за семью печатями.

«Все-таки Хлебников остается — и навсегда останется — трудным поэтом, трудным даже для искушенного читателя стихов. У него свои, неподвластные определениям отношения со временем и пространством, материей и духом. Хлебников возится со словами, как крот, между тем он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие» (О. Мандельштам).

Русский поэт сумел заглянуть в сакральную сущность языка, который мудр, потому что *сам был частью природы*. Именно он, как никто другой, искал единения языка и природы, дабы постичь сокровенную сущность последней без понятийного начала мышления человеческого.

Это своего рода полемика с классической традицией, в которой звуковое, музыкальное начало доминировало над смысловой сущностью. Так, К. Бальмонт вслед за П. Верленом мог сказать — *Музыка прежде всего*, ибо его тянуло из определенной области слов в неопределенную область музыки.

В поэзии начала XX века доминирует культ музыкальной темы, сладкоголосие, упоенность речью; упомянутый верленовский афоризм использует и М. Богданович в качестве эпиграфа к прославленной экспрессии «Па-над белым пухам вішняў». Поэты показали поэзии присущий ей извечно высокий мелодичный строй. Каждый из них создавал свой язык, собственный. К. Бальмонт во всем искал красоту, которая была и целью, и смыслом его поэзии. Эта красота наиболее ярко проявилась в музыкальности звучания последней, о чем он не преминул со свойственной ему скромностью заявить: «*Имею спокойную убежденность, что до меня, в целом, не умели в России писать звучные стихи»*. Музыкальная основа для него значила более, нежели смысл сказанного, что значительно усиливало ее высокое мелодичное начало и сущность. Все должно молчать, *когда звучат аккорды мирозданья*.

Вспомним, что писала М. Цветаева о К. Бальмонте: «*...Изучив 16 (пожалуй) языков, говорил и писал он на особом, 17 языке, на Бальмонтовском»*.

В сборнике лирики современной души «*Горящие здания»* (1899) К. Бальмонт писал: «*В предшествующих своих книгах — «Под северным небом», «В безбрежности» и «Тишине» — я показал, что может сделать с русским стихом поэт, любящий музыку. В них есть ритмы и перезвон благозвучий, найденные впервые. Но этого недостаточно. Это только часть творчества. Пусть же возникнет новое. В воздухе есть скрытые течения, которые передают душу»*.

Погоня за музыкальным началом — важным составляющим лирики — весьма выигрышна, но и в то же время опасна, ибо нельзя поэзию сводить к принципам другого искусства, к антисинтаксической соположенности слов и смыслов, поэзия может исчезнуть, если ее попытаться развивать на основе иных, не ее онтологических принципов.

С подобной проблемой столкнулся и А. Рязанов (хотя он утверждал, что, когда Блоку перестала слышаться музыка, тот не мог писать стихов) на переломе тысячелетий, и его реализация сложнейшей задачи (усиление зависело от неравнозначного состояния языков русского и белорусского в художественно-метафорической сфере) не менее совершенна и изящна. Тем более она продолжается, а как известно, В. Хлебников прекратил свои эксперименты в данной сфере после революции, да и прожил он всего лишь 37 лет.

Прежде всего, белорусский поэт блестяще доказал, что он равновелик *сверхгению* в постижении славянского корнетворчества. Это подтверждает и цитируемая книга его переводов из В. Хлебникова, в первую очередь, стихотворения «Времеши-камыши...». В восьми строчках мастерски соединены реальные пейзажи и неуловимо-непостижимый образ времени — всесильного и безграничного (отсюда термин *времыш* — от слов *камыш* и *время*).

Времыши — камыши
На озера береге,
Где каменья временем,
Где время каменьем.
На берега озере
Времыши, камыши,
На озера береге
Священно шумяшие.

Камыши — маятник Вселенной, вечности, анкер которых — вода озера, неустанно лижущая каменные берега. Да и озеро своей округлой формой напоминает огромные карманные часы с открытой крышкой. *«Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной; достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает»*, — прославленный афоризм Паскаля удерживает всплеск предвидимых эмоций.

Перевод А. Рязанова — конгениален своей внутренней сущностью постижения вечности времени, неизменности пространства и времени, это возврат в состояние довременья и постижение внутреннего праязыка, когда человек и природа были едины и постигали друг друга совершенно без слов или каких бы то ни было вербальных начал. Их объединяло нечто более великое, из чего развилось и Пространство, и Время, и Слово:

Чарот — вечарот
На возераберазе,
Дзе векамань — каменем,
Каменне — векаманню,
На берагавозеры.
Чарот, вечарот,
На вечара беразе
Веча шумлівае.

Вечарот — находка, равновеликая в белорусской стихии русскому *времышу*, ибо в первом явственно слышится и *вече* (только подразумевавшееся у В. Хлебникова), и *чарот*, и *коловорот*, невидимая сила, вращающая не что-нибудь, а само время (веремя); в то же время неологизм *векамань* — это одновременно и каменья времени, и время каменьем. По собственному признанию А. Рязанова, слово *праявілася* во время перевода: *«Шэрая мглістая зямля, шэрае мглістае неба: прастрань, у якую не пранікае бег хвілін, глухамань, нерухомы одум вякоў... І камяні — насельнікі векамані»*.

В семи строчках «Кузнечика» В. Хлебников, по собственному признанию, показал *узлы будущего*, *малый выход бога огня и его веселый плеск*. Кузнечик, прибрежные травы, блеск солнца — золотой сон природы, довременной рай, языческая первородность мира:

Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» — тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

Белорусский *конік* — родной брат русскому кузнечику, но в то же время самостоятельная величина и даже художественная личность:

Крылцуючы золатапісьмом
Узорнай шаты,
ўшат-
каваў
У торбу брушка конік шмат
Прыбярэжных траў і вер.
— Пінь-пінь-пінь! — кулялёхнуў дзіндзівер.
О, лебядзіва!
О, азары!

Образцом словотворчества В. Хлебникова является стихотворение «Заклятие смехом», ибо здесь он нашел философский камень, с помощью которого постигает настоящее золото поэзии и превращает все славянские слова от единого корня в самые разнообразнейшие побеги и цветы. Обыгрывая слово *смех*, он создает голограмму превращения семечка в горчичное дерево:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами,
что смеянствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных —
смех усмейных смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно,
смех надсмейных смеячей!
Сме́йево, сме́йево,
Усмей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Пытаясь понять сущность *заклятия,* невозможно не обратиться за помощью к Ницше, который писал: «*Видеть, как помрачаются трагические умы, и быть в состоянии смеяться над этим, несмотря на глубокое понимание, волнение и сочувствие, испытываемые тобою, — божественно».*

Чтобы приблизиться к внутренней сущности образа и кода слова-понятия, А. Рязанов отказывается от нейтрального общеславянского *смех* и градирует его разновидность, ибо эмоциональное начало еще более подчеркивает значимость и силу эманации естественного чувства и способов его выражения. «Заклён рогатам» — это и разновидность заклятия смехом, и формирование найденного мотива, ибо игра идет уже в другой октаве, где возникают новые ассоциации, значительно более сильные:

Рагачыце, рагачы!
Рагачыце, рагачары!
Рагачварце, рагачвары!
Рагатніце рагатліва з рагатнёў,
рагатуны!
Рогаць, рагатаць, урогат,
Рагачутка, рагацень.
Рагатулі рагатуйце рагатункі!
Зрагаторце
Рагаторгі рагатнічым рагатном,
рагатары!
Рагацвелы ўрагацвела рагацвеляць
рагацелаў,
Урагочваюцца ўрогач рагачверцы
ў рагачме.
Рогат рогатна рагоча рагатайнай
рагатою:
Рагатніны ў рагатніцу.
Рагачыце, рагачы!

И в других переводах (нет, перевоссозданиях!) А. Рязанов покажет практически то волшебство игры со словом, которым покорил славянский мир русский поэт, раздевши мирных женщин догола — *Жанчын развопраўшы дагола; Курганны вой у сцігвах скону; А неба сіняе, мацарць!; Ты ноччу, воблака, раопсь!; І вас я выклікаў, нямыкіх; Вецер — нямеча / Са спеўным чалом; Людзі галубяць дзень смерці, / Быццам любімы цмен-квет; Ды вось знянацканы званок; Сін, сын сінечы сей спрадвечныя сны і сілы на сёлы і сад.* Белорусский поэт практически осуществляет свои же заповеди:

У перакладзе вершаў належыць ісці за тым, за чым ідуць яны самі: перакладаць не словы і не строфы, а тое, што «пракладаюць» яны, вершы, — сэнс, гукасэнс, духасэнс.

Таму пераклад у асобных выпадках можа быць больш дасканалым, чым арыгінал.

У Рязанова можно найти совершенные находки: *прорицает тишина* — праракуе немана; *смятение* — знябожанне; *улетает прочь она* — прочкі крыліцца яна; *С журчанием, свистом // Птицы взлетать перестали* — З цялёгканнем-свістам // Птушкі прастору пажалі.

В. Хлебников в статье *Слово как таковое* обосновал значимость самоценного, *самовитого* слова. В поэтической речи В. Хлебникова слышно и белорусское начало, как в выше упомянутом *самовитый, вабны, вырей, небога, самота, вежи, цекавый, навье* (мертвец), *дурника* (голубика). В статье «Ляля на тигре», обращаясь к Ляле — олицетворению весны на старинном народном празднике в Белоруссии, т. наз. *ляльнике*, он восклицает: *«Ты — северное божество Белоруссии, ты с нежными ресницами, синими глазами и черной бровью, ты, чьи смеющиеся волосы упали на руки ветра, спрашивающих воинов времени».*

Вообще необходимо отметить тайную связь экспериментаторов в сфере поэтики слова с Беларусью (белорусские корни Г. Аполлинера; память о столинском панстве Юрия Олеши; четыре года жил В. Хлебников на берегах моей родной Горыни в бывшем имении князей Чарторыйских, что, кстати, не так далеко и от малой родины А. Рязанова).

Упомянутый выше В. Брюсов, тонкий поэт и критик, в 1914 году весьма нелицеприятно оценил поиски Велимира: *«...громоздит сотни новосочиненных слов: «зарошь, дебошь, варошь, студошь, жарошь, сухошь, мокошь, темошь» или «словонайди, словолю, словожди, словойдут, словолян» и т.д., как будто такие случайные сочетания букв могут иметь какое-либо значение для поэзии».*

Если в русской традиции подобные поиски действительно можно воспринимать как блажь, то для белорусского художественного опыта они жизненно необходимы, особенно в сфере философской и религиозной поэзии. Не случайно сам А. Рязанов создает «Тварасловы» (Крыніца, № 11, 1994), в которых он ищет белорусские эквиваленты словам высокого стиля, о которые до сих пор спотыкается белорусская изящная словесность. Эксперимент данный необходимо только приветствовать, ибо от его успешной реализации в значительной степени зависит дальнейшее развитие *высоких, горних* сфер белорусской поэзии и философско-религиозной мысли. С подобной проблемой уже сталкивался В. Короткевич, который не только пенял на бедность национальной терминологии в сфере науки и богословия, но и совершил рывок в преодолении зияющей бездны, грозившей перерывом эволюции национальной традиции.

В. Короткевич заявил, что *«сучасная беларуская мова і сёння запінаецца на паняццях старадаўняй метафізікі і таго, што складала навуку магіі, астралогіі, дэманалогіі і іншых».* Он считал, что пора белорусскому языку вспомнить многие старые юридические, философские, вообще книжные слова, постичь натуральность звучания, дабы читателю, даже неподготовленному, стала доступной сущность философских диспутов и сама философия произведения. В. Короткевичу необходимы были для реализации творческой концепции новые пласты языка, дабы в его поэтическом мире натурально слились философичность древних авторов, брутальная, гротескная страшимость средневековой литературы о ведьмах, новые научные термины и старые слова, с помощью которых возможно передать самые тонкие оттенки мысли и едва уловимые движения души.

Ведь даже А. Пушкин утверждал, что нужно довести русский язык до языка мыслей, *«так как ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись».* За три года до смерти великий русский поэт считал первоочередной задачей *«одновременно развить его самобытность и живость; я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность».*

А. Рязанов, филолог от Бога, создает собственные формы, в которых *единство мысли и звука* (Потебня) становятся настолько натурально-национальными, что естественно принимаются *мовай*, что было и доказано в его переводческой практике.

Так, слово **назидать** заменяет термином *знадукоўваць — павучаць каго-небудзь, адукоўваць, стоячы над яго душой* и его производными; **плоть** — *самасць, матэрыя, што «саманалежаць» жывой істоце*; **плотский** — *самасны, самсоўны;* **надменный** — *той, хто мае пра сябе высокую думку, але, павышаючыся ў ёй, паніжае пры гэтым іншых;* **восторг** — *грайшч, стан надзвычайнай радасці, захаплення, шчасця, які, як вясёлка, грае з чалавекам і афарбоўвае рэчаіснасць у колеры раю;* **восхищение** — *звышчэнне, стан, які прычашчае чалавека да вышыні і ў якім чалавек асягае сваё вышэйшае прызначэнне.* В подобном стиле решает А. Рязанов и ряд других проблем, от реализации которых отмахивались *годами и с одинаковым успехом* доценты с кандидатами, составляющие русско-белорусские словари, практическая польза от которых нередко была со знаком минус. Так, поэт Рязанов находит замечательные эквиваленты таким старославянским и древнерусским вариантам, как: **глава** — *чалемец, чалец*; **опрометчивый** — *спараптоўны*; **смятение** — *зміштаванне*; **состязаться** — *здатнаваць, здатнавацца*; **самнасць** — *пол*; **строптивый** — *цупарты, цупарлівы, цупарысты*; **предел** — *краень*; **пренебрегать** — *недбаваць*; **благоветь** — *лабгавець*; **увещевать** — *улашчуваць*.

Пусть успокоятся блюстители-пуритане языковой чистоты, способные вспомнить первращение классического французского *театра* в славянское *позорище,* ибо каждое определение А. Рязанова имеет под собой вековую традицию национального восприятия мира, воплощенную наблюдательным взглядом художника.

Белорусский поэт нашел новые, исконно национальные формы, которые

так натурально звучат в его цитатах из Библии и перевоссозданиях старобелорусской поэзии на современный литературный язык. Достаточно упомянуть слова *знадукоўваць, звыдумны, грайны, цупарты, святоўны, лабгавець, краень, спаемнічаць*.

Особенно игра слов, смысловая и звуковая, характерна для вершаказаў, построенных в значительной степени на калейдоскопе названий, терминов, что ведет к исключительной ассоциативности. Заглавное слово тянет за собой целую цепочку, которая и создает зрительный образ (в данную минуту мы имеем в виду только внешнее выражение): *Грыб — герб — гібрыд — абарыген, горб, паграбовай, грэбуе, габрай, бюргер;Пень — ліпень — хліпень — кіпень — пеняют; Сані — санчас — санавіты — сані наскія — санет — саната; Кій — кіраўнік — кібер — кіў — скіт — кірмаш — Кіеў — Кішынёў.*

Это своего рода возвращение к истокам, по примеру А. Афанасьева в его *Поэтических воззрениях славян на природу*, который подчеркивал: «*Забвение корня в сознании народном отнимает у образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает его почвы, а без этого память уже бессильна удержать все обилие словозначений, вместе с тем связь отдельных представлений, державшихся на родстве корней, становится недоступной».* То есть, поэты возвратили в национальные традиции мифологического восприятия мира потерянное не только нами, но и всеми славянами, как и арийцами в целом.

А. Афанасьев считал, что *миф есть древнейшая поэзия, и как свободны и разнообразны могут быть поэтические воззрения на мир, так же свободны и разнообразны и создания его фантазии, живописующей жизнь природы в ее ежедневных и годичных превращениях.* Чувственное восприятие природы, сопровождавшее человека в период создания языка, через определенное время, когда уже исчезла потребность в новом творчестве, постепенно уходит. Язык кардинально меняется. Народ, создав его, стремится максимально отойти от первоначальных, самых сильных и поэтических впечатлений, дабы, избегая украшений, сделать из него только средство для передачи мыслей. Именно поэтому исчезает оболочка необыкновенности, красивости, остается только холодный смысл. Как свидетельствуют этимологи, большая часть названий, которые давал народ под влиянием художественного творчества, была основана на чрезвычайно смелых метафорах. Последние с течением времени утратили свой поэтический смысл и стали восприниматься обыкновенными и будничными.

По словам А. Афанасьева, *памятные для отцов, повторяемые по привычке детьми, они явились совершенно непонятными для внуков.* Не менее поэтически данный процесс охарактеризовал А. Рязанов, который подчеркивал, что этимология не выявляет сущность слов, а их *расколдовывает*. Но *расколдованные* слова ничего не помнят ни о себе, ни о той тайне, которой они наполнены, пока остаются в своем языковом поле. Исследователи, проводя препарацию слов, не слышат, что говорят они и что хотят сказать сами. Белорусский поэт подчеркивает глухоту филологов-языковедов, которые в своем стремлении к систематизации уничтожают живое начало. Во все времена и у всех народов происходило одно и то же: если метафорический язык утратил свою общедоступность, ясность и понятийность, то для большинства требуется помощь необыкновенных людей, способных объяснять предзнаменования природы, предвосхищать или переводить на доступный уровень волю богов, предсказывать будущее. Жрецы, колдуны, шаманы стали отдельной кастой. К ним примкнули и поэты, прежде всего Велимир Хлебников, этот Лобачевский поэзии.

Призыв *создать немой язык понятий* услышал и белорусский поэт. Филологические экзерсисы экспериментаторов нащупывали новый путь для построения образов, связанных в первую очередь с изменением и усилением смысла. Хотя их обоих упрекали в использовании «заумного» языка, т. е. находящегося, как считал русский поэт, за пределами разума. Он полеми-

зировал с теми, кто требовал, чтобы стихи были понятными, и приводил пример с вывеской на улице, которая понятна всем, но это — не поэзия.

В. Хлебников возвращается к заговорам и заклятиям (немного ранее А. Блок написал блестящее научно-поэтическое исследование на эту тему), так называемой волшебной речи, священному языку язычества. Вспомним его филологическую работу о заговорах и тезис А. Рязанова о том, что не только понятие материализуется в слове, но и наоборот — слово добывает понятие. Слово, оказывается, овеществляется смыслом, значением. Слово зовет — смысл открывается:

Гукавая творчасць «завумнікаў»
Дапаняційны сэнс замоў.

Вспоминая эти *шагадам, магадам, вагадам, пиц, пац, пацу* — суть вереница набора слогов, но они и являются как бы «заумным» языком в народном слове. А между тем именно этим непонятным словам и приписывается наибольшая власть над человеком, что и составляет сущность чар и ворожбы, ибо имеет прямое влияние на судьбу человека. Эти словосочетания имеют власть над добром и злом, они в состоянии управлять нежными сердцами. Молитвы многих народов созданы на языке, непонятном для большинства молящихся (вспомним старославянский в православии и латынь у католиков). Волшебная речь заговоров и заклинаний не хочет и не может иметь своим судьей будничный рассудок. Найти свою тропу между тайной и будничностью — основная задача поэта, ибо он — *душа мовы*. А. Рязанов считает, что даже «*не изобретая новых слов, поэт все равно созидает свой словарь. Значимость его не в самих словах, а в их связях, в их ориентированности*». Слова живые, они сами могут объединяться в текст, умеют оказываться там, где им необходимо быть, умеют находить свои позиции, умеют дружить и враждовать. Однако им необходимо огненное начало. Дрова в камине, как их ни складывай, не вспыхнут без искры пламени.

Белорусский поэт зачастую избавляет привычное слово от обыденной действительности, он стремится вывести на первый план не саму вещь, а производимое ею впечатление. Для этого он использует все ощущения, возникшие в бессознательном: *слова згарнулася ў нематy, гукі збірае туман, апосталы глыбіні — валуны; гара ўглядаецца ў заўтра; трымаю малітву агню; маланка пайшла сустракаць Вялікдзень; выклікае са сховішчаў здані серабрысты месяц; гракае грак — сшывае час і прастору суровай ніткай; арэ возера вецер; слоікі і бутэлькі: то белы дасць звон, то зялёны; хаваецца цень у дрэва*.

Такая необыкновенная метафорика и образность и приводят к тому, что мир А. Рязанова избавляется от непреодолимых границ между реальностью и вымыслом.

Язык необходимо не только лелеять, но перевоссоздавать каждый раз перед или во время творческого акта, — такой основной вывод белорусского поэта в его перевоссозданиях русского собрата.

В свое время Н. Гоголь воскликнул: *«Хотят непременно, чтобы все было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, — словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный как следует, и сел им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рты да выставить его»*.

Прежде чем собрать урожай, необходимо вспахать землю и засеять ниву. В этом труд крестьянина и поэта равновелик. Не случайно свое стихотворение «Одинокий лицедей» В. Хлебников завершает призывом — *Что нужно сеять очи, Что должен сеятель очей идти!* С ним солидарен и А. Рязанов, открывающий свои «Пунктиры» программным:

Не вернецца воін,
Вандроўнік не вернецца,
Вернецца сейбіт...
Заўсёды
Вяртаецца сейбіт.

Наверное, именно после цитируемых выше строк М. Кузмин заявил: *«Хлебников читал свои вещи гениально-сумасшедшие»*. Ведь поэт верил, что слова — это живые глаза для тайны,

ибо через слюду обыденного смысла способны видеть второй смысл. Слово должно иметь двойной смысл, тогда оно подобно паре очей, которыми можно увидеть бесконечность (антипод глазам-трупам из стихотворения «*Волга! Волга!*»). Если Шекспир видел глазами души (этот образ использовал и А. Мицкевич в качестве эпиграфа к своей программной балладе «Romantyczność»), то у А. Рязанова понимать — значит видеть глазами разума, ибо то, что видим глазами глаз, — присутствия, а то, что видим глазами разума, — сущность.

Несомненно, что данные образы восходят к евангельской притче, рассказанной Христом своим ученикам (Мф, 13, 24). В ней сеятель сравнивается с Царством Божиим: *СЫющий доброе сЫмя есть Сын Человеческій; Поле есть мір; доброе сЫмя, это — сыны Царствія, а плевелы — сыны лукавого.* Одновременно *сЫятель слово сЫет* (Мк, 4, 14), ибо *посЫянное на доброй землЫ означает тЫх, которые слушают слово, и принимают, и приносят плоды*.

Однако подобные поиски-эксперименты со словом отнюдь не цель, а лишь средство постижения главного, сущностного — Бытия и его многоликого проявления, прежде всего во времени. А пространство будет ограничено территорией СЛОВА, равновеликой Вселенной. Подобное искали и многие, стремясь сочетать поэзию и философию, стремясь постичь вечную загадку экзистенции, первое проявление которой — реальный окружающий мир, данный нам в ощущениях.

Все переплелось в этом мире, и никто не может понять, как у Ф. Тютчева, кто за кем смотрит, наблюдает — Бог за человеком, человек за природой, природа — за мыслящим тростником:

Боги, люди и народы
Убегают навсегда.
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

Людзі, конадні, гады
Уцякаюць наўсягды,
Быццам бруйвіны вады.
Ў гнуткай люстрані прыроды
Зоркі — невад, мы — чароды
Рыбанельгі, рыбальгі,
Цемры прывіды — багі.

Для большинства поэзия всегда ассоциируется с вербальным процессом. Хотя поэзия запоминает не только сказанное, но и умолчанное.

Подобное восприятие и понимание сущности поэзии позволяет А. Рязанову прийти к выводу, что высказанное и существует только потому, что существует невысказанное, а между этими двумя полюсами и происходит токтечение всей языковой системы. Невысказанное — это и есть праязык до Вавилонского столпотворения, а вербальность — это только верхний, утонченный слой языка, которым и пользуются в основном поэты. В силу этого язык в большинстве случаев — кантовская вещь в себе, а поскольку люди воспринимают лишь только один из множества языковых пластов, то задача для всех поколений людей постичь все величие и значимость сакрально-скрытого, спрятанного и непостижимого. В качестве примера белорусский поэт приводит сборник поэзии древнего Вавилона и Ассирии «*Я открою тебе сокровенное слово*». В классическом стихотворении язык с его пластами становится компонентом стиха, а то, какой он — санскрит, латынь или совсем неизвестный диалект, — для самого стихотворения не существенно. Тем более что стихотворение значимо не только слышимым звуком, воспроизводимым во время чтения, но и своим эхом, которое начинает восприниматься потом, в тишине, ибо искусство по своей природе диалогическое, порожденный звук должен отзываться, иначе он становится подобным на глас вопиющего в пустыне.

Глас В. Хлебникова нашел свой отзвук в иноязычном контексте и зазвучал полнокровно в новом тысячелетии в новом славянском языковом воплощении.

Иван ШТЕЙНЕР

Возвращение

В красивом, очень уютном городе Пинске живет писатель Николай Еленевский. Работает в редакции газеты «Полесская правда». Пишет прозу. Про армию, потому что сам в прошлом военнослужащий, выпускник факультета журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Про церковь, потому что, утверждает, если и есть на земле что-то святое, то благодаря им, священникам; они издревле являются посредниками между Богом и нами, простыми смертными, и свою миссию на земле исполняли и исполняют добросовестно и честно. Заслужили безмерную любовь и уважение. А это значит, и благодарное писательское слово.

Я знал, что Н. Еленевский работает над романом-хроникой. Когда мне как-то довелось побывать в Пинске, он с готовностью поделился планами, показал стародруки, над которыми дрожал, как женщины, видимо, дрожат над бриллиантами: руками не трогать! Я понимал его. Потому что знал, как непросто он шел к этой работе, как скрупулезно отнесся к ней и едва ли не впервые в Беларуси показал в таком крупном художественном произведении, как роман, судьбы священников, жить которым довелось в XIX—XX столетиях.

Писатель назвал свое произведение «Время пастыря». Впервые напечатано оно было в четвертом номере журнала «Нёман» за 2007 год. А буквально на днях в столичном издательстве «Четыре четверти» вышла и книга. Начинается произведение волнующим моментом, когда Пинск жил ожиданием встречи с Его Святейшеством Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Горожане, люди из ближних деревень, многочисленные гости должны были стать свидетелями и в некоторой степени участниками в совершении Чина Великого Освящения нового Свято-Феодоровского собора, возведенного всем миром, а сам Чин Большого Освящения должен был проводить Патриарх Алексий II.

На встречу с Патриархом Алексием II пришли и стар и млад. Первомайскую улицу люди усыпали цветами...

На следующий день Николаю Еленевскому представилась возможность обратиться к Патриарху с просьбой благословить завершение того дела, которым писатель жил уже несколько лет. «Патриарх внимательно глянул в глаза, его рука легко взлетела надо мной и легла на голову: «Бог благословит».

Как признается писатель, то поистине отеческое благословение Первосвятителя вселило еще больше надежды и уверенности. За плечами были годы поисков, однако особенных результатов они не принесли, хотелось большего. Но все же верилось, верилось, верилось...

Так что же это за поиск был такой? Откуда все началось-взялось?

Надо сказать, что Н. Еленевский родился в деревне Лунин Лунинецкого района, в деревне с чрезвычайно богатой и интересной историей. Создавали ее, конечно же, люди. Один из них — Василий Карпец, местный кузнец. Имея семилетнее образование, он выписывал много газет, был очень начитан. Заинтересовался историей родной стороны, слыл потом извест-

ным краеведом, был известен далеко за пределами района. Как отмечает Н. Еленевский, в это тяжело поверить, но когда он читает сохраненные женой (В. Карпец, к сожалению, умер) его письма в книжные магазины, музеи, переписку с друзьями, не перестает удивляться: как же удалось этому деревенскому кузнецу подняться на такую высоту? Он, кстати, поставлял интересные экспонаты в музей Белорусского Полесья, в Брестский краеведческий музей. Однако был очень скромен. И что интересно: односельчане уважали земляка не за его увлечение краеведением, а за то, что хорошо играл на гармошке и мог, к примеру, смастерить за спасибо деревенской женщине удобную мотыгу.

Что же касается отношений земляков — писателя и кузнеца-краеведа, то они переросли не только в дружбу, но и в плодотворное сотрудничество. Именно от Василия Карпца Николай Еленевский узнал о местном священнике Платоне Максимовиче Тихоновиче — одном из авторов первой белорусской грамматики. Позже Карпец рассказывал Н. Еленевскому: «Дело было так. Когда закрывали нашу церковь, стал вопрос, куда девать церковную библиотеку. А библиотека, я тебе скажу, была большая. Когда увидел, сколько в ней книжек, аж дух захватило. Вот Александр Иосифович Плешко, наш священник, и предложил мне забрать часть, поскольку кому только он не предлагал, все отказывались. Там много редких, интересных книжек имелось. Знаешь, собирали ту библиотеку лунинские священники столетиями и передавали вместе с храмом по наследству. Чудесные люди были. Более того, от Плешко я и разузнал, что первую белорусскую грамматику создал Тихонович... Мне Плешко часто рассказывал о том, что Тихонович не однажды с обидой вспоминал, что ее, грамматику, так и не издали, хотя обещали, что напечатают. Где она теперь, грамматика Тихоновича? Плешко надеялся — возможно, в каком-нибудь из архивов сохранилась. Я отправлял запросы по разным адресам, однако утешительного ответа не получил ни одного: нет, и рады бы помочь, но увы... Потерялась? Только же это не две-три страницы, а серьезная работа. След должен остаться».

Положительных ответов В. Карпец не получил ни из Минска, ни из Бреста, ни из Львова. В Пинск он сам ездил, интересовался, однако безрезультатно. Там были новые архивы. Когда области объединили, пинский архив вывезли в Брест. Это было уже после войны. А в годы военного лихолетья, где-то в 1943-м, немцы много чего вывезли во Львов.

Москва молчит, Ленинград молчит...

Николай Еленевский оставлял на весь год — до очередного отпуска — свой родной Лунин и единомышленника Василия Карпца: служил в России, в Германии, в Узбекистане. И все это время не давала покоя мысль о грамматике Тихоновича. Ездил во Львовский исторический музей. Навел справки в Национальном архиве Беларуси. Безрезультатно. А потом в руки Н. Еленевского попала книга Геннадия Кохановского «Откройся, тайна времени». Ее в 1984 году автор прислал В. Карпцу. Правда, адресата она уже не застала, он ушел из жизни, но книгу сберегли родственники... В той книге имелась небольшая глава «Белорусская грамматика Платона Тихоновича», из которой полесский исследователь в офицерском мундире узнал следующее о священнике-языковеде:

«Автор хорошо знал свое время и учитывал политическую атмосферу на Беларуси, когда даже язык народа был в запрете, потому он писал белорусскую грамматику на двух языках: белорусском и русском. Безусловно, эта часть является вступлением к основной работе. Уже в самом начале Платон Тихонович (1838—1922) убеждает читателей, что белорусский язык имеет свои особенности, его не надо путать с русским.

Эта мысль следует, когда читаешь отдельные темы:

а) Особенности в произношении звуков, как согласных, так и гласных;

б) Разные сравнения с русским языком;

в) Различия в падежных и глагольных формах;

г) Особенности в родах существительных и особенности в синтаксическом строе».

Г. Кохановский подчеркивает: «При всех случаях «Язык» П. М.Тихоновича заслуживает внимания истории лингвистической науки». И еще он обращает внимание на то, что сам о Тихоновиче узнал от деревенского кузнеца Василия Карпца.

Вот какие кузнецы были у нас в Беларуси. Надо снять перед ними шляпу.

Но где же искать саму грамматику?

Время изменилось кардинально. От большой страны под названием СССР ничего не осталось. Хорошо, что у Г. Кохановского где-то осталась сноска: литературовед ссылается на центральный государственный архив Литовской ССР.

Н. Еленевский связывается с тамошним архивом, архивом уже самостоятельного, независимого государства. Ответ пришел на удивление быстро. И — положительный! Есть у них языковедческий труд П. М. Тихоновича! За определенную сумму они могут выслать электронную копию. Однако же запросили немалые деньги, какие непросто было выделить из семейного бюджета. Но что поделаешь, если надо.

Вскоре из Литвы пришла аккуратная бандероль с диском.

Из романа-хроники Н. Еленевского: «И моему взору предстал уже знакомый красиво-аккуратный почерк Платона Максимовича Тихоновича. Почерк, неподвластный времени. Казалось, ушедшие 100 с лишним лет исчезли: время полетело вспять, время приблизило ко мне Тихоновича так, словно он вот только что вернулся после службы из церкви, погладил широкую бороду и присел рядышком. Присел так, словно хотел посмотреть, разбираюсь ли я в том, что он сотворил. По сути дела, это даже не учебник, а художественное произведение, написанное языком того времени и тех людей, которые на нем разговаривали. Сколько в нем сочности, образности. В рукописи Платона Максимовича Тихоновича эти диалоги не обозначены, а речь льется непрерывной звенящей струйкой, словно из животворного источника.

Отсюда и своеобразный характер разговаривающих людей: их восприятие времени, отношение к действительности! Сколько языковых красок! Какой темперамент! Какая насыщенность действием! На каждом слове знак правильного ударения для верного произношения... А сама грамматика — это своеобразные миниатюры, поданные на двух языках, которыми и сегодня нельзя не восхищаться».

Как отмечает в своем романе Н. Еленевский, грамматика Тихоновича — это была работа не одного месяца, не одного года. Практически закончив ее в 1874 году, он перед отправкой в комитет по проведению конкурса на создание учебника для школ Северо-Западного края переписал свою работу начисто, поставив январскую дату 1875 года. Сам конкурс проводился Минской дирекцией народных училищ Минской губернии под патронажем Виленского учебного округа.

Автор романа-хроники отмечает, что литовскому филологу Ф. Куршату и его грамматике повезло значительно больше, чем самородку-языковеду Тихоновичу. Написанная примерно в одно время, не считая нескольких месяцев в пользу Тихоновича, она, тем не менее, сразу была издана в немецком городе Галле в 1876 году.

Так кто же он такой, Платон Максимович Тихонович? Откуда родом? Как сложилась его судьба? Обо всем этом и рассказывает нам Николай Еленевский. И не только о нем одном — роман-хроника «Время пастыря» не вымысел, а документальное произведение, оно густо населено современниками главного героя, почти все они — священники. Из произведения мы узнаем, как жили они, что их беспокоило, тревожило, радовало. Восхищают и те места в произведении, где показаны жизнь и учеба будущих пастырей в Минской духовной семинарии: автор акцентирует внимание на учебе, на бытовых условиях семинаристов, на их отношении к старшим.

И складывается приятное впечатление: все герои романа-хроники «Время пастыря» были светлыми людьми.

Надо также отметить, что место действия романа-хроники не ограничивается только полесской стороной, где находятся Пинск, Лунин и так далее. Нет. Его герои живут не только на Полесье. И писатель рассказывает о них не менее увлекательно и тепло, чем о самом Платоне Тихоновиче. Интересные судьбы. Неисчерпаемый материал для писателя.

О мудрости, образованности священников, про которых пишет Николай Еленевский, ярко свидетельствует следующий факт. Священник Николай Колосов напечатал в нескольких книжках журнала «Душеполезное чтение» за 1903 год статью «Миросозерцание и герои Максима Горького перед судом православного читателя», в которой на примерах из самых различных рассказов, таких, как «Коновалов», «Бывшие люди», «В степи», «Емельян Пиляй», «Мальва» и ряда других говорит читателю, что писатель преклоняется перед насилием и силой, что главные герои у него — босяки и проходимцы, для которых родина, отечество — пустые слова. Босяк, утверждает Н. Колосов, заслоняет собою у Горького весь русский народ. Из-за широкой спины босяка не виден многомиллионный русский народ, точно и нет его совсем.

Представляете, в 1903 году священник Николай Колосов пишет из номера в номер журнала о том, о чем я обмолвился всего несколькими предложениями, о творчестве Максима Горького. По сути дела, целиком критическая статья.

Сегодня — представляем! А тогда?..

Рассматривая роман-хронику «Время пастыря», трудно остановиться на всех деталях и особенностях этого произведения. Оно — многопланово. Однако хочется отметить, что Н. Еленевский сделал хорошую, нужную, серьезную, и главное, очень своевременную работу. Произведение это необходимо тем, кто живет сегодня и кто будет жить после нас. Свою историю мы должны знать.

Добавлю, что роман-хроника «Время пастыря» отмечен дипломом первой премии по итогам Республиканского конкурса на лучшее освещение истории и современности Белорусского православия в средствах массовой информации.

Василь ТКАЧЕВ

t

Купала і Колас, вы нас гадавалі. Дакументы і матэрыялы. У дзвюх кнігах.

Кніга другая, 1939—2009. Частка першая. Укладальнікі В. Селяменеў, В. Скалабан.

Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Изданная в 2010 году первая часть этого сборника была с интересом встречена литературоведами, историками, преподавателями вузов, учителями, студентами, а также архивистами, работниками библиотек и краеведами, имела отзыв в печати. Бесспорно, такая судьба ожидает и продолжение этого нужного издания. Во второй части помещены материалы о жизни и деятельности Янки Купалы и Якуба Коласа с начала 1939 года. В частности, рассказывается об их участии в подготовке реформы белорусского правописания в 1939—1940 годах, поездке в Вильно в мае 1941-го. Широко представлен военный период. Можно узнать, какие предпринимались первые усилия по увековечению памяти Янки Купалы, сохранению его архива. Не обойдены вниманием и документы, связанные с изданием собрания сочинений народных песняров, образованием и деятельностью литературных музеев Янки Купалы и Якуба Коласа. Да и многое другое есть в этой книге, которая лишний раз напоминает: в том, что касается этих двух национальных гениев, важно абсолютно все. Хорошо, что те, благодаря кому такие книги приходят к читателю, прекрасно это понимают.

Лучнасць. Пераклады Міколы Мятліцкага. З паэзіі народаў свету.

Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Читатели старшего поколения, безусловно, помнят, что некогда в издательстве «Мастацкая літаратура» выходила библиотечка «Книга переводчика». Сборник переводов Миколы Метлицкого «Лучнасць» в какой-то степени продолжение ее. И хотя эта книга вышла не в прежнем серийном оформлении, тем не менее она продолжает добрую традицию. Под одной обложкой собраны десятки произведений многих авторов, ныне живущих или живших в разных странах, а это Азербайджан, Болгария, Испания, Россия, Казахстан, Китай, Украина, и другие. Примечательно и то, что книга «Лучнасць» — в какой-то степени подведение итогов переводческой работы М. Метлицкого почти за сорок лет: первый перевод, осуществленный им, — стихотворение Расула Гамзатова «Жаночая ноша» — был опубликован в 1973 году. Автор предисловия «Промні братэрства» Алесь Карлюкевич убежден: «Раздзелы з перакладамі расійскіх, таджыкскіх, азербайджанскіх, славацкіх аўтараў, відавочна, у блізкім часе стануць асобнымі кнігамі. Не выклікае ніякіх сумненняў і тое, што энергічная ўвага Міколы Мятліцкага да шырокага паэтычнага Сусвету пераконвае і іншых беларускіх паэтаў у неабходнасці шырокага дыялогу з літаратурамі і народамі, краінамі, дзяржавамі, кантынентамі... А значыць, смела можна гаварыць і пра вартасці і значнасць не толькі народнай, але і літаратурнай, культурнай дыпламатыі».

Валентин МАСЛЮКОВ. Час новолуния. Роман.

Мн.: Книжный Дом, 2011.

Валентин Маслюков — один из наиболее популярных современных белорусских писателей. Несомненно, будет востребован и его новый роман «Час новолуния», при чтении которого есть возможность перенестись в Россию XVII века. Вроде бы события, происходившие во времена царствования Михаила Федоровича, и не обделены вниманием писателей-историков, но В. Маслюкову удалось создать повествование, позволяющее по-новому взглянуть на этот период в жизни Московского государства. Действие романа происходит на степной границе Московии, где обосновываются вольные казаки, возводят свои полувоенные городки. Они не случайно беспокоятся о том, чтобы создать надежную защиту, ибо продолжается борьба с татарскими захватчи-

ками. Однако никакие городские стены не способны стать надежным щитом от вражеских сил. Произведение В. Маслюкова продолжает издательскую серию «История России в романах».

Анатолий РЕЗАНОВИЧ. Варшавский экспресс. Роман. *Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.*

Один из лучших романистов, как известно, — сама жизнь. Тем паче на успех обречена книга, автор которой, хорошо зная эту жизнь, способен перейти к весомым художественным обобщениям, создать яркие, запоминающиеся образы, отобразив действительность во всей ее сложности и многообразии — так, чтобы читатель невольно стал как бы свидетелем, а в некотором случае и участником того, о чем рассказывается. Именно это удалось осуществить Анатолию Резановичу в романе «Варшавский экспресс», в котором через судьбу главного героя — минского предпринимателя Рудича, прослеживаются многие явления, ставшие как бы атрибутами нашего времени, притом иногда далеко не лучшими. Произведение остросюжетно: Рудич, уезжая в командировку в Варшаву, становится невольным свидетелем ограбления. Более того, у него оказывается рюкзак с большой суммой денег...

Александр РУДНЕВ, Андрей ЮРЕНЕВ. Александр Алпеев: Жизнь, дарованная Богом. *Мн.: Мастацкая літаратура, 2011.*

Издательство «Мастацкая літаратура» начало выпуск серии «Наш современник». Новая библиотечка художественных биографий сродни известным сериям «Жыццё знакамітых людзей Беларусі» и «Нашы героі», ибо также будет рассказывать о лучших людях нашей страны. Именно таким человеком является Александр Алпеев — генеральный директор основанного им Международного гуманитарно-экономического института. Ныне это одно из крупнейших частных высших учебных учреждений Беларуси. Документально-художественная повесть не случайно имеет подзаголовок «История жизни»: Александр Руднев и Андрей Юренев прослеживают жизненный путь своего героя, начиная с детства, которое прошло в деревне Рудня Житковичского района, по сегодняшний день. Рассматриваются все стороны его многогранной деятельности, в том числе и литературное творчество: А. Алпеев — автор нескольких книг публицистики и поэзии, многие его стихи положены на музыку известными композиторами. Дополнением к основному материалу являются свидетельства людей, которые хорошо знают Александра Николаевича или знали, как ушедший из жизни Герой России, легендарный разведчик в годы Великой Отечественной войны Иван Колос.

Алег САЛТУК. Дзве зары. Вершы. *Мн.: Мастацкая літаратура, 2011.*

Олег Салтук связал свою жизнь с родной ему Витебщиной. Как и в предыдущих книгах, в новом поэтическом сборнике «Дзве зары» он немало проникновенных строк посвятил красоте природы этого края. Не обойдена поэтом, конечно, и тема любви. В книгу вошли также и стихотворения, навеянные раздумьями о современной жизни, затрагиваются нравственные проблемы. О чем бы ни писал О. Салтук, он делает это профессионально, мастерски, оттачивая каждую строку, с желанием высказаться так, чтобы каждое стихотворение нашло отклик в сердце читателя.

Слуцк. Путешествие во времени. Фотоальбом.
Составитель Наталья Серик.
Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Этот прекрасный фотоальбом станет хорошим подарком не только для слутчан, но и для всех любителей истории, которые не прочь отдельные страницы прошлого увидеть визуально — через многочисленные старые фотоснимки, различные иллюстрации, которые в основном составляют содержание издания, появившегося благодаря усилиям сотрудников Слуцкого краеведческого музея и руководства Слуцкого сахарора-

финадного завода к 895-летию их родного города. К слову сказать, руководитель этого крупнейшего в нашей стране сахаропроизводящего предприятия Николай Прудник не впервые поддерживает важные издательские проекты. Что ж, есть чему у него поучиться. Хотелось бы, чтобы его добрые дела стали примером для руководителей других предприятий. Подобные замечательные альбомы, несомненно, могут появиться и в других белорусских городах.

Ірына ТУЛУПАВА.
Шчасце на парозе тваім. Проза.
Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Лауреат премии Белорусского союза журналистов «Золотое перо» Ирина Тулупова — выпускница факультета журналистики Белорусского государственного университета. Родилась она в Минске. Работала на Республиканском радио, в Государственном комитете Республики Беларусь по печати, в журнале «Гаспадыня», а ныне является редактором отдела публицистики еженедельника «Літаратура і мастацтва». «Шчасце на парозе тваім» — ее первая книга, состоящая из рассказов и мини-повести «Антось — пан Даманкевіч». Большинство произведений малого прозаического жанра — это, по сути, исповедь нашей современницы. В основном это рассказы нравственно-этической проблематики. В увлекательной мини-повести «Антось — пан Даманкевіч» в современность врываются отголоски прошлого, минувшее переплетается с настоящим. Теплым словом книгу Ирины Тулуповой напутствует в предисловии «Ці лёгка быць жанчынай?» известный писатель Генрих Далидович.

Василь СЛУЦКИЙ

t

Исцеление любовью

Первое мое знакомство с Наталией Костюченко состоялось через прочтение отдельных глав ее повести «Отзвуки молчания», которые на протяжении последних лет публиковал журнал «Нёман». Писательница рассказывала о себе. Рассказывала так искренне, так обнаженно-честно, что дух захватывало! До сих пор помню потрясающее воздействие некоторых эпизодов, которые вдруг призвали к ответу мою собственную совесть...

Чуть позже произошло наше личное знакомство. Сначала это был телефонный разговор — я услышала голос Наталии Николаевны. Очень теплый, мягкий, ласковый, может быть, даже осторожный, словно она боялась нечаянно задеть, причинить неудобство, ранить. Ее речь была неторопливой, чувствовалось, что тщательно обдумывалось каждое слово. Хотелось слушать, хотелось говорить...

Мы встретились в редакции журнала «Нёман», где Костюченко работала заведующей отделом прозы. Внимательный, пытливый, спокойный взгляд, в котором ни капли лукавства или кокетства. Неподдельный интерес к собеседнику и особенное, острое чутье на доброе, прекрасное, чистое...

Признаюсь, что я ждала публикацию повести Наталии Костюченко «Предательство» с предвкушением яркого впечатления. И не ошиблась! Прочитала один раз, увлеченно следуя за развитием сюжета, потом перечитала еще, наслаждаясь мастерством автора.

О чем же повесть? На первый взгляд, ответ кроется в названии — «Предательство». Но только ли об этом повествование на самом деле?

«*Я хочу попробовать написать о любви, рассказать о любви*», — сообщает нам автор в начале произведения, и далее мы становимся свидетелями зарождающегося первого девичьего чувства. *«Юное, особенное, неожиданное, волнующее... Потрясающее тебя до глубины души, удивляющее своей силой, первое чувство! На то, первое, не будет потом похожего никогда. По остроте, чистоте, искренности...»*

Почему-то сразу же в моей памяти возник образ Наташи Ростовой и ночь в Отрадном из романа «Война и мир» Льва Толстого. Может быть, потому, что автор повести тоже использует волшебство ночи для описания трогательного состояния героини в ожидании настоящей любви, *«когда тебе еще пятнадцать. И ты в волнении только начинаешь ощущать, до конца не осознавая, зарождающиеся перемены в тебе, во всей твоей внутренней сущности, перемены, которые как чудо, как некое ошеломляющее открытие уготавливает каждому без исключения природа».*

Не удержавшись, перелистываю роман классика мировой литературы:

«— Нет, ты посмотри, что за луна!.. Ах, какая прелесть! Ты поди сюда. Душечка, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки — туже, как можно туже, натужиться надо, — и полетела бы. Вот так!

— Полно, ты упадешь.

Послышалась борьба и недовольный голос Сони...»

Возвращаюсь к повести Наталии Костюченко:

«Уснуть долго не удавалось. Завораживала и не позволяла отвести от нее глаз перерезанная крестом оконной рамы светлеющая дрема уходящей ночи. В душе все еще ширились эмоции, хотелось поделиться впечатлениями, пошептаться. И мы не выдерживали, шептались, пока на той половине горницы разбуженный нами старший брат Тани, уже женатый и утративший интерес к подобным ночным бдениям, сердито не одергивал нас: «Девки! А ну-ка, не мешайте спать!»

Прошло полтора века после выхода в свет сочинения графа Л. Н. Толстого, но в жизни чувств мало что изменилось за это время. По-прежнему юные трепетные сердца, переполненные восторгом молодости и ожидания чуда любви, замирают в таинственной серебристой ночи. Это мы видим в повести Наталии Костюченко, о том же говорят разбуженные ею личные душевные воспоминания читателя...

Не могу утверждать, что каждый мальчик и юноша мечтает о принцессе (скорее всего, так и есть), но то, что каждая девочка ждет «принца на белом коне», уверена совершенно. Мало того, и каждый нормальный родитель желает своему чаду достойного спутника, а еще лучше такого, чтобы все ахнули: «Повезло же!» Но известно, что человек только предполагает, а Господь располагает. В реальной жизни все складывается совсем иначе, чем в сладких грезах.

«...Первый, кто смело, решительно и открыто подошел ко мне, оказался совсем не принцем. Меня, робкую и стеснительную, выбрал самый дерзкий в округе, условно судимый за драку пьяница и хулиган... «Ох, ты и попала, девочка. Он же бандит...» — сочувствовали мне», — рассказывает главная героиня произведения. Именно с этих слов, на мой взгляд, начинается завязка повести по замыслу автора. Но я беру на себя смелость высказать мнение, что образ Федора — парня «из самой последней на все деревни семьи», изгоя, — раскрывает одну из главных тем, ради которых было написано произведение. Мне хочется назвать ее «Гадкий утенок».

Предвидя возражения, спешу объяснить, что не согласна с тем, как обычно используется это выражение, заимствованное из сказки Г. Х. Андерсена. Чаще всего оно применяется для характеристики внешнего облика человека. Меня же с детства это очень удивляло: чем птенец-лебедь на самом деле так ужасен и гадок? Малыш с серым оперением ничуть не хуже любого утенка, цыпленка или страусенка! Данная метафора гораздо более к месту, когда речь идет о духовном содержании личности. Душа человека скрыта от любопытных взглядов, она прячется за внешним поведением, манерами, словами. А иной раз обречена носить на себе маску, придуманную и созданную мнением окружающих людей.

Не позавидуешь Федору, за которым по пятам идет нелестная молва. Бабушка предупреждает Наташу: «*Кажуть, что у них в хате даже кровати нема. На сене, застланным постилкой, спят, вместе с собаками. Ни коровы, ничога. Тольки горелочку попивают. То ж, моя внучка, — самые последние люди! Они у нас тутака недавно, с Украины переселились: Параска, яе мужик, двое сынов — один из них — твой, внучка, кавалер, — да дочка, самая меншая, Ленка. Говорать, у дитяти из обуви только резиновые галоши... Малая была, еще в школу не ходила, а уже у батьков выпить просила. Подойдет до стола и плачет: «Хочу горелки», — и, комкая в пальцах цветастый край своего фартука, глядя на меня, предупреждала: — Гляди ж, моя внучка, ото ж надхудших за них нема».*

Чем не «гадкий утенок»? Птенец, попавший в незнакомый птичий двор, чужак, не похожий на других, а потому и «гадкий» — «надхудших за них нема»! Кажется, что даже внешняя, физическая красота Федора теряется, блекнет от данной ему общественной характеристики. А ведь он рослый, плечистый,

«с крепкими кулаками и броской, какой-то не местной, то ли южно-украинской, то ли молдаванской внешностью». Но... *«чернявого парня обходили и боялись. Да и сам он держался особняком»*.

Мне хочется вспомнить и другую сказку, другого героя. Чудище, охранявшее «аленький цветочек» и тосковавшее об искренней любви нежной и чистой девушки, которая одна, только она одна могла превратить его в красавца-принца, каковым он и являлся на самом деле.

Так ведь и случилось с Федором! Его любовь к Наташе и ее ответное чувство, от которого вначале робкая и стеснительная девушка-подросток пыталась убежать, спрятаться, омыла от наносной грязи красивую душу Федора. Он оказался мужественным и открытым, заботливым и внимательным, надежным, умеющим любить и прощать.

Читатель вдруг в изумлении делает открытие: оказывается, у изгоя может быть такая прекрасная душа! Не это ли самое главное в повести?

И вновь беспокойно заворочалась моя совесть: я-то всегда ли видела живую душу в каждом человеке, с которым сталкивала меня жизнь? Не обидела ли кого? Не оскорбила ли непониманием, недооценкой, штампом недалекости, необразованности, невоспитанности из-за первого нелестного впечатления, из-за устоявшегося безжалостного мнения окружающих?

И все-таки автор назвала свою повесть «Предательство». Значит, именно эта тяжелая тема волновала ее больше всего. Что же за предательство свершается в данном произведении о любви? Нарушение верности? Измена? Классический треугольник? И да, и нет. То, о чем пишет Наталия Костюченко, гораздо сложнее. Она показывает читателю, как медленно и осторожно проскальзывает холодной змеей в душу сначала стыд, потом страх, которые рождают в дальнейшем предательство...

«И тогда, слушая бабушку, я вдруг поняла, догадалась о том, в чем не признавалась себе: встречаясь с Федором, я стыдилась его, как стыдятся плохих предков или родственников-преступников, и старалась, чтобы меня не увидели рядом с ним люди. Не потому ли перестала ходить в клуб? И вместе с моей душевной слабостью и трусостью зародилось и быстро начало набирать силу предательство, пусть пока еще не заметное, но настоящее».

Зародившись тогда и подкрепляемое далее логическими доводами умудренных жизнью, уважаемых и любимых матери, отца, тети, предательство выросло в измену. Героиня вышла замуж без любви, по житейскому расчету, по разогреваемому мнением окружающих (ох уж это мнение!) тщеславию. Она стала женой человека, который достиг определенных высот в карьере (доктор наук, преподаватель вуза), он не имел дурных привычек, был хорошо воспитан, к тому же по-своему любил свою избранницу. Хотя его решение жениться почему-то было похоже на выполнение очередного пункта долгосрочного плана: защититься, затем жениться, затем перебраться в Минск... Кандидатура в невесты молоденькой и красивой студентки-минчанки из приличной семьи вполне соответствовала требованиям успешного Павла. Сошлись два тщеславия, две гордыни, два греха, как два одноименных отрицательных полюса. Итогом стал развод. Иначе и быть не могло. Даже законы физики не позволили бы другого...

Но уже тогда Наташа начала понимать, нет, скорее догадываться, *«в какую муку может превратиться жизнь, если позволишь страстям прорвать плотину привычек, чистой совести и воли, если не устоишь, не убережешь себя от опасного раздвоения на доброе и злое в тебе»*.

Как тяжкое наказание за предательство обрушивается на главную героиню потеря нерожденного ребенка и непонятная специалистам болезнь, от которой она тает, превращается в тень. Кажется, что исцеление уже никогда не наступит. Но читатель ждет чуда, и оно приходит! Чистая, искренняя, лишенная мер-

кантильности, взаимная любовь врачует Наташу. Это любовь родной деревни, родной земли, о которой трогательно, как о близком человеке, пишет автор. *«В любую погоду, как в горячие дни, обжигая ступни, так в дождь и в холод, я ходила босиком, думая, а вернее, чувствуя, что таким образом, через соприкосновение, проникает в меня удивительная нежность родной земли. Целый год я тосковала по ней, увозя с собой в Минск в спичечных коробках ее малые пригоршни».*

Тогда, когда казалось, что мир рушится под ногами, у Наташи *«силы были только на то, чтобы оставаться в своей деревне, в своей Прудовице, и каждой еще живой клеточкой души, словно за спасительную соломинку, держаться за нее».* Но до полного выздоровления было еще далеко. Для победы над болезнью, вызванной душевными потрясениями, требовалась любовь человеческая, и не какая-нибудь, а та, первая, безоглядная любовь, когда-то исцелившая Федора, а теперь — его возлюбленную...

«Перемелется — мука будет!» — говорит наш мудрый народ, подразумевая, что мельница жизни, на жернова которой сыплются человеческие ошибки и страдания, превратит их в пышную муку драгоценного опыта, омытого слезами покаяния. Вот и Наташа, пройдя путь жестоких душевных испытаний, стала другой, закалилась духовно. Продолжая любить Федора, она больше не смогла пойти на сделку с совестью ради собственного иллюзорного счастья: не смогла переступить через другого человека — жену любимого, через судьбу его ребенка.

Мало того, теперь все свои поступки, всю свою дальнейшую жизнь главная героиня сверяет мерилом совести. Она никого ни в чем не винит, напротив, пытается оправдать, а судит только себя. Мрачная тень прошлого предательства до сих пор не дает покоя, и Наташе кажется, что она продолжает предавать. Вот и мужа Володю, которого роднила с Федором схожесть судьбы: отец — алкоголик, мать — без образования, сам выпивал и судим за драку, — и к которому героиня повести испытывала симпатию и сочувствие, она все-таки оставила. Ушла от него, считая, что больше не имеет права использовать его жизнь для собственного восхождения к успеху и славе. А может быть, снова — бросила, оставила, изменила, предала?!

Совесть... Совесть заставляет вопрошать: *«Какой след я оставила в душе каждого? Не машиной ли разрушения прошлась по их судьбам? Каждого из них я предала».*

Вслед за героиней произведения я готова повторить: *«Где они, те, на самом деле счастливые годы без душевных потрясений, сомнений и угрызений совести?»* Существуют ли они вообще? Да и является ли счастьем жизнь «без душевных потрясений, без сомнений и угрызений совести»? Ведь наша совесть — это глас Божий в нас, это любовь, а угрызения совести есть не что иное, как чувство покаяния и любви, без которых невозможно исцеление души.

Так случилось, что я читала повесть Наталии Костюченко в то время, когда Православная Церковь праздновала День всех Святых, в Беларуси просиявших. После утренней литургии священник обратился к прихожанам с проповедью о том, что мы — люди грешные, не святые, но данный факт не может и не должен оправдывать человека, мол, что с меня взять, я же не святой! Потому что каждый из нас обязан стремиться к святости, ведь желание человека стать лучше (не казаться, а стать!) для Бога значит так много, как для святого сама святость. И может быть, простятся нам многие грехи уже за то, что мы видели греховность свою и ужасались, и желали стать лучше...

Удивительно, как совпадает целительное воздействие на ум и сердце грешного человека слов проповеди священника и повести «Предательство», автором которой является смелая, искренняя и талантливая писательница Наталия Костюченко. Созданное ею произведение, как и вся наша жизнь, неожиданно и испытательно: кто я? зачем я? какой я? Без сомнения, эти вопросы волнуют любого

человека и заставляют сравнивать себя с другими, радоваться и огорчаться, обнаруживая в себе добро и зло.

К сожалению, в настоящее время наметилась нездоровая тенденция к разделению литературы на духовную и светскую — секулярную. Однако там, где нет духовности, нет и настоящей литературы! В книге «Десять веков русской литературы» Анатолия Юрьевича Козлова (СПб., 2010) я прочитала замечательные слова о том, что часто губительно, «отторгая светлый мир духовной истины, писатель в поиске «новых идей» погружается в бесконечные темные лабиринты психологических и нередко психоделических экспериментов. Там нет точного и ясного ответа ни на один вопрос бытия. Там множество ответов и множество выходов, кажущихся поначалу истинными — все сколько ни есть. А после бесконечных блужданий и опытов все начинает казаться ложью и неправдой. Писатель погружается во тьму, вместо того чтобы вести к свету». Но основной задачей литературы всегда был и есть поиск пути к истине и сама Истина как смысл и правда жизни!

Отрадно, что повесть «Предательство» Наталии Костюченко является прекрасным примером современной духовной литературы — это глубокая и бескомпромиссная исповедь, способная привести к очищению и свету не только главную героиню, но и благодарных читателей произведения.

Наталья РОДНАЯ

t

Авторы номера

ПЕЛЮШОНОК Юрий Анатольевич. Родился в 1957 г. в Минске. Окончил Белорусский институт физической культуры и медицинский факультет Тартуского университета. Автор книги «Strings For A Beatle Bass. The Beatles Generation In The USSR». В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

ЧИЖОВА Светлана Анатольевна. Родилась на Витебщине. Окончила юридический факультет Белорусского государственного университета. Поэтесса. Печаталась в коллективных сборниках «Свет в конце тоннеля», «Свята назаўжды», «Ход времени», «Со-бытие», «Сердцебиение», автор книг «Созерцание красоты», «Раньше шага», «Вектор любви», «Все дается по силам», «Сквозь сны», «Очаг молчания» и др. Живет в Полоцке.

ГОЛУБЕВА Наталья Александровна. Родилась в г. Осиповичи Могилевской области. Окончила историко-филологический факультет Гомельского государственного университета, аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС (Москва), стажировалась в Ягеллонском университете (Польша). Писатель, кандидат исторических наук. Автор исторических романов «Радимичи», «Земля непокоренная», «На перепутье двух дорог», остросюжетного военно-исторического романа «Камея «Салидат», книг «Миражи», «Судьбы изменчивые лики», «Белорусское зарубежье», «Сказки тетушки Руфь», поэтического сборника «Балтийская тетрадь», а также ряда научных работ, увидевших свет в России, Литве, Латвии и других странах Европы. Живет в Минске

СИВЕЦ Татьяна Николаевна. Родилась в Минске. Окончила факультет белорусской филологии и культуры Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка. Поэтесса, драматург, переводчица. Главный редактор журнала «Маладосць». Автор книг «Праляцець на вясёлцы», «Ліпеньская навальніца», «Таму, хто знойдзе...». Живет в Минске.

КАМЕЙША Казимир Викентьевич. Родился в 1943 г. в д. Малые Новинки Столбцовского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик, переводчик. Автор многих книг для взрослых и юных читателей. Лауреат Литературной премии имени Аркадия Кулешова. Живет в Минске.

СКОРИНКИН Андрей Владимирович. Родился в 1962 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького (Москва). Автор книг поэзии, вышедших в Москве и Минске: «Багряные сумерки», «Ночной певец», «Скорбный гость», «Альфа и Омега», «Потерянный рай» и др. Живет в Минске.

МАЛИШЕВСКИЙ Николай Николаевич. Родился в 1977 г. в Гродно. Окончил Гродненский государственный университет им. Янки Купалы и аспирантуру при Белорусском государственном университете. Кандидат политических наук. Публиковался в газетах «7 дней», «Рэспубліка», «Белорусская нива», журналах «Беларуская думка», «Нёман» и др. Живет в Минске.

ГЕССЕ Герман. Родился в 1877 г. в г. Кальв (Германия). Один год изучал теологию в Маульбронне. Швейцарский писатель и художник немецкого происхождения. Автор сборников стихов «Романтические песни», «Утешение ночи», романов «Демиан», «Сиддхартха», «Степной волк», «Игра в бисер» и др. Лауреат Нобелевской премии. Умер в 1962 году в Монтаньоле (Швейцария).

БУКОВСКИЙ Михал. Родился в 1949 г. в Познани. Окончил Университет экономики в Познани и Международный институт маркетинга в Кембридже. Поэт, прозаик, критик, переводчик. Автор нескольких книг, среди которых «Радушие облаков», «Есть такие места». С 1985 года живет и работает в Вене.